

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СЕРБИИ



**ВМЕСТЕ В СТОЛЕТИИ
КОНФЛИКТОВ.
РОССИЯ И СЕРБИЯ
В XX ВЕКЕ**

МОСКВА
2016

УДК 94
ББК 63
В 59

Редколлегия:

К.В. Никифоров (отв. редактор), *М. Белаяц, А.А. Силкин*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Юрий Петрович Анишаков*

кандидат исторических наук *Никита Сергеевич Гусев*

Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке.
В59 Сб. статей / Редколлегия: К.В. Никифоров (отв. редактор),
А.А. Силкин. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – 400 с.

ISBN 978–5–7576–0370–4

В сборнике представлены различные аспекты российско/советско – сербских/югославских отношений в XX в. Основное внимание уделено двум Мировым войнам, последствиям советско-югославского конфликта 1948 г. и югославскому кризису 1991–2001 гг.

УДК 94
ББК 63

ISBN 978–5–7576–0370–4

© Коллектив авторов, текст, 2016
© Институт славяноведения РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Никифоров К.В. От редактора 6

Вместо предисловия

Никифоров К.В. Отношение сербов к русским в XX в. 10

Первая мировая война

Кузьмичева Л.В. Сербская тема в императорском Доме Романовых в годы Первой мировой войны 32

Денда Д. Российский союзник на Балканах:
Сербская армия 1914–1918.
(численность, организация, структура, снаряжение) 57

Вишняков Я.В. «Черная рука» и Сербский добровольческий корпус 74

Тимофеев А.Ю. Оборона Сербии в 1914–1915 гг.
в контексте интересов России на Балканах:
стратегия, тактика, логистика 93

Каширин В.Б. «Не так страшен чёрт, как его малюют»: почему русская Ставка проглядела подготовку неприятельского наступления на Сербию осенью 1915 г. 107

Милорадович Г. Численность сербской армии на Салоникском фронте и добровольческое движение 1916–1918 гг. 127

Лобачева Ю.В. К столетию образования Югославянского комитета: российские документы и исследования 155

Историография и идеология: от Первой ко Второй мировой войне

- Шемякин А.Л.* Российская / русскоязычная историография о Сербии в Первой мировой войне (XXI в.)172
- Белаяц М.* Направления ревизии истории сербско-российских отношений: Первая и Вторая мировые войны.188
- Силкин А.А.* Югославский сектор КУНМЗ как «зеркало» советской действительности и прообраз титовской Югославии. 1925–1936 гг.207
- Ристович М.* Юго-Восточная Европа в нацистских планах «реорганизации Европы»231
- Гибианский Л.Я.* Сталин, Тито, Павелич при завершении разгрома гитлеровской Германии и ее европейских сателлитов: документы, противоречащие голословным версиям256
- Аникеев А.С.* Эволюция оценок советско-югославского конфликта 1948 г. на переговорах высших руководителей СССР и Югославии в 1950–1970-е годы279
- Едемский А.Б.* Значение событий 1961/62 г. для советско-югославского сближения первой половины 1960-х годов.300

Тернистый путь от конфликта к нормализации

- Кимура Каори.* Четыре совещания югославской политэмиграции в СССР и странах «народной демократии» и их роль в антититовской кампании в 1948–1954 гг.324
- Новосельцев Б.С.* Советско-югославские отношения после смещения Н.С. Хрущева и визит Й. Броза Тито в СССР в 1965 г.349

Югославский кризис 1991–2001 гг.

<i>Гуськова Е.Ю.</i> Русские батальоны в Хорватии, БиГ и Косове как фактор объективности в деятельности миротворческих сил на территории бывшей Югославии	364
<i>Руднева И.В.</i> Конфликт на территории бывшей Югославии глазами миротворцев (свидетельства российских миротворцев)	383
Сведения об авторах	398

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник имеет в своей основе доклады, прочитанные на конференции «Вместе в столетии конфликтов. Россия – Сербия. 1915–1945–1995», состоявшейся в Москве 7–8 сентября 2015 г. В более широком плане сборник базируется на многолетнем сотрудничестве московского Института славяноведения РАН и белградского Института новейшей истории Сербии.

Темой и конференции, и сборника стали российско-сербские отношения в XX в. Это столетие для обоих народов обещало очень многое, но в итоге стало временем несбыточных надежд и изгубленных иллюзий. Не только Россия, по известному выражению А.И. Солженицына, но и Сербия проиграла свой XX век. Отношения между двумя странами в этот век складывались по-разному, дважды тесный союз в пору Мировых войн оборачивался затем резким разрывом отношений. Но все-таки и в это проигранное ими столетие русские и сербы чаще были вместе, чем порознь.

Конечно, огромная Российская империя, будучи великой державой, и небольшая Сербия, ставшая независимой только в 1878 г., решали различные задачи. Однако при всей внешней исторической несхожести двух государств между ними в XX в. можно обнаружить гораздо больше общего, чем кажется на первый взгляд.

Так, после Первой мировой войны и Россия, и в особенно Сербия растворили свою государственность в новых более сложных образованиях – соответственно в СССР и Королевстве СХС. Но, конечно, почти абсолютную схожесть можно было наблюдать сразу после Второй мировой войны, когда в Югославии был создан режим по аналогии с Советским Со-

юзом. Правда, конфликт между Сталиным и Тито в 1948 г. и переход Югославии к самоуправлению, казалось бы, надолго развели две страны в разные стороны. В социалистической Югославии, по крайней мере, на официальном уровне господствовала убежденность в совершенно уникальном развитии страны, не имевшем ничего общего не только с западными странами, но и со странами так называемого «реального социализма». Жизнь показала, что это не совсем так. Во-первых, Югославия, несмотря ни на что, оставалась социалистической страной, а во-вторых, и с югославским самоуправлением не все так просто. Скажем даже, что реального самоуправления в Югославии никогда не существовало.

Тем не менее, самоуправление как лозунг стало отличительной характеристикой югославского эксперимента, по сути – первой попыткой реформирования в рамках «реального социализма». Здесь югославы были первопроходцами, хотя в отдаленном виде это напоминало уже полностью к тому времени забытые идеи новой экономической политики (НЭП), апробированные в СССР в 1920-х годах. Жизнь в Югославии, действительно, стала более сносной, чем в других социалистических странах. Своего рода пик самоуправленческого развития пришелся на 1964–1965 гг., когда в Югославии начали проводиться самые радикальные реформы в экономике.

Однако необходимо отметить, что это было и временем попыток преобразований в других европейских социалистических странах. В частности, именно тогда в СССР задумывалась реформа А. Косыгина. Подчеркнем, что с этого момента развитие Югославии, несмотря на все своеобразие, опять шло синхронно с остальным европейским социалистическим лагерем. Развивалось по одним и тем же законам и окончилось аналогичным – отказом от реальных реформ, застоем и крахом.

Случившиеся почти одновременно распады СССР и СФРЮ сопровождались особенно в Югославии кровавыми войнами. Последующее самостоятельное развитие России и Сербии также шло почти синхронно с новыми попытками догоняющей модернизации и многочисленными кризисами. Аналогичные процессы накладывали схожий отпечаток на жизнь людей. Сходной была и тяжесть испытаний, выпавшая на долю двух народов в XX в., о чем мы уже говорили.

Часть упомянутых вопросов нашла свое отражение в настоящем сборнике. Он начинается вводной статьей о представлениях сербов о русских. Эти представления складывались во многом именно в XX в., когда происходили массовые контакты представителей двух народов. Другие материалы сборника хронологически распределены по нескольким разделам. Понятно, что в работе, посвященной веку конфликтов, нельзя было обойтись без статей о двух Мировых войнах. Несколько большее место отведено сюжетам, связанным с Первой мировой войной. Сказывается все еще отмечаемый вековой юбилей этого грандиозного события, а еще больше то, что Первая мировая война, по мнению многих исследователей, стала матрицей для всего XX в. Много внимания уделено также различным зигзагам советско-югославских отношений после конфликта 1948 г. Наконец сборник завершает раздел, посвященный российскому участию в югославском кризисе. И это тоже не случайно, поскольку этот кризис в какой-то степени послужил матрицей уже для следующего XXI в. Особенно это справедливо, если говорить о складывании новой системы международной безопасности и международных отношений в целом.

Константин Никифоров

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

К.В. Никифоров

ОТНОШЕНИЕ СЕРБОВ К РУССКИМ В XX в.

О сербском отношении к русским, в том числе и в XX в., написано много. Интерес к России в Сербии не ослабевает. По подсчетам сербского историка Мирослава Йовановича, за первое десятилетие этого века о современной России в Сербии опубликовано как минимум 30 книг, а общее количество статей, в том числе и в Интернете, даже трудно сосчитать. Ничего подобного не наблюдалось в отношении США и других западных стран.

Причем, по словам М. Йовановича, авторы этих книг, как правило, не только не имели каких-либо специальных знаний о России и российской реальности, но часто не знали даже элементарных вещей. Таким образом, интерес к России во многом замешан на мифотворчестве, а не на рациональном знании. Большинство сербских авторов часто не видят особой разницы между Сербией и Россией: поучают последнюю, как надо было поступать в том или ином случае, в частности – более правильно проводить политику защиты Сербии¹.

Конечно, существует не только публицистика, но и историография. Основные научные труды последних лет принадлежат перу того же М. Йовановича. Назовем два из них: «Сербы о России и русских. От Елизаветы Петровны до Владимира Путина (1750–2010): Антология»² и «Сербы и русские. XII–XXI вв. (История отношений)»³.

И еще одно вступительное замечание. Понятно, что первоначально знакомство сербов с русскими и Россией происходило заочно – через книги или через рассказы вернувшихся домой путешественников. Однако гораздо сильнее на формирование образа русских воздействовало не это, не одиночные встречи, а массовые контакты. А такие массовые контакты

происходили прежде всего при совместном участии в войнах, других кризисных событиях, в том числе во время конфликтов XX в.

Сначала Первая мировая война и революция в России привели к тому, что около 40 тыс. русских беженцев оказались в Югославии, преимущественно в Сербии и особенно в Белграде. В результате весь межвоенный период жизнь сербов была тесно переплетена с русскими эмигрантами, которые оставили заметный след в сербской истории и культуре.

В противоположную сторону – из Сербии в Россию перемещение было чуть раньше и совершенно иных масштабов. Во время Первой мировой войны некоторые мобилизованные сербы из Австро-Венгрии, попав на Восточном фронте в плен, задержались затем в России, став, в частности, участниками революции и гражданской войны. Немного позже другим каналом сербского присутствия стала деятельность сербских (югославских) коммунистов по линии Коминтерна. Это нелегальное взаимодействие было достаточно долгосрочным, но априори не могло быть массовым.

Вторая мировая война привела к кратковременному, но вновь массовому контакту двух народов на сербской территории, когда осенью 1944 г. воины Красной Армии (в большинстве своем этнические русские) участвовали в освобождении Белграда и северо-восточной Сербии⁴.

Несколько лет после войны отношения двух стран были беспрецедентно тесными. В 1945–1948 гг. в югославской (и сербской прежде всего) культуре явно ощущалось советское присутствие: «повсюду продавались произведения советских писателей, между окончанием войны и июлем 1949 г. на сербохорватский язык были переведены 589 советских книг, в югославских кинотеатрах показывали сплошь советские фильмы, политические песни сочинялись с оглядкой на советские образцы, театральные сезоны открывались премьерами русских и советских пьес»⁵.

После разрыва отношений в 1948 г. некоторые граждане Югославии, включая и сербов, которые учились или пребывали в СССР с другими целями, не захотели возвращаться домой. Некоторые бежали в СССР из Югославии и других стран. Этих так называемых «информбюровцев» было примерно 5000 че-

ловек. Многие из них получили советское гражданство, пережились на русских и во многом обрусели⁶.

Смешанные браки случались и в дальнейшем. С конца 1950-х – начала 1960-х годов Югославию затронула так называемая «брачная волна» эмиграции, когда после смерти Сталина произошла нормализация отношений между двумя странами и были разрешены браки между гражданами СССР и иностранцами. Но в основном эта волна эмиграции проявилась намного позже, в конце советского периода и затронула советских (русских) женщин, вышедших замуж за учившихся в России сербов и уехавших с ними в Югославию⁷.

Еще больший размах этот процесс получил в 1990-е годы во время югославского кризиса и антисербских санкций. Тогда в России работали десятки тысяч сербов, главным образом строителей. Это был пик сербского присутствия в России, сопоставимый по численности с межвоенной русской диаспорой в Сербии. Массовое присутствие в России молодых сербских мужчин не могло не привести к увеличению количества смешанных браков.

Наконец, в годы югославского кризиса (1991–2001 гг.) на стороне сербов воевали сотни русских добровольцев. Тогда же в бывшей Югославии с миротворческой миссией побывали тысячи российских военнослужащих и полицейских⁸.

* * *

Принято считать, что из всех славянских и балканских народов именно сербы настроены наиболее русофильски. И в основе такого отношения лежат помощь России при освобождении Сербии от османского ига. Старые идеалистические представления с течением времени никуда не исчезли, благодаря чему русофильство стало даже частью сербского национального самосознания («Бог на небе, Россия на земле»).

Однако не все, конечно, так просто. Во-первых, русско-сербские (советско-югославские, но тоже понимаемые преимущественно как русско-сербские) отношения не всегда были безоблачными. Это в полной мере справедливо и для XX в. Известно, например, категорическое неприятие большевизма королем Александром Карагеоргиевичем, когда между Югославией и Советским Союзом не было даже дип-

ломатических отношений. Следующий период испорченных отношений был связан с уже упоминавшимся конфликтом между Сталиным и Тито в 1948 г. И даже после нормализации отношений случались периоды их новых охлаждений. Наконец, официальная политика России в 1990-е годы, во время югославского кризиса многими в Сербии воспринималась негативно и даже как прямое предательство. Завышенные ожидания сербов от России и русских существовали всегда и никуда не исчезали.

Во-вторых, если в простом народе, прежде всего в сербском крестьянстве, из поколения в поколение воспроизводилось русофильство, то среди части политической и интеллектуальной элиты, особенно обучавшейся на Западе, регулярно возникали прозападные настроения. В результате с внешнеполитической повестки дня Сербии никогда не сходил вопрос о ее пророссийской или прозападной ориентации. Эта дилемма актуальна и в наши дни⁹. Так, современное сербское руководство, проводя политику интеграции в Евросоюз и заигрывания с НАТО, натолкнулось на протесты населения во многих городах Сербии.

В любом случае сегодня в Сербии можно встретить как искреннее русофильство, так и, правда, в меньших размерах – антирусские настроения и даже русофобию. М. Йованович считал, что эти два противоположных отношения к России с течением времени не только не сглаживаются, но еще более углубляются и радикализируются. Причем в обоих дискурсах эмоции преобладают над рациональностью («любить vs ненавидеть»), являясь частью внутренней политической и идеологической борьбы¹⁰. Кстати, и в России в 1990-е годы сербский вопрос во многом стал вопросом внутривнутриполитическим.

Проживший в Сербии два года россиянин о разделении сербов на русофобов и русофилов написал следующее: «К группе русофобов относятся, в первую и основную очередь, так называемые «западники», то есть люди считающие, что Сербия это часть Западного мира, и что антитезой Запада является Россия. Эта группа идеализирует Запад, в особенности ЕС. Россию же, сознательно демонизируют, наделяя ее всяческими пороками и недостатками. Как правило, эти люди отно-

сятся к ведущим слоям сербского общества. Они, в основном, образованы и относительно успешны».

«Группа русофилов состоит из двух неравнозначных частей. Первая группа, это собственно и есть русофилы, являющиеся такими в большей степени из-за религиозных и культурных соображений. Для таких людей характерно уважение к лучшим образцам российской национальной культуры и ощущение совместной православной идентичности. Таких людей немного. Эти люди имеют несравнимо малое влияние в сербском обществе в сравнении с русофобами. Их голос почти не слышан, а если иногда и бывает услышан, то только для того, что бы стать предметом для ироничных комментариев». Другая более многочисленная часть русофилов, «может быть отнесена к условным русофилам. Россия, по их мнению, должна взять на себя роль защитника Сербии и сербов, в различных значимых для них вопросах. Сама Россия как таковая, ее культура, самобытность, ее внутренняя жизнь, ее радости и проблемы таких людей волнует мало или не волнует совсем».

«Основную же часть сербского общества можно отнести к неопределившимся. По большому счету Россия для них далекая и безразличная, а так же малоинтересная страна, о которой известно не очень много, а большая часть из того, что известно, базируется на различных предрассудках и стереотипах». Есть также небольшая группа людей, «которые, не являясь ни русофобами, ни русофилами, стараются быть беспристрастными и объективными. К счастью и среди комментаторов СМИ, порой встречаются такие здравомыслящие и неангажированные люди».

«Касаясь отношения к русским, как к этносу, следует отметить, что оно так же подвержено влиянию различных предрассудков. Так, зачастую, по этим представлениям все русские мужчины, как есть, повально – алкоголики. А женщины России не отличаются высокой моралью и легко доступны»¹¹.

Мы привели такую большую цитату, поскольку при всей субъективности и даже нарочитом оппонировании общепринятому мнению, эти наблюдения зиждутся не на пустом месте, рациональное зерно в них, безусловно, есть. По крайней мере, они заставляют задуматься.

Повторим, что не только в отношении к России, но и в отношении к русским в Сербии существуют твердые мифологические конструкции, связанные с симпатией или антипатией отдельных лиц, их семей, окружающей среды. Чаще, конечно, эти мифы имеют положительную окраску. «Отец посадил меня на колени и рассказал о России» или «Дедушка завещал держаться русских», – и теперь можно услышать в неофициальных обсуждениях из уст многих граждан Сербии¹². Несколько лет назад автору этих строк белградский таксист, серб из Черногории, напевал, по его словам, любимую песню отца: «Плови патка, плови гуска, ова земља биће руска»¹³. Где еще можно такое услышать?

* * *

Теперь посмотрим подробнее, как упомянутые нами массовые контакты влияли на представления сербов о русских и России и что об этом думали сами русские.

Отношение к русским в годы Первой мировой войны было самым радушным. По свидетельству очевидца, среди сербских офицеров и солдат раздавались реплики: «Без руса мы бы пропали, без русского войника мы бы давно были швабами; Россия – нам мать», а на всякого русского они смотрели «приветливо и доброжелательно»¹⁴. Однако, как известно, Первая мировая война скорее завершала «долгий XIX век». И, по наблюдению М. Йовановича, эта война была пиком исторического развития связей двух народов. После нее в русско-сербских/сербско-русских отношениях начинается совершенно другая эпоха¹⁵.

Тем не менее, отношение к русским в военные годы распространилось и на спасавшихся после октябрьского переворота 1917 г. русских беженцев. Их тоже ожидал в Сербии самый радужный прием. Кроме традиционного русофильства, сказывалось и благодарность за помощь России во время Мировой войны. Особую симпатию к России и русским испытывал, как известно, воспитанник русского Пажеского корпуса король Югославии Александр Карагеоргиевич.

Радужный прием русских беженцев в Сербии бесспорен, это отмечают все – и очевидцы, и исследователи «первой волны» русской эмиграции. Так, например, русские беженцы со-

общали своему уполномоченному в Белграде С.Н. Палеологу: «Прежде всего следует отметить необыкновенно теплое, даже восторженное отношение сербов ко всем русским без различия. Первым партиям русских беженцев, приехавшим из Одессы, устраивались триумфальные встречи по всему пути их следования с участием высших представителей военных и гражданских властей и множеством народа, радостно приветствовавшего русских»¹⁶. Русские эмигранты из других европейских стран со стороны еще лучше видели разницу в размещении беженцев: «И хочется сказать несколько искренних слов русским людям в Югославии... Вы живете в стране, где так же любят Россию, как сами русские...»¹⁷. Появление русских беженцев, кроме радушия, вызвало сначала понятное любопытство. Затем к ним стали присматриваться. «Бросалась в глаза неприспособленность пришельцев к повседневной жизни, их нежелание прочно устроиться... Удивляли и пренебрежение беженцев к быту, их нарочитая вежливость и изысканность манер»¹⁸. Русские «держали свой статус, соблюдали свои обычаи: завтракали поздно, обедали в пять, пили вечерний чай, затем следовало вечернее чтение или собирались за карточным столом... На Рождество украшали елку, на которой обязательно висел подарок для каждого приглашенного гостя. Этот обычай украшения елок сербы приняли именно от русских эмигрантов»¹⁹.

Удивляло даже отношение русских к домашним животным. Русские охотно заводили собак и кошек, «подбирали их во дворах или на улице, кормили бездомных котят, возбуждая насмешку или недовольство соседей»²⁰. Многие сербы старшего поколения вспоминали, что привычку подкармливать бездомных собак и кошек они также восприняли от русских.

Особенно была заметна разница в поведении русских и сербов в провинции. Русские меняли даже сам облик мест, где они разместились. Разительные перемены произошли, в частности, в небольшом воеводинском городке Сремски-Карловцы, в котором расквартировалась основная часть штаба главнокомандующего Русской армии генерала П.Н. Врангеля²¹. По воспоминаниям очевидцев, «щеголеватые офицеры ... и балы навеивали дурман на все местечко, за ночь превратившееся в шумный военный табор. Первые долги госпо-

да погашали серебряными табакерками и фамильными драгоценностями. Русские их отдавали с аристократическим легкомыслием, кичливо и с некоторым пренебрежением к недоверчивым мещанам, перед таким богатством не способных скрыть свою ошеломленность и восторг»²².

И еще одно свидетельство сербской жительницы Сремски-Карловцы: «Здесь русские не общались с местным населением. У них был свой “клуб”. ... Там же располагалась и их большая библиотека с отборными книгами... Я себе часто задавала вопрос, как им удалось привезти эту уйму книг. ... Необходимо подчеркнуть, что наш народ не был хорошего мнения о семейной жизни русских. Мужей они видели под башмаком своих жен, а тех – ленивыми. Говорили: «”те“ отлеживаются, читают, командуют, а “эти“ готовят обед, совершают покупки, занимаются уборкой»²³.

В патриархальной, крестьянской Сербии русским женщинам, действительно, доставалось. Местное население делало вывод, что приехавшие к ним русские – «славные люди, только женщины у них дрянь. По целым дням вылеживаются на кроватях и диванах, жалуясь на мигрень. ... Однако мужья терпят и воркуют возле этих ипохондрических привередниц»²⁴. «Русских женщин упрекали в лени и чтении книг, в чрезмерном внимании к уходу за собой и своему туалету, а их супругов – за ведение домашнего хозяйства (работы “чисто женской”»²⁵.

Исследователь русской эмиграции на Балканах М. Йованович писал: «Реальная жизнь приводила к контактам двух во многом различных культур, менталитетов и привычек. Это было и своеобразной встречей людей севера с природной средой Юго-Восточной Европы и связанным с ней бытом, который многим был незнаком и чужд, так же как и многие другие обычаи и культурные особенности новой среды. Со своей стороны балканские народы столкнулись с людьми, у которых было другое восприятие пространства и времени, другое мировосприятие, иное отношение к детям, противоположному полу или собственному телу. Когда эмигранты и балканские общества оказались в реальном контакте, вскоре выяснилось, что у этих “других” почти все по-другому, от пространства и времени до привычек, миропонимания и культуры...»²⁶.

«Эта была встреча (а затем и совместное существование), – писал далее М. Йованович, – двух совершенно различных миров. Русского – в основном городского, который был представителем буржуазной культуры и исключительно высокого, по стандартам того времени, образовательного уровня (12–15% лиц имели высшее образование и 60–65% – среднее), и сельского балканского (около 80% населения проживало в деревнях) – в основном неграмотного (свыше 50% населения), все еще находившегося под сильным влиянием патриархальных, сельских культурных образцов поведения и традиций... Русский городской элемент оказался в мире сельских патриархальных Балкан...»²⁷.

Так или иначе, русским пришлось привыкать к сербской жизни, а сербам – к русским людям, «которые посреди патриархального балканского общества “купались в море посреди зимы”, иногда и “без соответствующих купальных костюмов”, которые даже “целовали женщинам руки” и “дарили цветы”, которые постоянно “пили чай”»²⁸.

Особенность межвоенной русской диаспоры в Сербии состояла в том, что она не стремилась к натурализации, веря в скорое возвращение домой, а затем – в особую миссию Зарубежной России. В этом было их отличие от сербских переселенцев XVIII в. в Российскую империю, которые в родственном окружении чрезвычайно быстро ассимилировались. Русские в Сербии все же были изгнанники, а не добровольные переселенцы. Более того, русские принимали специальные меры для сохранения своей идентичности, искусственной «закрытости». Как упоминалось, интеграции мешал и совершенно различный культурный уровень. Но с другой стороны, этот высокий уровень культуры у русских влиял «на само окружение, меняя, расширяя и развивая некоторые из местных доминантных культурных образцов и стандартов»²⁹.

Сербский этнолог Д. Дрляча видит причины известной особенности русских эмигрантов от сербов еще и в наличии в менталитете этих двух народов целого ряда несовпадений. К ним он причисляет, например, большую приверженность русских к религии; их тягу к литературе, живописи, музыке; преданность своему делу; большую эмансипированность русской женщины в семье и обществе, различия в статусе мужчин

у этих двух народов и т.д.³⁰ Впрочем, эти ментальные отличия, возможно, кроме религии, вполне вписываются в отмеченную выше разность культурного поведения у представителей двух народов в момент их встречи.

Некоторые несовпадения в отношении русских и сербов к религии отмечали многие. По заключению одного из летописцев русской эмиграции в Югославии В. Маевского, «сербы не привыкли к длинным службам и храмы посещали не особенно усердно; монашество у них было в упадке и монастыри все больше пустели. Вообще сербское православие не богато мистикой; оно какое-то практическое и есть в нем что-то привычное и формальное... Служат сербы в большинстве не достаточно проникновенно; еще того хуже поют, – конечно, на русский избалованный вкус... Но простой народ, хотя и реже ходит в церковь, службу знает лучше русских». Во всяком случае, делал вывод Маевский, церковный быт русский и сербский разительно друг от друга разнятся³¹. Маевскому вторит известная писательница Зинаида Гиппиус: «Сербское православие не совсем российское православие. Ниже или выше, хуже или лучше, – другой вопрос, но не такое: более бытовое и народное, более простое, а главное, – более веселое»³².

И еще немного об упоминавшемся пристрастии русских людей к чтению. Действительно, «оказавшись на чужбине, русские много читали. Местные поражались, откуда у пришельцев столько книг, толстых журналов, газет. А их, вопреки трудностям, выписывали из Берлина, Парижа, Риги, Шанхая... В русских домах постепенно создавались личные библиотеки»³³. Тяга русских к литературе, литературной деятельности не прошла незамеченной для сербов. Более того, возможно, именно эта черта новых соседей оказала на сербский образ жизни самое глубокое влияние. Известный сербский литературовед и автор одной из первых серьезных книг о русской эмиграции в Сербии О. Джурич отмечает, что русская интеллигенция своей деятельностью способствовало тому, чтобы литературно-культурная жизнь вошла в привычку у молодого еще бедного кадрами сербского общества. «На сербских просторах, где ... книга только начинала стремиться к своей высокой духовной планке, – пишет он, – русское преклонение перед письменным словом стало небесным даром. На домаш-

нем культурном небе оно пронеслось как яркий след кометы...»³⁴.

Однако постепенно идилия в русско-сербских отношениях стала исчезать. Русские стали надоедать. «В широких слоях сербского общества стали задумываться над вопросом о русских эмигрантах: правда, это были гости и братья, но все же неожиданные; к тому же их было много, и неизвестно, на сколько времени они прибыли». Сербь так и не поняли, «отчего русские люди с оружием в руках боролись с большевизмом и оставили свою богатую родину для великих испытаний на чужбине? ... они не желали слушать, что им говорили эмигранты, и потому последние просто казались им людьми несерьезными, по какому-то капризу ... покинувшими отечество». «Посуществу ... между сербским обществом и русской эмиграцией оказалось мало точек соприкосновения, мало общего». Иллюзии уходили вместе со старшим поколением. «Сербь среднего и молодого поколения не знали русских и не интересовались ими, а русские не знали сербов»³⁵.

«Русская эмиграция не давала себе труда спросить, что и как нужно делать и как вести себя в новой среде... При этом нужно отметить, что положение усугубляли представители русского беженского “бомонда”... Его представители, зачастую весьма неудачные, привезли воспоминания блистательного С.-Петербурга, немного ценных вещей и много высокомерия ... князь, графы и просто особы первых классов – слишком красочно рассказывали о своем богатом и привольном житье на родине, давая иногда довольно неделикатно понять, что делают большое одолжение сербам, пребывая в их обстановке. И сербь это заметили, позавидовали и обозлились, начав вскоре посмеиваться над русскими...». Появились даже анекдоты, статьи в газетах и передачи по радио о русских, которых высмеивали под собирательными именами «Сережи» и «Ниночки». «Но беспечный русский “бомонд”, ничего этого не замечая, продолжал свою жизнь эмигрантской богемы на барский лад. Правда, отсеялась и выделилась серьезная часть эмиграции, но она была очень занята и не бросалась в глаза»³⁶.

Отношение к русским в результате совместного проживания стало в лучшем случае нейтральным. Причем старшее поколение относилось к русским лучше, чем молодое, и по-пре-

жнему «даже с благосклонностью». Различалось отношение к русским и в разных слоях сербского общества. Как отмечал С.Н. Палеолог, «вне всякого упрека к нам относятся: высшее Правительство, духовенство, высшие классы интеллигенции и офицерства... Средний класс: городские жители и торговцы совершенно равнодушны к русским, смотрят на нас как на элемент, подлежащий эксплуатации, дерут с нас три шкуры (в особенности за комнаты)... Чувства симпатии ... явление почти исключительное. Селяки, с которыми нам мало приходится иметь дела, относятся к нам добродушно, но с искренним недоумением и постоянно спрашивают: “Зашто смо допутовали из России?”»³⁷.

Но все же постепенно русские привыкали к устоям и традициям сербов. Югославия становилась для них «все более близкой и дорогой». У второго поколения эмигрантов уже достаточно часто отмечались смешанные браки³⁸. В частности, в метрических книгах русского церковного прихода в г. Нови-Сад отмечено, что в период между двумя мировыми войнами было зарегистрировано 226 церковных браков, из них – 40% смешанных³⁹. Правда, смешанные браки у эмигрантов были обусловлены еще и ненормальным – 70 на 30% – соотношением между мужчинами и женщинами. Поэтому в эмигрантской среде наблюдался также исключительно большой процент лиц, не состоявших в браке – до 40%⁴⁰.

Тем не менее, русские так и не стали до конца своими. Настороженность по отношению к ним осталась. Как уже отмечалось, отчасти в этом были повинны и сами русские – своим образом жизни и своим поведением. Они продолжали ощущать себя в Югославии инородным телом. «Парадоксально, что такое ощущение с течением времени усиливалось, вместо того, чтобы в процессе обживания постепенно ослабнуть и уменьшиться»⁴¹.

После начала Второй мировой войны и оккупации Сербии отношение местного населения к русским резко испортилось. Прежде всего это произошло из-за того, что многие эмигранты пошли служить в организованный немцами «Русский охранный корпус». В результате русские «стали объектами физических и вербальных нападений». По стране даже «прокатилась волна убийств русских эмигрантов». «Взаимопони-

мание между русскими эмигрантами и сербским населением становилось с каждым днем все более прозрачным. “Батюшка Сталин” и “Красная Армия” вызывали полностью противоположную реакцию у значительных масс сербского населения и убежденных антикоммунистов из рядов русской эмиграции»⁴².

Еще один массовый контакт сербов с совсем другими русскими – советскими гражданами – произошел, как уже упоминалось, при освобождении Восточной Сербии Красной армией осенью 1944 г. Причем, как пишет автор подробного исследования о «русском факторе» в Югославии в годы Второй мировой войны А.Ю. Тимофеев, «поведение советского солдата в Сербии осенью 1944 г. и отношение к нему местного населения оказали в дальнейшем исключительное влияние на формирование стереотипов друг о друге»⁴³.

Вновь, как и в годы Первой мировой войны, практически все советские участники освободительных боев запомнили радужие и гостеприимство сербского населения. В частности, едва советские солдаты появились в Белграде, их сразу бросились обнимать местные жители. Очевидец вспоминал: «В руках цветы, флажки. Обнимают солдат, зовут в гости, забыли, что освобождение города только началось. И так было везде: часто на одном конце улицы еще идет бой, а на другом конце, уже освобожденном, ... счастливые люди обнимают бойцов-освободителей»⁴⁴.

Теплыми и сердечными были встречи советских воинов во всех сербских селах и населенных пунктах на пути следования Красной армии. Еще более дружеские чувства проявляли товарищи по оружию – титовские партизаны. Довольно быстро красноармейцы и партизаны сблизились еще теснее, «чему способствовало неофициальное общение в форме коллективных пьянок». Это стало уже опасным и вызвало острую реакцию политорганов Красной армии⁴⁵.

Сербы ожидали Красную армию как свою освободительницу. Особое восхищение вызывала у них «многочисленная и мощная советская бронетехника». Вместе с тем солдаты были измотаны боями. «Форма и сами красноармейцы выглядели достаточно бедно». И это разочаровывало сербское население. Очевидцы вспоминали, что красноармейцы «ос-

тавили печальное и крайне тяжелое впечатление. Ужасно плохо одеты и обуты». Сербь смотрели с сожалением и на неумеренно пьющих русских. Отдельные военнослужащие совершали криминальные и антисоциальные поступки. Горький привкус от всего этого не мог, однако, изменить общую «радость освобождения от немцев, принесенного бойцами Красной армии»⁴⁶.

В годы войны случилась и значительно меньшая по масштабам «вторая волна» русской эмиграции, которую составили так называемые «ДР» или «насильственно перемещенные». Она затронула и русско-сербские отношения. В данном случае это были угнанные на работу в Германию советские девушки, некоторые из которых сошлись в неволе с югославскими мужчинами и вернулись затем не в СССР, а отправились с мужьями в Югославию, ставшую для них новой родиной. По некоторым данным, их было не менее 200 человек⁴⁷.

Следующая «брачная волна» эмигрантов, вернее – эмигранток, была связана с приездом в СССР югославских, в том числе и сербских, мужчин – сначала на учебу, а затем и на работу. Они женились на русских и уже вместе с ними возвращались на родину. Эту волну эмигранток, вероятно, следует разделить на две части. Первая – с конца 1950-х и до конца 1970-х годов, когда, особенно вначале, выход замуж за иностранца и отъезд в Югославию был сопряжен с рядом трудностей, чреват неприятностями на работе или в вузе, беседами с предупреждениями и т.п. Однако «увенчанные ореолом романтических героев» югославские юноши привлекали внимание «таких же романтически настроенных россиянок, в основном студенток и интеллектуалок разных профессий». Более поздняя волна эмигранток была обусловлена уже скорее экономическими причинами⁴⁸. И таким образом, она стала составной частью «третьей волны» русской эмиграции.

Представительница «романтического поколения» россиянок, на долю которых выпали все зигзаги в советско-югославских отношениях, В.П. Девич-Романова пишет, что «нас встретили очень доброжелательно и с готовностью помогали нам, особенно люди, не отягощенные политическими “линиями”». Постепенно мы получили работу, добросовестно трудились, несмотря на трудности материального и морального

характера, и порою в какой-то степени ощутимую подозрительность»⁴⁹. По ее же подсчетам, таких россиянок, как она, было не менее трехсот человек⁵⁰.

О самой последней брачной волне эмиграции, обусловленной прежде всего экономическими причинами, относительно привлекательностью Югославии по сравнению с брежневским и постбрежневским Советским Союзом, известно совсем мало. Больше известно о русских, вышедших замуж за сербов в последние два десятилетия, когда даже экономический фактор остался в прошлом. Однако в силу заметно выросшей сербской диаспоры в России браки между двумя народами продолжились, и вновь обнаружилось отмеченные ранее проблемы. Вновь в русско-сербских отношениях сказывалась разница в менталитетах, тем более что городские русские девушки обычно выходили замуж за простых строителей, зачастую выходцев из сельской местности. Но и в городах сербский быт казался россиянкам более патриархальным, они жаловались, что сербские мужчины часто воспринимали их всего лишь как кухарок, домохозяек, домработниц.

Делами в семье часто заправляла «авторитарная мамаша» мужа, которой все не так и не эдак и которой «сынуля боится сказать слово поперек, даже если она не права». И даже, когда молодые жили отдельно, мамы бегали к взрослым сыновьям с кастрюльками еды. В то же время среди сербов, по мнению россиянок, сложно было найти разнеженного парня, скорее большая их часть – это немного грубоватые мужчины с жестким характером. Попытки русских жен добиться более независимого положения, подводили сербов к выводу о том, что русские девушки – необыкновенные, образованные, хорошо воспитанные, красивые, но, к сожалению, у них «тяжелый характер», они часто ищут только тех, кто бы их обеспечивал. Кроме того, у них есть еще один недостаток – они требуют много внимания и времени. Словом, повторялись претензии, предъявляемые еще русским эмигранткам межвоенного периода.

Отношения между людьми в Сербии казались русским женам более открытыми, простыми, даже грубоватыми – с обращением на «ты» даже к незнакомым, с обилием мата в разговоре, что воспринимается как норма. Но, с другой стороны,

люди – доброжелательные, меньше хамства, даже незнакомые люди на улице или в магазине приветливы друг к другу. И наоборот, в России сербы поражались, насколько неприветливыми были посторонние люди, в транспорте, в магазине, в кафе и насколько люди – теплые, душевные и радушные, когда тыходишь в круг их общения. «Чужие – замкнутые и заносчивые, а свои – добрые и отзывчивые»⁵¹.

Еще один достаточно массовый и длительный контакт сербов с русскими произошел, как уже отмечалось, во времена югославского кризиса 1991–2001 гг. Конечно, он не идет ни в какое сравнение ни с «первой волной» белой эмиграции, ни с памятью о воинах-освободителях из Красной армии, ни с женской «брачной волной», но все же и он не прошел бесследно.

Многие добровольцы в качестве самого сильного впечатления о Сербии вновь называли исчезнувшее и даже граничащее с иррациональностью русофильство сербов. В частности, один из первых добровольцев, житель Самары Ю.М. Хамкин пишет, что не понимает, за что сербы «нас так уважают. Если мы их где-то поддерживаем, они говорят: “Нас с руссами 300 миллионов!” Если предаем, как сейчас, они вздыхают: “Бог высоко, рус далеко. Бог не слышит, рус не чувствует”»⁵².

О.В. Валецкий, прошедший, наверное, на Балканах времени больше других добровольцев и написавший об этом больше других⁵³, замечает, что среди сербов «встречал к себе весьма благожелательное отношение». И в то же время, по его мнению, «с сербами русским воевать было тяжело: слишком много было отличий во всем», кроме того сербы были склонны «с одной стороны к эйфории и самонадеянности, а с другой стороны – к потребительскому отношению даже к тем, кто стремится им помочь»⁵⁴.

Полицейский наблюдатель в Республике Сербская Краина в Хорватии Б.К. Ракитин вспоминает первую встречу в сербском монастыре: «Встретили нас как родных людей, вернувшихся домой из дальнего путешествия». И далее: «На сербских территориях наша национальность была дополнительным пропуском и защитой»⁵⁵.

Конечно, русских всегда очень подкупало такое отношение сербов к себе. «Вот именно за это я и люблю сербов – за то, что

они нас и нашу родину любят больше нас самих, и это трогает до глубины души»⁵⁶. Часто русские даже испытывают от этого неловкость: «Такое отношение к русским, безусловно, невероятно льстит, а порой даже и смущает. ...не оставляет ощущение, что не заслужили мы этого.. Не такие мы хорошие, как здесь любят думать....в самом деле, видя такую любовь и преданность, становится как-то неловко»⁵⁷

Некоторые из русских добровольцев остались в Сербии, женившись на сербах и пополнив ряды русских или россиян, постоянно проживающих в этой стране. Впрочем, их было совсем немного, и их семьи коренным образом отличались от других смешанных брачных пар, которые образовывались главным образом за счет русских женщин, выходявших замуж за сербов, работавших в России.

Сейчас на территории Сербии, по последним данным, проживает более 2,5 тыс. жителей, считающих себя русскими. На территории Республики Сербской – еще 370 человек. И даже эта немногочисленная русская диаспора очень неоднородна – есть сохранившие русский язык совсем немногочисленные потомки эмигрантов первой волны, есть недавние переселенцы из различных регионов России и СНГ⁵⁸.

При этом мы оставляем за скобками русско-сербских отношений русскую диаспору в Черногории. Скажем лишь, что по некоторым данным, сегодня постоянно проживающих в Черногории россиян – около 10 тыс., собственников жилья – до 20 тыс. Однако это уже не эмиграция, а чаще всего – жизнь на два дома, на две «локации». Уже выходят первые серьезные работы по изучению этого нового явления⁵⁹.

* * *

Классик современной сербской историографии академик С. Чиркович писал, что «русское влияние на сербскую культуру, самосознание и понимание сербами своего места в мире было непрерывным на протяжении всего XIX в. Россия для Сербии и сербов являлась непересыхающим источником идей самого широко спектра – от крайне консервативных до открыто революционных. ... И на протяжении всего XX в. и в сложной ситуации начала нынешнего столетия тесные связи, плодотворное взаимодействие русской и сербской культуры являются

важнейшим фактором развития сербского народа»⁶⁰.

Но и на бытовом уровне Россия и русские постоянно присутствуют в сербской ментальности. Многие сербы старшего поколения с удовольствием вспомнят своего русского учителя гимназии, более младшего поколения – какого-нибудь русского, знакомого родителей, или другого русского, встреченного где-нибудь на жизненном пути. Д. Дрляча пишет, что «по праву можно утверждать, что у каждого серба был или есть какой-нибудь “свой” русский, что большинство сербов знакомо хотя бы с несколькими русскими. Русские были и остаются неотъемлемой частью нашей жизни, воспоминаний, обязательной темой разговоров. Они оставили глубокий след в сербской среде, может быть, как раз потому, что они (несмотря на родство с нами) все-таки – иные, и так близки и так далеки»⁶¹.

Несмотря на все перипетии XX и первое десятилетие уже следующего XXI в., сербское русофильство никуда не делось. Опросы общественного мнения в Сербии в 2010 г. показали, что сербы из народов «большой восьмерки» лучше всего относятся именно к русским. По шкале от -5 до +5 только русские имеют в сербском представлении значительный плюс. (Хуже всего сербы относятся к американцам и англичанам. Чуть лучше – к французам, но и они оцениваются со знаком минус. В то же время итальянцы и японцы имеют небольшой плюс)⁶².

И пусть чувства двух народов не всегда имеют под собой рациональное основание. Взаимная идеализация, несомненно, существует, как существуют и взаимные обиды. Но без этого и не бывает настоящей любви.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Jovanović M.* Dve Rusije: o dva dominantna diskursa Rusije u srpskoj javnosti // *Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka.* Beograd, 2010. S. 13–14.

² *Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010).* Антологија / приредио М. Јовановић. Београд, 2011.

³ *Јовановић М.* Срби и Руси. 12–21 век. (Историја односа). Београд, 2012.

⁴ Подробнее см.: *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010.

⁵ *Зуттан А.* Югославская культурная политика в эпоху Тито // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. М., 2016. С. 478. О советском культурном влиянии в Югославии после Второй мировой войны подробнее см.: *Милорадовић Г.* Лепота под надзором: советски културни утицаји у Југославији. 1945–1955. Београд, 2012.

⁶ См., например: Из Югославии в СССР или непридуманные истории из жизни одного поколения. СПб., 2009.

⁷ *Дрляча Д., Каиуба М.С., Мартынова М.Ю.* Русские в Сербии как исторический и социально-культурный феномен // Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006. С. 81–82, 107–109.

⁸ См., например: Наши миротворцы на Балканах. М., 2007.

⁹ Обзор литературы по этой проблеме см., например: *Калоева Е.Б.* Сербия между Востоком и Западом // Современная Россия в оценках восточноевропейцев. М., 2009. С. 126–139. См. также: *Мировић Д.* Запад или Русија. Београд, 2004.

¹⁰ *Јовановић М.* О «две Русије» у српском друштву или Русија «за унутрашњу употребу»: слика Другог као идентитетско самодефинисање, // Срби о Русији и Русима. С. 20, 35.

¹¹ <http://maxpark.com/user/sergmalinin/content/370749>

¹² *Титошејевић А.* Mitovi o Rusiji i dinamika razvoja ruskih spoljnopoličkih odnosa na Zapadnom Balkanu // Odnosi Rusije i Srbije na početku XX veka. Beograd, 2010. S. 20.

¹³ «Плывет утка, плывет гусыня, эта земля будет русской» – серб.

¹⁴ *Астрамов Б.* В тылу полей кровавых (Сербия и Болгария). Пг., 1916. Стр. 19–33 // Русские о Сербии и сербах. Е. 1. Письма, статьи, мемуары. СПб, 2006. С. 599–600.

¹⁵ *Јовановић М.* Срби и Руси. С. 155.

¹⁶ Цит. по: *Јовановић М.* «Русской песне тесно под южным небом. Ей нужно пространство, высокое небо...». Образ Балкан в восприятии русских беженцев (1920–1940) // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 258.

¹⁷ Цит. по: *Он же.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005. С. 204.

¹⁸ *Арсеньев А.Б.* У излуцины Дуная. М., 1999. С. 154.

¹⁹ Цит. по: *Косић В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. М., 2007. Часть I. С. 26.

²⁰ *Арсеньев А.Б.* У излуцины Дуная. С. 161.

²¹ См. подробнее: *Никифоров К.В.* Последняя воля барона Врангеля // Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие),

договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М., 2016. С. 250–260.

²² *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Сремских Карловцах // Русские в Сербии. Взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX века. Русская эмиграция в Сербии. Россияне в Сербии – последние 60 лет и сегодня. Белград, 2009. С. 156.

²³ *Он же.* Русская эмиграция в Сремских Карловцах. С. 158–159.

²⁴ Там же. С. 156.

²⁵ *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная. М., 1999. С. 154.

²⁶ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. С. 211.

²⁷ Там же. С. 194–195.

²⁸ Там же. С. 217.

²⁹ Там же. С. 222.

³⁰ *Дрляча Д., Кашиба М.С., Мартынова М.Ю.* Указ. соч. С. 102–103.

³¹ *Маевский В.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 166–167.

³² Цит. по: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. М., 216.

³³ *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная. С. 159.

³⁴ *Ђурић О.* Руска литерарна Србија. 1920–1941. (Писци, кружоци и издања). Београд, 1990. С. 271.

³⁵ *Маевский В.* Указ. соч. С. 12–14.

³⁶ Там же. С. 68–71.

³⁷ «Почему мы приехали из России?» – серб. См.: *Йованович М.* Указ. соч. С. 216.

³⁸ *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная. С. 165.

³⁹ *Он же.* Русская колония в Нови-Саде // Русские в Сербии. С. 172

⁴⁰ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. С. 401.

⁴¹ Белоэмиграција у Југославији. 1918–1941. Београд, 2006. Т. I. С. 111.

⁴² *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010. С. 27–28.

⁴³ Там же. С. 246.

⁴⁴ Там же. С. 320.

⁴⁵ *Тимофеев А.Ю.* Военнослужащие Красной армии и население Сербии: опыт взаимовосприятия // Человек на Балканах глазами русских. С. 277, 293–294.

⁴⁶ Там же. С. 299–300, 305.

⁴⁷ *Девич-Романова В.П.* Третья волна россиян в Югославии – Сербии (конец 50-х – 70-е гг.) // Русские в Сербии. С. 316–317.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 318.

⁵⁰ Там же. С. 319.

⁵¹ См., например: www.balkantravel.ru/forum/5/2219.html; www.datingadvice.ru/marriageser.html.

⁵² *Хамкин Ю.М.* Поезжай и умри за Сербию. (Заметки добровольца). Самара, б.г. С. 196.

⁵³ *Валецкий О.В.* Югославская война. 1991–1995. М., 2011.

⁵⁴ Цит. по. *Энгельгардт Г.Н.* «Местное общество», политики и военные в балканских войнах 1990-х гг., глазами русского наблюдателя // Человек на Балканах глазами русских. С. 327, 335–336.

⁵⁵ *Ракитин Б.К.* Воспоминания о чужой войне // Наши миротворцы на Балканах. М., 2007. С. 71, 75.

⁵⁶ <http://vladimir-chub.livejournal.com/74725.html>

⁵⁷ <http://www.yaplakal.com/forum1/topic829913.html>

⁵⁸ *Дрляча Д., Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.* Указ. соч. С. 81–82, 107–109; <http://love-no-frontie.livejournal.com/10761.html>.

⁵⁹ *Радойичич Д.* Миграция русских в Черногорию в начале XXI-го века // Европейская интеграция и культурное многообразие. В 3 ч. М., 2009. Ч. 1. Идентичность и миграции. С. 135–150.

⁶⁰ *Чиркович С.М.* История сербов. М., 2009. С. XIII.

⁶¹ *Дрляча Д., Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.* Указ. соч. С. 109.

⁶² Vesti B 92 za 05.10.10.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Л.В. Кузьмичева

СЕРБСКАЯ ТЕМА В ИМПЕРАТОРСКОМ
ДОМЕ РОМАНОВЫХ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Отношения России и Сербии в целом в годы Первой мировой войны не раз являлись предметом анализа как российских, так и сербских ученых. В последние годы этой проблематикой занимались в Сербии Никола Попович¹, Сава Живанов², Александр Растович³ и другие. Проблема эта затрагивается и в фундаментальных исследованиях признанных знатоков истории международных отношений Милорада Экмечича, Михайло Войводича и др. В нашей стране этой теме много внимания уделил Ю.А. Писарев⁴. 100-летний юбилей способствовал просто взрыву публикаций по проблемам Первой мировой войны. Появились уже и работы, оспаривающие выводы некоторых трудов из этой недавней лавины интерпретаций войны⁵. Вопрос о мере ответственности воюющих сторон за то, что не удалось избежать войны, в том числе и вопрос об ответственности Сербии и России, был поставлен еще в годы войны⁶ и продолжает оставаться дискуссионным⁷.

Главными событиями тесно связанными с участием России в Первой мировой войне являются крушение Российской империи, падение самодержавного строя, физическая ликвидация династии Романовых. Они станут, безусловно, темой многих конференций в ближайшие годы в связи со столетием великой российской катастрофы.

Представляется чрезвычайно важным в связи с этим мнение современного сербского исследователя Милоша Ковича: «История русско-сербских связей, культурного обмена, даров принятых и принесенных в ответ, своей кульминации достигла именно в 1914 году. Ибо, зная какой ценой Россия, Нико-

лай II, его семья и династия заплатили за вступление в Первую мировую войну, неоспоримое академическое утверждение, что она это сделала не только из-за Сербии, но как великая держава, преследующая свои собственные интересы, абсолютно теряет значение. Сербам после этого остается самим ответить на простой вопрос: когда-либо хоть одна страна обязала их настолько, насколько Россия в том 1914 году?»⁸.

Безусловно, крушение династии Романовых было вызвано как внешними, так и внутренними проблемами. Доменик Ливен, как и многие другие историки утверждает, что «Российская империя проиграла войну не потому, что ее армия потерпела поражение, а потому что обрушился ее внутренний фронт»⁹. Он считает, что «консервативные советники, которые предупреждали Николая II, что только авторитарное полицейское государство может удержать это общество от распада и сохранить существование имущих классов, оказались не так уж далеки от истины»¹⁰. Сторонник неизбежности краха русского самодержавия Эрик Хобсбаум в своем аналитическом исследовании «короткого двадцатого века» заявлял, что революция была в России неизбежна, независимо от того началась бы война или нет, и «что эта революция свергнет в России царизм»¹¹. Нам это утверждение представляется не бесспорным.

Однако задача настоящей статьи более скромная – остановиться на некоторых сюжетах, отражающих междинастические связи Романовых и Карагеоргиевичей в годы Первой мировой войны.

Сербия и Россия в годы Первой мировой войны связаны были не только общим врагом, союзными обязательствами, но и особыми отношениями между сербской правящей династией Карагеоргиевичей и императорским Домом Романовых. Карагеоргиевичи официально правили в Сербии в молодом сербском княжестве, находившемся в вассальной зависимости от Османской империи, с 1842 по 1858 гг., а затем почти полвека находились в изгнании. До 1903 гг. в Сербии правила династия Обреновичей – главный соперник Карагеоргиевичей. После кровавого переворота 29 мая 1903 г., в результате которого были убиты сербский король Александр Обренович и его жена королева Драга, к власти в Сербии вернулась династия

Карагеоргиевичей во главе с королем Петром, уступившим через семь лет бразды правления страной своему второму сыну принцу регенту Александру. Сербский престолонаследник был хорошо знаком царской семье, он вместе со своим старшим братом Георгием учился в Петербурге, его тетушки, сестры его рано умершей матери черногорской принцессы Зорки, занимали при дворе Романовых высокое положение. Эти знаменитые «черногорки» Милица и Стана Романовы были замужем за великими князьями из династии Романовых – братьями Петром Николаевичем и Николаем Николаевичем (младшим).

Русский император Николай II с симпатией относился к сербскому королю Петру Карагеоргиевичу и его семье. Когда в 1910 г. сербский престолонаследник Александр тяжело заболел, российский император был искренне огорчен и обеспокоен¹².

Не удивительно поэтому, что когда Александр Карагеоргиевич 11 июля 1914 г. прислал русскому царю телеграмму о характере австрийского ультиматума: «Среди условий находятся и такие, которые потребуют перемены в нашем законодательстве, и для сего нам необходимо время. Срок назначен слишком краткий. Австро-венгерская армия сосредотачивается около нашей границы и может нас атаковать по истечении срока. Мы не можем защищаться. Посему молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее... Мы твердо надеемся, что этот призыв найдет отклик в Его славянском и благородном сердце», то государь на это ответил 14 июля: «Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же, вопреки нашим искренним желаниям мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверенным в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии». Получив эту телеграмму в день объявления Австрией войны Сербии, Никола Пашич говорил взволнованно, сквозь слезы: «Господи, милостивый русский царь, какое утешение»¹³.

Россия выступила на стороне Сербии, и судьба обеих правящих династий зависела теперь от исхода войны. Возможный разгром Сербии со стороны превосходящих сил мощной Австро-Венгрии угрожал и самому существованию сербской правящей династии. Министр иностранных дел России Сазонов

в своих мемуарах утверждал, что одной из целей австрийской политики в ходе войны была замена династии Карагеоргиевичей на немецкую династию¹⁴.

Хорошо известно, что накануне войны Дом Романовых уже не был единым организмом, там царили интриги, создавались партии, зрел заговор против государя.

По-разному оценили члены Дома Романовых и решение императора вступить за Сербию. Характерно высказывание великого князя Александра Михайловича, мужа сестры государя императора Ксении. Шурин царя обвинял государя в том, что он следовал заветам своих отца и деда в деле поддержки и защиты южных славян: «Пятнадцать миллионов мирных русских крестьян должны были оставить в 1914 г. домашний очаг, потому что Александр II и Александр III считали необходимым защитить балканских славян от притязаний Австрии. Вступительные слова манифеста, изданного царем в день объявления войны, свидетельствовали о послушном сыне, распятом на кресте своей собственной лояльности.

“Верная своим историческим традициям, наша империя не может равнодушно смотреть на судьбу своих славянских братьев...” Трудно добиться большего нагромождения нелогичности на протяжении этой коротенькой фразы. Самая могущественная империя перестает быть таковой в тот момент, когда сентиментальная верность традициям прошлого отклоняется от победоносного шествия вперед»¹⁵.

Эту разницу в настроениях в Доме Романовых с изумлением увидел прибывший из Белграда в Петербург в апреле 1915 г. русский дипломат Штрандтман, во время завтрака у великих княгинь Марии Павловны и Викторией Федоровны: «Меня поражало отсутствие, во-первых, интереса к важнейшим вопросам фронта и, во-вторых, сознания серьезности тех событий, от которых зависело «быть или не быть»¹⁶.

Но в то же время заведующий Главной санитарной частью российских армий принц Александр Петрович Ольденбургский отнесся к сербским проблемам со всей серьезностью и, как пишет Штрандтман, «все заготовленные мною данные о нуждах сербской армии, а также и заготовленную обстоятельную записку, он принял охотно к сведению и обещал сделать все возможное “для доблестной Сербии”»¹⁷.

Оказавшиеся в эмиграции члены Дома Романовых в своих мемуарах пытались найти объяснение катастрофы, произошедшей с Россией в результате Первой мировой войны. Большинство мемуаристов Дома Романовых утверждают, что война явилась для них полной неожиданностью¹⁸. Великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях ответственность за начало войны возлагал на медлительность в решениях о поддержке Сербии правительствами Великобритании и США¹⁹. Позицию же российского императора он объясняет, наряду с традиционализмом его внешней политики, и верностью союзническим обязательствам: «Я застал Государя внешне спокойным, но глубоко проникнутым сознанием ответственности момента. Наверное, за все двадцать лет своего царствования он не слышал столько искренних криков «ура», как в эти дни. Наступившее, наконец, «единение Царя с народом» очень радовало его. Он говорил об этом искренно и просто. В разговоре со мною у него вырвалось признание, что он мог избежать войны, если бы решился изменить Франции и Сербии, но что этого он не хотел. Как ни был фатален и односторонен франко-русский союз, Россия хотела соблюсти принятые на себя обязательства»²⁰.

Неизменность этой союзнической позиции в отношении Сербии подтверждают все последующие действия российского императора, включая и его знаменитую телеграмму-ультиматум союзникам о необходимости спасения сербской армии зимой 1915–16 гг., измотанной и обескровленной страшным переходом через горы Черногории и Албании. Сострадание этой «сербской Голгофе» и сочувственное отношение к Сербии на фоне недоверия к черногорскому правителю нашло отражение и в письме от 7 января 1916 г. императрицы Александры Федоровны к мужу. В эти дни тяжелых испытаний сербского народа русская царица пишет: «Что скажешь о Черногории? Я не доверяю этому старому королю и боюсь, что он замыслил злое, так как он ничуть не внушает доверия и, главное, неблагодарен. Что сделали бедные сербские войска, которые пошли туда? Италия внушает мне отвращение своей трусостью, она легко могла бы спасти Черногорию»²¹. Такое мнение императрицы объясняется и ее неприязнью к своим прежним приятельницам – дочерям черногорского короля

русским великим княгиням Милице и Анастасии Романовым, младшая из которых не прочь была сама стать русской императрицей.

«Черногорки» вообще не пользовались большой любовью при русском дворе²². «В своих разговорах они были совершенно безответственны. Во время последнего приезда президента Пуанкаре в Петербург в июле 1914 г. Милица Николаевна напала самым нетактичным образом на Австро-Венгрию и заявила, что радуется предстоящей войне. Царь сделал ей тогда строгое замечание, но ничто не могло остановить «черногорок» от вмешательства в государственные дела и выступлений в ролях передатчиц пожеланий различных балканских интриганов»²³.

Императорская чета войну воспринимала как справедливую и способствующую оздоровлению общества. Государыня в письме мужу от 24 сентября 2014 г. отмечала: «Эта война подняла настроение, пробудила многие застоявшиеся мысли, внесла единство в чувства, это в моральном отношении – “здоровая война”»²⁴.

Это свое отношение к войне государь демонстрировал и во встречах с воинами Сербского добровольческого корпуса. Взволнованные воспоминания о встрече югославянских добровольцев с семьей государя летом 1916 года в Одессе оставил А. Трушнович. В разделе своих воспоминаний, озаглавленном «Русский царь принимает наш парад», он пишет: «Не успели мы опомниться, как Государь – уже перед нами. Улыбается, левой рукой натягивает поводья, правую подносит к козырьку и, слегка напрягая грудь, звучно нас приветствует: – Помози Бог, юнаци! Солдаты, вне себя от восторга, выкрикивают так, что дрожит земля:– Бог Ти помого! Царь улыбнулся и двинулся дальше. В автомобиле Государыня в белом платье и белой шляпе, рядом с ней и напротив – великие княжны. Где же наследник? Вот он, мальчик. Рядом с ним могучий чернобородый казак. Справа не умолкают крики “Бог ти помого!” – это славяне приветствуют Белого царя. Затем ритм приветствий меняется, и мы догадываемся, что Государь здороваается с русской конницей. Умолкли батальоны и дивизионы. Карьером несутся адъютанты, массы приходят в движение и выстраиваются в колонну поротно. Я на правом фланге первой роты. Перед нами чистое поле. Подъезжает командир нашего полка Попович,

усами, фигурой и доблестью напоминавший Тараса Бульбу. За ним командир нашего батальона Анджелкович. Шагах в трехстах – трибуна, перед ней Государь на коне [...] Более подробно я ничего не мог бы рассказать: прошло как сон. Помню лишь, что Государыня, глядя на нас, плакала. Отлегло, напряжение миновало, равнение сразу стало лучше, чем перед трибуной. Так всегда. Кончилось – теперь по казармам. Мы возбужденно и радостно обсуждаем чуткость русского царя, поздоровавшегося с нами по-сербски. Наш адъютант скачет к командиру полка, и они вместе спешат к трибуне. Что-то происходит.

– Русский царь хочет с нами говорить!

Дивизия построилась в каре. Офицеры стали перед фронтом своих батальонов.

Сегодня можно говорить и думать о русском царе и вообще о монархии разное. Но я пишу о том, что мы чувствовали тогда, и никто не вырвет это из наших сердец. Мы восприняли тогда русского царя как символ великого братства наших народов, как символ братской империи. И только в тот миг мы до конца осознали величие начатого нами дела. [...] Государь останавливает коня посередине. Тишина. Кажется, что люди не дышат. Взгляд случайно останавливается на бороде Государя. Ничего особенного, борода, как у многих русских. [...] Одежда на Государе русская, простая, и в простоте этой столько благородства! Не в сусальном золоте, с бесчисленными орденами и звездами предстал перед нами царь, а задумчивым и обремененным заботами человеком. Вспомнились многочисленные революционеры, проходившие через наши края, бравившие и бесчестившие его. С тех пор прошло двадцать лет; то, что говорил Государь, память не удержала дословно, но смысл речи и отдельные фразы из нее на всю жизнь запомнили все, бывшие тогда на Марсовом поле. Государь поздравил нас, первое славянское войско, готовое бороться вместе с братскими русскими войсками за свое освобождение от чужеземного ига.

– Никогда мои войска не были столь сильны, как сегодня. Они ждут только моего повеления, чтобы перейти Карпаты. И вы будете первыми, которые войдут вместе с моими войсками в ваши освобожденные края. Поздравляю вас с боевым походом под начальством храбрых сербских офицеров! Россия не забудет вашу жертву. Так оно и было: в 1916 году Русская

армия была сильна как никогда, у нее было достаточно вооружения, которого не хватало в 1914 году. Теперь на зарядных ящиках были надписи “Снарядов не жалеть!”. И, тем не менее, в 1917 году произошел переворот»²⁵.

Карагеоргиевичи и Романовы были связаны не только союзническими обязательствами, но еще и родственными узами. Летом 1911 г. в Петергофе состоялась свадьба дочери сербского короля Петра принцессы Елены и князя императорской крови Иоанна Константиновича Романова. Посаженым отцом на свадьбе был император Николай II.

Елена Петровна, носившая в России титул королевны Сербской, не была новичком при русском дворе, здесь она подолгу гостила у своих высокородных теток по матери великих княгинь Милицы и Станы Романовых. Поэтому не удивительно, что именно ее кандидатура была предложена в июне 1911 г. в качестве жены старшего сына великого князя Константина Константиновича – Иоанна Константиновича.

Брак сложился в результате хлопот отца жениха и теток невесты. 3 июня 1911 г. в Крыму, в Кореизе великий князь Константин Константинович беседовал со своей племянницей Марией Георгиевной, дочерью греческой королевы Ольги и ее мужем великим князем Георгием Михайловичем: «Иоанчику оч[ень] хочется жениться. Было бы лучше, если бы он полюбил кого-нибудь и потом уже женился. – Ждать когда подрастет Ольга Николаевна²⁶, – долго. – Останавливаемся на дочери короля Сербского Елене, которая лет 8 назад воспитывалась у Милицы, а с тех пор как Петр Карагеоргиевич стал королем, часто бывает у королевы Елены Итальянской. Королевне Сербской на 2 года больше, чем Иоанчику, но она православная и знает по-русски. Минулина²⁷ согласилась написать королеве Итальянской, сообщая ей наши предложения. Она читала свой черновик, который мы очень одобрили»²⁸. А уже 22 июня «Минулина прислала ответ, полученный ею от королевы Итальянской Елены. Она пишет, что очень рада намерению нашего Иоанчика познакомиться с ее сербской племянницей Еленой, и предлагает, чтобы он приехал в Турин, поблизости которого в *Rassonigi* король с королевой будут в июле. Из Турина он может прибыть к ним и незаметно познакомиться с королевной»²⁹.

9 июля 1911 г. «Иоанчик телеграфировал из Турина: “Нашел картину”. Согласно нашему условию, это означало, что королева ему понравилась». Тем же вечером «пришла телеграмма от Иоанчика из Rasconigi, куда он приглашен на несколько дней: “Купил бриллиант”. Это означало, что он сделал предложение и получил согласие. Мы сильно разволновались от большой радости»³⁰.

Жених отправился с визитом в Белград, где находился с 3 по 9 августа 1911 г.³¹ Король ежедневно обедал во дворце с будущим зятем³². 17 августа король Петр Карагеоргиевич с дочерью Еленой и сыном Александром выехали в Россию, где 21 августа 1911 г. в Петергофе и состоялась династическая свадьба³³.

Этот брак, заключенный по взаимной любви, имел и важный политический подтекст. Россия признавала равнородность династии Карагеоргиевичей, престиж которой был сильно подорван майским переворотом 1903 г., в подготовке которого обвиняли короля Петра. Россия и Сербия этим браком подтверждали братские, союзные отношения двух стран. Брак Елены Петровны и Иоанна Константиновича оказался на редкость счастливым. Молодые искренне любили друг друга. В этом браке родились двое детей – сын Всеволод в 1914 г. и дочь Екатерина в 1915 г. Всеволод Иоаннович был первым внуком короля Петра и считался реальным претендентом на императорскую корону в России вплоть до самой своей смерти в 1972 г. Штрандтман в своих воспоминаниях пишет, что рождению этого маленького Романова король чрезвычайно обрадовался. А российский посланник Гартвиг «обратил внимание короля на происхождение только что родившегося князя Всеволода, в крови которого течет кровь трех славянских династий – Романовых, Карагеоргиевичей и Негош Петровичей»³⁴.

Брачный союз представителей правящих династий Сербии и России имел чрезвычайно важное значение для укрепления сербо-русских междинастических связей. Заменяющий русского посланника Н.Г. Гартвига М.М. Бибииков доносил из Белграда о значении этого брака для развития русско-сербских отношений: «Теперь же, когда династия Карагеоргиевичей породнилась и Императорским Домом, не может быть и сомнения в том, что король Петр никогда не отклонится от полити-

ки тесного единения с Россией, и в Сербии нет такой партии, которая была бы достаточно сильна, чтобы проповедовать антирусскую и антидинастическую политику»³⁵

Елена Петровна, сербская принцесса, вошла в семью известного русского поэта и писателя, (писавшего под псевдонимом «К.Р.») крупного культурного деятеля, великого князя Константина Константиновича (1858–1915). Поэт и драматург, написавший несколько значительных драматических произведений и поэм, президент Академии наук, знаток музыки и хороший пианист, активно переписывавшийся с П.И. Чайковским, Великий князь Константин Константинович обладал большим авторитетом в научных, литературных и композиторских кругах. Он пользовался авторитетом и в раздираемой ссорами Императорской семье, где оставил по себе добрую память как глава большой и дружной семьи.

Действительно, семейное счастье Константина Константиновича служило предметом зависти многих его родственников. Но судьба этой семьи печальна: сам великий князь скончался в возрасте 57 лет в 1915 г. от сердечного приступа через полгода после смерти от ран своего любимого сына Олега, участвовавшего как четверо других его братьев в сражениях Первой мировой войны. Его второй сын Гавриил сумел эмигрировать из революционной России, но три его брата – Иоанн, Константин и Игорь были казнены большевиками в 1918 г. Смерть их была ужасной и мучительной. Они живыми были сброшены в шахту под Алапаевском, а затем заброшены гранатами. Из России сумела выбраться вдова Константина Константиновича с двумя младшими детьми – Верой и Георгием, а также невестка Елена Петровна со своими двумя детьми – Всеволодом³⁶ и Екатериной.

С началом Первой мировой войны на фронт отправились пять старших сыновей великого князя Константина Константиновича – Иоанн, Гавриил, Константин, Игорь и Олег и муж дочери Татианы Константин Александрович Багратион-Мухранский.

Великий князь Константин Константинович с тревогой следил за боевыми операциями российской армии, но не оставял он вниманием и родственную ему теперь Сербию. Он с радостью отмечает успехи сербской армии 5 августа 1914 г.:

«Сербы одержали блестящую победу: 3 австрийских пехотных полка уничтожены, у них взято 14 орудий. Австрийцы разбежались на три стороны»³⁷. Искренне беспокоится о будущей судьбе Сербии 11 ноября 1914 г.: «Сербия в отчаянном положении. Елена [Петровна] из письма брата Александра»³⁸ узнала, что у ее земляков истощился запас артиллерийских снарядов, в чем мы им помочь не можем. Так как у них французские пушки, а Франция скупится на помощь. Елена слышала от сербского посланника Спалайковича, что Сазонов склонен согласиться на захват Болгарией Македонии, которая, по словам Елены, должна бы неотъемлемо принадлежать частью Сербии, а частью Греции. Можно опасаться, что Австро-Венгрия задавит бедную истощенную Сербию»³⁹. Но уже 25 ноября получив от Елены Петровны записку о новых победах Сербии, восклицает: «Это ли не перст Божий! Сербия казалась на краю гибели»⁴⁰, а через два дня записывает: «Сербы взяли обратно Валиево, продолжают бить бегущих австрийков и забирают множество пленных, орудий, припасов и пр.»⁴¹. С особой теплотой пишет о своем внуке, маленьком Всеволоде, в жилах которого течет и сербская кровь⁴². Следует отметить, что его трезвый и взвешенный подход к происходящим событиям не поколебала даже трагическая гибель сына Олега. Он категорически не приемлет антигерманской истерии: «Меня раздражают газеты, затеянная в них травля немцев, издевательство над императором Вильгельмом и неизменные сообщения о германских зверствах [...] Издеваться над еще непобежденным врагом невеликодушно, неблагоприятно и неумно»⁴³.

Радость семейной жизни и материнства Елены Петровны омрачила Первая мировая война, в которой на одной стороне воевали Черногория, Сербия и Россия, а на другой Германия, Австро-Венгрия. Италия, королевой которой была ее родная любимая тетя Елена (Ела), нянчившая ее в детстве и утешавшая после смерти матери, колебалась до самой весны 1915 г. на чью сторону встать.

Елена Петровна активно включилась в дело помощи военнопленным и раненым. Под ее покровительством был создан фонд помощи сербским беженцам в России. В Государственном архиве Российской Федерации хранятся некоторые документы, свидетельствующие о неустанной работе этого фон-

да⁴⁴. Великая княгиня Мария Павловна подробно пописывает свою работу вместе с Еленой Петровной в полевых госпиталях Красного Креста в годы Первой мировой войны: «Принцесса Елена, сестра Сербского короля Александра, занялась организацией полевых госпиталей, содержание которых она и семья ее мужа предполагала взять на себя. Она предложила мне отправиться на фронт с одним из этих госпиталей, и я приняла ее предложение»⁴⁵. Медицинская часть, с которой они отправились на фронт, состояла из восьми медсестер, двух врачей, суперинтенданта, представителя Красного Креста и двадцати санитаров. «Наш поезд, – пишет Мария Павловна, – вез не только необходимые материалы для госпиталя, но и множество оборудования для работы в походных условиях – вагон-лазарет, полевые кухни, котлы, лошади, палатки. Елена взяла также свой автомобиль»⁴⁶. Мария Павловна рассказывает о работе Елены в госпитале, подчеркивает, что она уже обладала опытом военно-полевой медицины, поскольку работала в госпиталях в Сербии во время Балканских войн.

Под покровительством Елены Петровны был и Петроградский городской комитет по оказанию помощи Сербии, собравший только за 3 дня в конце февраля – начале марта 1916 года 71000 рублей.⁴⁷

Заботы на молодую женщину навалились тяжелые: маленькие дети, беспокойство о муже, который надел военную форму, горе и скорбь о потерях, которые несли воюющие страны. Ее отец и брат вынуждены были покинуть оккупированную Сербию и совершить тяжелейший переход вместе с остатками своей армии через горы Черногории и Албании. Сербская и черногорская армии разбиты. Ее дед и бабушка – королевская чета Черногории, ее отец и братья – покинули свои разоренные и опустошенные страны. И тут грянула Февральская революция. Прямо в канун февральских событий Елена последний раз виделась с государем императором и императрицей.

В своих воспоминаниях она пишет: «Во второй половине февраля 1917 года я возвращалась из поездки по южной России, где в Елизаветграде, Вознесенске и Одессе хотела встретиться с сербскими беженцами, которых война заставила искать убежище в России»⁴⁸. На обратном пути из Одессы я за-

ехала на Галицийский фронт и здесь в последний раз посетила свою больницу Красного Креста, а затем вернулась в Павловск.

Когда я приехала домой, я сообщила письмом одной из дочерей Императора, самой старшей, что я вернулась из поездки и попросила спросить Императора, когда бы он смог принять меня, потому что хотела поблагодарить его лично от имени сербской колонии юга России за всю ту великодушную помощь и все благодеяния, которые Его Величество постоянно и по любому случаю оказывал и оказывает сербам.

Я получила ответ 22 февраля по старому стилю. Государь пригласил меня на завтрак в своем дворце в Царском Селе. В то же время дочь царя сообщила мне, что Цесаревич наследник и одна из сестер больны корью, и спросила, не боюсь ли я прийти из-за своих детей. Несмотря на опасность заразить моих детей, мне не хотелось упускать этот случай увидеться с царем, – словно у меня было предчувствие, что я вижу его последний раз. Тем более, что царь редко приезжал в Царское Село, потому что постоянно находился на фронте...

Сначала я встретилась с царицей, и она попросила меня рассказать о моей поездке. Потом мы говорили о больницах, которые я посетила на фронте и т.д. ... В это время появился и царь. Я не видела его несколько месяцев. Мне показалось, что он очень изменился. Он очень постарел и выглядел очень озабоченным. Но его глаза сохранили все то же доброжелательное и ласковое выражение, которым он всегда отличался ... первые слова, с которыми он обратился ко мне, касались сербских беженцев. В нескольких словах я объяснила их положение и от их имени поблагодарила его за все доказательства его доброго к ним отношения, которые он постоянно им оказывал.

Потом я попросила его об ордене Св. Георгия для сербского офицера-добровольца Ловрича, который потерял оба глаза в бою. Он ответил, что обычно он не награждает крестом до того, как это решит Комитет кавалеров ордена Св. Георгия, но на этот раз сделает исключение... Во время завтрака он спросил об известиях из Салоник. Потом мы говорили о причинах катастрофы 1915 года, и я сказала, что главной причиной было предательское и подлое нападение Болгарии, на что он возбужденно воскликнул, что он этого болгарам никогда не простит».⁴⁹

Беспокойство о судьбе царя и его семьи после отречения заставило Елену Петровну обратиться к Спалайковичу в сербское посольство и искать там помощи и защиты для царской семьи⁵⁰.

Но и саму ее ждали в России, где революционная волна смела все, что было ей дорого и привычно, суровые испытания. В 1918 г. Елена разделила ссылку своего мужа в Алапаевск. Она единственная из сосланных членов императорской фамилии чудом избежала мученической смерти. Елене Петровне за месяц до Алапаевского убийства удалось уехать в Екатеринбург. Она просила разрешить ей ехать дальше, в Петроград, чтобы отыскать своих детей, которые были у бабушки, великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Чтобы получить пропуск, надо было ждать решения Москвы. В Екатеринбурге она узнала о переводе ее мужа и двух его братьев Игоря и Константина, а также и других алапаевских заключенных из семьи Романовых на тюремный режим. Она решила вернуться к мужу, но была арестована 7 июля 1918 г.⁵¹

Ей все же удалось в начале 1919 г. вырваться из России и воссоединиться в Швеции со свекровью и детьми. Немалую роль в освобождении Елены Петровны сыграл отправившейся вслед за ней на Урал и в Сибирь управляющий дворцом в Павловске Сергей Николаевич Смирнов. Он проявил при этом необыкновенное мужество, ибо эта поездка чуть не стоила ему жизни.

Занимаясь изучением династических связей Романовых и Карагеоргиевичей, и прежде всего заключением брачного союза сербской принцессы Елены Карагеоргиевич и русского князя императорской крови Иоанна Константиновича Романова⁵², я заинтересовалась личностью и деятельностью управляющего Двором в изгнании Елены Петровны Романовой – Сергеем Николаевичем Смирновым (1878–1958). Этот весьма незаурядный человек, оставил существенный след в культурной и научной жизни двух стран – России и Сербии. Это был придворный высокого ранга и одновременно талантливый инженер, архитектор, нумизмат, библиофил и археограф, историк искусства и активный общественный деятель.

Именно Смирнову доверили в семье великого князя увековечить память погибшего осенью 1914 г. Олега Константиновича. Безутешный отец отмечает в своем дневнике 5 октября

1914 г.: «Приехал по нашей просьбе всеми нами любимый инженер Серг. Ник. Смирнов. Мы хотим, согласно желанию Олега, выстроить над его могилой церквушку во имя преподобных князя Олега и Серафима Саровского. Смирнов охотно за это берется»⁵³. А когда смертельная болезнь не позволила великому князю выходить из дома, Смирнов сумел обустроить для него в Павловске маленькую домовую церковь⁵⁴.

Смирнов прожил долгую и плодотворную жизнь, значительная часть которой прошла на сербской земле, в Белграде.

Судьба личных фондов Смирнова прояснена еще не до конца. Часть документов дореволюционного периода хранится в его личном фонде в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга⁵⁵.

В последнее время ученые из Санкт-Петербурга начали изучать материалы этого фонда в контексте общественно-политической и культурной деятельности С.Н. Смирнова в дореволюционный период⁵⁶. Не исключено, что какая-то часть архива Смирнова находится в Уругвае, где он прожил последние годы своей жизни.

Однако, по-видимому, большая часть его личного фонда хранится в архивохранилищах Сербии. Прежде всего, это огромный, пока еще не разобранный и не описанный фонд С.Н. Смирнова, хранящийся в Народной библиотеке Сербии⁵⁷. В 2011 г., благодаря содействию профессора Философского факультета Белградского университета доктора Сузаны Раич и сотрудника Народной библиотеки Сербии Немани Калезича, которым я искренне признательна, мне удалось ознакомиться с частью материалов этого фонда. Значение хранящегося там колоссального собрания документов из фонда С.Н. Смирнова еще предстоит оценить. Фонд включает не только труды самого Сергея Николаевича, его обширную переписку, но и материалы, проливающие свет на многие до сих пор неясные сюжеты Первой мировой и гражданской войн. Хранятся здесь и мемуары русских эмигрантов, в том числе участников трагических событий революционной поры в России⁵⁸. Можно надеяться, что вскоре материалы этого бесценного фонда будут доступны исследователям. Об этом свидетельствует статья российской исследовательницы Юлии Станиславовны Гудович⁵⁹, которая входит в сербско-российскую группу по обработке

личного архива С.Н. Смирнова из собрания Народной библиотеки Сербии. Сотрудники этой библиотеки Оливера Стефанович и Ясмينا Ахметагич в двух небольших обзорах дали историю приобретения и общую характеристику фонда⁶⁰. Они сообщают, что фонд С.Н. Смирнова, хранящийся в их библиотеке, содержит приблизительно 5 тыс. единиц хранения, среди которых его дневники и мемуары. Мемуары, относящиеся к событиям 1917–1919 гг., были подготовлены автором к печати, но, по-видимому, так и не увидели свет. Часть официальных и личных бумаг Смирнова находится в Архиве Югославии в фонде № 74 (Двор Королевства Югославии)⁶¹, где сохранился огромный массив материалов, связанных со служебной, научной и творческой деятельностью С.Н. Смирнова.

С.Н. Смирнов был глубоко потрясен Алапаевской трагедией и позже издал об этих событиях в Париже на французском языке книгу «Autour de l'Assassinat des grands-ducs» («Вокруг убийства великих князей»)⁶².

Трагические события революции и убийство хозяина Павловска Иоанна Константиновича, семимесячное тюремное заключение самого С.Н. Смирнова сначала в Пермской губернской тюрьме (с 23 июля по 29 октября), а затем в московских тюрьмах до 28 февраля 1919 г. нашли отражение как в изданной в Париже книге, так и в его ответах во время Предварительного следствия 1919–1922 гг., проводимого в Париже комиссией по расследованию обстоятельств расстрела царской семьи судебным следователем по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколовым в г. Фонтенебло (Франция), куда Смирнов был вызван в качестве свидетеля. Вот как в протоколе допроса, опубликованном в «Российском архиве» в 1998 г.⁶³, С.Н. Смирнов изложил обстоятельства своих действий по спасению Елены Петровны в 1918 г.: «До переворота я был управляющим дворцовым городом Павловском и делами Его Высочества Князя Иоанна Константиновича и Ее Королевского Высочества Княгини Елены Петровны Сербской, супруги Князя Иоанна Константиновича.

В марте месяце Их Высочества по распоряжению Урицкого были высланы из Петрограда в Вятку, а затем в Екатеринбург.

Из Екатеринбурга по распоряжению Уральского областного совдепа они были высланы в Алапаевск. 20 июня я выехал из

Петрограда в Алапаевск, чтобы видеть Их Высочества для выяснения некоторых дел. 21 июня я прибыл в Вологду, где тогда находились союзные миссии, в том числе и сербская. Здесь я узнал от жены сербского посланника Сполайковича⁶⁴, бывшего в то время в Москве, что Княгиня Елена Петровна как раз в этот день прислала в посольство телеграмму, прося помочь ей проехать в Петроград к детям. Сама она находилась в то время в Екатеринбурге, откуда ее не выпускал областной совет⁶⁵.

Поражает мужество, с которым Елена Петровна Романова решила разделить судьбу мужа: «Как только Княгиня Елена Петровна узнала, что князь Иоанн Константинович переведен на тюремный режим, она сейчас же решила вернуться к мужу. Дети были у бабушки, как я говорил. Настойчиво желая вернуться к мужу, она тогда же выдала Белобородову расписку следующего содержания: «Я, гражданка Королевства Сербского Елена Петровна, по мужу Романова, желая разделить тюремный режим мужа, добровольно возвращаюсь в Алапаевск, где обязуюсь переносить тот же режим, принимая на себя все расходы по моему содержанию. Я обязуюсь не обращаться к защите иностранных посольств, а если таковые сделают шаги в мою пользу, я отказываюсь воспользоваться результатами этих шагов. Елена Петровна Романова Королевна Сербская»⁶⁶.

Однако поездка в Алапаевск не состоялась, ибо уже было принято решение об уничтожении всей царской семьи. 7 июля 1918 г. Елена Петровна, Смирнов и сербские офицеры были арестованы.

В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) мне удалось обнаружить следующий документ:

«15 июля [191]8

Представитель сербской миссии Божичич и гр. СМИРНОВ, явившись в областной Совет Урала в гор. Екатеринбурге и в категорической форме заявили, что разрешение на въезд в Петроград и Москву Елене Петровне Романовой со всеми гарантиями беспрепятственного проезда дан тов. Карахан и выразили свое недоумение по поводу неполучения до сих пор распоряжения Центра Областному Совету.

По наведению справок, это оказалось вымыслом.

Упомянутые лица были арестованы

Председатель Областного Совета»⁶⁷.

Сербская миссия подозревалась уральскими чекистами, и возможно небезосновательно, в попытке освобождения царской семьи из Ипатьевского дома, куда, якобы, им удалось проникнуть.

14 июля 1918 г. член Уральской Областной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией Горин опросил гражданина Божичич Милана, сербского подданного, фельдфебеля штаба 1-ой Сербской дивизии, состоящего на службе Сербской миссии в Москве, который показал следующее: «В Россию я приехал в 1916 году, в тот момент, когда формировались в Одессе наши 1-я и 2-я дивизии/ [...] В миссии я служил в качестве писаря. Жил неотлучно в Москве до 5 июня, когда мы, Мирко Мичич, Сергей Смирнов, Георг Аврамович и я выехали по приказанию Начальника Миссии полковника Лондкевича в Петроград по делам службы. Цель нашей поездки в Петроград, как нам говорил Посланник Сполайкович, заключалась в том, чтобы перевезти вещи, принадлежавшие Романовой Елене Петровне, из Мраморного дворца на частную квартиру. Но через два дня вслед за нами в Петроград прибыл Сполайкович, который запретил нам перевозить вещи и командировал в Екатеринбург, чтобы сопровождать Елену Петровну до Петрограда. В Екатеринбург мы прибыли 3 июля и майор Мичич обратился в Обласовет за разрешением проехать в Алапаевск, которое он и получил от тов. Белобородова. В воскресенье 6 июля мы были задержаны по неизвестным причинам и препровождены в Американские номера. Гр. Смирнова я знаю уже 10 лет – он жил в Белграде и работал в министерстве Путей сообщения»⁶⁸.

Фельдфебель Божичич солгал на допросе в ЧК, гражданин Смирнов не работал в Министерстве путей сообщения в Белграде, он был Управляющим (или губернатором как иногда его величают) дворцовым городом Павловском и делами Его Высочества Великого князя Иоанна Константиновича и Ее королевского Высочества Елены Петровны Сербской, супруги князя Иоанна Константиновича. Ложь фельдфебеля объяснялась просто: из всех арестованных в Екатеринбурге, причастных к Дому Романовых в живых остались только сербские подданные, все остальные были расстреляны, у Смирнова был фальшивый паспорт подданного Сербии. Сербской подданной представлялась

и Елена Петровна Романова, единственная дочь сербского короля Петра и сестра престолонаследника Александра.

Сама Елена Петровна на допросе в Уральской ЧК сообщила: «Со дня переворота я с мужем и другими его родственниками жили в Петрограде. В марте 1918 года нам предложили выехать из Петрограда, и место жительства предоставили нам выбрать самим – Вятка или Пермь. Мы 22 марта выехали в Вятку, где пробыли лишь один месяц, после чего Вятский совет предложил нам направиться в Екатеринбург. Пожив до 5 мая в Екатеринбурге мы были отправлены /в количестве семи человек/ Обласоветом в Алапаевск. В Алапаевске жили совершенно свободно, но недавно, приблизительно месяц тому назад всем нам предложили не выходить из отведенного нам дома и поставили к нему стражу.

5 июня я выехала из Алапаевска с разрешения Совета, чтобы посетить своих детей, которые находятся в Петрограде. Прибыв в Екатеринбург, я получила известия, что за мной послана Сербская миссия, и я решила ее дожидаться. Миссия прибыла в Екатеринбург 3 июля. Между тем получилось известие, что Михаил Романов бежал из Перми, и в связи с этим я узнала, что мой муж и родственники заключены в тюрьму. Тогда я решила не ездить в Петроград возвратиться в Алапаевск, чтобы разделить с мужем заключение. [...] Сама я дала подписку, что добровольно разделяю с мужем заключение. Выехать в назначенный день мы не успели, так как Комиссар станции усомнился в правильности документов и не пропустил нас»⁶⁹.

21 июля из Екатеринбурга они были отправлены в Пермскую тюрьму. Условия содержания в ней были ужасны. Смирнов рассказывал на следствии: «Положение наше было трагическое. С минуты на минуту мы все ждали смерти. Удалось нам спастись через двоюродную сестру моей жены Ольгу Иосифовну Палтову, проживавшую в Перми. Я написал ей о нашем положении через одного из надзирателей. Она, получив мое письмо, кинулась сейчас же в Петроград к секретарю сербского посольства Анастасевичу, оставшемуся в Петрограде для охраны архива посольства. Был отправлен курьер норвежского посольства в Москву к Ленину.

Мы были зачислены за всечека и 29 октября отправлены в Москву. Там мы сразу же попали к Петерсу. Елена Петровна

была 2 ноября отправлена в заключение в Кремль и была освобождена во второй половине декабря. 13 ноября был освобожден майор Мичич с солдатами. Я был освобожден 28 февраля 1919»⁷⁰. Любопытно то, как глава ВЧК Петерс объяснял, почему Елену Петровну не выпускают из России: «Мы вместе с Еленой Петровной были у Петерса. На вопрос Княгини, почему нас не отпускают, Петерс ответил: “Потому, что один ваш (сербский) батальон находится на Мурмане с союзниками”. Когда Княгиня сказала, что Сербия не станет воевать с Россией, Петерс ответил: “Да, это мы понимаем, что Сербия не нападет на Россию, но она все же и не оставляет наших бывших союзников”».⁷¹

Подробно всю эту эпопею Смирнов описал в своих мемуарах, хранящихся в Народной библиотеке Сербии⁷². Сотрудница этой библиотеки Ясмينا Ахметович так характеризует этот источник: «Мемуары Смирнова охватывают период с 7 июля 1918 до 28 февраля 1919 года. В течение этого времени Смирнов был в заключении в тюрьмах (Екатеринбург, Пермь, Москва) вместе с принцессой Еленой, дочерью Петра I Карагеоргиевича, с которой и приехал в Сербию. Она, в то время уже вдова князя Иоанна Константиновича Романова, получила разрешение поехать в Петроград к детям, а Смирнов был направлен в Екатеринбург сербским посланником Спалайковичем для ее сопровождения (в качестве «личного секретаря»). Скрыв свое русское происхождение, (в тюрьме он находился как «сербский подданный», с сербским паспортом), Смирнов избежал опасности выявления его связей с Двором, и тем самым избежал судьбы царской семьи... В тюрьме в Москве Смирнов понял, что против их «сербской миссии» обвинений не было, что все это время их держали в качестве заложников, судьба которых, все еще была неясна, и что будут с ними так обращаться до тех пор, «пока союзники будут наступать на Россию», а на самом деле до тех пор, пока не определится позиция Сербии по отношению к революционным переменам в России. Когда стало ясно, что Сербия не враждебная сторона, Смирнова выпустили на свободу только 28 февраля, после чего он уехал в Париж. До освобождения он вместе с принцессой провел шестнадцать дней в тюрьме в Екатеринбурге, четыре месяца в Перми 9 (с 23 июля 1918 г. по 28 октября того же года), а за-

тем, когда принцесса была отправлена в Кремль, Смирнов был помещен в тюрьму в Москве»⁷³.

После освобождения из тюремного заключения Елена Петровна уехала в Швецию, где ее ждала свекровь и дети, а оттуда вместе с детьми переехала к отцу и брату в Белград, а затем долго жила в Великобритании, где учились ее дети. Умерла она в 1962 г. во Франции.

Так тесно переплелись в годы Великой войны судьбы сербской и российской правящих династий, народов Сербии и России.

Но Сербия не забыла того, что Россия сделала для нее в тяжелые годы войны, и теперь уже она принимала русских эмигрантов, бежавших от ужаса революции и гражданской войны. Замечательно сказал об этом Иван Шмелев устами своей чудесной няни из Москвы: «Сироты, некому за нас вступиться: небо над нами, вода под нами – только и всего. Правда, не все заграничные такие. Сербушки вон пенсию нашим калекам положили, ихний царь так и указал: “Всех под крыло соберу, угрею”»⁷⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Поповић Н.Б.* Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977; *Он же.* Србија и царска Русија: 2. изд. Београд, 2007; *Он же.* Сербская историография о русско-сербских отношениях в ходе Первой мировой войны // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., 2010.

² *Živanov S.* Rusija i raskol Evrope: odnosi između evropskih sila pred Prvi svetski rat: od Berlinskog kongresa do početka rata (1878–1914). Beograd, 2005; *Живанов С.* Основи спољне политике Русије крајем 19. и почетком 20. века // Зборник Матице српске за историју. 71–72. Нови Сад, 2005; *Он же.* Русија у међународним кризама (1908–1914) // Зборник Матице српске за историју. 73. Нови Сад, 2006; *Он же.* Рад Руског царства. Sv. 1: Rusija u Prvom svetskom ratu. Beograd, 2007.

³ *Растовић А.* Енигма Извољски: дипломатско маневрисање у питању анексије // Зборник Матице српске за историју. 73. Нови Сад, 2006.

⁴ *Писарев Ю.А.* Тайны Первой Мировой войны: Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., Наука, 1990; *Писарев Ю.А., Мальков В.Л.* (отв. ред.) Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.

⁵ См.: *Белаяц М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015.

⁶ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М., МГУ. С. 405–421.

⁷ См., например, статьи в недавно вышедшем труде Института славяноведения РАН: *Субаев Р.Р.* Балканы и Weltpolitik: к вопросу о причинах Мировой войны // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Очерки истории. М., 2015. С. 20–36; *Шемякин А.Л.* Русский дипломат в Сербии о начале Первой мировой войны. (К дискуссии о ее «подстрекателях») // Там же. С. 37–51.

⁸ *Кович М.* Русско-сербские связи (1774–1914) // Русский некрополь: символ исторической дружбы. Белград, 2014. С. 33.

⁹ *Ливен Д.* Российская империя и её враги. М., 2007. С. 451.

¹⁰ Там же. С. 449–450.

¹¹ *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004. 666 с.

¹² Документи о спољној политици краљевине Србије. IV 3/I (1/14 јануар- 31 март/ 14 април 1911) и 3/II (1/14 априла -30/13 јули 1911). Београд, 2009. С. 164–165.

¹³ Цит. по: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. П. Мюнхен, 1949. С. 144.

¹⁴ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002. С. 197–198.

¹⁵ Великий Князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 173–174.

¹⁶ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 380–381.

¹⁷ Там же. С. 379.

¹⁸ Великий князь Кирилл Владимирович. Воспоминания. М., 2006. С. 164–165; Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Воспоминания. М., 2005. С. 212–213.

¹⁹ Великий князь Александр Михайлович... С. 246–247.

²⁰ Там же. С. 248.

²¹ Переписка Николая и Александры. М., 2013. С. 449.

²² Изучением жизни и деятельности черногорских принцесс в России плодотворно занимается молодая российская исследовательница Н.Г. Струнина-Бородина. См., например: *Струнина Н.Г.* Никола Петрович-Негош и его дочери – русские великие княгини Романовы // Черногорцы в России. М., 2011. С. 174–238.

²³ Великий князь Александр Михайлович... С. 142.

²⁴ Переписка Николая и Александры... С. 23.

²⁵ *Трушинович А.Р.* Воспоминания корниловца (1914–1934). М.-Франкфурт, 2004. С. 40–45.

²⁶ Старшая дочь императора Николая II.

²⁷ Так в домашнем кругу звали великую княгиню Марию Георгиевну.

²⁸ Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911–1915. М., 2013. С. 100.

²⁹ Там же. С. 109.

³⁰ Там же. С. 115.

³¹ См. подробнее: *Кузьмичева Л.В.* Семья великого князя Константина Константиновича Романова на балканских дорогах // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. Сб. статей. М., 2016. С. 219–233.

³² Архив Србије. ДК. Ф. V. Р. 6.

³³ *Кузьмичева Л.В.* Русское платье сербской принцессы. Свадьба Елены Карагеоргиевич и Иоанна Константиновича Романова // Родина. Март 2006. Спец. выпуск. Черногория и Россия.

³⁴ *Шtrandтман В.Н.* Указ. соч. С. 223–224.

³⁵ Архив внешней политики Российской империи. (АВПРИ). Ф. Политархив. 1911. Оп. 482. Д. 526. ЛЛ. 220–221.

³⁶ Всеволод Иоаннович (1914–1973) умер бездетным. Но до самой своей кончины стоял под первым номером в списке претендентов на титул главы Российского Императорского Дома в случае смерти Владимира Кирилловича.

³⁷ Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911–1915. М., 2013. С. 336.

³⁸ Сербский престолонаследник Александр Карагеоргиевич.

³⁹ Дневник великого князя Константина Константиновича... С. 367.

⁴⁰ Там же. С. 369–370.

⁴¹ Там же. С. 370.

⁴² Там же. С. 378.

⁴³ Там же. С. 364.

⁴⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 659. Д. 75, 77.

⁴⁵ Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. М., 2004. С. 144–162.

⁴⁶ Там же. С. 146.

⁴⁷ *Шевцова Г.И.* Русская медицинская и гуманитарная помощь Сербии в годы Первой мировой войны // Русский некрополь в Белграде. Символ исторической дружбы. Белград, 2014. С. 43.

⁴⁸ Эта деятельность Елены Петровны была отмечена и сербским правительством. На заседании Совета министров Сербии 6 февраля 1917 г. на о. Корфу была зачитана телеграмма сербского посланника Спалайковича о посещении княгиней Еленой сербских беженцев и детей в Одессе и Елизаветграде. Правительство объявило ей за это благодарность. (Записники седница Министарског Савета Србије. 1915–1918. Београд, 1976. С. 373–374.)

⁴⁹ Из мемуара кнегиње Јелене // Нови живот. II година. Хкњига. Београд, 1922. 33–40. (свеске 1–12, од 17 јуна до 2 септембра 1922 године). С. 34–35.

⁵⁰ Там же. С. 38–39.

⁵¹ Расследование цареубийства. Секретные документы. М., 1993. С. 252–253.

⁵² *Кузьмичева Л.В.* Русское платье сербской принцессы. Свадьба Елены Карагеоргиевич и Иоанна Константиновича Романова. // Родина. Март 2006. Спец. выпуск. Черногория и Россия; *Она же.* Балканские принцессы в семье европейских монархов (К вопросу о признаках равноудности черногорской и сербской династий) // Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах (последняя четверть XIX – начало XX вв.). СПб., 2007. С. 342–373; *Она же.* Представители Императорского Дома Романовых о Карагеоргиевичах и Петровичах // Нововековне Српске династије у мемоаристици. Београд. С. 261–284; *Она же.* Правящие династии Сербии и Черногории в восприятии представителей Дома Романовых в конце XIX- начале XX в. // Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX- начале XX в.): Сб. статей. СПб., 2009. С. 189–201.

⁵³ Дневник великого князя Константина Константиновича... С. 358.

⁵⁴ Там же. С. 386.

⁵⁵ ЦГИА СПб, Ф. 2185 Смирнов С.Н, 33 ед. хр., 1893–1917.

⁵⁶ *Журавская А.Н.* Сергей Николаевич Смирнов. Неизвестное об известном. (По материалам фонда С.Н. Смирнова в Историческом государственном архиве Санкт-Петербурга) <http://pavlovsk-spb.ru/upravlyaushie-pavlovskom/smirnov/>; *Раздобурдина Е.П.* С.Н. Смирнов – последний управляющий Павловска // Последние Романовы и императорские резиденции в конце XIX – начале XX века: матер.конф. СПб., 2009. С. 181–186; *Она же.* К биографии последнего управляющего Павловском С.Н. Смирнова (1877–1958). // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы (сборник статей) 2012 год -<http://www.konstantinpalace.ru/index.php?menu=20&id=51&lng=2&book=40>

⁵⁷ Национальная библиотека Сербии, Белград. Фонд Сергея Смирнова. Р. 699. (НБС Р. 699).

⁵⁸ См., например, одну из публикаций материалов, извлеченных из фонда Смирнова: *Ичин К.* Петроград в 1919 году в воспоминаниях Ольги Ивановны Вендрих // Русское зарубежье и славянский мир : сборник трудов / составитель Петр Буняк. Београд, : Славистичко друштво Србије, 2013. (Севојно :Графичар). С. 75–92.

⁵⁹ *Гудович Ю.С.* Инженер и археолог С.Н. Смирнов (1877–1958) на службе при дворе Карагеоргиевичей (к вопросу о вкладе русской

эмиграции в культуру и науку Югославии) // Руска дијаспора и изучавање руског језика и руске културе у инословенском и иностранном окружењу (Београд 1–2 јун 2011). Београд, 2012. С. 223–233.

⁶⁰ *Стефановић О.* Заоставштина Сергеја Смирнова у посебним фондовима Народне библиотеке Србије // Гласник народне Библиотеке Србије. Београд, 2000. № 1. С. 89–93; *Ахметовић Ј.* О мемоарима Сергеја Николаевича Смирнова // Гласник народне Библиотеке Србије. Београд, 2000. № 1. С. 95–99.

⁶¹ Архив Југославије (АЈ). Фонд 74 (Двор Краљевине Југославије).

⁶² *Autour de l'assassinat des grands-ducs. Ekaterinbourg, Alapaievsk, Perm, Pétrograd [Par] Serge Smirnov. Notes et souvenirs traduits du russe par Eugène et Marc Semenov. – Préf. de M. Spalaikovitich. Published 1928 by Rayot in Paris.* 281 p., nombreuses illustrations hors texte.

⁶³ Протокол допроса С. Н. Смирнова, 16 марта 1922 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. – М., 1998. С. 337–346. (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.; [Т.] VIII).

⁶⁴ Так в тексте.

⁶⁵ Там же. С. 337–338.

⁶⁶ Там же. С. 345–346.

⁶⁷ Государственный Архив Свердловской Области (ГАСО). Ф. 1913. Д. 16. Л. 173.

⁶⁸ ГАСО. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.; См. также: Россия и Романовы. Урал. Сборник материалов. Екатеринбург, 1993. С. 74–75.

⁶⁹ ГАСО. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.; См. также: Россия и Романовы. Урал. Сборник материалов. Екатеринбург, 1993. С. 71–72.

⁷⁰ Протокол допроса С. Н. Смирнова, 16 марта 1922 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. – М., 1998. – С. 337–346. (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.; [Т.] VIII). С. 342.

⁷¹ Там же. С. 346–347.

⁷² Текст рукописи Смирнова под редакцией и с комментариями-сербской исследовательницы Корнелии Ичин увидел свет в 2016 г в серии «Русская эмиграция в Сербии»: *Смирнов С.* В плену у цареубийц. Белград, 2016.

⁷³ *Ахметовић Ј.* Указ. соч. С. 96.

⁷⁴ *Шмелев И.С.* Няня из Москвы // Шмелев И.С. Неупиваемая чаша. Романы. Повести. Статьи. М., 1996. С. 322.

Далибор Денда

РОССИЙСКИЙ СОЮЗНИК НА БАЛКАНАХ: СЕРБСКАЯ АРМИЯ 1914–1918 гг. (ЧИСЛЕННОСТЬ, ОРГАНИЗАЦИЯ, СТРУКТУРА, СНАРЯЖЕНИЕ)

В период, предшествовавший эпохе войн 1912–1918 гг., сербское государство создало превосходную военную организацию, продемонстрировавшую свои качества во время Балканских войн и Первой мировой войны. Творцами профессиональной военной организации в Сербии стали король Милан Обренович и генерал, а позднее воевода Радомир Путник. Реформы, предпринятые первым в 80-е и 90-е гг. XIX в., заложили основы институтов, присущие современным армиям того времени. Второй, будучи начальником Генерального штаба, как никто другой способствовал развитию и модернизации вооруженных сил в 1903–1912 гг.¹

Особую роль в этом процессе сыграл офицерский корпус². Во время войны 1914–1918 гг. в Сербии на действительной военной службе состояло 3.712 кадровых офицеров: 43 офицера Генерального штаба, 2361 пехотный офицер, 268 кавалерийских, 689 артиллерийских, 126 инженерных, 11 артиллерийско-технических, 6 инженерно-технических, 100 военных медиков, 27 военных юристов и 66 офицеров военной жандармерии. Верхушку командного состава в 1914 г. представляли трое воевод и 12 кадровых генералов. К концу войны воевод стало 4, а генералов – 15. Таким образом, генералитет сербской армии, с учетом 4 генералов, находившихся в резерве, состоял из 23 человек. Наряду с перечисленными высшими чинами в армии имелись 141 полковник, 221 подполковник, 588 майоров, 698 капитанов I класса, 259 капитанов II класса, 788 поручиков, 997 подпоручиков и 5 прапорщиков. Из указанного числа 1697 офицеров окончили низшие классы Во-

енной академии, а остальные получили офицерские погоны по окончании военно-учебных заведений того же профиля за границей (главным образом российских военных училищ и австро-венгерских школ аналогичного ранга), а также в результате производства непосредственно в войсках – из унтер-офицеров, сдавших соответствующий экзамен, или проявивших личную доблесть в ходе боевых действий³.

Значительную роль в военной системе Сербии играли резервные офицеры, которыми становились студенты средних и высших учебных заведений. В результате все представители интеллектуальной элиты Королевства Сербия мужского пола оказывались частью офицерского корпуса. В резерве состояли и вышедшие на пенсию офицеры, а также недавние кадровые, которые по разным причинам оставили службу. В 1914–1918 гг. в сербской армии служило 6.725 резервных офицеров. В их число входили 4 генерала, 46 полковников, 31 подполковник, 250 майоров, 867 капитанов I класса, 1.086 капитанов II класса, 1.236 поручиков и 3.205 подпоручиков. Не считая генералов, резервный офицерский корпус Сербии состоял из 3 офицеров Генерального штаба, 5.292 пехотных, 350 кавалерийских, 486 артиллерийских, 251 инженерного, 6 артиллерийско-технических офицеров, 274 офицеров-медиков, 54 военных юристов и 5 резервных офицеров военной жандармерии⁴. Часть сербских резервных офицеров составляли добровольцы, а также военнопленные австро-венгерской армии – сербы, хорваты, словенцы; и, помимо них, чехи, словаки, русские, а также представители иных славянских народов. Главным образом, благодаря опыту, приобретенному в ходе Балканских войн, сербские резервные офицеры выросли в отличных командиров низших тактических подразделений (взводов и рот), с которыми по степени профессионализма не могли сравниться их коллеги из австро-венгерской армии.

Командный состав сербской армии также комплектовался за счет кадровых и резервных унтер-офицеров. Те либо заканчивали двухгодичные школы соответствующих родов войск, либо производились в унтер-офицеры в войсках – из капралов, оставшихся на сверхсрочную службу. Унтер-офицеры делились на младших унтер-офицеров, унтер-офицеров и старших унтер-офицеров (фельдфебелей). Обучали их

в унтер-офицерских школах соответствующих родов войск: пехотной в Белграде – с 1889 г., артиллерийской в Крагуеваце – с 1890 г., кавалерийской в Белграде – с 1899 г. и инженерной в Нише – с 1896 г. Унтер-офицеры отбирались и из выслуживших срок службы призывников, которые отправлялись на специальные пятимесячные курсы, организованные при полковых школах. В них преподавались почти все те же предметы, что и в обычных унтер-офицерских школах. Дальнейший профессиональный рост унтер-офицеров проходил уже непосредственно в воинских частях и в Зимних офицерских школах, открывавшихся на то время года, когда обучение новобранцев не производилось⁵. Благодаря столь серьезной подготовке кадровые унтер-офицеры сербской армии, по словам австро-венгерского военного атташе в Белграде майора генштаба Отто Гелинека, по степени образования, поведению и внешнему виду гораздо менее отличались от офицеров, чем от солдат. Нередко унтер-офицеры занимали и офицерскую должность командира взвода⁶. Резервными унтер-офицерами становились выпускники высших гимназий, высших реальных училищ, духовной семинарии, педагогических школ. Сдав соответствующий экзамен и став резервными младшими унтер-офицерами, они получали право на сокращенный срок службы в армии. С экзаменами кадровые и резервные офицеры, а также унтер-офицеры сталкивались каждый раз при производстве в следующий чин. Первые сдавали экзамен, чтобы стать подпоручиками, капитанами и майорами, а вторые – младшими унтер-офицерами и унтер-офицерами⁷.

Что касается обычных солдат, то всеобщая воинская повинность была введена в 1883 г. Все военнообязанные делились на первый, второй, третий призывы и части «последней обороны». Первому призыву подлежали все мужчины в возрасте от 21 до 31 года; второму – от 31 года до 38 лет; третьему – от 38 до 45 лет. «Последнюю линию оборону» надлежало удерживать мужчинам в возрасте от 18 до 21 года, а также от 45 до 50 лет включительно. Срок службы составлял два года. Студенты и единственные кормильцы семей служили от шести до девяти месяцев⁸.

Согласно военно-территориальному устройству, вся государственная территория Королевства Сербия в 1914 г. дели-

лась на 10 дивизионных областей. Однако в Первую мировую войны сербская армия вступила, не успев воспользоваться военными возможностями, которые появились после Балканских войн в результате образования новых областей: Ибарской, Косовской, Брегалницкой, Вардарской и Битольской. Большинство частей было сформировано в результате мобилизации, произведенной в старых дивизионных областях: Дунайской, Дринской, Моравской, Тимокской и Шумадийской. Действующую армию (I и II призывы) составляли 11 пехотных дивизий (шесть I призыва и пять II), одна кавалерийская дивизия, горный артиллерийский полк и соединение гаубичной артиллерии⁹.

Дивизия I призыва состояла из четырех пехотных полков (16 батальонов), одного полка полевой артиллерии (от 6 до 9 батарей – всего от 24 до 36 пушек) и одного кавалерийского полка (3 эскадрона). В ее составе также имелись пионерный полубатальон, отделение телеграфистов, тыловые части и службы. Штатная численность пехотных полков I призыва варьировалась от 4.421 до 4.453 человек. В полках скорострельной артиллерии служило 1.398 человек, в кавалерийских – 540, в дополнительных батальонах – по 585, а в остальных частях – около 3.000. Штатная численность дивизий I призыва военного времени составляла 25.313 человек – 20.500 винтовок и карабинов, 20 пулеметов, 36 пушек калибра 75 мм., 5.110 лошадей, 1.538 волов и 1.645 повозок¹⁰.

Дивизия II призыва состояла из трех пехотных полков (12 батальонов), одного дивизиона полевой артиллерии (от трех до шести батарей – от 12 до 24 орудий), одного кавалерийского дивизиона (два эскадрона)¹¹. Совокупная численность дивизии II призыва составляла 15.000 человек. Кавалерийская дивизия состояла из двух кавалерийских бригад, в которые входило по два полка (всего 16 эскадронов в дивизии), и дивизиона конной артиллерии (две батареи – 8 орудий)¹². Горно-артиллерийский полк имел 9 батарей (36 горных орудий), а гаубичная артиллерия – 15 батарей орудий калибра 120–150 мм. и мортирную батарею орудий калибра 150 мм.¹³

Оперативные вооруженные силы делились на три армии, «Ужицкое войско» и определенное количество отрядов. В начале войны в состав I армии входили Браничевский отряд (Ду-

найская дивизия II призыва, 3-й артиллерийский дивизион и 2-й пехотный полк III призыва), Дунайская дивизия I призыва, Тимокские дивизии I и II призывов и Моравская дивизия II призыва. Во II армию входили Моравская дивизия I призыва, Комбинированная дивизия I призыва и Шумадийская дивизия I призыва. Третью армию составляли Дринские дивизии I и II призывов, а «Ужицкое войско» – Шумадийская дивизия II призыва, Ужицкая бригада и Лимский отряд¹⁴. Кроме того были сформированы четыре четнических отряда (Златарский – под командованием майора Косты Тодоровича, Ядарский – майора Воина Поповича, Рудникский – майора Воислава Танкосича и Горнякский – майора Велимира Вемича), предназначенные для проведения диверсионно-разведывательных операций¹⁵.

В войска III призыва входило 15 полков (по четыре батальона¹⁶), личный состав которых использовался в тылу, охранял военные объекты, линии связи, стерег военнопленных. Однако в некоторых случаях военнослужащие указанной категории принимали участие в боевых действиях на первой линии фронта.

Всего бойцов I и II призывов насчитывалось 336.063; III – 52.392; «последней обороны» – 6.220. 27.756 человек служило на призывных пунктах, на медицинских и продовольственных поездах. Всего к сентябрю 1914 г. мобилизовано 423.441 человек. Из них – 870 старших и 3.869 младших кадровых и резервных офицеров, 1.485 административных служащих и чиновников, подлежащих призыву в военную администрацию¹⁷. Более 80% мобилизованных сербских солдат, кадровых и резервных офицеров располагали богатым военным опытом, благодаря участию в Балканских войнах 1912–1913 гг., а также в подавлении албанского мятежа в сентябре 1913 г.

Весьма неоднородное и разнокалиберное вооружение пехотных частей составляли сербские и трофейные турецкие скорострельные винтовки и карабины системы Маузера калибра 7 мм., трофейные болгарские винтовки системы Манлихера, старые модернизированные винтовки системы Маузер-Кока М.80, а также старые российские «Берданки», при стрельбе из которых использовался дымный порох (ими вооружались части III призыва и «последней обороны»). Ресурс всего вышеперечисленного был по большей части исчерпан

в ходе Балканских войн, что обусловило реальный дефицит вооружения, оценивавшийся в 120.000 винтовок¹⁸. К концу 1914 г. в России было закуплено еще 144.000 скорострельных винтовок системы Mosin-Nagant М.91 калибра 7.62 мм.¹⁹ Ко времени наступления неприятеля осенью 1915 г. сербская действующая армия располагала 203.326 скорострельными винтовками, которыми вооружался личный состав I и II призывов²⁰. Пулеметов системы Максим М.1909. калибра 7 мм. всего имелось 246 (в каждом полку – два взвода, каждый из которых вооружен двумя пулеметами)²¹.

Из современных артиллерийских орудий имелись полевые скорострельные пушки системы Шнейдер-Канэ М.1907 (47 батарей) и М.1907А (15 батарей) калибра 75 мм.; девять батарей горных орудий М.1907 калибра 70 мм.; скорострельные гаубицы М.1910 калибра 120 мм. (восемь батарей) и 150 мм. (две батареи) того же производителя. Кроме того, использовались и трофейные турецкие орудия Круппа М.1904 калибра 75 мм.²² К началу Первой мировой войны этими пушками, приведенными в порядок на Оружейном заводе в г. Крагуевац, оснастят три полевых (24 орудия) и один горный (восемь орудий) дивизион²³. На вооружении действующей армии состояли и 5 батарей (по 6 пушек) «медленнострельных» горных орудий системы Дебанж М.85 калибра 80 мм., 22 «медленнострельные» гаубицы М.97, калибра 120 мм., 6 «медленнострельных» полевых мортир М.97 калибра 150 мм., 17 «медленнострельных» длинных орудий калибра 120 мм. и 65 устаревших городских осадных орудий²⁴. В конце 1914 г. – начале 1915 г. для защиты побережья от австро-венгерских мониторов союзники предоставили сербской армии несколько батарей тяжелой морской артиллерии, а также отряды минеров. Русская батарея располагала двумя пушками калибра 152 мм.; французская – тремя пушками калибра 140 мм.; 4 английских батареи имели каждая по два орудия калибра 120 мм.²⁵

Сербский инженерный потенциал в мирное время исчерпывался двумя инженерными батальонами, понтонной командой и понтонным мостом. Телефонное и телеграфное оборудование для кавалерии, пехоты и инженерных частей, 4 рефлектора, две станции беспроводного телеграфа «Телефункен» и азбуковник были немецкого производ-

тва. В том числе и самые современные на тот момент автомобили, приспособленные для транспортировки телеграфных станций и аэростатов²⁶. Что касается военной промышленности, то Сербия располагала Оружейным заводом в Крагуеваце, на котором проводилась адаптация пехотного и артиллерийского снаряжения, производились боеприпасы для пехоты и артиллерии, ручные гранаты и холодное оружие. Имелись два пороховых завода в населенных пунктах Страгари и Обиличево, а также предприятие по пошиву обмундирования с цехами в Белграде и Нише²⁷.

Уровень материальной оснащённости армии был очень низким. Особенно ощущался недостаток обмундирования и снаряжения военных лагерей. Полного обмундирования не имел даже I призыв. Солдаты II призыва получили лишь шинель и пилотку-шайкачу. III призыву из обмундирования и обуви не досталось ничего. Не хватало понтонных материалов для переправы через Саву и Дунай. В распоряжении армии имелись 57.718 лошадей, 42.611 волов и 23.558 повозок²⁸, а также около 60 военных и реквизированных грузовых и пассажирских автомобилей²⁹.

В 1914 г. после окончания мобилизации сербскую авиацию, образованную при инженерных частях еще в 1912 г., представляли 3 исправных аэроплана (эскадрилья аэропланов) и два пилота, имевшие навыки выполнения боевых задач. Третий был командир аэростатного соединения, из которого боеготовым считалось лишь одно отделение³⁰. В апреле 1915 г. из Франции в помощь сербской армии прибыла эскадрилья в составе 8 аэропланов. Пилотами и техническим персоналом (всего 99 человек) командовал майор Р. Витре³¹.

Толчком к развитию автомобильного транспорта стало образование в марте 1915 г. Автомобильного командования, которое к осени 1915 г. имело в своем распоряжении 334 моторизованных экипажа (в основном фургоны грузоподъемностью от полутора до двух тонн). Управляли ими, помимо 329 сербских шоферов, еще и около 100 французских военных водителей³².

В течение 1915 г. сформированы еще две дивизии – Брегалницкая (18.280 человек – 15.638 винтовок, 16 пулеметов и 30 орудий) и Вардарская (9.530 человек – 5 пулеметов

и 15 пушек)³³. В результате сербская армия осенью 1915 г., когда состоялось австро-венгерско-болгарско-германское наступление, в своем штатном составе имела 13 пехотных и одну кавалерийскую дивизию. Согласно сведениям сербского Верховного командования, до ноября 1915 г. были разосланы повестки еще 207.500 призывникам³⁴. После операций 1914 г. потери составили 163.546 солдат, унтер-офицеров и офицеров: 22.274 убитыми, 95.695 ранеными, 418 контужеными и 45.159 пропавшими без вести (по большей части, попавшими в плен)³⁵. Армии отчасти удалось компенсировать потери в результате мобилизации новых категорий призывников и привлечения уже прошедших обучение военнообязанных, проживавших на территории так называемых Новых областей (¾ из них были мусульмане, турки, албанцы и македонцы). В марте 1915 г. под ружьем находилось 420.597 военнообязанных, из которых 8.897 – офицеры. Из них 7.447 офицеров и 343.794 унтер-офицера и солдата дислоцировались в границах Сербии до Балканских войн, а 1.450 и 67.906 унтер-офицеров и солдат – в Новых областях³⁶. К июлю 1915 г. из указанного общего числа из Новых областей было мобилизовано 69.984 призывника. Их них 54.579 христиан, 15.079 мусульман и 326 евреев. Значительная доля военнообязанных (всего 29.509 человек³⁷), проживавших в недавно присоединенных районах, пыталась уклониться от призыва. Среди христиан дезертирство достигло 28.34%, мусульман – 31.56% и евреев – почти 55%³⁸.

Согласно данным сербского Военного министерства на 30 марта 1915 г., армия располагала 673 орудиями, в том числе 389 современными. 598 из общего числа находились в действующей армии. 77 пушек, в основном, устаревших, за исключением 12 горных скорострельных М.1907, – на территории Новых областей³⁹. 6 октября 1915 г. – в день начала наступления Центральных держав – численность сербской армии составляла 404.020 офицеров, унтер-офицеров и солдат⁴⁰. Совокупные сербские вооруженные силы располагали 288½ батальонами, 40 эскадронами и 678 орудиями⁴¹. Наибольшие потери сербская армия понесла во время наступления Центральных держав осенью 1915 г., а также в ходе собственного отступления через Черногорию и Албанию зимой

1915–1916 гг. Тогда только в плен в Австро-Венгрию, Германию и Болгарию попали более 174.000 офицеров, унтер-офицеров и солдат. Количество убитых и раненых составило около 94.000⁴². По информации сербского Военного министерства, с момента начала войны до прибытия на Корфу 45.861 солдат был убит, а от ран и инфекционных болезней скончалось 68.458⁴³. Согласно сведениям Центральных держав, в течение Первой мировой войны в плен попали 222.357 офицеров, унтер-офицеров и солдат сербской армии. Из них в Австро-Венгрии оказались 154.631 военнослужащий (1.031 офицер), в Болгарии – 38.980 (181 офицер), в Германии – 28.746 (4 офицера). Чуть больше 10.000 человек поменяли на своих или освободили. Около 60.000 умерло в плену⁴⁴.

Накануне эвакуации с побережья Албании на Корфу численность сербской армии составляла 149.750 бойцов⁴⁵ или 37% от того, каким был личный состав накануне неприятельского наступления. 3/16 марта 1916 г., согласно данным, полученным от союзников военным атташе в Париже, в Албании находилось около 10.000 солдат, на Корфу – 134.400, в Бизерте (Тунис) – 10.624, в Салониках – 4.584, в Эпире, по разным оценкам, – от 3.000 до 4.000⁴⁶. На Корфу от истощения умерло 7.750⁴⁷ человек, а в Бизерте – 2.524⁴⁸.

Ввиду того, что после отступления через Албанию численность сербской армии, понесшей большие потери, значительно сократилась, Верховному командованию пришлось приступить к ее реорганизации. Французское Верховное командование рассчитывало на 6 сербских дивизий по 12 батальонов (72.000 штыков) – приблизительно 140.000 человек и 30.000 голов скота⁴⁹. Французы планировали постепенно вооружить их пулеметами, гаубицами, полевой и горной артиллерией, но не тяжелыми орудиями. Было решено, что в этом отношении, как и по вопросу организации снабжения, сербам следует полагаться на союзников. В ходе дальнейших операций французы и англичане осуществляли снабжение сербской армии, которое производилось в соответствии с подписанными в феврале 1916 г. конвенциями, пересмотренными 25 июля 1918 г., когда часть бремени взяли на себя США⁵⁰. Сербская армия на Салоникском фронте полностью перешла на французское вооружение (винтовки системы Лебель Сент-Этьен

М.1907/15, пулеметы системы Сент-Этьен М.1907, полевые орудия системы Шнейдер калибра 75 мм. и гаубицы калибра 120 мм.)⁵¹. Пехота, добровольческие формирования, кавалерия и инженерные части получили 100.000 скорострельных винтовок. Артиллеристы, а также интенданты, связисты и все остальные, не принимавшие непосредственного участия в боевых действиях, – 20.000 однозарядных ружей. 5.000 револьверов достались унтер-офицерам и рядовым артиллерийских частей, которым полагалось иметь их по уставу⁵².

27 февраля 1916 г., согласно изменениям, внесенным в Постановление о структуре армии от 1913 г., совокупные сербские вооруженные силы разделены на три армии по две дивизии. Служили в них солдаты всех призывов, и численность их уступала той, что имела место в 1914 г. В состав I армии входили Моравская и Вардарская дивизии. II армии – Шумадийская и Тимокская. III армии – Дринская и Дунайская. Каждая армия, помимо двух пехотных дивизий, имела и полк тяжелой артиллерии, составленный из дивизиона гаубиц калибра 120 мм., дивизиона гаубиц калибра 150 мм. и дивизиона (3 батареи по два орудия) длинноствольных орудий калибра 105 мм. При каждом дивизионе имелось отделение части по снабжению боеприпасами. Кроме того, была предусмотрена армейская (резервная) часть, состоявшая из девяти отделений и ответственная за снабжение боеприпасами артиллерии в составе дивизий и самостоятельных артиллерийских соединений, отделение телефонной связи, мобильный склад телефонно-телеграфического оборудования, инженерно-ремонтная колонна, мостовой трен, отделение рефлекторов, эскадрилья аэропланов, армейская продовольственная колонна в составе двух отделений, армейская пекарня⁵³.

Пехотная дивизия состояла из двух пехотных бригад; бригада – из двух полков; полк – из трех батальонов; батальон – из трех рот. Кроме того, в состав дивизии входили отделение пулеметчиков с 4 пулеметами, полк III призыва, кавалерийский эскадрон с отделением пулеметчиков (2 пулемета), командование дивизионной артиллерии, в подчинении которой находились полк полевой артиллерии (2 дивизиона по три батареи в каждом), дивизион горной артиллерии (три батареи), дивизион гаубиц (три батареи орудий калибра 120 мм.), колонна

с боеприпасами в составе 6 отделений, артиллерийская мастерская. В дивизии имелось и командование инженерных частей, которому подчинялся пионерный полубатальон (2 роты), в ведении которого находился легкий (товарный) мостовой трен и отделение телеграфистов. Медицинская служба состояла из госпитальной роты (7 взводов), четырех полевых госпиталей, медицинской колонны и полевой ветеринарной клиники. Структура дивизии также предусматривала наличие Военной почтовой службы, продовольственной колонны (3 отделения), колонны по снабжению боеприпасами, мобильной артиллерийской мастерской и пекарской роты с полевыми пекарнями. При штабах пехотных дивизий образованы отделы военной полиции⁵⁴.

Подвоз продовольствия и боеприпасов осуществляли английские и французские автомобильные части, прикомандированные к сербской армии. По состоянию на 23 июля 1918 г. та располагала 3-мя французскими автомобильными отрядами и 5-ю санитарными взводами, а также 10-ю английскими авторотами. Всего – 626 транспортных средств⁵⁵.

Вне состава армий находились следующие соединения, непосредственно подчинявшиеся Верховному командованию: Кавалерийская дивизия (2 полка по 3 эскадрона, 1 полевой и 1 горный артиллерийский дивизион), тяжелая артиллерия (12 орудий), Колонна по подвозу боеприпасов, Пиротехнический батальон, Телеграфное отделение Верховного командования, Управление военного телеграфа, Отделение беспроводного телеграфа, Телеграфно-телефонная станция, Военно-железнодорожная инспекция с Командой железнодорожных, телеграфно-почтовых и военно-призывных служащих (штаб и три роты), Саперная рота, Штаб авиаотряда для всей армии, Эскадра аэропланов (штаб и две эскадрильи), Резервная медицинская рота (7 взводов), Резервная медицинская колонна, Медицинские железнодорожные вагоны, Главная военная почта, конюшня.

Для формирования собственных эскадрилий отсутствовали как технические возможности, так и необходимый персонал. Поэтому было образовано 5 французско-сербских эскадрилий – 2 в подчинении сербского Верховного командования и по одной на каждую сербскую армию⁵⁶. С мая 1916 г. Транс-

портному отделению Верховного командования подчинялось и Автомобильное командование, в котором служили 21 офицер, 3 военно-административных чиновника, 615 унтер-офицеров и солдат. Парк командования составлял 139 автомобилей различных типов, 29 мотоциклов и 372 велосипеда. 13 сентября 1918 г. – накануне артиллерийской подготовки, предшествовавшей прорыву Салоникского фронта, – штатный состав Автомобильного командования составлял 1.089 человек, а фактический – 869. Меньшая их часть обслуживала сербские автомобили, а большая – союзнические машины, состоявшие на сербской службе⁵⁷.

В июле 1916 г. сербская армия штатно располагала 4.626 офицерами (в строю 4.303) и 123.849 унтер-офицерами и солдатами (в строю 111.776)⁵⁸. В августе в армиях в строю осталось 3.410 офицеров (из 3.921, согласно списочному составу) и 92.130 унтер-офицеров и солдат (140.055), разделенных на 77 батальонов и 6 эскадронов. Артиллерийских орудий имелось 245⁵⁹.

Значительные потери, понесенные в ходе первых боестолкновений на Салоникском фронте, и невозможность их восполнения обусловили вторую реорганизацию сербских вооруженных сил, предпринятую в конце декабря 1916 г. Для начала во всех дивизиях расформировали 4-е пехотные полки, штабы 2-х бригад и добровольческие отряды. 28 марта 1917 г. расформирована III армия, соединения которой перешли в ведение командующего I армией воеводы Живоина Мишича. Под его началом находились Дунайская, Дринская, Моравская и Кавалерийская дивизии. В составе II армии под командованием воеводы Степы Степановича находились Шумадийская, Тимокская и Вардарская дивизии. В мае 1917 г. сербские армии располагали 60 батальонами, 12 эскадронами, 364 пулеметами и 316 орудиями⁶⁰. В апреле 1917 г. в списках личного состава числилось 5.075 офицеров и 124.993 унтер-офицеров и рядовых. Фактически в частях находилось 3.939 офицеров и 90.162 унтер-офицеров и рядовых⁶¹. Ввиду того, что с того момента главным источником восполнения потерь стали добровольцы из США, бывшие австро-венгерские солдаты, русские военнопленные, было решено пойти навстречу требованиям Югославянского комитета и переименовать Вардар-

скую дивизию в Югославянскую, вошедшую в состав II армии. В конце июня 1918 г. сербские вооруженные силы представляли собой 57 пехотных батальонов, батальон конной пехоты, 6 пионерных полубатальонов, 18 кавалерийских эскадронов. Они располагали 546 станковыми пулеметами, 1,955 ручными пулеметами, 294 орудиями в составе дивизий, 45 тяжелыми орудиями и 57 траншейными пушками⁶². Незадолго до прорыва Салоникского фронта (13 сентября 1918 г.) в частях, командных органах и прочих армейских структурах находилось 4.069 офицеров (согласно списочному составу, 5.033) и 107.151 унтер-офицер и солдат (136.900)⁶³.

В составе I армии находились 524-я и 525-я Эскадрильи аэропланов, а составе II армии – 521-я, 522-я и 523-я⁶⁴. Тем временем в течение 1916–1917 гг. во Франции и в Греции прошли обучение 41 пилот, 46 разведчиков и 9 механиков, что значительно повысило профессиональный уровень личного состава франко-сербских эскадрилий. Благодаря этому в январе 1918 г. 521-я французская эскадрилья трансформирована в I сербскую, а летом того же года 525-я – во II сербскую эскадрилью. К 1 мая 1918 г. сербские воздушные силы имели в своем штате 62 офицеров, 53 унтер-офицеров и 337 капралов и рядовых. Во время прорыва Салоникского фронта сербская авиация располагала 71 самолетом различных типов, из которых половина – бомбардировщики «Бреге XIV» и истребители «Спад». Кроме того, в парке I и II эскадрилий находилось около 60 аэропланов, предназначенных для проведения разведки и воздушных боев⁶⁵.

За 1916 г. в ходе боев на Салоникском фронте из строя вышло 27.965⁶⁶ сербских солдат, из которых 7.208 погибли или умерли от болезней. В 1917 г. расстались с жизнью 2.270 человек⁶⁷. С момента прорыва Салоникского фронта до 29 октября 1918 г. совокупные потери сербской армии составили 42.735 убитых и раненых, из которых погибших и умерших было 9.303⁶⁸. В плену скончалось 60.000 сербских офицеров, унтер-офицеров и солдат⁶⁹. Инвалидами остались 114.000⁷⁰. Совокупные восполнимые и невосполнимые потери, понесенные сербской армией за весь период войны, оцениваются в 369.620 человек⁷¹. Имея в виду потери черногорской армии и сербского гражданского населения, проживавшего на терри-

тории Королевства Сербия, Боснии и Герцеговины, Черногории, Славонии, Далмации, Лики, Бании, Кордуна, Срема, Баната, Бачки и Барани, можно говорить о высокой цене, заплаченной за свободу сербского народа и его объединение с хорватами и словенцами в новом югославянском государстве.

Перевод А.А. Силкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О сербских военных реформах XIX – начала XX вв. см. подробнее: *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. I–II. Београд, 1929, 1931; *Он же.* Влада Милана Обреновића. Књ. II. Београд, 1934; *Први балкански рат (операције српске војске).* Књ. I. Београд, 1959; *Скоко С.* Други балкански рат. I. Београд, 1968; *Вуксановић-Анић Д.* Стварање модерне српске војске. Француски утицај на њено формирање. Београд, 1993; *Милићевић М.* Реформа војске Србије 1897–1900. Београд, 2002; *Ратковић-Костић С.* Европеизација српске војске 1878–1903.; *Денда Д.* Српска војска у предвечерје епохе ратова 1912–1920 // *Први светски рат и балкански чвор (зборник радова).* Београд, 2014. С. 423–436; *Denda D.* A Professional Army as a Successful factor of war – Case Study: Serbia 1876–1918 // *Why do Nations participate in wars and why not? Proceedings from the 13th Annual Conference of the Partnership for Peace Consortium CSWG (edited by H.E. Raughand J. Baev).* Sofia, 2014. P. 15–24.

² О сербском офицерском корпусу в годы Первой мировой войны см. подробнее: *Денда Д.* Сербский офицерский корпус в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории.* Москва, 2015. С. 98–115.

³ Ратна ранг-листа активних официра и војних чиновника 1914–1915 (стање 15. августа 1915). Ниш, 1915; Ратна ранг-листа активних официра и војних чиновника 1917–1918 (стање 1. јануара 1918.). Солун, 1918.

⁴ Ратна ранг-листа резервних официра 1917–1918 (стање 1. јуна 1918.). Солун, 1918.

⁵ *Први балкански рат 1912/1913 (операције српске војске).* I. Београд, 1959. С. 232.

⁶ *Денда Д.* Завршни извештаји аустро-угарског војног аташеа у Београду о српској војсци у Балканским ратовима 1912–1913 // *Балкански ратови: нова виђења и тумачења.* Београд, 2013. С. 140.

⁷ *Први балкански рат 1912/1913 (операције српске војске).* I. С. 232.

⁸ *Милићевић М.* Реформа војске Србије 1897–1900. Београд, 2002. С. 50–53.

- ⁹ Павловић Ж. Битка на Јадру. Београд, 1924. С. 82.
- ¹⁰ Скоко С. Оружане снаге Србије, Грчке и Бугарске // Други балкански рат 1913. I. Београд, 1968. С. 251–259.
- ¹¹ Павловић Ж. Указ. соч. С. 82.
- ¹² Там же. С. 81.
- ¹³ Раденковић М. Церска операција 1914. Београд, 1953. С. 40.
- ¹⁴ Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца. Књ. I. Издање Главног Ђенералштаба. Београд, 1924. С. 27–28. (далее: ВРС, I. Београд, 1924)
- ¹⁵ Војни архив. Пописник 3. Кутија 93. Фасцикла 1. Редни број 4/11 (Далее: ВА, п.3, к. 93, ф.1, р.б. 4/11) Наредба Обр. 577 штаба српске Врховне команде о формирању четничких одреда, Крагујевац, 4. август 1914. године; Опубликовано в: Југословенски добровољци 1914/1918 – Зборник докумената (приредио Никола Б. Поповић). Београд, 1980. Документ број 3. С. 6–8.
- ¹⁶ Скоко С. Указ. соч. С. 252–253.
- ¹⁷ Стефановић Д. Губици савезника у светском рату 1914–1918. // Ратник. Београд, 1926. Бр. XI. С. 124–125.
- ¹⁸ Раденковић М. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁹ Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата – Зборник докумената (приредили А.Ј Тимофејев и Д. Кремић). Београд, 2014. С. 104–105.
- ²⁰ Grabovac M. Bugarske snage u trojnoj agresiji protiv Srbije 1915 // Војноисторијски гласник. 2. Веоград, 1985. S. 151–155.
- ²¹ Скоко С. Указ. соч. С. 256.
- ²² Павловић Ж. Указ. соч. С. 53.
- ²³ Шаренац Д. Топ, војник и сећање. Први светски рат и Србија 1914–2009. Београд, 2014. С. 61.
- ²⁴ Скоко С. Указ. соч. С. 257.
- ²⁵ Шаренац Д. Указ. соч. С. 75–77.
- ²⁶ Микић С. Историја југословенског ваздухопловства. Београд, 1933. С. 60–61.
- ²⁷ Об оружејном заводе в Крагуеваце см.: Spasić Ž. Kragujevačka војна фабрика, 1853–1953. Веоград, 1973. Как пишет этот автор, в 1914 г. завод произвел или переделал для нужд сербской армии 225.000 артиллерийских снарядов (С. 127).
- ²⁸ Стефановић Д. Указ. соч. С. 124–125.
- ²⁹ Денда Д. Аутомобил у српској војсци 1908–1918. Београд, 2008. С. 61.
- ³⁰ Микић С. Указ. соч. С. 84–90.
- ³¹ Там же. С. 121–123; См. также: Вилату Мари-Катрин. Француска и почеци српске војне авијације // Сто година српског војног ваздухопловства. Зборник радова. I (Историјски развој). Београд, 2014. С. 44–49.

³² Денда Д. *Аутомобил...* С. 67, 118.

³³ Grabovac M. Op. cit. S. 155, 161.

³⁴ Стефановић Д. Указ. соч. С. 122.

³⁵ ВА, п – 3, к. 56, ф. 4, регистарски број 31/12; Штаб Врховне команде – начелнику Оперативног одељења Врховне команде – доставља Прегелед губитака наше војске у рату са Аустро-Угарском 1914. године (29.09.1915).

³⁶ Недок А, Поповић Б, Тодоровић В. Српски војни санитар у Првом светском рату. Београд, 2014. С. 94.

³⁷ Grabovac M. Op. cit. S. 147.

³⁸ Јагодић М. Нови крајеви Србије (1912–1915). Београд, 2013. С. 225.

³⁹ Архив САНУ, 14447; Бројно стање артиљеријских оруђа и муниције за њих, Ниш, 30. март (12. Април) 1915. године. Согласно описи, всего имелось 252 скорострельных полевых орудия и 32 горных пушки М.1907 и 1907а, 8 горных скорострельных пушек «Данглис», 4 турецких и 32 австро-венгерских полевых скорострельных пушки, 213 полевых и 18 горных пушек «Дебанж» М.85, 6 горных французских пушек «Дебанж» калибра 75 мм., 4 австрийских горных скорострельных пушки, 1 турецкая скорострельная горная пушка Круппа, 6 горных пушек «Бродвелл», 32 скорострельные гаубицы М.1910 калибра 120 мм., 8 скорострельных гаубиц М.1910 калибра 150 мм., 17 гаубиц М.97 калибра 120 мм., 8 трофейных турецких гаубиц Круппа калибра 120 мм., 15 пушек М.97 калибра 120 мм., 4 трофейные полевые и 4 горные австрийские гаубицы калибра 100 мм., 5 мортир М.97 калибра 150 мм., 2 устаревших осадных орудия калибра 120 мм., 2 старых полевых пушки Круппа.

⁴⁰ ВА, п-3, к.4, ф. 1, р.б. 3/1; Бројно стање целокупне српске војске на дан почетка непријатељске офанзиве 23. септембра 1915. године.

⁴¹ Зеленика М. Рат Србије и Црне Горе 1915. Београд, 1954. С. 148–149.

⁴² Der Weltkrieg 1914 bis 1918, Bd. IX. Berlin, 1933. S. 287.

⁴³ Архив Србије. Министарство иностраних дела. Политичко одељење. 1918. Ф. 10. Досије I.

⁴⁴ См. подробнее: Денда Д. Српски ратни заробљеници у Великом рату // Први светски рат, Србија, Балкан и велике силе. Зборник радова (ур. Срђан Рудић и Миљан Милкић). Београд, 2015. С. 269–289.

⁴⁵ ВРС, XV. Београд, 1929. С. 1–2.

⁴⁶ Там же. С. 64–65.

⁴⁷ Недок А, Поповић Б, Тодоровић В. Указ. соч. С. 200.

⁴⁸ Чечи С. Српске избеглице у Тунису током Првог светског рата // Војноисторијски гласник, 2. Београд, 2013. С. 82–83. Согласно сведеним аутора, в Тунис било всего евакуировано 17.814 лиц, включая и грађанских беженцев.

- ⁴⁹ ВРС, XIV. Београд, 1928. С. 332.
- ⁵⁰ См. подробнее: *Vujović D.* Francusko-britanske konvencije o snabdevanju srpske vojske za vreme prvog svetskog rata // *Vojnoistorijski glasnik*. 2. Београд, 1986. С. 177–205.
- ⁵¹ ВРС, XV. Београд, 1929. С. 15–17.
- ⁵² Там же. С. 258–263.
- ⁵³ *Ратковић-Костић С.* Војска Краљевине Србије 1916. и 1917. године (Организација и формација) // *Први светски рат – 90 година касније*. Тематски зборник (ур. Милан Терзић). Београд, 2011. С. 106–107.
- ⁵⁴ Там же. С. 107.
- ⁵⁵ *Денда Д.* Аутомобил... С. 110–115.
- ⁵⁶ *Ратковић-Костић С.* Војска Краљевине Србије... С. 108.
- ⁵⁷ *Денда Д.* Аутомобил... С. 81–92.
- ⁵⁸ *Ivetić V.* Struktura brojnog stanja srpske vojske na Solunskom frontu 1916–1918. Godine // *Vojnoistorijski glasnik*. 3. Београд, 1998. С. 127.
- ⁵⁹ *Ратковић-Костић С.* Војска Краљевине Србије... С. 110.
- ⁶⁰ *Ратковић-Костић С.* Војска Краљевине Србије... С. 113.
- ⁶¹ *Ivetić V.* Оп. cit. С. 128.
- ⁶² *Ратковић-Костић С.* Војска Краљевине Србије... С. 114–115.
- ⁶³ *Ivetić V.* Оп. cit. С. 130.
- ⁶⁴ *Вилату Мари-Катрин.* Указ. соч. С. 49–53.
- ⁶⁵ *Микић С.* Указ. соч. С. 248–265.
- ⁶⁶ *Недок А, Поповић Б, Тодоровић В.* Указ. соч. С. 117.
- ⁶⁷ *Стефановић Д.* Указ. соч. С. 131.
- ⁶⁸ *Недок А, Поповић Б, Тодоровић В.* Указ. соч. С. 44.
- ⁶⁹ *Денда Д.* Српски ратни заробљеници у Великом рату... С. 288.
- ⁷⁰ *Станковић Ђ.* Како је Југославија почела // *Први светски рат – 90 година касније*. Тематски зборник (ур. Милан Терзић). Београд, 2011. С. 232.
- ⁷¹ *Стефановић Д.* Губици у ратовима // *Ратник*. IX. Београд, 1932. С. 89.

Я.В. Вишняков

«ЧЕРНАЯ РУКА»

И СЕРБСКИЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ КОРПУС

Исследование вопроса участия сербских и югославянских добровольцев в боях стран Антанты и их союзников против Австро-Венгрии и Германии получило широкое освещение в трудах отечественных и зарубежных, прежде всего сербских, историков. Кроме того в научный оборот вовлечен значительный корпус документов, освещающих их роль в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны¹. Добровольческие отряды югославын, прежде всего сербов, стали формироваться в том числе и в России, куда вступали, как находившиеся в России сербы, так и пленные и дезертиры из австро-венгерской армии².

Первоначально вербовка добровольцев имела целью пополнить ряды сражающейся сербской армии, но после разгрома Сербии и оккупации ее территории войсками Центральных держав в конце 1915 г. начался новый этап комплектования добровольческих сербских дивизий. Теперь целью ставилось использование этих дивизий на русском фронте с последующей переброской на Салоникский театр военных действий.

В этой связи интерес исследователей к деятельности «интернациональных» воинских формирований, составленных из солдат и офицеров, еще недавно воевавших на стороне противника вполне закономерен, поскольку позволяет поставить общий вопрос о целесообразности, а главное эффективности их использования против стороны, за которую они еще не так давно проливали кровь.

Высший командный состав данного подразделения составили сербские офицеры, специально прибывшие с острова Корфу. В отборе офицеров, которые должны были отправить-

ся в Россию, принял участие и русский военный агент в Сербии В.А. Артамонов, который выражал свой протест против назначения на командные должности наиболее одиозных участников майского переворота 1903 г. и членов сербской военно-политической организации «Черная рука»³. В своем дневнике, который, заметим, еще не стал объектом пристального внимания исследователей, он 2 февраля 1916 г. записал следующее: «Был в военном министерстве по поводу назначения офицеров для посылки в Россию. (12 т. австрийских сербов-пленных); протестовал против назначения Вемича⁴. И вообще выбор не русских воспитанников; упомянул о случае, когда русская миссия отказалась выдать паспорт офицеру из свиты королевича Георгия»⁵. Заметим попутно, что данные сведения из личного дневника русского военного агента являются еще одним доказательством непричастности российских военных и политических кругов к выстрелу в Сараево 15 (28) июня 1914 г.⁶ При этом в записях, датированных 9, 10 и 11 сентября 1916 г., российский военный агент отмечает, что отклонил переданную через полковника Петра Живковича просьбу Александра Карагеоргиевича «посетить его на фронте», объясняя свой отказ нежеланием прерывать лечение горячими ваннами «албанского» ревматизма⁷. В этой же связи интересен тот факт, что спустя всего два дня, 13 сентября 1916 г., Артамонов фиксирует в своем дневнике: «Меня посетил прибывший с фронта Фурнье (французский военный агент – Я.В). Говорит, что М. Васич как военный плох, относится с негодованием к французам, политиканствует, австрофил. Что королевич тоже делается австрофилом. Что Д. Димитриевич (Черная рука) говорит уже о республике и т.п. (Подтверждается сведение о стремлении Королевича сократить Черную руку)»⁸.

Однако вопреки мнению русского военного агента, ряд офицеров – членов этой организации все же отправились в Россию, приняв активное участие в формировании добровольческого сербского корпуса⁹. Среди них были такие фигуры как А. Срб, Б. Симич, В. Гойкович – сын известного сербского генерала, и находящийся в России Д. Семиз, биография которого еще ждет своего внимательного исследователя.

Заметим при этом, что специфика деятельности членов этой организации на территории Российской империи, в том

числе и их роль в формировании добровольческих сербских отрядов, еще не стала предметом специального изучения. В этой связи нам бы хотелось обратить внимание на одну весьма любопытную фигуру сербской военно-политической истории – активного члена организации «Черная рука», полковника Александра Срба, прибывшего среди прочих офицеров в Россию с острова Корфу, что уберегло его от Салоникского трибунала по делу этой организации, но не спасло от гибели в вихре революционных событий, захлестнувшем бывшую Российскую империю.

Его послужной список, составленный им самим летом 1917 г., за сухими строчками которого скрывается боевой путь настоящего офицера, весьма краток и информативен:

«АЛЕКСАНДР ИГНАТЬЕВИЧ СРБ

Полковник артиллерии

Получил военное образование

1. В сербском военном училище

2. В Академии генерального штаба и согласно требованиям пробыл на практике во всех частях сербской армии.

3. В артиллерийской стрелковой полевой артиллерии школе (системы Шкода и Шнейдер Кане) и гаубичной артиллерии школе 12 и 15 см.

Командовал на войне

1. В 1912 г. Полевой батареей 75 мм. и гаубичной батареей 12 см.

2. В 1913 г. Дивизионом гаубичной артиллерии (системы Крутта)

3. В 1914 г. Дивизионом гаубичной артиллерии 12 и 15 см. (систем Шнейдер–Канэ).

4. В 1915 г. Группой артиллерии из девяти батарей (5 полевых и 4 тяжелых) во время наступления генерала Мекензена в Сербии

Служба в штабах действующих армий:

1. В оперативном отделении штаба Третьей армии в 1914 г. (был полтора месяца).

2. Помощник начальника штаба армии Защиты Белграда (3 месяца).

3. И.д. начальника штаба Второй сербской добровольческой дивизии в России (полтора месяца)

4. Начальник контрразведочного отдела Штаба Серб. добров. корпуса в России (полтора месяца).

Со штабных должностей уходил в действующую армию по собственному желанию

Формировал и командовал специальными отрядами:

1. В Сербии 1915 г.

2. В Румынии в 1916 г., откуда перебрасывал через Дунай из Сербии в Румынию наших бежавших из плена солдат (более 360 русских солдат).

В авиации:

Исполнял на аэропланах во время военных действий специальные задачи Сербского генерального штаба.

Ранен три раза.

Награжден всеми сербскими военными отличиями, включая медали за храбрость и две „Карагеоргия Звезды“.

Специальность – тяжелая артиллерия.

Подпись: полковник Александр Срб¹⁰».

Из строчек этого послужного списка нас особенно заинтересовало упоминание его деятельности в Румынии и выполнение в этой связи специальных задач сербского генерального штаба. Впервые упоминание о подготовке такого диверсионного отряда, который, в ходе боев за Добруджу осенью 1916 г., должен был быть переправлен на территорию оккупированной австро-венгерскими и болгарскими войсками Сербии для проведения там партизанской борьбы, появилось в вышедшем в 1954 году в Белграде сборнике «Югославянский корпус в России», где указывается, что инициатором этого шага стал именно подполковник Александр Срб¹¹. Документы российских архивов позволили конкретизировать детали этой операции.

Эта идея нашла благоприятный отклик в Ставке. Координация всех этих действий была возложена на российского военного агента в Бухаресте Татаринова, в непосредственное подчинение которого и поступил А. Срб, а также капитана 2-го ранга Ратманова, которому как помощнику руководителю Дунайской экспедиции особого назначения М.М. Веселкина было поручено наладить снабжение и обеспечение отряда. О серьезности данных намерений российского командования говорит телеграмма, отправленная в Ставку в конце августа 1916 г. начальником штаба одесского военного округа ге-

нералом Н.А. Марксом, в которой он, в частности, отмечал: *«В конце мая с.г. в Одессу прибыл с о. Корфу четник известного сербского четнического отряда погибшего ныне майора Танкосича¹² и предложил свои услуги начальнику Штаба 2-сербской добровольческой дивизии подполковнику Србу, заявив, что он намерен пробраться в Сербию, чтобы установить связь с укрывающимися в горах остатками сербской армии и с четниками, сообщать сведения о положении дел в Сербии и действовать сообразно с получаемыми инструкциями <...> В виду приведенных сведений подполковник Срб, по моему предложению, с разрешения начальника 2 сербской дивизии и с ведома штаба юго-западного фронта, в ближайшие дни отправится в Румынию, где, в пограничном с Сербией пункте, его ждут около 40 человек четников, при содействии которых он намерен организовать разоренные пока отряды четников и нижних чинов, выработать план предстоящих активных действий и в дальнейшем руководить четниками, все время поддерживая с ними связь при помощи своих эмиссаров, а пока организовать возможно более широкую агентурную разведку в оккупированной Сербии и в западной части Болгарии. Когда наступит подходящий момент, подполковник Срб намерен поднять в Сербии восстание; избегая открытого столкновения с неприятелем, четники будут вести партизанскую войну, взрывая при этом мосты, портя дороги, телеграфное и телефонное сообщение и т.п.»¹³.*

В середине октября 1916 г. М.М. Веселкин отправил в Морской штаб ходатайство об отпуске в его распоряжение в Рени «для организации и вооружения сербских четников, собираемых в Тур-Северине капитаном 2-го ранга Ратмановым» необходимого вооружения и амуниции. Это список включал в себя:

1. 200 ружей – 500.000 патронов (система безразлична).
2. 2000 ручных гранат.
3. 8 пулеметов (4 полевых и 4 вьючных) по 10.000 патронов.
4. 8 полевых телефонов на район 40 километров.
5. 2000 метров проводов изолированных.
6. 400 револьверов – 500.000 патронов.
7. Ножниц для проволоки 60.
8. 200 пироксилиновых шашек.
9. На 400 человек палаток.

10. Лопат саперных 200.
11. Мотыг – 400.
12. Котелков и фляг 400¹⁴.

Укажем, что количество затребованного вооружения и снаряжения подтверждает общие сведения о том, что данный отряд должен был состоять из более чем 300 солдат и 5 офицеров¹⁵.

При этом, судя по всему, планы у А. Срба были глобальные, и в них входило общее руководство и координация действий всех четнических отрядов, действовавших на территории оккупированной Сербии, тем более, что 15 (28) сентября 1916 г. произошло знаковое событие в истории сербского сопротивления. Известный четнический воевода Коста Печанац на самолете, вылетевшем с греческого аэродрома, высадился в тылу противника на юге Сербии в селе Механа. Отметим, что это событие по праву считается одним из первых мировых опытов воздушного десантирования. Последствием высадки Косты Печанца стало вспыхнувшее против болгарских оккупантов в начале 1917 г. Топлицкое восстание.

Но характерно и то обстоятельство, что в то же самое время, в сентябре 1916 г., самолет затребовал и подполковник Александр Срб, что может говорить о координированных планах сербского командования на Салоникском фронте и руководства Сербского добровольческого корпуса по организации широкого восстания на территории оккупированной Сербии. Показательна в этом смысле телеграмма Татаринова, отправленная в Ставку 16 (29) сентября 1916 г.: «Подполковник Срб просит меня о предоставлении ему двух километров кабеля для прокладки по Дунаю, дабы войти в телеграфную и телефонную связь с сербскими четниками в Сербии. Если мы можем предоставить таковой, ходатайствую о направлении кабеля в Яссы подпоручику Корнилову для передачи мне. Равно подполковник Срб ходатайствует о командировании в его распоряжение теперь же офицера и команды <...> с тем, чтобы подготовить их и ознакомить с предстоящей задачей в будущем. Равно подполковник Срб просил меня о предоставлении ему, если возможно, аэроплана для поддержания связи с Сербией, которая пока налаживается почтовыми голубями. Как я уже доносил, в моем распоряжении имеется наш аппа-

рат «Моран» с мотором «Гном», который, <...> мне было предоставлено право подарить румынам, и который я попридержал, теперь хотел направить в 47 корпус¹⁶. Если не встречается препятствий, то я мог бы передать теперь этот аппарат в распоряжение подполковника Срба»¹⁷. Эта просьба российского военного агента получила немедленное одобрение. В полученном ответе говорилось: «О высылке кабеля в Яссы подпоручику Корнилову нарочным распоряжение делается. Нарочному указано справиться у начальника станции Яссы об адресе подпоручика Корнилова. Наш аппарат Морана можете передать в распоряжение подполковника Срба»¹⁸. Однако изменившаяся к концу 1916 г. не в пользу русской армии стратегическая обстановка в Добружде поставила крест на планах посылки этого сербского диверсионного отряда.

Однако деятельность Срба не ограничивалась только этими планами. Новый виток его карьеры связан с революционными событиями в России в 1917 г. Ему и ряду других находящихся в России офицеров, членов «Черной руки», удалось перейти на русскую военную службу, избежав тем самым участия в начавшемся Салоникском процессе над руководителями этой организации. В.А. Артамонов доносил по этому поводу в телеграмме от 30 июля 1917 год: *«В связи с процессом заговорщиков сербское правительство производит очищение армии от причастных к заговору. Генерал Божанович исключен из списка резервных офицеров. 42 офицера совсем и исключительно штаб-офицеры увольняются в отставку и выселяются на остров Корсику. Предстоит дополнительный процесс суждения полковника генерального штаба Лазаревича и одновременно заочное суждение подполковников Симича, Срба и Гойковича, видных членов тайного общества, не вернувшихся сюда из России вопреки распоряжения правительства. Принятие их на нашу службу производит тягостное впечатление на королевича и официальные круги, видящих в этом вмешательство во внутренние дела»*¹⁹. В справке, составленной по этому поводу русским командованием 20 сентября 1917 г., указывалось, однако, что «полковник Симич командует 654 пех. Рогатинским полком, а полковники Срб и Гойкович состоят в резерве чинов Киевского военokrуга. При принятии их на русскую службу не было известно о причастности их делу заговора»²⁰.

События февраля 1917 г. негативно сказались и на состоянии сербского добровольческого корпуса. К апрелю 1917 г. дисциплина в нем упала до катастрофического уровня, а общее состояние в сербских дивизиях было близко к абсолютной анархии, усугублявшейся межнациональными столкновениями. В этой ситуации у некоторых офицеров этого подразделения вновь возникла идея сформировать из числа покинувших корпус солдат и офицеров партизанский отряд под руководством того же А. Срба. Так, например, 11 (24) августа 1917 г. прапорщик Ильинский составил специальный доклад для военного министра, в котором говорилось буквально следующее: *«Полагаю, что желание вышедших из корпуса солдат, которые являются очень хорошим и обученным боевым материалом, нужно приветствовать и дать им возможность соорганизоваться и бороться в рядах нашей армии. С этой целью было бы очень полезно и более всего отвечающим духу этих солдат сформировать их в четнические отряды (партизанские). <...> Предлагаю поручить собирание этих людей, организацию и формирование отрядов полковникам русской службы Србу и Гойковичу, корнету Семизу и одному представителю “Румчерода”²¹, которые известны добровольцам и которые в минувшем году успешно формировали подобные отряды в Румынии в окрестностях Турюг-Северино. (Турну-Северин – Я.В.) Для скорейшей организации этих отрядов необходимо выдать разрешение упомянутым господам офицерам для объезда повсеместно военнопленных югославян с оказыванием им полного содействия со стороны военных и гражданских властей. <...> Ввиду ухода из корпуса сербов, хорват и словенцев офицеров и их желания перейти в русскую армию нужно обратить внимание не только на их военную подготовленность, но и на искренность их революционных побуждений. Поэтому не следовало бы никак принимать без предварительного отзыва одного из упомянутых трех офицеров или же лишь полковников Срба и Гойковича»²².*

Однако у самого А. Срба, к тому времени уже заочно осужденного по приговору Салоникского процесса, и других, находящихся в России «черноруковцев», судя по всему, были другие планы. Они на фоне окончательного разложения сербского корпуса начали формирование собственного добровольчес-

кого отряда, как из солдат и офицеров, покинувших корпус, так и из числа военнопленных, находящихся в киевском лагере «Дарница». Конечно, по вполне понятным причинам, данная инициатива не могла найти одобрения у сербской военной миссии и ее главы полковника Лонткевича²³, который всеми силами старался пресечь эту деятельность, делая соответствующие обращения к российским военным властям. Кроме того, инициативу формирования новых югославянских батальонов взяли на себя офицеры-добровольцы корпуса – бывшие военнослужащие австро-венгерской армии, вышедшие из его состава в конце 1916 – начале 1917 гг. В этой связи приведем одно из донесений Лонткевича в Ставку от 14 июля 1917 г.: *«По сведениям, полученным нашим правительством от уполномоченного Сербского правительства в Киеве, Сербской службы поручика Комненовича, в лагере военнопленных в Дарнице находится большое число бывших добровольцев сербского добровольческого корпуса. Эти бывшие добровольцы под влиянием нескольких диссидентов – бывших офицеров сербского корпуса, стараются всеми средствами затруднять нашим офицерам-делегатам дальнейшую вербовку добровольцев между пленными югославянской национальности, прибывающими в настоящее время с фронта в Дарницкий лагерь.*

Упомянутые офицеры – диссиденты, в свою очередь собирают между пленными добровольцев, будто бы для ударных батальонов, между тем их намерение сформировать отдельный отряд югославян в противоположность уже существующему в Одессе, на основании соглашения русского с сербским правительством, добровольческому корпусу сербов, кроатов и словенцев.

Россией и остальными союзниками официально признано стремление югославян освободиться и объединиться в одно целое. Приведение этой идеи в исполнение в тесном согласии со всеми союзниками возложено на официально существующий в Лондоне центральный югославянский комитет.

Сербское правительство, в согласии с упомянутым комитетом, в свое время возбудило перед русским правительством вопрос о формировании в России отряда – корпуса из пленных югославянской национальности, что и было осуществлено

в Одессе, при содействии русских военных властей и командированных для этого из Сербии сербских офицеров.

В последнее время вербовка добровольцев югославын почти совсем прекратилась, главным образом из-за того, что в лагере военнопленных в Дарнице ведут nepoзвoлитeльнyю агитацию диссиденты – бывшие офицеры и солдаты сербского добровольческого корпуса. В своей агитации они не останавливаются ни перед какими ругательными словами по адресу Сербии, Сербского корпуса и сербских офицеров, как и по адресу самой идеи, которую этот корпус, по соглашению со всеми союзниками и югославянским комитетом преследует.

На днях одна сербская дивизия уходит на фронт, что вызовет значительные в ней потери; сербская армия, действующая на Салоникском фронте, нуждается в большом запасе людей для своего пополнения, единственным источником которого являются добровольцы югославыне.

Все это заставляет сербское правительство и сербскую Верховную команду обратиться к русскому правительству с убедительной просьбой создать возможность дальнейшего вербования добровольцев из пленных югославын и облегчить эту деятельность уполномоченным органам сербского правительства.

Для успешной работы необходимо:

1. Признать только одну организацию югославын, а именно состоящую под руководством официально существующего югославянского комитета, утвержденного всеми союзниками.

Такой организацией югославын в России является ныне существующий в Одесском округе корпус сербов, хорватов и словинцев.

Всякая другая, помимо этой, организация, подобно вышеупомянутой Киевской, созданной офицерами-диссидентами, является незаконной и противу желания официального центрального югославянского комитета.

2. Необходимо всех диссидентов – бывших добровольцев сербского корпуса удалить из Дарницкого лагеря и лишить их возможности своей злоумышленной и несоответствующей истине агитацией, влиять на вновь прибывающих с фронта пленных югославянской национальности, убеждая их не поступать в сербский корпус в Одессе, откуда впоследствии они

будут отправляться в Солунь для пополнения сербской армии»²⁴.

Кроме того, значительная часть бывших солдат из числа югославын – хорватов и словенцев, а также офицеров-добровольцев, служивших в корпусе, изъявляла настойчивое желание перейти на русскую службу. Так, к маю 1917 г., по сведениям, которые представили русскому командованию прибывшие в Ставку поручик Г. Пекле²⁵ и еще один офицер-доброволец Шовари, «из сербского добровольческого корпуса вышло до 3 мая около 120 офицеров, 41 юнкер и около 6000 солдат югославын. Офицеры, исключая 2 сербов, – по национальности хорваты и словенцы»²⁶. 12 июня 1917 г. Пекле от имени бывших солдат и офицеров сербского корпуса написал обращение к верховному главнокомандующему о принятом ими решении сформировать Югославянский добровольческий отряд, который должен входить в состав русской армии²⁷. Тогда же, в мае 1917 г. в штаб Одесского военного округа пришло указание военного министра А.Ф. Керенского, который «разрешил офицеров Сводного Добровольческого корпуса Сербов, Хорватов и Словенцев, отчисленных от названного корпуса и заявивших желание служить в русских войсках, назначить: офицеров первой дивизии, принимавших участие в боях Добруджи совместно с русскими войсками, – на Румынский фронт, а офицеров, не принимавших участие в боях, – на Кавказский фронт»²⁸.

Сам же Пекле получил возможность сформировать в киевском лагере «Дарница» югославянский батальон. Так, сотрудник сербской военной миссии поручик Комненович 14 июля 1917 г. писал Киеву Лонткевичу: «Сегодня узнал, что в Петрограде решено разрешить диссидентам, бывшим офицерам нашего корпуса вербовать добровольцев между пленными юго-славянской национальности, но при условии, если на это будет согласие Ставки. Сегодня едут к генералу Корнилову делегаты этих диссидентов, а оттуда поедут в Ставку. Необходимо ликвидировать эти новые формирования отрядов из югославын, в противном случае это будет иметь деморализующее и разлагающее действие на наши формирования в Одесском округе, а вместе с тем будет убивать престиж Сербии и возложенную на нее политическую миссию»²⁹. Спустя четы-

ре дня 18 июля 1917 г. Комненович пишет полковнику Лонткевичу еще одно тревожное донесение: *«Узнал, что бывший офицер Сербского корпуса Гашипар Пекле получает непосредственно из Ставки все распоряжения, касающиеся Сербского корпуса. Сейчас же по получении Пекле посылает эти распоряжения в Киев офицерам диссидентам, которые узнают все распоряжения раньше, чем об них узнает штаб корпуса. Пекле располагает значительными денежными средствами»*³⁰.

Судя по всему, усилия Лонткевича не прошли даром. Тогда же, в июле 1917 г., в русской ставке издали следующее распоряжение: *«В виду заявления представителя сербской армии при ШТАВЕРХЕ, что вышедшие из состава сербского добровольческого корпуса офицеры всемерно затрудняют вербовку добровольцев в сербский корпус, не останавливаясь при этом перед унижением Сербии и ее армии в глазах пленных, а также перед отрицанием самой идеи объединения в одном корпусе добровольцев от единоплеменных югославянских народов, ГЛАВКОВЕРХ приказал всех офицеров и солдат, вышедших из Сербского добровольческого корпуса, перевести из Дарницы в другой какой-либо пункт внутри страны, и в Дарнице разрешить набор только для Сербского корпуса и чехословацких частей, не допуская никаких других наборов и дальнейшие агитации против Сербии и Сербского корпуса»*³¹.

В приказе от 22 августа 1917 г. Верховный главнокомандующий указал, что *«вербовка должна производиться особой комиссией, образованной штабом Киевского военного округа, совместно с представителем сербского правительства, поручиком Комненовичем, причем сначала вербуются желающие поступить в русскую армию, далее желающие быть зачисленными в рабочие дружины и наконец добровольцы для пополнения потерь в ныне существующем ударном батальоне, коему присвоить название «Особый ударный батальон», не называя его «югославянский»*³².

Однако эта деятельность офицеров добровольцев осуществлялась параллельно шагам, предпринимаемым А. Србом. В начале октября 1917 г. Лонткевич в телеграмме генералквартирмейстеру Штаба Верховного главнокомандующего Дитериксу подчеркивал, что *«бывший подполковник сербской службы, ныне полковник русской службы Александр Серб и от-*

ставной майор Радое Янкович несколько дней тому назад выехали из Петрограда в Одессу, чтобы между частями добровольческого корпуса Сербов, Кроатов и Словинцев агитировать и уговаривать добровольцев не ехать на Солунский фронт и вообще возбуждать между добровольцами недовольствие и недоверие к Сербскому правительству и начальствующим лицам этого корпуса»³³. Первого ноября 1917 г. он шлет еще одну телеграмму Дитериксу следующего содержания: «От командира сербского запасного батальона из Одессы получена телеграмма следующего содержания: «В газете “Одесский листок” за 30-е октября вышло воззвание какого-то черногорца, якобы подполковника Станишича, в котором он обращается к сербам, хорватам и словинцам записываться в ударные батальоны, которые будут формироваться в Одессе. Цель этих ударных батальонов, как говорится в воззвании, бороться совместно с союзниками до окончательной победы над врагом, чтобы этим достичь объединения сербов, хорватов и словинцев на принципах, которые будут поставлены волею пострадавшего этого народа. Подписка открыта с 30 октября сего года. О вышеизложенном имею честь донести с покорнейшей просьбой об отдаче надлежащего распоряжения, чтобы деятельность этого подполковника Станишича, которого, по имеющимся сведениям, поддерживает бывший сербский подполковник, а ныне полковник русской службы Срб, была воспреещена, так как идет вразрез интересам Сербского правительства и Югославянского комитета, по просьбе которых Русское правительство в согласии с остальными союзниками благоволило разрешить формирование в России юго-славянских частей. Деятельность подполковника Станишича, для которой он не имеет никакого одобрения от Юго-Славянского комитета и Сербского правительства, является враждебной провокацией истинным интересам юго-славян, которые свою судьбу устривают в полном согласии с правительствами России и остальных держав»³⁴.

Реакция русских военных властей была своеобразная. Срба, Гойковича и Янковича решено было командировать в штаб киевского военного округа, Вскоре последовал приказ: «В виду недопустимой по отношению к союзной нам Сербии агита-

ции со стороны бывших сербских офицеров, сохранивших сербское подданство, но находящихся ныне на русской службе полковников Срба и Гойковича, а также сербской службы майора Янковича, начальник штаба верховного главнокомандующего приказал безотлагательно командировать этих офицеров в распоряжение Дежурного генерала Кавказского фронта для назначения их в действующие на Кавфронте части»³⁵. Однако это распоряжение Ставки вследствие произошедших осенью 1917 г. событий так и не было исполнено³⁶.

10 ноября 1917 г., т.е. уже после захвата власти большевиками, В. Гойкович обратился по этому поводу с открытым заявлением в штаб Верховного главнокомандующего, в котором также содержалось требование о формировании нового югославянского батальона из всех военнотружущих, отказавшихся покидать Россию, с возможным включением его в состав чешского корпуса. В его заявлении, в частности, говорилось: *«Исполнительный комитет Юго-Славянского Революционного союза, состоящий из тех же офицеров и солдат, что вышли из рядов этого корпуса, подал прошение (они вышли ещё в марте и мае месяцах и были приняты на русскую службу) о разрешении ему организовать эту блуждающую по России массу, чтобы тем спасти её от моральной и материальной гибели. Подобное заявление было подано и «РУМЧЕРОДОМ» в августе месяце. Организованные подобным образом, эти люди могли бы быть с пользой употреблены на русском фронте, кооперируя, таким образом, идейно с юго-славянскими действиями на салоникском фронте.*

Нам стало известным, что сербский военный атташе полковник Лонткевич выступает против этого и так далеко вошёл в этом, что работу упомянутого комитета представил как работу, направленную против сербского правительства и даже против сербского народа. На чем основывал своё предположение полковник Лонткевич, нам неизвестно, знаем лишь, что предположение это нашло отклик в Ставке Верховного Главнокомандующего и как следствие подобного «предположения» является отправка юго-славянского батальона на фронт, а полковников Симича, Срба и Гойковича на Кавказ. <...>Полковник Лонткевич утверждает, что мы работаем против сербского правительства и сербского на-

рода. Могли ли в самом деле это делать те солдаты юго-славянского батальона, которые проливали свою кровь на полях Добруджи? Могут ли сербы бороться против своего же народа? Ведь солдаты этого же батальона – всё те же сербы! Разве офицеры и солдаты-хорваты и словенцы, точно также проливавшие кровь на полях Добруджи, – могли действовать против своих единокровных братьев-сербов? Но тягчайшим обвинением полковника Лонткевича является в том, что полковники Симиц, Срб и Гойкович ведут работу против своего же народа, с которым они делили всегда и зло и добро. За эти интересы еще молодыми подпоручиками они жертвовали своей жизнью (майская революция 1903 года) и позднее, плечо о плечо боролись вместе с ним за его же свободу с 1912 года и по сей день. Их раны и высшие боевые отличия служат лучшим доказательством признания их за народ и за его свободу. Считает ли кто, после всего этого утверждать, что упомянутые лица ведут борьбу против своего же народа?

Вполне уместно поставить вопрос, почему вышли из корпуса все эти офицеры и солдаты, уже проливавшие свою кровь на полях Добруджи? Вот каков ответ: они не вышли, но были выкинуты, ибо они возмутились тем режимом, что царствовал в корпусе, бывшим нетерпимым и тираническим. Они просили изменить этот режим; и в ответ на эту просьбу последовало решение: вернуть их в плен. И их, еще недавних героев Добруджи, с глубокими ранами и наивысшими военными отличиями, бесчеловечный режим пытался снова бросить в плен только за то, что герои эти указывали на зло, угрожавшее разложению корпуса. И опасения сбылись: корпус, насчитывающий прежде сорок тысяч, теперь насчитывает только 15000 человек.

Относительно же вышеупомянутых полковников, позволительно задаться вопросом: почему они, так любящие свой народ, находятся вне рядов войска своего же народа? Ответ на это прост: эти четыре сербских высших офицера, находящиеся в России, протестовали против постыдной салоникской аферы и добивались, чтобы дело это было прекращено или отложено, то дело, которое вредит интересам народным и дает в руки неприятелю материал для вредных комментариев. И в ответ на это ходатайство последовал указ

об отставке упомянутых офицеров. Трое из них 26 июня были приняты на русскую службу, ибо русское правительство было вполне убеждено, что эти офицеры добились только благополучия для своего народа, предоставив этим возможность, борясь в рядах русского войска, быть полезны своему народу, – раз этого они не могут сделать в рядах собственного народа в силу ослепленного партийного режима, там властвующего беспарламентно за пределами Сербии»³⁷.

После победы октябрьского восстания, в ноябре-декабре 1917 г., в Одессе А. Србом из бывших солдат корпуса был сформирован батальон численностью около 200 человек, который в марте 1918 г. был переброшен в г. Мариуполь, где занимался, в том числе, охраной имущества состоятельных горожан. Сам же Срб в ночь на 27 апреля 1918 г. был убит в Таганроге при до конца не выясненных обстоятельствах³⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Југословенски добровољачки корпус у Русији. Београд, 1954.; *Груловић Н.* Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962; Југословенски добровољци 1914–1918. Зборник докумената. Београд, 1980; Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Београд, 1977; *Поповић Н.* Србија и Русија 1914–1918. Београд, 1977; Участие югославянских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М., 1976. *Зеленин В.В.* Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России 1917–1921. М., 1977; *Петровић И.* Српски добровољци 1912–1918. Бројке и судбина. Нови Сад, 2001; *Лобачева Ю.В.* Сербия, Югославянский комитет и сербо-хорватословенская эмиграция в Америке в 1914–1916 гг. // Славяноведение 2007. № 4 С. 12–28; *Она же.* Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. М.-СПб., 2014; *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док. М., 2014.

² Российский историк В.В. Зеленин отмечал, что «к сентябрю 1917 года в России было около 2 миллионов военнопленных, из которых почти 80% – солдаты и офицеры австро-венгерской армии, в том числе более 300 тысяч югославян». // *Зеленин В.В.* Указ. Соч. С. 8–9.

³ О деятельности офицерской организации «Объединение или смерть» (Черная рука) см. подробнее: *Писарев Ю.А.* Тайны Первой

мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990; *Мекензи Д.* Апис. Београд, 1996. *Казимировић В.* Црна Рука. Личности и догађаји у Србији од преврата 1903 г. до Солунског процесса 1917 године. Крагујевац, 1997; *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012.

⁴ Майор Велимир Вемич был одним из участников убийства королевской четы Обреновичей 29 мая 1903 г. Был одним из главных создателей общества «Объединение или смерть» («Черная рука»). В.А. Артамонов писал о Вемиче: «Майор Вемич принадлежал к числу “заговорщиков”, причем если он не принял активного участия в убийстве короля Александра и королевы Драги [здесь российский военный агент явно заблуждается], то, по мнению одних, отличился, а, по мнению порядочных и беспартийных людей, запятнал себя надругательством над трупом королевы Драги. Удержавшись, несмотря на это, в армии, г. Вемич пользуется покровительством остальных заговорщиков». См.: МОЭИ, серия III, т. V. Ленинград, 1934. С. 440.

⁵ РГВИА. Ф. 16351. Д. 1. Оп. 4. Л. 14.

⁶ См.: *Белаяц М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015.

⁷ РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 5. Л. 63об.

⁸ Там же. Л. 64.

⁹ О сербском добровольческом корпусе см. подробнее: *Вишняков Я.В. Тимофеев А.Ю. Милорадович Г.* Указ. соч.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 235.

¹¹ Југословенски добровољачки корпус у Русији. Београд, 1954. С. 122–123.

¹² Майор Танкосич был известным членом сербской политической организации «Объединение или смерть» («Черная рука»). Требование его ареста содержалось в 7-ом пункте текста знаменитого ультиматума, предъявленного Сербии Австро-Венгрией спустя месяц после убийства престолонаследника Франца Фердинанда. Танкосич был тяжело ранен в боях под Пожаревацем в 1915 г. и вскоре умер.

¹³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1198. Л. 1–2.

¹⁴ Там же. Л. 32.

¹⁵ Југословенски добровољачки корпус у Русији. Београд, 1954. С. 122.

¹⁶ 47 корпус под командованием А.М. Зайончковского вел бои в Добрудже.

¹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1198. Л. 15–16.

¹⁸ Там же. Л. 19.

¹⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 272–273.

²⁰ Там же. Л. 276.

²¹ РУМЧЕРОД – сокращенное название созданного в мае 1917 г. Центрального Исполнительного комитета Советов солдатских, мат-

росских, рабочих и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа.

²² Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сб. документов и материалов. М., 1976. С.45–46.

²³ См. подробнее: *Ганин А.В.* Фотоархив сербской военной миссии в Советской России // Старый Цейхгауз. 2012. № 5 (49). С. 92–95.

²⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 204–205.

²⁵ Поручик 3-го полка 1-ой сербской дивизии словенец Гаспар Пекле поднял в октябре 1916 г. вопрос о положении дел в Сербском корпусе, связанный с чинимыми там насилиями над хорватами и словенцами и принуждением их вступать в его ряды. На основании его заявлений русское командование вынуждено было провести расследование этих фактов, которое подтвердило слова Пекле. Сам он, судя по всему, в феврале 1919 г. вступил в ряды чехословацкого корпуса и стал сражаться против советской власти. См. подробнее: *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* Указ. соч.; *Вишняков Я.В.* Армия без государства: Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XVIII. М., 2015. С. 443–487. Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М., 1976. С. 257–258.

²⁶ РГВИА. Ф. 2003., Д. 686. Л. 118.

²⁷ Там же. Л. 166–167.

²⁸ Там же. Л. 146.

²⁹ Там же. Л. 208.

³⁰ Там же. Л. 207.

³¹ Там же. Л. 210 (об).

³² Там же. Л. 246–247.

³³ Там же. Л. 298.

³⁴ Там же. Л. 315.

³⁵ Там же. Л. 304.

³⁶ ***Дежурному генералу при Верховном главнокомандующем 28 октября 1917 г. Ставка. Генерал-Квартирмейстер при Верховном главнокомандующем.***

Распоряжение о представлении должностей в частях нашей армии бывшим офицерам Сербо-Хорвато-Словинского добровольческого корпуса, без ведома штаба Верховного Главнокомандующего, принятым на русскую службу, вызвано необходимостью прекратить их некорректную по отношению к союзной нам Сербии деятельность, выражавшуюся в пропаганде, которую они систематически вели не только в Одессе, но и в других городах, и направленную против Сербского Правительства.

Ведению недопустимой пропаганды способствовало то обстоятельство, что находясь в резерве чинов, они имели возможность беспрепятственно посещать различные города России.

Поэтому назначение этих офицеров в действующую армию, причем особенно желательно было бы дать им назначение на Кавказский фронт, является необходимой мерой пресечения их [вредной деятельности и высшей степени] некорректного поведения. Генерал-майор Дитерихс. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л.313–313 (об).

³⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д.49. Л. 1–2об.

³⁸ В.В. Зеленин утверждал, что вдохновителями убийства А. Срба – «опасного для династии человека» – были принц-регент Александр и сербский посланник в России Спалайкович. Устранение Срба, по его мнению, напрямую связано Салоникским процессом над руководителями сербской офицерской организации «Объединение или смерть» («Черная рука»). *Зеленин В.В.* Под красным знаменем Октября... С.110–112. Обвиненные в убийстве А. Срба, Сремчевич и Куреш были расстреляны 28 апреля 1918 г., т.е. на следующий день после убийства, а 15 мая в Ейске по этому же обвинению были казнены Делич, Рашета и Шовлянский. См.: Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции... С. 113–115.

А.Ю. Тимофеев

ОБОРОНА СЕРБИИ В 1914–1915 гг. В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ НА БАЛКАНАХ: СТРАТЕГИЯ, ТАКТИКА, ЛОГИСТИКА.

– Люди забыли эту истину, — сказал Лис, — но ты не забывай: Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

– Я в ответе за мою розу... повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

А. Де Сент-Экзюпери.

Маленький Принц. (1943)

По прошествии первых нескольких месяцев Великой войны определился ряд ключевых вопросов в контексте интересов Российской империи на Балканах. После нападения частей под турецким флагом на русское побережье Черного моря была легализирована основная стратегическая цель, которая сводилась к водружению православного креста на Св. Софию¹, т.е. к установлению русского контроля на Босфоре и Дарданеллах². Это была традиционная для Российской империи геополитическая задача³, такая же, как контроль над Гибралтаром для Англии или удержание Панамы в своей зоне влияния для США. Русские тактические интересы на Балканах были связаны с новорожденными славянскими государствами, в которых влияние России было неравномерным. Государства сербского народа на западе Балканского полуострова (Сербия и Черногория), несмотря на свой формальный нейтралитет до войны, после ее начала оказались практически в статусе союзника России. Русские артиллеристы, инженеры-путейцы и моряки были размещены на Балканах с осени 1914 г. для помощи сербской армии и защиты уязвимых точек средиземноморского транзита. В Черногории ситуация была сложнее, поскольку черногорская династия и часть высокопоставленных чиновников в Цетинье, привыкшие к иждивенческому отношению к России, после нескольких месяцев войны усомнились в выгодности своей русофилии и союзнического долга перед Бел-

градом. В то же время большинство населения Черногории были сторонниками единства сербского народа и считали Россию лучшим и единственным защитником этого единства⁴.

В восточной части Балканского полуострова ситуация в Болгарии вызывала у России намного больше беспокойства. Несмотря на русофильскую риторику некоторых популистских партий и движений, а также на устойчивые русофильские сантименты в рядах болгарского простонародья, в местной политике доминировали прогерманские круги, концентрировавшиеся вокруг фигуры болгарского монарха – Фердинанда Кобурга. Болгарские комиты в 1914 и 1915 гг. активно атаковали сербские пограничные посты и железнодорожные линии, «неизвестные лица» обстреливали с территории Болгарии русские пароходы на Дунае,⁵ официально нейтральные болгарские портовые власти на Дунае были настроены враждебно к русскому транзиту и дружески к австро-венгерскому и немецкому. При этом официальная политика Российской империи по болгарскому вопросу была направлена на избежание «внутриправославных» конфликтов (подобных событиям Второй балканской войны), на ведение переговоров с болгарскими элитами вместо ведения этих самых элит в спасительном для России (а в конечном смысле, и для болгарского народа) направлении. Утопавшая в благодушии и славянофильском тумане российская дипломатия, лелеявшая идеи *status quo* и джентльменских договоров, неимоверно отставала от реалий XX века. Российская империя, столь многое сделавшая для создания независимых государств православных славян на Балканах, слишком мало заботилась об отеческом руководстве их внешней и внутренней политикой в направлении, благоприятном для общих интересов православного мира. Это хроническое заблуждение проявилось и в годы Первой мировой войны, когда Российская империя не решилась оказать военную помощь болгарскому народу в освобождении от элиты, враждебной интересам как России, так и Болгарии⁶.

Мягкость России, не сумевшей найти моральные силы заставить Болгарию остаться нейтральной, очевидно контрастировала с решительным поведением Англии и Франции по отношению к Греции, которая, к неудовольствию союзников,

с началом Первой мировой войны провозгласила нейтралитет. Страна раскололась на два лагеря. Сторонником Антанты был премьер-министр Э. Венизелос. Он опирался на подписанный в 1913 г. Сербией и Грецией договор о взаимопомощи в случае нападения. Но монарх Греции Константин I являлся противником вступления в войну и, будучи активным германофилом, заявлял, что сербско-греческий договор недействителен. Это и привело к событиям т.н. Εθνικός Διχασμός – народного раскола в Греции – сражения «добра против нейтралитета»⁷. В октябре 1915 г., с согласия Венизелоса, англо-французские войска получили плацдарм для наступления на Турцию, а в порту Салоники высадилась 150-тысячная армия Антанты. В отличие от императорской России, колебавшейся по поводу Болгарии, Англия и Франция не страдали излишним гуманизмом и после свержения правительства Венизелоса в Афинах в декабре 1915 года сформировали во второй половине 1916 г. в Салониках лояльное Временное правительство. В ноябре 1916 г. дошло и до прямого столкновения греческих резервистов и французской морской пехоты. Союзники захватили греческие военные суда, в течение 106 дней держали морскую блокаду материковой части Пелопоннеса, моря голодом его население. В июне 1917 г. союзники и вовсе приняли решение обстрелять колыбель демократии и цитадель античного искусства Афины из корабельных орудий в случае, если король не отречется от престола. После абдикации и падения кабинета в Афинах было установлено лояльное союзникам правительство Венизелоса, а в июле Греция вступила в войну против центральных сил⁸. Таким образом, уже с 1915 г. Салоники были формально оккупированы Британией, что привело к крайне негативному отношению местных жителей к Антанте, подрывавшей своей политикой коммерческие и личные интересы местного торгового сословия. Представители России фиксировали агрессивное и недружелюбное отношение местного населения к прибывавшим союзным чиновникам и военным⁹, что, впрочем, мало заботило британцев и французов, не обращавших внимания на такие досадные мелочи.

В этой работе особое внимание будет уделено вопросам военного транзита как менее известной грани тактических ин-

тересов России на Балканах в 1915 г. Организация «Военной контрабанды» курировала вагоны от разгрузки в Салониках до погрузки в Прахово, где они переходили в ведение Экспедиции особого назначения. Деятельность военного транзита и самой Экспедиции находилась под неусыпным надзором генерал-квартирмейстерства Генерального штаба, т.е. русской военной разведки, которая активно следила за событиями на Балканах накануне и в годы Первой мировой войны¹⁰. Начиная маршрут транзита в Салониках, в Греции. В Салониках была организована временная структура, во главе которой был поставлен бывший генеральный консул в Константинополе, действительный статский советник Алексей Федорович Шебунин (1867–1937)¹¹. Его помощником назначили бывшего секретаря того же консульства и вице-консула в Кавале Николая Ивановича Дубягского (?–1942)¹². Сам Шебунин находился в постоянной телеграфной связи с российскими военными агентами (атташе) во Франции, Англии и Италии. Перевозку грузов по Сербии контролировал подполковник Л.М. Новиков¹³, а в Рени их приемку и дальнейшее распределение по адресатам в России выполняла особая комиссия под руководством военного инженера полковника Эдуарда Брониславовича Кригер-Войновского (1864–1933), ведущего русского инженера-железнодорожника того времени, ставшего впоследствии последним министром путей сообщения Российской империи¹⁴. Организация «военной контрабанды» началась с прибытия подполковника Новикова из порта Рени, штабного города Русской особой экспедиции на Дунае, в сербский дунайский порт Прахово в феврале 1915 г. Порт Прахово был совершенно не оборудован для массовой переброски грузов, но существенным достоинством его было то, что железнодорожное полотно подходило к самому берегу реки и шло вдоль нее на 300 саженой так, что вода доходила до самых рельс.

Выгрузка шла через временные мостки на козлах, которые шли к баржам, поставленным у берега для швартовки пароходов. Тут же шел и транзит грузов для Румынии (8 вагонов в день). Ящики с патронами, мешки с мукой, патроны из разбитой при разгрузке тары сваливали в грязь прямо возле рельс. После начала транзитного потока в Россию имеющиеся недо-

статки стали более очевидными, и поэтому к маю 1915 г. в Прахово была устроена постоянная отдельная пристань для русских грузов, соединенная с баржами крепкими стационарными мостками, вдоль путей были выстроены 10 пакгаузов для грузов, а также казарма и кухня для военнопленных, работавших на разгрузке. Непосредственно процессом разгрузки и погрузки ведал русский офицер, также присланный из Рени. От Прахово до Заечара действовала старая, но все же со стандартной шириной колеи линия, с маломощными паровозами. Для усиления деятельности этой линии из России прислали 2 паровоза и 30 вагонов. Станция Заечар была также соединена узкоколейной линией с Парачином, при этом в Хачаре перегрузка шла из состава в состав напрямую, так как там узкоколейка подходила вплотную к линии с широкой колеей. В мае 1915 г. для улучшения ветки закупили и перебросили на эту линию 14 паровозов и 45 товарных вагонов из США. Сам путь, кроме того что был узкоколейным, еще и проходил по крайне сложной местности с поворотами и подъемами, что требовало снижения скорости и делало следование весьма затруднительным. Обилие туннелей делало особенно рискованным проход платформ, груженных самолетами и автомобилями. В Парачине прямая перегрузка платформ была невозможна, и там для облегчения перегрузки были поставлены краны. Из Парачина вагоны могли следовать напрямую крупной транзитной межнациональной дорогой по маршруту Парачин – Ниш – Гевгелия – Салоники. Для ускорения транзита грузов началась постройка новой железной дороги. Линия Заечар - Княжевац длиной 45 км была пущена в ход еще 28 января 1915 г., и теперь речь шла о пуске линии Ниш - Княжевац длиной в 67 км. Эту дорогу планировалось ввести в эксплуатацию 1 ноября 1915 г., с расчетной мощностью в 100 вагонов в день со скоростью около 90 километров в час, что дало бы возможность без перегрузки гнать вагоны из Салоник. После положительной оценки проекта подполковником Новиковым Россия способствовала получению сербским правительством кредита в 7,5 млн. франков, по ходатайствованию сербского правительства¹⁵. Кроме выделенных Россией денег, сербское правительство использовало и труд 14 000 австрийских военнопленных, круглосуточно работавших на постройке туннелей и мостов, самым крупным

из которых был тоннель через гору Громада в 1,5 км длиной. Вследствие падения Сербии осенью 1915 г., эта ветка вступила в строй лишь 15 августа 1922 г. и действует и по сей день в рамках Тимокской железной дороги.

Большую помощь в организации сербской части маршрута оказывали посланник Г.Н. Трубецкой, военный атташе полковник В.А. Артамонов и агент Российского Дунайского пароходного общества в Прахово.

Материалы для транзита прибывали в крупный греческий порт Салоники, который, как упомянуто выше, был официально нейтральным. Поэтому всеми делами получения грузов с пароходов, выгрузкой их и погрузкой в вагоны ведало общество «Српска задруга». Все вагоны, используемые в перевозке, шли под сербскими маркировками – греки, как нейтральная сторона, своих вагонов не давали. Сербскими железными дорогами от Ниша и к югу ведало управление дорог в Нише, в котором большую часть времени находился и подполковник Новиков, опиравшийся на сербских военных делегатов в Нише, в пограничной Гевгелии и в Салониках. Роль Новикова сводилась не только к контролю за транспортом русских грузов, но и к общей оптимизации перевозок. В результате удалось вдвое улучшить провозоспособность сербских железных дорог на южном направлении, не увеличивая подвижной состав. Среди мер, предпринятых подполковником Новиковым, были и кадровые перестановки – одобренные сербским военным командованием рекомендации о смене сербских делегатов в Салониках, а также комендантов станций в Прахово и Парачине. С другой стороны, максимальную отдачу и усердие в работе с русским транзитом для нужд «военной контрабанды» проявил военный делегат на ст. Ниш капитан Неделькович. Российский личный состав, занятый в «военной контрабанде», был минимальным – на станциях в Парачине и Заечаре действовали по одному сотруднику российского консульства из Константинополя, несколько низших чинов из состава Особой экспедиции, а при подполковнике Новикове находился еще и штатный переводчик из служащих посольства в Белграде. Работу ускоряли и технические средства связи – имевшиеся на всех станциях телеграфные аппараты, а также одобренный верховным командованием Сербии личный телефон, разме-

щенный на квартире у Новикова. Кроме основной цели – российского военного транзита, органы «военной контрабанды» в Сербии занимались и вопросами разгрузки грузов для Сербии и Черногории, т.к. их разгрузку и вывоз по железной дороге было необходимо координировать с прибытием и погрузкой грузов для России, прибывавших в Прахово, а потом и на соседние вспомогательные базы – в Радевце и Кусяке. Стоит при этом отметить, что «военная контрабанда» занималась не только переброской грузов, закупленных для России в странах Антанты, но и доставкой тех отдельных лиц из Российской (в том числе и бежавших из плена бывших военнопленных) и союзных армий, которых требовалось срочно перебросить в Россию.

Деятельность «военной контрабанды» в Сербии закончилась спустя восемь месяцев, – после того, как в сентябре 1915 года прервалось сообщение по Дунаю в связи с изменением политики Болгарии. Для русской императорской дипломатии на Балканах это были трагические дни. В то время как сербские солдаты из Шумадии и Черногории стойко сражались против превосходящих их сил австрийских, венгерских и немецких армий, черногорская династия постепенно дезавуировала наследие митрополитов древнего Цетинья и ради узкодинастических интересов становилась во все более неприглядную позу. Данило Негош, старший сын черногорского короля Николы, послал доверенному лицу в Софии телеграмму, которая была доведена до сведения австрийского военного атташе: «Можете ли вы выяснить, какие планы имеют в виду центральные державы в отношении будущего Сербии и Черногории? Аннексия Австро-Венгрией Черногории всегда будет служить причиной к беспокойству. Напротив, Вена могла бы быть уверенной в большой выгоде Дунайской монархии, если при посредстве ее была бы создана более сильная Черногория, которая в отношении монархии осталась бы обязанной и в нужный момент могла бы служить противовесом в отношении возможного чрезмерного усиления Болгарии... Черногория должна получить часть Сербии, Спиццу, Будуа, а также северную Албанию. За это Черногория могла бы препятствовать отступлению сербов через Черногорию в Албанию и предотвратить высадку частей Антанты в Черногории и на вышеиз-

ложенных основах вступить в договорные отношения с Монархиями»¹⁶.

Стоит отметить, что основная виновница балканской катастрофы России в годы Первой мировой войны, София, весьма рано начала демонстрировать собственную антироссийскую позицию. Наконец, 6 сентября 1915 г. Болгария подписала Конвенцию с Германией о войне против Сербии, 6 октября объявила войну России, а 14 – Сербии, на которую напала на следующий день. Вот как передает бывший секретарь нашей миссии в Софии Ю.В. Саблер внешнеполитическую историю дипломатического разрыва Болгарии с ее спасительницей: «Возвращаясь после вручения ноты Радославову в миссию, я видел страшно самодовольных немцев. Тяжело было смотреть на развертывающуюся мобилизацию. Эти массы болгар, которые должны воевать против нас и наших доблестных друзей-сербов, должны встать под своими знаменами рядом с немцами. С момента вручения ультиматума никто из нас не показывался на улице. Наши друзья, ярые русофилы попрятались, как мыши. Заходил только Данев и, набравшись смелости, болтал что-то, – не то выражал соболезнование, не то сочувствие. На следующий день, в 2 часа 40 минут, начальник протокола Мильчев прибыл в миссию, передал запечатанный пакет с ответом на ультиматум и потребовал, чтобы я расписался на пакете и поставил час и минуту. Это было за два часа до истечения данного нами срока. Мы были готовы к катастрофе, – ответ не явился для нас неожиданным. Однако всех нас охватило чувство глубочайшей скорби и острой боли. Читая присланный ответ, написанный на болгарском языке, мы переживали ужасное состояние. Со здания миссии были немедленно сняты щит с Императорским гербом и русский флаг, а взамен их тот час же был водружен голландский флаг, и в нашу миссию перебрался представитель Голландии, принявший на себя защиту интересов русских подданных. Затем мы стали готовиться к отъезду. День 23-го сентября прошел совершенно спокойно. Население столицы было совершенно равнодушно к происходящему разрыву. Фердинанд Кобургский, как сообщает корреспондент «Petit Parisien», в день разрыва два раза проехал мимо здания русской миссии, чтобы посмотреть на голландский флаг, заменивший русский»¹⁷.

Подполковник Новиков по окончании своей миссии не пожелал выехать из Сербии, несмотря на указание об этом Шебунина, предоставившего русскому инженеру заслуженный отпуск. Новиков предоставил себя в распоряжение посланника Трубецкого и военного агента генерал-майора Артамонова, ибо «за 8 месяцев своего пребывания в Сербии, столько хорошего видел от всех сербов, с которыми приходилось сталкиваться по службе, что уезжать в такие дни было тяжело и неприятно». Новиков занимался эвакуацией госпиталей, вывез около 30 вагонов имущества, организовывал эвакуацию персонала и раненных. Он был одним из двух последних чинов русской дипломатической миссии, которые остались в Нише после эвакуации оттуда посольств и правительства. В дальнейшем 14 октября он занимался эвакуацией госпиталей и моряков из Кралево, под командованием капитанов Ильина и Леванда. Там пришлось оставить медицинское имущество госпиталей, с собой взяли лишь провиант. Уничтожение оставляемых припасов, вооружения и оборудования было запрещено по приказу сербского верховного командования. Уже 19 октября Новиков вместе с посланником прибыл на автомобиле в Косовскую Митровицу, а 20 октября туда прибыли и моряки, шедшие пешком. Там, по распоряжению посланника Трубецкого, Новиков занимался устройством перехода моряков по маршруту Призрен – Дебар – Охрид – Битоля – Салоники, успев вывести их в последний момент до падения Битоля¹⁸. В январе 1916 г. подполковник Новиков вернулся в Россию, где был назначен военным комендантом крупного железнодорожного узла на юге России – станции Воронеж...

Каковы же были реальные результаты транспортировки грузов, прошедших через «военную контрабанду» путем Салоники – Прахово – Рени? Следует признать, что было вывезено сравнительно мало грузов, что, конечно, объясняется лишь начальной стадией действия этого маршрута¹⁹. При этом очень важно отметить, что даже среди этого небольшого количества грузов были доставлены пусть и не столь тяжелые, но крайне существенные и дефицитные для России аппараты, и сырье, производство которых в России было не налажено вовсе или налажено в недостаточном объеме.

**Список грузов, перевезенных по маршруту
Салоники-Прахово-Рени в 1915 г.**

Род груза	Число партий	Число мест	Число тонн
Орудия	2	30	74,30
Порох и другие взрывчатые вещества	12	10269	812,06
Снаряды, взрыватели и т.п.	10	25394	2272,55
Аэропланы и гидроаэропланы	10	223	412,76
Моторы и принадлежности авиации	27	1223	228,02
Машинные части	11	591	266,19
Автомобили, шасси, принадлежности и запасные части к ним	15	277	425,15
Велосипеды и запасные части	2	535	91,74
Радиотелеграф и радиотелефон	6	74	12,44
Прожекторы	8	140	85,61
Бинокли, оптика, перископы	11	59	11,69
Шелк для артиллерии	3	4	0,16
Каски для пехоты	1	1	0,02
Термометры, медикаменты, целлулоид	6	8	1,27
Сера, мешки, ореховое дерево, шелковые и шерстяные очески	11	4466	743,50
Электрический кабель, ртуть, алюминий и проволока	4	5361	366,97
Барографы	1	1	0,05
Трансформаторы	1	33	15,92
Итого	141	48689	5820,30

Россия утратила свои позиции на Балканском полуострове (в географическом смысле, т.е. «за Дунаем») в 1915 г. из-за просчетов своей политики в Болгарии, которая объявила войну Сербии и России, прервав единственную линию снабжения между ними. Сербские государства на Балканах были заняты центральными державами. Военный транзит, потенциально важный для России (Салоники – Прахово – Рени), был прерван. Этот транзит так и не удалось поднять на уровень, который получил для России, например, транзит через Архангельск и Мурманск, внесший заметный вклад в ее военные усилия (особенно в 1942–1943 г.) Таким образом, тактические ошибки в балканской политике привели среди других факторов к перегрузке российской военной промышленности и экономики в годы Мировой войны, что косвенно способствовало и потрясениям 1917 г. Стратегическая задача Российской империи на Проливах после отступления с Балкан в 1915 г. также превратилась в мало выполнимую задачу. Фактически само участие России в Первой мировой войне с тех пор стало все менее мотивированным. Были утрачены (или стали мало выполнимыми) исходные задачи вступления России в войну («спасение Сербии» как мотивационная задача, и захват Проливов – как реальная стратегическая). Все это также было следствием сбоя в российской балканской политике в 1914–1915 гг.

Важность и значение Салоник для России (и транзита через этот порт) могут быть косвенно подтверждены тем, что менее чем через полгода Россия попыталась вернуться на Балканы. Уже в июле 1916 года генерал-майор А.Н. Леонтьев (специалист по Балканам, работавший до начала войны по Румынии, Болгарии и Турции) был переведен с должности генерал-квартирмейстера Генерального штаба (т.е. главы военной разведки) на должность командующего 4-й особой пехотной бригадой – русского экспедиционного корпуса на Салоникском фронте.

Внимание России к вопросу о проливах и о материковой Греции как альтернативы использования проливов возобновилось в гипотетической форме в 1944–1946 гг. в планировании операций по захвату территории от Стамбула до Салоник (в случае столкновения с союзниками)²⁰. В заключение нельзя не упомянуть и тот факт, что спустя сто лет после Первой миро-

вой войны, в совершенно других условиях Россия, в очередной раз столкнувшись с возможным закрытием проливов для военного транзита, рассматривала путь через материковую Грецию (для нужд группировки в Сирии в обход Турции)²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно воспоминаниям участников событий, планы российских войск по овладению Проливами были настолько детальными и казались настолько реально осуществимыми, что было принято даже такое детализирующее решение, как назначение великого князя Константина Константиновича ответственным за установку креста на церкви Св. Софии. Директор Российского археологического института в Константинополе Ф.И. Успенский должен был принять участие в высадке, чтобы он, «зная по своей службе в Константинополе, где у турок, в каких библиотеках, при каких мечетях имелись книгохранилища, тотчас же сумел расставить караулы при них, дабы не пропали ценнейшие материалы». НБС, Ф. 699, к. 1, с. 11. С.Н. Смирнов, Воспоминания о Великом князе Константине Константиновиче. Доклад, читанный в Корпусе его имени в Белой Церкви, 3 Ноября 1940.

² Детальнее об интересах Российской империи накануне Первой мировой войны см.: Россия на Сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914–1918 гг. Сост. А.Ю. Тимофеев, Д. Кремич. Москва, 2014.

³ Константинополь и проливы по секретным документам бывшего министерства иностранных дел, Москва 1925; *Кинятина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994; *Шеремет В.И.* Босфор: Россия и Турция в эпоху первой мировой войны: По материалам русской военной разведки. М., 1995; *Айранетов О.Р.* На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II: Последняя война императорской России. М., 2002, С. 158–261; *Каширин В.Б.* Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года // Новая и новейшая история. № 6. 2004; *Лунева Ю.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М., 2010.

⁴ *Соловьев Ю.А.* Воспоминания дипломата 1893–1922. М., 1959. С. 161.

Потатов Н.М. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма. 1902–1915 гг. I–II. М.-Подгорица, 2003. С. 713–715.

⁵ При этом австрийские попытки самостоятельно организовать диверсии против российских кораблей не получали поддержки бол-

гарских властей. (*Ронге М.* Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 128.)

⁶ Деятельность этих кругов болгарской элиты привела к колоссальным потерям болгарского государства в Добрудже, Фракии и Македонии в 1913 и 1918 гг.

⁷ *Leontaritis G.A.* Greece and the First World War: From Neutrality to Intervention, 1917–1918. New York, 1990; *Leon G.B.* Greece and the Great Powers 1914–17. Thessalonique, 1974.

⁸ *Dutton D.* The Deposition of King Constantine of Greece, June 1917: An Episode in Anglo-French Diplomacy // *Canadian Journal of History.* 12 (4). 1977.

⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3056. Л. 171–189. Опись по категориям грузов, провезенных особою организацией д.с.с. Шебунина через Салоники – Рени с февраля по октябрь 1915 г., февраль 1916 г.

¹⁰ *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.

¹¹ Шебунин Алексей Федорович (1867–1937). Учился на факультете восточных языков С.-Петербургского университета, затем поступил в учебный отдел Восточных языков при 1-м департаменте Министерства иностранных дел. Ученик основателя школы русской арабистики В.Р. Розена (1849–1908). Секретарь генерального консульства в Каире (Египет), генеральный консул в Константинополе (Турция). После миссии в Салониках (Греция) служил в российских посольствах в Риме и в Париже. В эмиграции во Франции, жил в Париже. Начальник канцелярии бывшего министра иностранных дел С.Д. Сазонова, затем М.Н. Гирса. Член Объединения бывших служащих Министерства иностранных дел России. Похоронен в Ницце на русском кладбище Кокад.

¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3056. Л. 19–19об., Служебная записка и.д. генерал – квартирмейстера генерал – майора М. Н. Леонтьева – начальнику Отдела военных сообщений Главного управления Генерального штаба, 9 апреля 1915.

¹³ Новиков Леонид Митрофанович (–1918) – из провинциальных мелкопоместных воронежских дворян, инженер-путеец, до Первой мировой войны служил комендантом станции Воронеж Козлово-Владикавказского района передвижений. После возвращения из Салоник вернулся на ту же должность в звании полковника. После революции не пожелал покинуть родину и скрывался в монастыре. Был расстрелян ЧК в годы красного террора и тайно закопан в саду губернской ЧК вместе с 6 священнослужителями и 8 монахами. Его убийц из ЧК публично повесил А.Г. Шкуро после взятия города в сентябре 1919 г.

¹⁴ *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции, М., 1999.

¹⁵ РГВИА.Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3056. Л. 104–109об, Рапорт подполковника Новикова генерал – квартирмейстеру Генерального штаба, 18 января 1916.

¹⁶ Ронге М. Указ. соч. С. 132.

¹⁷ Искры. Иллюстрированный художественно-литературный журнал. Воскресенье №40. 11 октября 1915.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3056. Л. 110–120, Рапорт подполковника Новикова генерал – квартирмейстеру Генерального штаба, 21 января 1916.

¹⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3056. Л. 171–189. Описание по категориям грузов, провезенных особою организацией д.с.с. Шербунина через Салоники – Рени с февраля по октябрь 1915 г., февраль 1916 г.

²⁰ Тимофеев А.Ю. Планы обороны и «активных действий» Красной армии на Балканах (1944–1945 гг.) // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М., 2014.

²¹ Катасонов В.Ю. Предложение Греции пускать российские корабли в обход Турции не понравится НАТО, 21.02.16 <http://mgimo.ru/about/news/experts/predlozhenie-gretsii-puskat-rossiyskie-korabli-v-obkhod-turtsii-ne-ponravitsya-nato/>.

В.Б. Каширин

«НЕ ТАК СТРАШЕН ЧЕРТ, КАК ЕГО МАЛЮЮТ»: ПОЧЕМУ РУССКАЯ СТАВКА ПРОГЛЯДЕЛА ПОДГОТОВКУ НЕПРИЯТЕЛЬСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА СЕРБИЮ ОСЕНЬЮ 1915 г.

С военной точки зрения исход осенней кампании 1915 г. на Балканах был предрешен еще до начала наступления против Сербии группы армий «Макензен» (нем. *Heeresgruppe Mackensen*), первым днем которого стало 24 сентября (7 октября). К этому моменту Центральные державы и примкнувшая к ним Болгария сумели добиться на балканском театре военных действий такого подавляющего превосходства в силах над сербской армией, что ее разгром должен был произойти очень быстро, а любые попытки России и западных союзников оказать помощь были обречены оказаться запоздавшими и недостаточными. Так и произошло на самом деле. Поражение Сербии привело к потере Антантой большей части Балканского полуострова, окончательному краху Дарданелльской операции союзников, «Сербской Голгофе» в горах Албании и последующей затяжной и кровопролитной борьбе на Салоникском фронте. Осенью 1915 г. Россия утратила шансы открыть сообщение с союзниками через черноморские Проливы и хоть немного облегчить свое положение. Таким образом, поражение на Балканах осенью 1915 г. имело для Российской империи стратегический характер.

Во всех подобных случаях ответственность за неудачи такого масштаба несет военная разведка и верховное командование, в обязанность которых входит своевременное раскрытие замыслов и подготовительных мероприятий противника. При всей обширности историографии дипломатической борьбы за Балканы в годы Первой мировой войны и боевых действий осенней кампании 1915 г., проблема разведывательного обес-

печения планов и решений русского командования на балканском стратегическом направлении до сих пор исследована недостаточно подробно. Эта статья, основанная в первую очередь на документах русской военной разведки из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), преследует цель отчасти восполнить этот пробел и показать, где крылись корни неверных оценок и ошибочных решений высшего командования русской армии.

Непосредственно накануне осенней кампании на Балканах произошла смена руководства русской Ставки. 18(31) августа 1915 г. начальником штаба Верховного главнокомандующего был назначен генерал от инфантерии М.В. Алексеев, до того бывший главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. Он прибыл в Ставку и вступил в должность 20 августа (2 сентября). Три дня спустя, 23 августа (5 сентября), должность Верховного главнокомандующего принял на себя император Николай II. Именно генерал Алексеев стал фактическим руководителем всех вооруженных сил Российской империи. Помощь в этом колоссальном труде ему оказывали два его ближайших и доверенных помощника, прибывшие с ним в Ставку, – генерал-квартирмейстер М.С. Пустовойтенко и генерал по особым поручениям В.Е. Борисов. Их триумvirат сосредоточил в своих руках все нити управления действиями русской армии и флота, а значит – он и нес большую долю ответственности за все неудачи и ошибки.

Какова же была степень осведомленности русского верховного командования о планах и действиях противника на балканском направлении к началу осени 1915 г.? Этот вопрос распадается на две части: во-первых, что знала русская Ставка о намерениях руководства Болгарии и о приготовлениях ее вооруженных сил; и, во-вторых, насколько она была осведомлена о планах германского командования и о сосредоточении в Банате на Дунае группы армий «Макензен» перед наступлением на Сербию.

Дипломаты Антанты вплоть до сентября 1915 г. надеялись ценой территориальных компенсаций в Македонии удержать Болгарию от присоединения к враждебному лагерю. Однако русские военные разведчики не разделяли дипломатических иллюзий и, начиная с июля 1915 г., по своим каналам инфор-

мировали руководство о намерении Болгарии присоединиться к вражескому лагерю и напасть на Сербию. Еще 17 (30) июля русский военный агент в Софии Генштаба полковник А.А. Татаринов докладывал: «В связи с последними германскими успехами и состоявшимся соглашением с Турцией¹ король и правительство под давлением немцев готовятся броситься на Сербию. На это указывает усиленная деятельность в военном министерстве и в армии, где идет спешная заготовка вьючных седел для замены колесного обоза. На сербской границе произведены полевые поездки офицеров генерального штаба, сделаны все подготовительные работы для мобилизации 7-й Рильской дивизии. Момент выступления будет зависеть от дальнейшего развития германского наступления против нас, но во всяком случае не ранее конца августа – времени полного окончания жатвы»².

Более чем примечательно, что буквально в этот же день, 17 (30) июля 1915 г.,³ из Софии в Германию на поезде выехал подполковник Петар Ганчев (1874–1950) специальный эмиссар царя Фердинанда, направленный в главную квартиру германской армии в силезский замок Плесс для обсуждения условий военной конвенции. Любопытно, что болгарская сторона прилагала все усилия, чтобы сохранить миссию Ганчева в абсолютной тайне. Однако русская разведка с самого начала знала о его поездке. 19 июля (1 августа) Татаринов телеграфировал в Генштаб, что накануне из Софии вечерним поездом выехал в Берлин подполковник Ганчев, получивший перед этим двухчасовую аудиенцию у царя⁴. 8 (21) августа полковник Татаринов сообщал, что вернувшийся из Берлина на несколько дней Ганчев 6 (19) августа снова выехал за границу⁵. По мнению Татаринова, единственной возможной целью поездки Ганчева в Германию было обсуждение «технических военных подробностей» предстоявших операций болгарской армии против Сербии⁶. И эти сведения о цели командировок Ганчева были абсолютно верными: в итоге при заключении военной конвенции между Болгарией и Центральными державами 24 августа (6 сентября) 1915 г. именно Ганчев поставил свою подпись на этом документе.

Из различных агентурных источников русская разведка была хорошо осведомлена о намерениях и планах высшего

руководства Болгарии. 6 (19) августа 1915 г. (то есть за 35 дней до начала болгарской мобилизации) один депутат Народного собрания от правящей Либеральной партии, из идейных соображений сотрудничавший с полковником Татариновым, сообщил, что накануне сам глава партии и премьер-министр В. Радославов рассказал ему о намерении правительства отклонить предложения Антанты и напасть на Сербию⁷.

8 (21) августа Татаринов докладывал в Генштаб: «За последнюю неделю в армии начались еще более энергичные военные приготовления. Особенная деятельность замечается в третьей инспекции⁸. В Тырнове недавно состоялось совещание начальников дивизий и командиров бригад инспекции. К Радомиру и Виддину подвозятся большие запасы продовольствия. Имеется сведение, что начальники дивизий уже получили двадцать три миллиона левов на мобилизационные надобности. Македонские четы стягиваются к сербской границе. Имею сведение о прибытии трех чет в Кюстендиль. В связи с этими военными приготовлениями стоит вторичная командировка Ганчева за границу»⁹.

Примерно за неделю до официального объявления мобилизации 10(23) сентября русская разведка в Болгарии стала получать агентурным путем множество сведений о начавшихся предмобилизационных мероприятиях. Наконец, после дня начала мобилизации пошел целый поток информации о концентрации болгарской армии на сербской границе. Сам характер этих сведений, с военной точки зрения, был таков, что примерно к середине сентября по новому стилю у русского командования уже не могло быть сомнений в том, что Болгария активно готовится напасть на Сербию. Следовательно, не слабая осведомленность или неверная оценка планов Болгарии были причиной стратегического поражения России на Балканах осенью 1915 г.

Гораздо более трудную задачу для русской Ставки представляло разгадывание замыслов германского командования.

Итогом большого летнего наступления австро-германских сил на Остфронте стало вытеснение русских армий из «Польского выступа», так как попытка замкнуть их в огромный котел между Вислой и Бугом успехом не увенчалась. После достижения этого результата начальник штаба германского Верхов-

ного командования генерал Эрих фон Фалькенгайн¹⁰ считал большое наступление 1915 г. на Востоке в целом завершенным и более не планировал здесь крупных действий. В результате отступления русских из «Польского выступа» произошло существенное сокращение линии фронта, что давало возможность австро-германскому командованию (как и их противникам) отвести в резерв достаточно крупные силы, которые могли быть использованы на другом направлении.

В то же время, к лету 1915 г. борьба на Галлиполийском полуострове достигла своего апогея. Для командования Центральных держав было очевидно, что положение турецких войск, обороняющих Дарданеллы, становится критическим, в первую очередь – из-за нехватки тяжелой артиллерии и боеприпасов к ней, а также различной другой военной техники. Таким образом, открытие прямого пути через Балканы между Центральными Державами и Константинополем было абсолютным стратегическим императивом, а готовность Болгарии примкнуть к побеждающему Тройственному союзу создавала благоприятные условия для операции по разгрому Сербии.

Осеннее наступление 1915 г. на Балканах готовилось неприятельскими штабами долго и тщательно. Еще в конце 1914 г., после провала второго австрийского вторжения в Сербию, по поручению германской Главной квартиры Дунайский театр войны посетил с разведывательными целями подполковник саксонского Генштаба Рихард Хенч. Следующая поездка Хенча на Сербский фронт состоялась в мае 1915 г.¹¹ Именно Хенч осенью того же года занял должность оберквартирмейстера группы армий «Макензен»; соратники называли его «духовным отцом» операции по форсированию Дуная¹². Фалькенгайн вспоминал: «Еще с весны немецкие офицеры генерального штаба произвели на местах точнейшие рекогносцировки и наметили тогда же все нужные предварительные мероприятия. Были намечены позиции для каждой батареи, всякая возможность для наводки моста, места расположения войск в период сосредоточения, подвоз; были подготовлены материал для постройки мостов и вообще для перехода реки, снаряды, продовольствие. Оставалось только ждать прибытия войск, чтобы тотчас же без промедления приступить к переправе»¹³.

Общее руководство операцией было возложено на генерал-фельдмаршала Августа фон Макензена (начальник штаба – генерал Ханс фон Зеект). 3(16) сентября в Алленштейне Макензен получил директиву своего Верховного Главнокомандующего-кайзера, которая предписывала: «Сербская армия должна быть решительно разбита, связь с Константинополем через Белград и Софию – открыта и обеспечена»¹⁴. В состав сформированной для операции на Балканах группы армий «Макензен» были включены 3-я австро-венгерская армия генерала Г. Кёвесса фон Кёвесхаза (130 батальонов, 136 батарей (из них тяжелых и сверхтяжелых – 45), 4 авиаотряда, 21 саперная рота) и 11-я германская армия генерала М. фон Гальвица (74 батальона, 124 батареи (из них тяжелых и сверхтяжелых – 36), 6 авиаотрядов, 20 саперных рот)¹⁵. Подавляющую огневую мощь австро-германских войск на Балканах обеспечивала многочисленная тяжелая полевая артиллерия калибром до 42 см включительно.

Ядро и основную ударную силу группы армий «Макензен» на Дунае составили десять дивизий германской пехоты (семь в 11-й армии Гальвица и три в 3-й австро-венгерской армии Кёвесса). Это были 6-я пехотная, 11-я баварская пехотная, 25-й резервная пехотная, 26-я пехотная, 43-я и 44-я резервные пехотные, 101-я, 103-я, 105-я и 107-я пехотные дивизии. Все они представляли собой дивизии первой линии; ни одной ландверной дивизии (то есть более слабой по личному составу, командным кадрам и вооружению) в их числе не было. Лишь одна 6-я пехотная дивизия была снята с Западного фронта; с начала августа 1915 г. она находилась на отдыхе между Валансьенном и Камбрэ¹⁶. Остальные девять дивизий были взяты с Остфронта: восемь из состава 11-й армии и Бугской армии (нем. *Bugarmee*), которые действовали на южном фланге «польского мешка», на Брест-Литовском направлении, и только 26-я дивизия (вюртембергская) была взята с Наревского направления, из состава группы Гальвица.

Первой по времени, 12 (25) августа, была снята с фронта 101-я пехотная дивизия; сразу затем ее направили на Дунай, в венгерский город Оршову близ границы с Болгарией и Румынией, что должно было послужить дополнительным стимулом в шедших переговорах с Софией¹⁷. В итоге, военная конвенция

между Центральными державами и Болгарией была подписана 24 августа (6 сентября), а уже на следующий день, 25 августа (7 сентября), головные эшелоны 101-й дивизии прибыли на Дунай.¹⁸ Вслед за нею в период с 15 (28) августа по 21 августа (3 сентября) с Восточного фронта были сняты остальные дивизии, предназначенные для операции на Балканах¹⁹.

По меркам любой войны, девять пехотных дивизий – это весьма серьезная и крупная сила. Было очень сложно незаметно перебросить ее с Русского фронта на Сербский так, чтобы уход дивизий не заметила русская фронтовая разведка, а перевозка дивизий на юг по железной дороге не была установлена в тылу агентами глубокой разведки Антанты.

Переброску основной массы германских войск с Восточного фронта на Балканы было решено произвести в максимально сжатые сроки, насколько это позволяла пропускная способность железных дорог Венгрии, крайне недостаточная, с точки зрения операторов германского Генштаба. Решение этой проблемы требовало предельно тщательной выработки графика железнодорожного движения. В результате за 32 дня на Сербский фронт в район сосредоточения был доставлен 1181-й стоосный воинский эшелон, что было бесспорным успехом австрийских и германских штабных специалистов²⁰. Для успеха стремительного наступления против Сербии секретность его подготовки была критически важна, и для сохранения ее в тайне неприятельское командование прилагало особые усилия. В южной Венгрии была введена строжайшая цензура; фактически прервано на длительный срок почтовое и телеграфное сообщение²¹. Уже после отъезда Макензена в Темешвар, куда он прибыл 5 (18) сентября, его прежняя группа армий на Русском фронте некоторое время сохраняла его имя в своем названии, чем было успешно скрыто новое назначение генерал-фельдмаршала²².

Широкие мероприятия по дезинформации разведки противника играли важную роль в стратегии Германии на Балканах задолго до практической подготовки наступления против Сербии. С самого начала 1915 г. данные о появлении германских войск на Балканах регулярно достигали сербской Верховной команды, а оттуда – и русской Ставки. Руководитель австро-венгерской разведки генерал Макс Ронге вспоминал:

«По моему предложению, в середине января 1915 г. в Банат был направлен один германский пехотный батальон с целью создать у сербов впечатление о появлении значительных германских сил. Само собой разумеется, этот транспорт должен был быть показан возможно большему количеству зрителей, причем можно было предположить, что шпионы сделают вывод о переброске других германских частей в этом направлении. В то же самое время военный атташе в Софии распространил сведения о прибытии в Банат квартирьеров трех германских корпусов. Дезинформация удалась полностью. Еще в конце февраля сербы твердо считали, что в Банате имеется один германский корпус»²³.

Весной и летом 1915 г. австро-германское командование продолжало не без успеха использовать прием демонстрации присутствия германских войск на Сербском фронте с целью скрыть свою слабость здесь, вызванную вступлением Италии в войну. Резкое уменьшение численности австрийских полевых войск на Балканах было частично компенсировано перевозкой в Банат и Сирмию трех германских пехотных дивизий слабого состава – 101-й, 103-й и 105-й, находившихся еще в стадии формирования. По сути дела, это была демонстрационная акция с целью ввести в заблуждение противника и оказать моральное воздействие на сербское население южной Венгрии. Ронге вспоминал: «Чтобы не вызвать снятием почти всех полевых частей активных действий со стороны сербов, в Сербию была переброшена слабая германская дивизия, требовавшая пополнения. Германские каски должны были усиленно демонстрироваться на Саве и создать впечатление о наличии здесь больших германских сил. Благодаря этой демонстрации у сербов совершенно исчезло слабое желание, возникшее под давлением Антанты, начать наступление одновременно с итальянцами»²⁴.

В дальнейшем численность неприятельских войск на Балканах продолжала уменьшаться. 1(14) июня германское командование отдало приказ об отправке 101-й и 105-й дивизий на Русский фронт²⁵. Эти соединения оказались необходимы для развития наступления в Восточной Галиции, за реку Сан, которое потребовало гораздо больших сил, чем ожидалось первоначально²⁶. Из частей германской армии на Дунае и Саве

на некоторое время задержалась лишь 103-я пехотная дивизия, силы и средства которой использовались командованием для ведения разведки и подготовки к возможному в будущем форсированию речной линии сербской обороны. Затем и 103-я дивизия была отправлена на Русский фронт.

По оценке австрийского командования, в начале лета 1915 г. соотношение сил на Сербском фронте складывалось не в пользу императорской и королевской армии, причем довольно угрожающим образом. Официальная австрийская история войны сообщает: «Это неравенство сил должно было быть скрыто широко организованной демонстрацией, которая 26 июня (13 июня по старому стилю. – *В.К.*) началась на северном берегу Дуная и достигла 29 июня (16 июня по старому стилю. – *В.К.*) своей высшей точки. Она состояла из оживленной деятельности артиллерии, активного железнодорожного движения, устройства палаточных лагерей, передвижения войск и обозов, причем, в особенности, части германской 103-й пехотной дивизии были явно показаны проживающим в южной Венгрии сторонникам сербской партии. Исходя из наблюдавшихся ответных сербских мероприятий, было предположено, что эти демонстрации не остались совсем безрезультатными»²⁷.

Показательно, что в сербской историографии Первой мировой войны прибытие германских войск на Балканы летом 1915 г. традиционно называется одной из основных причин воздержания Верховной команды от наступательных операций²⁸. В русской же Ставке скоро пришли к заключению о показном характере присутствия германцев на Сербском фронте. Более того, русское командование в некотором смысле уже привыкло к дезинформационным мероприятиям и демонстрациям противника на Балканах, и это стало одной из причин того, что подготовка австро-германцев к осеннему наступлению против Сербии слишком долго воспринималась Ставкой как очередная стратегическая уловка противника.

Уже начав активно накапливать войска для операции по разгрому сербской армии, германское командование продолжало использовать приемы демонстрации и дезинформации. 5 (18) и 6 (19) сентября германская артиллерия на Дунае и Саве осуществила обстрел сербского берега, причем было широко объявлено о начале наступления через восемь дней.

Отсутствие активных действий в названные сроки должно было усыпить бдительность сербов²⁹.

Так насколько успешны оказались в итоге меры германского командования по обеспечению секретности подготовки наступления против Сербии? Что знало русское командование об уходе германских дивизий с Восточного фронта, о переброске их на Балканы и о стратегических планах неприятеля?

29 августа (11 сентября) сербский военный атташе полковник Б. Лонткиевич докладывал в Верховную команду о своей беседе с императором Николаем II, состоявшейся накануне вечером. «На вашем фронте сейчас в целом спокойно», – сказал русский Верховный главнокомандующий сербскому представителю. Николай II высказал мнение, что подготовка неприятеля к прорыву была, по его словам, лишь «блефом», и что слухи об этом распространялись нарочно, так как в то время немцы были не в состоянии выделить для действий на Балканах 7–8 корпусов – наименьшее количество войск, необходимое для успеха операции, по оценке русской Ставки³⁰. Вечером 5 (18) сентября в новой беседе с Лонткиевичем император вновь повторил, что не верит в возможность крупной австро-германской операции против Сербии, которая потребовала бы выделения 7–8 корпусов³¹.

Несомненно, приведенные суждения Николая II основывались на докладах и оценках его начальника штаба генерала Алексеева. Как видим, тот вполне верно оценил размеры группировки, которая была бы необходима противнику для успешного наступления на Сербию с севера. На самом деле, в общей сложности противником было сосредоточено на Саве и Дунае 10 германских, 3 австро-венгерских дивизии и несколько отдельных австро-венгерских бригад ландштурма. Считая в среднем по две дивизии на корпус, это составляет те самые 7 корпусов, о которых говорил Алексеев; хотя в реальности у Макензена было всего 6 корпусных управлений. Но почему же, дав верную оценку потребных врагу сил, Алексеев ошибочно считал, что австро-германцы не могли в тот момент выделить их для Балканского театра войны?

Изучение разведывательных сводок высших штабов действующей русской армии – Ставки и фронтов – за август–сентябрь 1915 г. показывает, что, несмотря на тяжелые неудачи Ве-

ликого отступления и смену Верховного главнокомандования, учет и анализ информации о противостоящих вражеских силах были поставлены у русских достаточно хорошо. В целом, русские штабы имели весьма точные представления о боевом расписании неприятельских сил на Австро-Германском фронте. В те недели продолжались активные боевые действия, в том числе и маневренные, и в плен попадало достаточное количество солдат противника, что позволяло достоверно устанавливать присутствие тех или иных частей и соединений непосредственно на линии фронта. Однако в условиях большого отступления, а также из-за глубоких изъянов системы агентурной разведки, получение информации о положении в неприятельской прифронтовой полосе и о войсках, отведенных в тыл, было крайне затруднено. Фактически, отведенные с фронтовой линии дивизии противника почти бесследно исчезали для русского командования в клаузевицевском «тумане войны».

Как раз в те дни главный эксперт Ставки по германской армии Генштаба полковник В.Е. Скалон составил брошюру «Боевое расписание германской пехоты по сведениям к 10 сентября 1915 г.», напечатанную в типографии Ставки под грифом «Не подлежит оглашению»³². В этом справочнике он весьма точно указал боевой состав (по полкам) всех германских дивизий на Остфронте. По подсчетам Скалона, всего германская пехота насчитывала 160 дивизий, 16 бригад и 8 отдельных полков, из которых на Русском фронте были установлены 67 дивизий, 4 бригады и 7 полков, или, в общей сложности, 246 полков пехоты. В примечании к этому справочнику говорилось: «По последним сведениям, определилась переброска гвардейского полевого корпуса на французский фронт; имеются также основания предполагать, что с нашего фронта сняты X полевой корпус, XXII резервный корпус, 101-я, 105-я и 11-я баварская дивизии»³³.

Буквально в те же самые дни тот же полковник Скалон составил «Сводку сведений о противниках, полученных в Штабе Верховного Главнокомандующего за 4–15 сентября 1915 г.»³⁴. Это был секретный и достаточно подробный документ, в котором обобщались и анализировались данные о численности, боевом составе и распределении неприятельских сил между различными участками Русского фронта.

Если в более ранней сводке на 3(16) сентября высказывалось предположение о возможной переброске новых сил противника из Франции на Русский фронт, то теперь Скалону и его коллегам уже стало ясно, что «сведения о предполагавшейся дальнейшей переброске войск с западного фронта на наш, указанные в предыдущей сводке, не только не подтвердились, но наоборот есть основание предполагать, что некоторая часть германских войск за рассматриваемый период снята с нашего фронта»³⁵. Однако собственных достоверных сведений об уходе германцев на другие театры войны русская разведка в тот момент не имела и потому была вынуждена опираться на данные от союзников. Скалон писал: «Более или менее положительные данные в этом отношении имеются пока лишь об одной (1-й гвардейской) пехотной дивизии, которая по сведениям французского генерального штаба перевезена на западный фронт и уже 31 августа проходила через Варшаву. Можно однако предполагать, что кроме этой дивизии увезено с нашего фронта еще до 6-ти дивизий (2-я гвардейская, X-й полевой корпус, XXII-й резервный корпус и 11-я баварская дивизия), о присутствии которых давно нет никаких сведений. Под некоторым сомнением находятся еще три дивизии (101-я, 103-я и 105-я), но некоторые признаки присутствия их в тылу нашего фронта тем не менее имеются»³⁶.

В целом, к середине сентября по старому стилю, примерно за две недели до начала наступления Макензена, русская разведка имела сведения (хоть и не стопроцентную уверенность) об уходе с Русского фронта пяти пехотных дивизий из числа тех девяти (с Востока), что были предназначены Фалькенгайном для операции против Сербии. Было ясно, что с линии фронта исчезли довольно крупные силы германцев, и перед Ставкой стояла задача разгадать планы противника по их использованию. В этой работе русские военные аналитики допускали частные ошибки.

Как известно, в сентябре 1915 г. австро-венгерское командование волюнтаристски предприняло самостоятельное наступление на Волынь, которое было остановлено мощным встречным ударом армий русского Юго-Западного фронта. Наиболее ожесточенная борьба разворачивалась вокруг города Луцка. Австрийцы в тех боях понесли тяжелейшие потери;

только пленными русским взяли около 70 тыс. человек. Кризис был настолько серьезен, что германское командование вопреки своему желанию было вынуждено направить на помощь ослабшему союзнику свои войска. Русское командование знало, что контрудар противника неизбежно последует, и считало его наиболее вероятным на Ковельском направлении, против правого фланга русского Юго-Западного фронта. В действительности сюда был направлен германский XXIV резервный корпус в составе 1-й и 22-й пехотных дивизий, которые и были установлены взятыми пленными³⁷. При этом, однако, в штабе Юго-Западного фронта (а вслед за ним – и в Ставке), даже не имея фактических доказательств, были склонны считать, что для контрудара против правого фланга Юго-Западного фронта могли быть направлены 25-я резервная гессенская и 107-я пехотная дивизии, которые в действительности были двинуты против Сербии³⁸. Точно так же, у Ставки не было представлений, куда делась вюртембергская 26-я пехотная дивизия из группы Гальвица, ранее действовавшая на Лидском направлении. По предположению Скалона, эта дивизия могла быть переброшена в район между Двинском и Вилейкой, то есть задействована в Свенцяном прорыве германцев³⁹. Это мнение полностью совпадало с общим представлением Алексеева о том, что снимаемые с боевой линии германские силы могут направляться на север для участия в операции под Вильной. Директор дипломатической канцелярии Ставки князь Н.А. Кудашев в письме к С.Д. Сазонову от 4(17) сентября писал, по итогам беседы с Алексеевым: «Теперь выясняется, что закрытие австро-венгерской границы и известие о переброске генерала Гальвица в Галицию лишь маскировали истинное направление Гальвица на сев.-восток от Вильны»⁴⁰.

Однако суть главной ошибки русской Ставки содержится в следующих словах, заключавших собой раздел разведсводки № 185 о германских силах:

«Что касается того, куда направлены исчезнувшие с нашего фронта германские дивизии, то, как указано выше, более или менее определенные данные имеются только о 1-й гвардейской дивизии, переброшенной на французский театр военных действий. Принимая во внимание начавшееся на этих днях в широких размерах наступление французских армий, подго-

товка к которому вероятно не могла укрыться от германской разведки, можно скорее всего предполагать переброску и остальных шести дивизий на западный театр. Весьма возможно, что появлявшиеся за последнее время усиленные слухи о сосредоточении австро-германских сил на сербском фронте умышленно распускались самими германцами с целью с одной стороны скрыть производимую переброску на запад, а с другой отвлечь внимание Сербии от вновь надвигающейся на нее опасности со стороны Болгарии»⁴¹.

Итак, если попытаться совсем коротко ответить на вопрос, почему русская Ставка проглядела начало переброски германских дивизий на Балканы, то можно утверждать: генерал Алексеев и его подчиненные знали, что эти силы (или их основная часть) сняты с Русского фронта, однако полагали, что они, с наибольшей вероятностью, перевозятся во Францию, для отражения давно ожидавшегося крупномасштабного англо-французского наступления в Шампани и Артуа, которое началось 12 (25) сентября 1915 г.

Русская фронтовая разведка лишь частично, с грехом пополам, сумела установить факт ухода с Восточного фронта достаточно крупных германских сил. Определить же направление их движения она была не в состоянии. Это можно было сделать только силами стратегической зарубежной разведки. В какой мере удалось этой последней вскрыть переброску германских войск против Сербии? Данные на этот счет отражены в сводках Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), которые передавались в Ставку. Сюда входила информация от официальных военных агентов (атташе) и от секретной агентуры глубоко в неприятельском тылу. Их сообщения отличались фрагментарностью, противоречивостью, содержала ряд очевидно ложных и дезинформационных сведений. Приведем лишь несколько примеров тому.

К примеру, сводка ГУГШ от 12 (25) августа сообщала, что к 10 (23) августа на Сербском фронте находилось 40 тыс. прусских войск, и ожидалось еще 80 тыс.⁴² Как следует из вышеизложенного, на тот момент эта информация была абсолютно ложной. В сводке от 17 (30) августа говорилось: «Английский генеральный штаб имеет агентурное донесение, что слухи о готовящемся наступлении на сербском фронте распускают-

ся в Германии и Австрии умышленно»⁴³. Сводка от 22 августа (4 сентября) сообщала: «Из Афин сообщают, что в Оршове находится много баварских войск. По слухам, населению Оршова предложено покинуть город к 1-му сентября нового стиля»⁴⁴. Однако в тот момент никаких «баварских войск» в Оршове еще не было, так что сведение также было недостоверно. В сводке от 31 августа (12 сентября) говорилось: «Источник, заслуживающий доверия, сообщает, что 23-го августа началась перевозка на линию Днестра и Серета XII-й армии Гальвица. Части этой армии были, будто бы, обнаружены на линии Освецим—Львов»⁴⁵. Эта и подобная фрагментарная, противоречивая и местами явно ложная информация не вызывала доверия у руководства русской Ставки и неизбежно дискредитировала даже те достоверные и ценные сведения, которые иногда попадались в этом мутном потоке.

10 (23) сентября журналистское агентство «Нордзюд»⁴⁶ докладывало: «Бухарест сообщает из достоверного источника: вечером 8 сентября закончилась мобилизация Болгарии с целью наступления на Сербию. Наступление войск германских и австрийских на Сербию с бомбардировкой Белграда уже началось. Положение весьма серьезное на Балканах. В Бухаресте 14 дней нет почты»⁴⁷. В действительности, мобилизация в Болгарии официально была объявлена только 10 (23) сентября; однако авторы донесения были правы в том, что значительная часть мобилизационных мероприятий была выполнена болгарскими войсками еще до этого момента. На этом донесении «Нордзюда» Алексеев собственной рукой оставил весьма симптоматичную резолюцию: «Не так страшен черт, как его малюют»⁴⁸. Иными словами, начальник штаба Ставки считал угрозу германского наступления против Сербии преувеличенной, очевидно, подозревая дезинформацию со стороны противника.

Важно подчеркнуть, что руководство союзных держав Антанты разделяло заблуждение русской Ставки о демонстрационном характере подготовки германцев на Дунае. 10 (23) сентября русский посол в Париже А.П. Извольский докладывал главе МИД С.Д. Сазонову: «Маржери⁴⁹ повторил мне уже известное Вам убеждение Делькассе⁵⁰, вполне разделяемое генералом Жоффром⁵¹, что германцы не имеют в виду предпринять в близком будущем серьезных наступательных действий на

Балканском полуострове. По получаемым ежедневно из Сербии от французских авиаторов сведениям, в Банате не происходит никаких значительных сосредоточений или передвижений войск. Произведенная австро-германской артиллерией бомбардировка на Дунае имеет вероятно характер демонстрации с целью произвести впечатление на Бухарест и Афины, спугать карты на Балканском полуострове и побудить Болгарию к выступлению против Сербии»⁵².

В целом, примерно за десять дней до начала операции Макензена союзная разведка, в том числе и авиационная французская, стала давать достаточно конкретные данные о появлении на Дунае и Саве германских войск. Но в русской Ставке этой информации по-прежнему не доверяли. 22 сентября (5 октября), за два дня до начала австро-германской операции по форсированию Дуная, все то же агентство «Нордзюд» телеграфировало в Ставку «Копенгаген сообщает: немцы продолжают перебрасывать войска к сербской границе»⁵³. На следующий день Алексеев своим бисерным почерком написал на этой телеграмме: «23.IX.915. Ерунда, вред нам приносящая»⁵⁴. Эти слова вышли из-под его пера в тот самый день (!!!), когда неприятельские тяжелые батареи группы армий «Макензен» сокрушительным огнем начали артиллерийскую подготовку операции по форсированию Дунай.

В сентябре 1915 г. русское командование недооценивало оперативные возможности германской армии. Генерал Алексеев и его сподвижники считали, что сил германцев просто недостаточно для одновременного ведения наступления на Виленском направлении, для нанесения локального контрудара по русскому Юго-Западному фронту к югу от Полесья, для отражения крупного наступления французов в Шампани и Артуа и еще, вдобавок к этому, для активного участия в операции по разгрому Сербии. По всей видимости, Алексеев рассчитывал или надеялся, что, хотя Болгария и нападет на Сербию неизбежно, но одних лишь болгарских сил будет недостаточно для стремительного разгрома сербской армии, и борьба на Балканском фронте затянется достаточно долго, чтобы лагерь Антанты успел принять комплекс политических и военных мер для оказания помощи Сербии. Как мы видели, ни сербская

Верховная команда, ни англо-французское командование не были осведомлены о действиях германцев принципиально лучше, чем русская Ставка. Напротив, они разделяли общие иллюзии, с которыми Алексеев, судя по всему, расстался всего на несколько дней позже.

Неверная оценка генералом Алексеевым планов противника на Балканах была фактором субъективным, но при этом она имела и свою внутреннюю логику. Здесь сказались и слабость системы глубокой стратегической разведки России, и недоверие высшего командования к ее данным, и обильный поток ложных сведений, и умелые действия противника по дезинформации. В этих условиях осенью 1915 г. Российская империя была не в состоянии оказать своевременную и достаточную помощь Сербии, что служит еще одним доказательством общей неэффективности военной стратегии Российской империи в годы Первой мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имелись в виду шедшие с июня по август 1915 г. тайные переговоры между Софией и Константинополем об исправлении линии болгаро-турецкой границы во Фракии и уступке Болгарии турецкого участка железной дороги Свиленград–Адрианополь–Дедеагач. В итоге соглашение было окончательно подписано только 24 августа (6 сентября) 1915 г., в один день с военной конвенцией между Болгарией и Центральными державами. Русская разведка была осведомлена о ведшихся переговорах, но, как мы видим, переоценивала степень их прогресса на тот момент. – *В.К.*

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3088. Л. 1. А.А. Татаринов – в Огеньвар. 17 июля 1915 г. № 712.

³ Академик Георги Марков пишет, что Ганчев выехал из Софии 17(30) июля. *Марков Г.* Голямата война и българският ключ за европейския погреб 1914–1916. София, 1995. С. 154. Однако полковник Татаринов докладывал, что Ганчев отбыл вечерним поездом 18(31) июля.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3088. Л. 2, 4. А.А. Татаринов – в Огеньвар. 18(31), 19 июля (1 августа) 1915 г. № 714, 716.

⁵ Там же. Л. 18. А.А. Татаринов – в Огеньвар. 8 (21) августа 1915 г. № 744.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3022. Л. 156.

⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3021. Л. 83.

⁸ Имеется в виду 3-я военно-инспекционная область в северной Болгарии, со штабом в Руцуке, на территории которой при мобилизации формировалась 3-я болгарская армия. – В.К.

⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3088. Л. 88. А.А. Татаринов – М.Н. Леонтьеву. 8 августа 1915 г. № 746.

¹⁰ Фалькенгайн, Эрих фон (нем. *Erich von Falkenbayn*; 1861–1922), герм. воен. деятель, нач. герм. Ген. штаба в 1914–1916, ген. пехоты (1915)

¹¹ *Seeckt, Hans von. Aus meinem Leben 1866–1917 / Hrsg. von F. v. Rabenau. Leipzig, 1938. S. 213.*

¹² *Gallwitz, Max von. Meine Führertätigkeit im Weltkrieg 1914–1916. Belgien–Osten–Balkan. Berlin, 1929. S. 382.*

¹³ *Фалькенгайн, Эрих фон. Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях / Пер. с нем. А.Е. Снесарева. М., 1923. С. 154–155.*

¹⁴ Mackensen. Briefe und Aufzeichnungen des Generalfeldmarschalls aus Krieg und Frieden / Hrsg. Wolfgang Förster. Leipzig, 1938.

¹⁵ Ibid. S. 213.

¹⁶ Histories of two hundred and fifty-one divisions of the German army which participated in the war (1914–1918)/ Compiled from records of Intelligence section of the General Staff, American Expeditionary Forces, at General Headquarters, Chaumont, France 1919. Washington, 1920. P. 127–128.

¹⁷ По мемуарам Фалькенгайна, 101-я дивизия была снята с фронта 14 (27) августа; по 8-му тому официальной истории войны Рейхсархива – 12 (25) августа). *Фалькенгайн, Эрих фон. Указ. соч. С. 126; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärischen Operationen zu Lande. Bd. 8. Die Operationen des Jahres 1915. Die Ereignisse im Westen im Frühjahr und Sommer, im Osten vom Frühjahr bis zum Jahresschluß / Hrsg. Reichsarchiv. Berlin, 1932. S. 550.*

¹⁸ Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца. Књ. 8. 1915. година. Први период. Војно-политичке припреме. Београд, 1926. С. 250.

¹⁹ Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärischen Operationen zu Lande. Bd. 8. S. 550.

²⁰ Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918 / Hrsg. vom Österreichischen Bundesministerium für Heerwesen und vom Kriegsarchiv / Unter der Leitung von Edmund Glaise-Horstenau. Bd. 3. Das Kriegsjahr 1915. Teil 2. Von der Einnahme von Brest-Litowsk bis zur Jahreswende. Wien, 1932. S. 199. Для сравнения, при подготовке Горлицкой операции весной 1915 г. шесть германских дивизий армии Макензена были перевезены в Западную Галицию примерно на 500 воинских поездов в течение 8 дней. Ibid. Bd. 2. S. 316.

²¹ Ронге, Макс. Разведка и контрразведка. СПб., 2004. С. 174–175.

²² Фалькенгайн, Эрих фон. Указ. соч. С. 127.

²³ Ронге, Макс. Указ. соч. С. 142.

²⁴ Там же. С. 158.

²⁵ Велики рат Србије... Књ. 8. С. 148.

²⁶ Фалькенгайн, Эрих фон. Указ. соч. С. 98–101.

²⁷ Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918 / Hrsg. vom Österreichischen Bundesministerium für Heerwesen und vom Kriegsarchiv / Unter der Leitung von Edmund Glaise-Horstenau. Bd. 2. Das Kriegsjahr 1915. Teil 1. Vom Ausklang der Schlacht bei Limanowa-Łapanów bis zur Einnahme von Brest-Litowsk. Wien, 1931. S. 550.

²⁸ Поповић, Никола. Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977. С. 71.

²⁹ Велики рат Србије... Књ. 8. С. 256.

³⁰ Б. Лонткиевич – в Верховную Команду. 29 августа (11 сентября) 1915 г. № 174 // Велики рат Србије... Књ. 8. С. 275.

³¹ Б. Лонткиевич – в Верховную Команду. 6 (19) сентября 1915 г. № 183 // Велики рат Србије... Књ. 8. С. 283.

³² Боевое расписание германской пехоты по сведениям к 10 сентября 1915 г. / Сост. [В.Е.] Скалон. [Могилев], 1915. Копия этой брошюры хранится в Российской государственной библиотеке, а также в делах РГВИА, например: Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 766. Л. 1–12.

³³ Там же. Страницы брошюры без нумерации.

³⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 766. Л. 13–16 об. Сводка сведений о противниках, полученных в Штабе Верховного Главнокомандующего за 4–15 сентября 1915 г. № 185.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 872. Л. 105–109. М.К. Дитерихс – М.С. Пустовойтенко и в Огенквар. 16 (29) сентября 1915 г. № 8969..

³⁸ Там же. Л. 93–98. М.К. Дитерихс – М.С. Пустовойтенко и в Огенквар. 14 (27) сентября 1915 г. № 8935.

³⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 766. Л. 13–16 об. Сводка сведений о противниках, полученных в Штабе Верховного Главнокомандующего за 4–15 сентября 1915 г. № 185.

⁴⁰ Н.А. Кудашев – С.Д. Сазонову. 4(17) сентября 1915 г. / Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т. 28. С. 3.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 766. Л. 13–16 об. Сводка сведений о противниках, полученных в Штабе Верховного Главнокомандующего за 4–15 сентября 1915 г. № 185.

⁴² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 812. Л. 210. Сводка сведений, поступивших в ГУТШ за 12 августа 1915 г. № 394.

⁴³ Там же. Л. 219. Сводка сведений, поступивших в ГУГШ за 17 августа 1915 г. № 399.

⁴⁴ Там же. Л. 228. Сводка сведений, поступивших в ГУГШ за 22 августа 1915 г. № 394.

⁴⁵ Там же. Л. 245 об. Сводка сведений, поступивших в ГУГШ за 31 августа 1915 г. № 413.

⁴⁶ Созданное по решению русского командования агентство «Нордзюд» действовало в 1915–1916 гг. в Бухаресте, Копенгагене и Стокгольме и занималось информационно-пропагандистской работой, а также вело агентурную разведку. Подробнее см.: *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 459–468.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1870. Л. 1060. «Нордзюд» – в Ставку, полковнику П.Л. Асановичу. 10 (23) сентября 1915 г. № 99.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Маржери, Пьер де (фр. *Bruno-François-Marie-Pierre Jacquin de Margerie*; 1861–1942), французский дипломат, директор по политическим и торговым вопросам МИД Франции в 1914–1918 гг.

⁵⁰ Делькассе, Теофиль (фр. *Théophile Delcassé*; 1852–1923), фр. дипломат, министр иностранных дел Франции в 1898–1905 и 1914–1915 гг.

⁵¹ Жоффр Жозеф Жак Сезар (фр. *Joseph Jacques Césaire Joffre*; 1852–1931), фр. воен. деятель, главнокомандующий фр. армией в 1914–1916, маршал Франции (1916).

⁵² Цит. по: *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 158.

⁵³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 827. Л. 118. «Нордзюд» – в Ставку, полковнику П.Л. Асановичу. 22 сентября 1915 г. № 229.

⁵⁴ Там же.

Горан Милорадович

ЧИСЛЕННОСТЬ СЕРБСКОЙ АРМИИ
НА САЛОНИКСКОМ ФРОНТЕ
И ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
1916–1918 гг.

Несмотря на вековую традицию научного изучения, историки по-прежнему ломают копыя вокруг Первой мировой войны, не соглашаясь друг с другом даже по вопросу о ее причинах¹. Что касается сербской историографии, оценивающей роль Сербии в Великой войне, то для нее камнем преткновения стала количественная сторона определенных событий и процессов столетней давности: численность армии, потери и т.д. Хотя консенсус по этим проблемам не достигнут, данные, опубликованные к настоящему времени, так до сих пор и не стали предметом научной дискуссии². Кроме того, вопреки расхожему мнению, что известны все наиболее важные источники о Первой мировой войне, в российских и сербских архивах имеются документы, ожидающие введения в научный оборот³. Дополнительные сведения содержатся и в новейших исторических работах, опирающихся на давно известные документы, которые в силу разных причин игнорировались⁴. Эта новая информация при условии ее систематизации позволяет более точно оценить как состояние сербской армии в ходе Первой мировой войны, так и последствия конфликта для Сербии и сербов⁵.

Сложные неоднородные исторические события, как войны, всегда обусловлены не одним, а целым рядом факторов. Переоценка хотя бы одного из них может кардинально поменять наши представления обо всей картине прошлого. Точность ее реконструкции и последующей трактовки зависит, в первую очередь, от достоверности исходных сведений. Настоящая работа главным образом опирается на комплекс данных

о численности сербской армии на Салоникском фронте, подчерпнутых в архивах Оперативного и Адъютантского отделений Верховного командования⁶. Речь идет о наиболее точной и подробной статистике, позволяющей судить о силе и составе сербской армии в 1916–1918 гг. Она становится еще более значимой, будучи рассмотренной в соответствующем политическом и общественном контексте, а также дополненной прочей информацией, содержащейся в имеющейся литературе и архивных материалах. В результате становится возможным точнее воссоздать обстоятельства, в которых приходилось действовать сербскому правительству и Верховному командованию. Помимо прочего, рассматриваемые источники проливают свет на причины и обстоятельства формирования в России добровольческих соединений, а также на их роль в политических процессах.

Важная тема – реальная мощь сербских войск на Салоникском фронте, от которой, как и от некоторых политических и общественных факторов, зависела способность Сербии реализовывать собственную внешнеполитическую программу. От точного ответа на вопрос о численности сербской армии в 1914–1918 гг. зависит и понимание соображений сербских правящих кругов при принятии политических решений, некоторые из которых имели далеко идущие последствия. С другой стороны, Добровольческий корпус в России, назначение которого состояло в том, чтобы компенсировать потери сербской армии, понесенные в 1915–1916 гг., и стать основой будущей многонациональной армии, превратился в арену непримиримой политической и идеологической междоусобицы сербов, хорватов и словенцев. События в корпусе, ставшие неожиданными для современников, служили недвусмысленным предостережением в связи с перспективами будущего общего государства югославын.

Обращаясь раз за разом к многочисленным работам обобщающего характера, посвященным участию Сербии и сербской армии в Первой мировой войне, мы, помимо прочего, задаемся следующим вопросом: в какой мере их авторы находились в плену собственных идеологических представлений или зависели от общественно-политической конъюнктуры? Некоторые относительно поздние интерпретации Первой

мировой войны служили поборникам правящей идеологии историографическим аргументом – «научным» оправданием существования югославянского государства. О том, что некоторые исследователи, описывая создание Югославии, руководствовались не только научными соображениями, свидетельствует тот факт, что понятия «Югославия» и «югославянские народы» проецировались ими на далекое прошлое – доисторические и античные времена. Более сдержанные начинали «историю Югославии» с раннего средневековья⁷.

* * *

В начале 1930-х гг. генерал Милан Недич одним из первых писал о 170.000 сербских солдат, дошедших до Адриатического побережья. А в мае 1916 г., по его словам, на полуостров Халкидики прибыло 150.000 бойцов⁸. В конце 1970-х гг. влиятельный историк Бранко Петранович утверждал, что сербскому правительству «удалось сохранить около 160.000 солдат и продолжить сражаться на Салоникском фронте»⁹. По словам Петра Опачича, сербская армия «26 апреля 1916 г. насчитывала 151.920 бойцов», а в конце войны – «около 150.000 человек»¹⁰. Джоко Трипкович полагает, что в начале 1916 г. имелось около 150.000 сербских солдат. При этом не уточняется их территориальное распределение¹¹. Владимир Дедиер в обобщающем труде «История Югославии» приводит данные о «чуть меньше, чем 150.000 сербских солдат на Корфу» и примерно 130.000 человек, переброшенных на Салоникский фронт¹². В конце 1980-х гг. Милорад Экмечич писал, что через Албанию перешло 150.000, а в августе 1916 г. на Салоникском фронте было 122.000 сербских солдат¹³. В 1933 г. Владимир Чорович указывал, что на Салоникский фронт переброшено 120.000 «военных» из Сербии¹⁴. 150.000 военнослужащих сербской армии, переправленных на Корфу, и 120.000, находившихся на Салоникском фронте, упоминает и Владимир Стоянчевич¹⁵. Два иностранных автора согласны, что на Корфу прибыло 135.000, а Стеван Павлович считает, что на Салоникском фронте находилось 115.000¹⁶. Андрей Митрович – один из наиболее глубоких исследователей интересующей нас темы – ссылается на данные сербского Верховного командования о 110.000 солдат и 2.250 офицерах, добравшихся в де-

кабре 1915 г. до албанского побережья. Называя приведенную цифру «все-таки слишком заниженной»¹⁷, автор утверждает, что количество сербских солдат, переброшенных на Халкидики, «выросло» со 127.000 в марте до 152.000 в июне-июле 1916 г.¹⁸ Что касается новейшей сербской историографии, то Мира Радоевич и Любодраг Димич пишут о 152.000 солдат на Салоникском фронте¹⁹. Милич Миличевич указывает, что предположения относительно числа эвакуированных «на Корфу, в Бизерту и прочие места» варьируются от 133.000 военнослужащих и гражданских лиц до 152.000 солдат²⁰. Миле Белаяц со своей стороны считает, что в Грецию было эвакуировано 153.000 сербских солдат²¹.

Вынуждены констатировать, что немалый разброс от 115.000 до 160.000 заставляет нас сдержанно, если не с сомнением, относиться к вышеприведенным данным. Ситуацию усугубляет то обстоятельство, что в большинстве обобщающих работ не указано, на какие источники и более ранние исследования опираются авторы. В настоящий момент меньше всего кривотолков вызывает численность сербской армии накануне наступлений неприятеля в 1914 г. и 1915 г. Считается, что Сербия к сентябрю 1914 г. всего мобилизовала 423.441 военнообязанного²². Спустя год, озаменованный как боевыми действиями, так и борьбой с тифом, сербская армия накануне вражеского наступления, предпринятого в октябре 1915 г., насчитывала 404.020 солдат²³. Недостающий личный состав, то есть число, которое мы получаем, отняв от мобилизованных в 1915 г. тех, кого эвакуировали на Корфу, это убитые, попавшие в плен и пропавшие без вести²⁴. Окончательно установить, сколько всего выбыло из строя, не представляется возможным по причине плохого состояния документации²⁵. Впрочем, размер потерь, понесенных Сербией, это отдельная тема. В фокусе нашего внимания те, кто продолжил сражаться.

По сведениям командующего Сербским добровольческим корпусом в России генерала Михайло Живковича, в феврале 1916 г. находившаяся на Корфу сербская армия насчитывала 140 тысяч человек²⁶. Не имевшие оружия, снаряжения и обмундирования военнослужащие находились в удручающем физическом и психологическом состоянии. От истощения и болезней многие умерли сразу по прибытии как на остров, так и в

прочие места эвакуации. Некоторых вывезли в Бизерту и во Францию как неспособных к дальнейшему участию в боевых действиях. После реорганизации того, что осталось от армии, оказалось, что если солдат хватает на укомплектование только шести дивизий, то офицеров – двенадцати! Тогда и родилась идея отправить «лишних» под командованием генерала Живковича в Россию, где бы они сформировали добровольческий корпус, составленный их австро-венгерских военнопленных сербской национальности²⁷.

Однако задолго до того как основная масса добровольцев из России оказалась на Салоникском фронте, состоялась Битольская операция. Согласно архиву Оперативного и Адыютантского отделений Верховного командования, накануне битвы за Битоль сербская армия «на позициях» имела 116.079 бойцов и тыловиков²⁸. После операции, в ходе которой из строя выбыло 28.000 сербских солдат²⁹, картина была удручающая: 20 октября 1916 г. главнокомандующий армией регент Александр Карагеоргиевич информировал командование союзников о численности войск на Салоникском фронте и просил их о подкреплении. Согласно данным престолонаследника, «по-настоящему боеспособными на Салоникском фронте были»: 23.800 французских стволов; 35.500 сербских; 11.700 итальянских; 4.000 русских; 45.000 английских. Итого: 120.000 стволов. Дабы достичь маломальский, хотя бы локальный, успех на этом фронте, по мнению Александра, требовалось сосредоточить на нем, по меньшей мере, 300.000 бойцов³⁰. Столько солдат (не считая тыловиков) Сербия имела накануне катастрофы 1915 г.

В то же время, если сложить количество выбитых из строя (в подавляющем большинстве пехотинцы) с уцелевшими пехотинцами (27.244³¹ + 35.500), то получится цифра 62.744. Приняв во внимание, что не все убитые и раненые служили в пехоте, а только большинство, предположим, что перед сражением за Битоль сербских «штыков»³² имелось около 60.000. Оставшиеся 20.365 человек это офицеры, унтер-офицеры, артиллеристы, связисты, инженеры и кавалеристы. Под тыловиками (35.714³³) мы имеем в виду обозников, писарей, ремесленников, врачей и ветеринаров, музыкантов и сигнальщиц³⁴.

Этот подсчет охватывает только тех, кто был «на позициях» – 116.079 человек. «Списочный состав» был больше – 128.475 военнослужащих³⁵. Тяжелые потери, понесенные осенью 1916 г., стали причиной второй реорганизации сербских вооруженных сил, которые теперь состояли из двух армий по три дивизии в каждой³⁶. На деле не удавалось укомплектовать даже эти шесть дивизий³⁷. В то время о скором конце войны говорить не приходилось, и у сербского Верховного командования имелись веские причины для озабоченности.

О численности сербской армии знали не только в военных кругах. По подсчетам «Сербско-русского общества» «в Салониках» в конце декабря 1916 г. находилось чуть более ста тысяч сербских бойцов: «Это, следовательно, всё, или почти всё боеспособное население страны. И оно медленно, но неуклонно тает в беспрестанных столкновениях с неприятелем»³⁸. При этом имелись в виду все военнослужащие, находившиеся на фронте, а не только непосредственные участники боевых действий. Реальная и гораздо более прискорбная картина была в деталях известна высшим сербским и русским офицерам. 7 декабря 1916 г. генерал Михайло Живкович сообщал начальнику штаба Одесского военного округа генерал-лейтенанту Никандру Марксу: «Сербская армия на Салоникском фронте насчитывает в настоящее время не больше 35.000 штыков. И это все, что осталось от прелестной армии, насчитывающей в прошлом году 300.000, оборонявшей линию рек – Дуная, Савы и Дрины и преграждавшей германцам дорогу Белград–Константинополь. Кульминационная точка напряжения моральных и материальных сил давно уже достигнута. Пополнения убитых в рядах этой армии ожидать неоткуда. Перспектива ужасная»³⁹. Маркс, как следует из документа, датированного февралем 1917 г., считал эти сведения достоверными⁴⁰. Проверить их не составляло труда, ведь на Салоникском фронте находился и русский военный контингент, в составе которого имелись и разведчики. Как, впрочем, и в остальных союзных войсках.

С другой стороны, если верить конфиденциальным сведениям Сербской миссии в Петрограде от 15 декабря 1916 г., «сербская армия на Солунском фронте представляет незначительную силу приблизительно 60.000 штыков. Своим участием в военных действиях она ежедневно тает. До конца войны

остаток нашей армии совершенно исчезнет или будет низведен до такого минимума, который будет недостаточен для простого сохранения порядка в стране»⁴¹. Как объяснить, что в двух документах, которые разделяет только 8 дней, фигурируют столь разные цифры – 35 и 60 тысяч? Меньшая характеризует положение вещей после кровавой битольской операции, продолжавшейся более двух месяцев. Что касается 60.000, то столько пехотинцев имелось в строю до битвы за Битоля. Вероятно, Сербская миссия рассчитывала на то, что кто-то из 28.000 в обозримом будущем снова встанет в строй. Некоторые, возможно, на момент написания документа и вернулись в свои части.

Такая численность сербской армии на Салоникском фронте подтверждается данными от 9 января 1917 г., согласно которым она располагала 42.000 «стволов», то есть пехотинцев. Совокупные вооруженные силы насчитывали в тот момент 102.500 офицеров и солдат⁴². Есть мнение, что год спустя эта цифра еще уменьшилась, и в марте 1918 г. сербская армия «насчитывала всего 41½ тысячу боеспособных стволов, из которых только 29½ тысяч находились “на местах”, то есть в окопах»⁴³. Если сравнивать с октябрём 1916 г., то налицо пополнение в 6.500 «стволов» – вернувшихся в строй раненых и больных. Кроме того, сербское правительство на законных основаниях произвело мобилизацию около 2000 собственных подданных из Битоля и окрестностей⁴⁴. Подобная практика имела место до начала мая 1917 г., когда Совет министров от нее отказался и распустил по домам всех мобилизованных, кроме тех, кого призвали еще до оккупации Сербии неприятелем⁴⁵. По-видимому, политические соображения обусловили решение властей, стремившихся в условиях войны избежать обострения отношений между населением освобожденных областей и институтами сербского государства. Вопрос границ оставался нерешенным, и нельзя было исключать проведения в Македонии плебисцита о ее территориальной принадлежности. Кроме того, призывники не проявили должной стойкости и боевых качеств: к 14 марта 1917 г. 244 солдата дезертировали из своих частей. Для сравнения, с мая 1916 г. по 14 марта 1917 г. из всей сербской армии дезертировало 719 человек, включая 3 офицеров⁴⁶.

То, что сербская армия в конце 1916 г. могла при определенных условиях *рассчитывать* в лучшем случае на 60.000 пехотинцев (это не означает, что она их действительно имела!), подтверждается еще одним документом. Указав, что Австро-Венгрия осуществляет план по истреблению сербов, представители сербского правительства в декабре 1916 г. еще раз обратились к России за помощью. Ожидалось, что заручившись ею, сербским властям удалось бы собрать 170.000 солдат за счет следующих ресурсов: «1. Остаток сербской армии на солунском фронте около 60.000; 2. Из военнопленных в России 60.000; 3. Из военнопленных в Италии 40.000; Из несдавшихся сербских солдат [в Сербии] 10.000»⁴⁷. Увы, этот план осуществлен лишь отчасти. Италия отказалась сотрудничать, так как не собиралась усиливать в военном отношении государство, с которым в недалеком будущем ожидался конфликт по вопросу о принадлежности Далмации⁴⁸. Потенциальные солдаты, находившиеся в самой Сербии, были дезертирами, которые оставили свои части в 1915 г.⁴⁹ и избежали австро-венгерского плена. Разные обстоятельства подтолкнули их к тому, чтобы весной 1917 г. преждевременно поднять Топлицкое восстание, в котором многие либо погибли, либо попали в плен⁵⁰. Остальные затаились до лучших времен.

Проблемы, обнаружившиеся в ходе пополнения личного состава Добровольческого корпуса в России, имели следствием радикальное сокращение числа солдат, отправляемых из России на Салоникский фронт. Межнациональные, религиозные и политические противоречия, а также их корреляция с изменившимися военно-политическими условиями, в которых существовал корпус, обнаружили природу недуга, который предопределяет участь не только его самого, но и будущей Югославии. Когда стало ясно, что добровольцев не достаточно для восполнения потерь сербской армии, и корпус стал пополняться путем мобилизации военнопленных, в нем начались первые столкновения⁵¹. Хорваты и словенцы, призванные российской стороной против их воли, совершенно не желали ни становиться сербскими солдатами, ни отречься от присяги императору Францу-Иосифу. Дабы избежать отправки на фронт, они были готовы оказывать как вербальное, так и физическое сопротивление⁵². Сербские добровольцы считали этих

хорватских и словенских «недобровольцев»⁵³ внутренними врагами и потенциальными предателями, что неоднократно приводило к физической расправе над ними. К тем, кто ее совершал, офицеры из Сербии строгих мер не принимали, что нашло отражение в рапорте от 9 января 1917 г., отправленном генерал-лейтенантом Чистяковым начальству⁵⁴. Конфликты такого рода были обусловлены предшествующими событиями.

Существовали три уже сформировавшиеся нации, каждая со своими политическими воззрениями, национальными идеалами, приоритетами, моральными представлениями, религией, культурными и психологическими особенностями. У хорватов к тому времени уже укоренилась идеология «хорватского государственного права», сформулированная Анте Старчевичем и его последователями. Не следует забывать, что и Австро-Венгрия вела войну не только военными, но и политическими средствами. Послав на сербский фронт многочисленных южных славян и чехов, Двудеиная монархия намеревалась достичь двойного эффекта: в случае победы можно было бы утверждать, что «верные императору» славяне победили Сербию, а поражение распалило бы ненависть славян монархии к победоносной Сербии⁵⁵. Ход событий, особенно, происходившее в добровольческом движении показал, что расчет во многом оказался верным.

Страдания военных лет углубили старые религиозные, культурные, национальные и исторические противоречия, которые габсбургская пропаганда немилосердно подогревала. В начале XX в. австро-венгерское и германское общественное мнение ничтоже сумняшеся величало сербов «государственными изменниками», «балканскими разбойниками», «народом-убийцей», «балканскими стервятниками»⁵⁶... Преследования и погромы сербов, прокатившиеся по Боснии и Герцеговине летом 1914 г., стали возможными, благодаря навязыванию подобных представлений об этом народе⁵⁷. Все это не могло не сказаться на отношениях внутри Добровольческого корпуса в России. С каждым новым инцидентом, оскорблением или брошенным косым взглядом сербы, хорваты и словенцы психологически и политически отдалялись друг от друга. Этого не могли не замечать русские, на чьей территории развивались события. В январе 1917 г. генерал-лейтенант Чистяков

докладывал: «Сербское командование в своих расчетах на возможность скорого перевоспитания многочисленных колеблющихся добровольцев в духе действительной преданности особой югославянской государственности, недостаточно оценило глубину религиозной и политической розни между хорватами (словинцами) – католиками и сербами – православными, при наличии прочих неблагоприятных условий (неудачи в Добрудже и враждебная агитация)»⁵⁸.

Российские представители внимательно следили за политическими противоречиями, пропагандой и контрпропагандой, драками и убийствами, которые в 1916–1917 гг. раздирали Добровольческий корпус и, в конце концов, поставили на нем крест. В марте 1917 г. генерал-лейтенант Чистяков в своем докладе объяснял природу конфликтов: «Случайно собранная масса естественно находилась в дисгармонии. Хорваты и словенцы заявляли, что они вовсе не «сербы», а католики и до того, к чему стремятся сербы, им дела нет. [...] Основной причиной возникновения описываемых эксцессов, помимо принудительности комплектования, представляется политическая и религиозная рознь элементов, из коих комплектовались сербские формирования. Эти различные элементы искусственным образом связать было нельзя, а попытки в этом направлении вызвали естественные протесты, которые ликвидировались не всегда дозволенными средствами»⁵⁹. Уже тогда югославянство как национальная идеология была мертворожденным ребенком. Однако на Салоникском фронте отчаянно не хватало «штыков».

Поэтому 24 марта 1917 г. военный министр генерал Михайло Рашич просил французского коллегу Поля Пенлеве прислать 50.000 человек для пополнения имеющихся частей, а также еще солдат для формирования дополнительной – седьмой дивизии сербской армии. Рашич рассчитывал на выздоровевших раненых и сербов из Австро-Венгрии, находившихся в плену у союзников – всего 63.000 человек. Французский военный министр соглашался удовлетворить эти запросы и обещал перебросить добровольцев из России в максимально короткий срок⁶⁰. Однако выполнить эти планы в том объеме, в каком планировалось, так и не удалось. Неблагоприятные обстоятельства и активность неприятеля свели добровольчес-

кое движение в России к четверти от ожидавшейся численности. 5 февраля 1918 г. на Салоникском фронте находилось всего 6.564 добровольца. 5.483 из них – из Америки, Италии, Франции, Австралии и Египта. И всего 1.081 из России, откуда ожидалось прибытие еще 13.536 человек⁶¹. Однако получилось меньше. До прорыва Салоникского фронта из России прибыли только 12.500 солдат из ожидавшихся 60.000. Согласно имеющимся исследованиям, с 7 декабря 1917 г. по 1 мая 1918 г. в Салониках высадилось всего 11.753 добровольца – офицера и солдата⁶². Если к этой цифре прибавить тех, кто приехал из России и с Запада до этого, то 13 сентября 1918 г. – накануне начала Салоникского наступления – совокупная численность всех добровольцев «на позициях» не могла превышать 14.957 человек («списочный состав» – 17.963). Это подтверждается и данными Верховного командования⁶³.

Личный состав сербской армии таял не только в результате боевых потерь и болезней. В феврале 1917 г., по требованию министра образования Любомира Давидовича, правительство приняло решение снять с фронта и отправить в Тунис всех учащихся – военнообязанных 1896–1898 годов рождения. Они и дальше числились «в списках», дабы получать довольствие, однако в боевых действиях больше не участвовали⁶⁴. Вероятно, год спустя, их причислили к тем «7.500 солдатам, находящимся в резерве и размещенным на складах в Бизерте»⁶⁵. Правительственное решение объяснялось стремлением сохранить молодежь для мирного времени. Однако до него было еще далеко, и, казалось, что конец войны только отодвигается.

В России разразилась Февральская революция. Отречение царя Николая II лишило Сербию ее главного защитника на международной арене. Примерно в это время – 13 апреля 1917 г. – сербская армия на Салоникском фронте насчитывала «на позициях» 94.050 человек. То есть на 22.029 человек меньше, чем 13 июля 1916 г. Большую часть потерь составили военнослужащие боевых частей. Рядовых «на позициях» стало меньше на 15.906 человек; капралов – на 3.192; добровольцев – в два раза (869 вместо 1.684). Выросло только количество тыловиков – с 27.550 до 29.581⁶⁶.

О том, что нехватка пехоты сделала положение на фронте невыносимым, свидетельствует и тот факт, что сербские дип-

ломатические представительства получили указание мобилизовать сербских подданных, где бы они ни находились. Так, 31 октября 1916 г. в сербское консульство в Каире поступил приказ военного министра Б. Терзича предпринять медосмотр всех сербских подданных – турок и евреев, эмигрировавших в Палестину (несмотря на то, что некоторые из них даже не говорили по-сербски!). Выявленных военнообязанных – от рожденных в 1897 г. до тех, кому исполнилось 50 лет, – надлежало мобилизовать и командировать в Салоники в распоряжение командующего действующей армией⁶⁷. Помимо эмигрантов было решено призывать и сербских беженцев. В мае 1918 г. сербский посланник в России Мирослав Спалайкович поручил инспектору по делам сербских беженцев в России Милошу Московлевичу образовать комиссию «по учету и осмотру всех военных беженцев. Тех из них, кто способен к какой бы то ни было военной службе, если от нее не освобожден по закону, следует отправить в распоряжение военных властей»⁶⁸. Инициатива эта ни к чему не привела, так как до окончания войны отсутствовала возможность переправить людей из Сибири на Балканы. Позднее, незадолго до прорыва Салоникского фронта сербское правительство не оставляло попыток пополнить новых солдат: «Согласно некоторым донесениям, информация которых совпадает, значительное число наших подданных из новых областей – турок и арнаутов, – которых болгары сначала мобилизовали, а потом уступили туркам, попало к англичанам как военнопленные или дезертиры из Месопотамии. Так, в Бомбее их, должно быть, имеется около 2.000. В Басре – сотни. И все они изъявили желание отправиться служить в сербской армии. Прошу проверить это, и, если их набирается приличное число, сделайте все необходимое, чтобы англичане уступили их нам и отправили в Салоники»⁶⁹. По-видимому, эти «наши подданные» зачисление в сербскую армию видели единственной возможностью выбраться из экзотических мест, куда их забросила война, и вернуться в родные пенаты.

Неизвестно, к каким результатам привели вышеописанные усилия, однако 27 февраля 1918 г. сербская армия насчитывала 137.000 человек – «бойцов» и тыловики, вместе взятых. Из них «на позициях» находилось 109.000 человек, из которых «бойцов» – 63.000⁷⁰. На тот момент в армии имелось 3.870 офи-

церов всех родов войск и званий, а также 41.227 военнослужащих, не принимавших непосредственного участия в боевых действиях (тыловиков, чиновников, жандармов, музыкантов, посыльных, конюхов, врачей и т.д.)⁷¹. Накануне Салоникского наступления (13 сентября 1918 г.) «в списках» сербской армии числилось 141.933 человека, а «на позициях» находилось 111.220 человек. По сравнению с февралем того же года, «на позициях» наблюдался прирост численности в 2.000 человек. Однако на 1.000 выросло и количество тыловиков, следовательно «бойцов» стало больше только на 1.000⁷². Это означает, что постепенное прибытие добровольцев позволило известному количеству «бойцов» перебраться в тыл. Пополнения из других источников ожидать не приходилось.

13 сентября 1918 г. – накануне салоникского наступления – сербская пехота насчитывала 84.568 человек «по списку» и 63.298 «на позициях». Имелись в виду солдаты и офицеры, «бойцы» и тыловики, вместе взятые⁷³. Добровольцев было 15.000⁷⁴, «сербянцев» – около 48.000 и, возможно, некоторое символическое количество подданных Сербии, мобилизованных в эмиграции. Это означает, что на прорыв фронта выдвинулось примерно столько же пехотинцев, сколько их имелось и в июле 1916 г. С той лишь разницей, что их боевые качества в известной степени выросли в результате прибытия добровольцев. Кроме пехоты, в наступлении участвовали артиллеристы – 20.097 «по списку» и 16.531 «на позициях»; служащие инженерных частей – 7.053/5.576; кавалеристы – 3.752/3.051. Итого: 115.443 «по списку» и 88.456 солдат и офицеров всех родов войск «на позициях». Это число охватывало и 682/530 чиновников, 1.743/1.349 жандармов, а также 8.954/6.106 тыловиков. Это означает, что в дивизиях «на позициях» находился 80.471 солдат и офицер всех служб родов войск⁷⁵. Если к этому личному составу прибавить тех, кто по разным причинам находился «в увольнении», то получится 141.933 человека – совокупная и максимальная «списочная» численность сербской армии на Салоникском фронте⁷⁶. То есть «в увольнении» – на лечении и на разных тыловых должностях – военнослужащих было столько же, сколько и во всей пехоте – около 62.000!

В конце 1918 г. – сразу по окончании войны – сербская армия и дальше насчитывала 140.000 человек, несмотря на по-

тери, понесенные во время прорыва фронта и после него⁷⁷. По-видимому, часть выбитых из строя заменили бывшие военные беженцы, которые, оставив свои части в 1915 г., избежали плена, а в 1918 г. снова явились в распоряжение армии. Кроме того, мобилизовали юношей, которые в начале войны еще были детьми. Однако, даже на завершающем этапе войны вооруженные силы насчитывали не 150.000–160.000, как можно прочесть в некоторых работах, а самое большее – 140.000.

Вызывает недоумение, почему ранее не был решен вопрос численности сербской армии на Салоникском фронте, не определены ее внутренние пропорции, колебания численности солдат в 1916–1918 гг.? Ведь документы Оперативного и Адъютантского отделений Верховного командования сохранились до наших дней. Причина в том, что исследователи по большей части опирались на сведения, опубликованные Генеральным штабом в издании «Великая война Сербии». С 1925 г. по 1939 г. свет увидел 31 том, в которых имеется несколько общих обзоров численности сербской армии и Добровольческого корпуса, но нет описания их внутренней структуры⁷⁸. При этом данные не представлены единообразно (местами указаны абсолютные числа, местами – количество батальонов, эскадронов и орудий), что препятствует их сопоставлению. На их основе невозможно проследить изменения численности и внутренних пропорций частей и соединений⁷⁹. Издание, о котором идет речь, несмотря на изобилие статистики, не способствует точному анализу численности сербской армии. Помимо прочего, и по той причине, что личный состав многих частей не был полностью укомплектован. А ведь именно установление структуры численности – ключ к пониманию главной проблемы, с которой Верховное командование столкнулось на Салоникском фронте, – нехваткой пехоты.

13 июля 1916 г. – после отступления через Албанию и реорганизации – сербская армия «по списку» имела 128.475 человек (116.079 «на позициях») и составляла 31,8% (28,73%) от той армии, которая существовала накануне вражеского наступления 1915 г. (404.020 военнослужащих, из которых 300.000 «бойцов»)⁸⁰. Это значит, что в строю осталось меньше трети офицеров и солдат. Весной 1917 г. численность сербской армии после потерь, понесенных осенью 1916 г., све-

лась к 23,28% от ее численности осенью 1915 г. (404.020), если иметь в виду тех, кто находился «на позициях» (94.050 человек), или к 32.19% (130.058) если ориентироваться на списочный состав. Это значит, что после Битольской битвы сербская армия составляла четверть от своей численности в начале октября 1915 г. Даже, если ради проверки, посчитать по-другому, то есть по количеству батальонов, то картина выйдет ничуть не лучшая. 3 октября 1915 г., перед нападением Болгарии, Сербия располагала 288½ батальонами⁸¹, а 9 января 1917 г. – всего 72 батальонами⁸². Это четвертая часть тех вооруженных сил, которые могли выйти на поле боя ранней осенью 1915 г.

Для понимания того, что представляла собой сербская армия под Салониками, важно не только знать ее численность, но и правильно оценить ее боевые качества. В апреле 1917 г. всего на Салоникском фронте «на позициях» находилось офицеров, унтер-офицеров и солдат (без тыловиков) 64.469 (21.49%), а если исключить всех остальных, кто не участвовал в боевых действиях, то 57.597 «бойцов», то есть 19,20% от имевшихся в октябре 1915 г. (300.000). То есть примерно пятая часть. Об уменьшении боеспособности сербской армии свидетельствует и тот факт, что соотношение «бойцов» и тыловиков в начале октября 1915 г. было приблизительно 3:1, а 13 апреля 1917 г. эта пропорция «на позициях» составляла приблизительно 3:2 (или 1,5:1). Если совсем точно, то «бойцов» было 61,24% (57.597), а тыловиков – 38.76% (36.453). Ко вторым, помимо обозников, мы причисляем чиновников военной администрации, медперсонал, музыкантов, конюхов, вестовых и жандармов. Таким образом, не только уменьшилась численность сербской армии, но и существенно изменился баланс между «бойцами» и тыловиками. Следовательно, оказалась серьезно подорванной боеспособность вооруженных сил. Военный опыт, закалка и стойкость личного состава боевых частей не могли изменить положение вещей.

В конце 1916 г. и в течение 1917 г. численность и боевые качества сербской армии находились в низшей точке, если рассматривать весь период 1914–1918 гг. Наверное, хуже ситуация была только во время перехода через Албанию и в период восстановления на Корфу. А ведь именно на начало 1917 г. пришелся крах царской России, что лишило Сербию ее

главной опоры. Легко представить, как угнетающе действовали на сербское правительство и Верховное командование все более и более дурные вести, приходившие из России в 1917 г. Ситуацию усугубляло и то, что именно в то время Антанта и Австро-Венгрия вели переговоры о подписании сепаратного мира. Под давлением хорватов и словенцев Сербский добровольческий корпус переименован в Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев. Подписана Корфская декларация, формулировалась концепция будущей Югославии. Апис со товарищи осуждены и расстреляны. Зададимся вопросом: какая связь между этими событиями?

В это кризисное время в наихудшем положении находилась сербская пехота, так как она несла самые тяжелые потери. Сведения о присутствии в конце 1916 г. всего «35.000 штыков» на сербском отрезке Салоникского фронта, хоть и выглядят заниженными, не далеки от реальности. Тогда сербский корпус в России «по списку» насчитывал 34.589 солдат и 983 офицера⁸³. То есть на тот момент был равен по численности всей сербской пехоте. Впрочем, из-за революционных событий число этих добровольцев уже к августу 1917 г. сократилось до 22.371 солдата и офицера⁸⁴. Одновременно положение на Салоникском фронте относительно улучшилось. В феврале 1918 г. в результате возвращения в строй выздоровевших и прибытия части добровольцев сербская армия «на позициях» располагала 109.569 военнослужащими – 68.342 «бойцами» (всех родов войск и званий) и 41.227 тыловиками⁸⁵. И все-таки этих сил едва хватало, чтобы расставить людей по окопам. Согласно Донесению сербского военного атташе в Лондоне сербские солдаты *бессменно* (!) находились на передовой линии с мая 1916 г. по февраль 1918 г., а может быть, и дольше⁸⁶. При этом в начале последнего года войны они отвечали за участок фронта в 58 километров, который командующий союзными войсками на Салоникском фронте требовал увеличить еще на три километра⁸⁷.

Такая ситуация сложилась ко времени операции по прорыву фронта в сентябре 1918 г. Сербская армия, находившаяся на направлении главного удара, непосредственно накануне наступления имела «на позициях» 111.220 человек – 70.134 офицера, унтер-офицера и солдата, а также 41.086 тыловиков различных

категорий. «В увольнении» находилось 30.713 военнослужащих⁸⁸. Это означает, что по сравнению с апрелем 1917 г., когда число сербских бойцов достигло минимума, пополнение составило 12.537 человек. Примерно столько добровольцев прибыло из России, а всего добровольцев накануне прорыва «на позициях» насчитывалось 14.957. Встречающиеся в сербской историографии утверждения, будто в сентябре 1918 г. добровольцев в сербской армии было около 21.000⁸⁹ (или даже больше!), лишены оснований, так как эти авторы в добровольцы записывают всех сербских солдат, которые родились вне Сербии, а в 1914 г. имели сербское гражданство. Сказанное позволяет заключить, что попытки наполнить окопы путем мобилизации сербских граждан, находившихся в эмиграции, не принесли сколь-нибудь ощутимых результатов⁹⁰. В то же время, даже с учетом прибытия добровольцев во время прорыва «на позициях» находилось всего на 1.792 солдата больше, чем в феврале 1918 г. С учетом того, что тогда имелось всего 63.000 сербских «бойцов», можно констатировать, что в момент начала наступления сербская армия располагала не более чем 65.000 «бойцов». Это означает, что, несмотря на усилия правительства, не удалось повысить численность пехоты по сравнению с периодом, предшествовавшим битве за Битоль. Выросло лишь количество тыловиков и, особенно, число пребывавших «в увольнении», то есть в ближнем и глубоком тылу.

Вышесказанное ставит перед нами новый вопрос, требующий еще более детального исследования, – кто же *действительно сражался* в тех траншеях в окрестностях Салоник, и где находились и чем занимались все остальные?

Кроме того, приходится констатировать, что сербское Верховное командование долгое время пребывало в заблуждении, предвкушая массовый наплыв югославян-добровольцев из лагерей военнопленных, находившихся в Италии и России. В декабре 1916 г. планировали прибытие 100.000 человек, а в марте 1917 г. уже рассчитывали лишь на 63.000. А к концу войны в сербскую армию поступило всего 18.000 бойцов, из которых в 1918 г. в строю к началу наступления осталось только 15.000. Таким образом, первоначальные ожидания сбылись, самое большее, на 18%. Установить с абсолютной точностью национальный состав добровольцев не представляется возможным.

Известно, что подавляющее большинство составляли сербы. Согласно имеющемуся свидетельству, описывающему отправку добровольческих эшелонов из России на Салоникский фронт, сербских солдат и офицеров в них было 12.313; хорватских – 348; словенских – 86; чешских – 121; словацких – 17; других национальностей – 181⁹¹.

И, наконец, зададимся вопросом: если сербская пехота оставалась столь малочисленной, то как же ей удалось прорвать линию фронта? Решающее значение имела огневая мощь, сосредоточенная в определенном месте в определенное время. В октябре 1915 г. сербская армия располагала 678 различными пушками⁹², а в феврале 1918 г. – 312 пушками и 44 траншейными орудиями⁹³. В абсолютном исчислении – в два раза меньше. Однако, если принять во внимание, что личного состава имелось только 27,52% от численности 1915 г., то получится, что на количество солдат пушек стало в полтора раза больше: в октябре 1915 г. на одно орудие приходилось 596 человек, а в 1918 г. – 399. Недостающих пехотинцев в 1918 г. заменили пулеметы – 330 станковых и 1.733 ручных⁹⁴. Первых в начале войны насчитывалось всего 246⁹⁵. В конце июня 1918 г. сербская артиллерия располагала 339 пушками и 57 траншейными орудиями; авиация – 71 аэропланом различных типов; пехота – 546 станковыми и 1.955 ручными пулеметами⁹⁶. На одно орудие приходилось 354 солдата. Не стоит забывать, что сербы действовали вместе с союзными войсками, которые располагались вдоль весьма протяженной линии фронта. Поэтому неприятель не мог быстро перегруппировать свои силы и перебросить их туда, где планировался прорыв. Кроме того, в атаку сербская пехота пошла не в одиночестве, а вместе с двумя французскими дивизиями – 17-й колониальной и 122-й пехотной⁹⁷. Залогом успеха стало то, что главный удар пришелся на отрезок фронта в 33 километра, на котором было сосредоточено 580 орудий, разнесших в клочья болгарские позиции⁹⁸. В результате предпринятого наступления сербская армия потеряла 4.019 военнослужащих, 681 – убитыми⁹⁹.

* * *

Предпринятый анализ численности и реальной мощи сербской армии на Салоникском фронте выявил многочисленные

неточности и несовпадения статистических данных, которыми оперирует историография. Искажение картины прошлого также обусловлено игнорированием того факта, что численность и снаряженность военнослужащих не раз и навсегда сложившиеся, а динамичные, меняющиеся категории. Большая часть авторов не принимала во внимание соотношение «бойцов» и тыловиков, которое является одним из ключевых факторов боевой эффективности армии¹⁰⁰. Так, утверждение, будто 26 апреля 1916 г. сербская армия «насчитывала всего 151.920 бойцов»¹⁰¹, не выдерживает критики по двум причинам. Во-первых, отсутствует «постатейный» подсчет личного состава, принимавшего непосредственное участие в боевых действиях. Во-вторых, преувеличена совокупная численность военнослужащих. Мы утверждаем это, так как на основании источников точно установлено, что 13 июля 1916 г. «по списку» имелось 128.475 солдат и офицеров (в том числе и тыловиков), а «на позициях» – 116.079¹⁰². Возникает вопрос, куда за два месяца делись 23.445 человек, если отталкиваться от «списка», или 35.841, если учитывать тех, кто находился «на позициях»? Никаких значительных боевых действий в это время не велось. При этом *бойцов* всех званий и родов войск тогда могло быть, самое большее, 80.419 человек (эта цифра получается в результате исключения из совокупного числа всех тыловиков, чиновников, медиков и т.д.)

Добровольческое движение стало столь значимым в политическом и военном отношении из-за нехватки солдат на Салоникском фронте. При этом политические и идеологические процессы, протекавшие внутри корпуса, не изучены в должной мере. Проблемы возникли, когда стремление удовлетворить насущную потребность в восполнении потерь, понесенных сербской армией на Салоникском фронте, натолкнулось на сопротивление югославян-католиков, имевших прямо противоположное представление о своем будущем¹⁰³. Некоторые из них Хорватию видели «вторым Пьемонтом» южных славян, которому надлежало взять верх над первым, то есть Сербией¹⁰⁴. Объективной реконструкции событий препятствовала и политическая борьба, развернувшаяся в Королевстве СХС (Югославия). Добровольческое движение и вклад в победу превратились в 1920–1930-е гг. в предмет политической спекуляции,

к которой прибегали те, кто стремился продемонстрировать собственный патриотизм или обличить противника¹⁰⁵. В период существования Югославии к добровольческому движению относились как к политически чувствительной теме. Поэтому считалось возможным либо рассматривать ее сугубо военный аспект, либо публиковать тщательно отобранные архивные материалы и воспоминания¹⁰⁶. Редко публиковались источники, иллюстрировавшие политические и межнациональные противоречия, присутствовавшие в Добровольческом корпусе. Авторы избегали того, чтобы делать соответствующие выводы¹⁰⁷. Только в постсоциалистическое время появились работы, в которых по-другому расставлялись акценты¹⁰⁸.

Впрочем, куда большую озабоченность вызывает другое обстоятельство. В научной литературе встречается описание того, как германский император Вильгельм II, узнав о капитуляции Софии, послал болгарскому Верховному командованию телеграмму следующего содержания: «62.000 сербских солдат решили исход войны. Какой позор!»¹⁰⁹. То есть, указана почти точная численность сербской пехоты в момент прорыва Салоникского фронта. «На позициях» тогда находилось 63.298 офицеров и солдат, включая тыловиков¹¹⁰. Сербской историографии потребовалось 80 лет, чтобы установить то, о чем кайзер знал еще осенью 1918 г. При этом ошеломляет тот факт, что все это время необходимые точные сведения имелись в белградских архивах. А те, что хранятся в Москве, Париже, Берлине и т.д., в основном сербского происхождения.

Численность и структура сербской армии на Салоникском фронте это только часть более широкой и сложной исторической проблемы сербских потерь в Первой мировой войне. До сих пор в науке нет консенсуса по вопросу о военных и гражданских жертвах: сколько погибло, ранено, попало в плен, умерло от болезней, дезертировало, оказалось в лагерях для интернированных лиц; сколько было беженцев; какой была численность армии в изгнании и т.д. Точно не определено, каковы последствия войны для Сербии и сербов. В историографии можно встретить утверждение, что Сербия из 4.823.198 своих довоенных жителей¹¹¹ потеряла, как минимум, 800.000¹¹². Согласно официальным данным, опубликованным властями Королевства СХС, Сербия в результате Первой миро-

вой войны потеряла около миллиона человек: 369.518 солдат и 630.000 гражданских лиц¹³. Согласно другим, менее сдержанным оценкам, число всех убитых и умерших сербских подданных всех возрастов и обоих полов достигает 1.330.925¹⁴. К этому следует прибавить сербские жертвы в Австро-Венгрии, сведения о которых еще менее надежны и изучены. А без достоверной, проверенной информации, особенно статистической, воссоздание картины прошлого походит более на мифотворчество, чем на науку.

Перевод А.А. Силкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Белаяц М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах первой мировой войны. Москва, 2015.

² О несклонности сербской историографии к «саморефлексии» см.: *Јовановић М.* Криза историје – српска историографија и друштвени изазови краја 20. и почетка 21. века. Београд, 2009. С. 123–132.

³ Новые данные содержатся как в неопубликованных, так и в опубликованных архивных материалах. См.: *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадовић Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. Сборник документов. Москва, 2014.

⁴ О численности сербской армии на Салоникском фронте см.: *Ivetić Velimir.* Struktura brojnog stanja srpske vojske na Solunskom frontu 1916–1918. godine // *Vojnoistorijski glasnik.* № 3. 1998. С. 122–130.

⁵ Даты в архивных документах, использованных в данной статье, указаны по Юлианскому календарю.

⁶ Документы введены в научный оборот в: *Ivetić V.* Op. cit. S. 122–130.

⁷ «Наша страна в эпоху первобытного общества» – заголовок первой главы книги «Historija naroda Jugoslavije» (Zagreb, 1953). Эта «история» от античных времен прослеживается в работе «Историја Југославије» (Београд, 1972). С 7 в.н.э. начинаются следующие работы: *Ђоровић Владимир.* Историја Југославије. Београд, 1933; *История Югославии.* Москва, 1963.

⁸ *Недић Милан Ђ.* Српска војска и солунска офанзива. Београд, 1932. С. 23–25.

⁹ *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1978. Beograd, 1980. S. 19.

¹⁰ *Опачић П.* Србија и Солунски фронт. Београд, 1984. С. 38, 411. По-видимому, под воздействием этой работы, а также более ранней (*Опачић П.* Солунска офанзива 1918. Београд, 1980.) остальные авто-

ры воспроизводят цифру в 152.000 сербских солдат на Салоникском фронте.

¹¹ *Трипковић Ђ.* Српска ратна драма 1915–1916. Београд, 2001. С. 216, 217. Автор не замечает противоречия между этим числом и приводимыми им же самим данными, согласно которым с 14 апреля по 30 мая в Салоники переправлено 112.000 сербских солдат (С. 215).

¹² *Историја Југославије.* Београд, 1972. С. 391–392.

¹³ *Екмечић М.* Стварање Југославије 1790–1918. Т. 2. Београд, 1989. С. 755, 766.

¹⁴ *Ђоровић В.* Историја Срба. Ниш, 1999. С. 732.

¹⁵ *Стојанчевић В.* Србија и српски народ за време рата и окупације 1914–1918 године. Лесковац, 1988. С. 34, 99.

¹⁶ *Павловић С.* Србија. Историја иза имена. Београд, 2004. С. 125–126; *Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19. до 20. века. Београд, 2008. С. 249.

¹⁷ *Митровић А.* Србија у првом светском рату. Београд, 1984. С. 260. (Митровић почерпнуо эти сведения из записи в дневнике операций сербской армии за 27 декабря 1915 г. См.: Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца (ВРС). 13. Београд, 1927. С. 400.)

¹⁸ *Митровић А.* Србија у Првом светском рату... С. 281. (Те же данные Митровић приводит в: Историја српског народа. VI-2. Београд, 1983. С. 113. Сведения о 152.000 сербских солдат на полуострове Халкидики, по-видимому, заимствованы у П. Опачича из его работы «Солунска офанзива 1918. године: српска војска у завршном периоду Првог светског рата. Београд, 1980».)

¹⁹ *Радојевић М., Димић Љ.* Србија у Великом рату 1914–1918: Кратка историја. Београд, 2014. С. 190–191, 215. (Любопытно, что те же авторы полагают, что на Корфу переправлено 140.000, из которых умерло, по меньшей мере, 6.400 человек.)

²⁰ *Милићевић М.* Српско повлачење преко Албаније (Албанска Голгота) // Лексикон Првог светског рата. Београд, 2015. С. 194.

²¹ *Ђелајац М.* Процена ратних губитака Србије // Лексикон... С. 358.

²² *Денда Д.* Организација и опремљеност српске војске // Лексикон... С. 299.

²³ Војни Архив (ВА). П-3. К. 4. Ф. 1. Р.б. 3/1. (Численность совокупной сербской армии на день начала вражеского наступления 23 сентября 1915 г.).

²⁴ Считается, что большая часть из 80.000 «пропавших без вести», на самом деле, были дезертирами, а не умершими. Этим, в частности, объясняется большое число участников Топлицкого восстания 1917 г. См.: *Милићевић М.* Српско повлачење преко Албаније... С. 194.

²⁵ См.: *Ђелајац М.* Процена ратних губитака Србије... С. 357–361.

²⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 44–48. Обзор командующего добровольцами генерала М. Живковича обстоятельств формирования Сербского добровольческого корпуса в России, 1 декабря 1916 г. (Опубликовано в: Армия без государства... С. 189.)

²⁷ *Ђурић А.Д.* Ка победи. Ратни дневник. Београд, 1938. С. 5–7.

²⁸ *Ivetić V.* Op. cit. S. 127. Согласно Иветичу, в «списках» тогда числилось 128.475 солдат. Где находились 12.396 человек (разница между тем, что было «в списках», и «на позициях» – 116.079)? На обучении, в госпиталях, в увольнении или выполняли разные поручения, не связанные с боевыми действиями. Короче говоря, где угодно, только не в окопах...

²⁹ *Mutrović A.* Србија у Првом светском рату... С. 283.

³⁰ *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић I: Уједињење српских земаља. Београд, 1996. С. 243. Глигоријевић ссылается на следующие документы: Архив Србије (АС). МИД. ПО. 1916. IV/531. 648–649; ВА. П. 3. К. 15. Св. 14. Пов. бр. 6649. од 20. X 1916.

³¹ ВРС. 20. С. 194. Согласно «Бројном прегледу губитака у људству од доласка код Солуна до 23. октобра закључно» из строя было выбито 28.275 человек. Все они – жертвы Битольской операции (1.031 офицер 27.244 унтер-офицера и солдата). Эту цифру – около 28.000 – принимают и другие авторы.

³² В армейском жаргоне слова «ствол» и «штык» используются для обозначения пехотинца, а «сабля» – кавалериста. В этом же смысле эти слова используем и мы.

³³ В классификации, предпринятой Иветичем, «тыловики» занимают отдельное место. В настоящей статье мы причисляем к ним и некоторые другие категории военнослужащих. Мы их не относим к «штыкам», так как две ключевые цифры (35.500 в октябре 1916 г. и 63.000 в феврале 1918 г.) указывают количество тех пехотинцев, что принимали непосредственное участие в боевых действиях. Исключая всех прочих солдат, мы получаем сопоставимые данные о том, сколько «штыков» имелось в разное время.

³⁴ *Ivetić V.* Op. cit. S. 127.

³⁵ Ibid. См. сноску 28.

³⁶ *Mutrović A.* Србија у Првом светском рату... С. 283; *Оначић П.* Србија и Солунски фронт... С. 41. (Первая реорганизация предпринята сразу по прибытии на Корфу, когда была сохранена прежняя структура вооруженных сил – 3 армии).

³⁷ АС. МИД. ПО. 1917. Ф X. Дос. II. 133–137. Письмо No. 965 военного министра М. Рашича французскому министру П. Пенлеве (Paul Painlevé), отправленное 24 марта 1917 г. и ответ Пенлеве от 27 марта 1917 г.

³⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 33–34. Запрос Русско-сербского общества об участии сербских войск на Румынском фронте начальнику штаба верховного главнокомандующего, 23 декабря 1916 г. (Опубликовано: Армия без государства... С. 132.)

³⁹ Там же. Л. 96–98. Донесение командира Сербского добровольческого корпуса в России генерала М. Живковича начальнику штаба Одесского военного округа о формировании корпуса, 7 декабря 1916 г. (Опубликовано: Армия без государства... С. 215.)

⁴⁰ Там же. Л. 81–82об. Переданная по инстанциям памятная записка начальника штаба Одесского военного округа генерала-лейтенанта Н. А. Маркса о значении Сербского добровольческого корпуса, 30 декабря 1916 г. (Опубликовано: Армия без государства... С. 226.)

⁴¹ Там же. Л. 41–45об. Секретная записка Сербской королевской миссии о перспективах послевоенного развития Сербии, 15 декабря 1916 г. (Опубликовано: Армия без государства... С. 122.)

⁴² ВРС. 21. С. 301. Од војног изасланика у Енглеској. С. Пов. Бр. 1076 од 9. јануара тек. год. Преглед снага Централних сила и Савезника у Македонији 9. јануара 1917. године.

⁴³ *Храбак Б., Јанковић Д.* Србија 1918. Политика и напори Србије у ратној 1918. години. Београд, 1968. С. 118.

⁴⁴ Эти 2.000 «новомобилизованных» были распределены на тыловые позиции действующей армии. (См.: *Поповић Н.Б.* Југословенски добровольци у Русији 1914–1918. Београд, 1977. С. 347.)

⁴⁵ АС. МИД. ПО. 1917. Ф I. Дос. V. 386. Телеграмма военного министра Б. Терзича председателю правительства Н. Пашичу, отправленная из Салоник на Корфу 2 мая 1917 г. П.Н. 5246.

⁴⁶ ВРС. 21. С. 767. Бројни преглед боловања и губитака у људству од доласка код Солуна до 14. марта 1917. год.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 41–45(об). Секретная записка Сербской королевской миссии о перспективах послевоенного развития Сербии, 15 декабря 1916 г. (Опубликовано: Армия без государства... С. 127.)

⁴⁸ См.: *Поповић Н.Б.* Југословенски добровольци у Русији... С. 347; *Он же.* Предговор // Југословенски добровольци 1914–1918. Србија, Јужна Америка, Северна Америка, Аустралија, Француска, Италија, Солунски фронт. Зборник докумената. Београд, 1980. С. XIII, 333–363; *Опачић П.* Србија и Солунски фронт... С. 42–43; *Милорадовић Г.* Карантин за идеје. Логори за изолацију „сумњивих елемената“ у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 2004. С. 66; *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. Москва, 2011. С. 188–191.

⁴⁹ *Митровић А.* Србија у првом светском рату... С. 257–258.

⁵⁰ Там же. С. 409–486; *Он же.* Устаничке борбе у Србији 1916–1918. Београд, 1987.

⁵¹ Мобилизация военнопленных противоречила Гаагской конвенции, на что внимание сербских властей обратили и российские дипломаты. Однако принимать добровольцев не возбранялось. АС. МИД. ПО. 1917. Ф I. Дос. V, 367–368. Письмо сербского вице-консула Б. Любичича председателю правительства Н. Пашичу от 22 декабря 1916 г. Пов. No. 524.

⁵² *Ђурић А.Д.* Указ. соч. С. 11–29.

⁵³ В самом Корпусе для обозначения «добровольцев», оказавшихся в нем против своей воли, употребляли неологизм «силовольцы».

⁵⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л.13–30. Рапорт генерал-лейтенанта С. Д. Чистякова главнокомандующему армиями юго-западного фронта генералу от кавалерии А. А. Брусилову, 9 января 1917 г. (Опубликовано: *Армия без государства...* С. 186.)

⁵⁵ *Митровић А.* Србија у првом светском рату... С. 106–107.

⁵⁶ См.: *Грујић Р.* Апологија српског народа у Хрватској и Славонији. Београд 1989; *Селесковић М.* Србија у немачком јавном мњењу 1914–1916. Београд, 1996; *Ристовић М.* Црни Петар и балкански разбојници. Балкан и Србија у немачким сатиричним часописима (1903–1918). Београд, 2011.

⁵⁷ *Обрадовић И.* Српска штампа о погромима Срба 1914. // Историјске свеске. Бр. 3/2014. С. 1–25; *Милошевић Б.* Прогони Срба у Босни и Херцеговини послје атентата у Сарајеву // Историјске свеске. Бр. 3/2014. С. 26–32.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л.13–30.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 68–71об. Справка о данных расследования, произведенного генерал-лейтенантом Чистяковым по вопросу о принудительном наборе военнопленных югославян в сербские формирования, 2 февраля 1917 г. (Опубликовано: *Армия без государства...* С. 201–202, 205.)

⁶⁰ АС. МИД. ПО. 1917. Ф X. Дос. II. 133–137. Письмо No. 965 военного министра М. Рашича французскому министру П. Пенлеве (Paul Painlevé), отправленное 24 марта 1917 г. и ответ Пенлеве от 27 марта 1917 г. (Тогда уже не рассчитывали на прибытие 100.000 добровольцев (60.000 из России и 40.000 из Италии).

⁶¹ Извештај пов. ФЂО бр. 8934 српског Министра војног Николи Пашићу, председнику Министарског савета и министру иностраних послова // *Југословенски добровољци 1914–1918...* С. 395.

⁶² *Југословенски добровољачки корпус у Русији: прилог историји добровољачког покрета (1914–1918).* Београд, 1954. С. 186–187, 190.

⁶³ *Ivetić V.* Op. cit. S. 130.

⁶⁴ АС. МИД. ПО. 1917. Ф I. Дос. V. 379–380. Телеграмма военного министра Б. Терзича председателю правительства Н. Пашичу от 17 февраля 1917 г. пов. бр. 4504. и телеграмма Пашича министру просве-

щения Л. Давидовичу од 21 февраля 1917 г. пов. бр. 899, в которой озвучено решение, принятое по данному вопросу.

⁶⁵ АС. МИД. ПО. 1918, Ф II. Дос. IV. 312–313. Донесение сербского военного атташе в Лондоне бр. 1918, от 27 февраля 1918 г., адресованное Верховному командованию. Это донесение военный министр Терзич передал председателю правительства Н. Пашичу 11 мая 1918 г.

⁶⁶ *Ivetić V.* Op. cit. S. 127–128.

⁶⁷ АС. МИД. ПО. 1917. Ф I. Дос. V. 361, 367–369. Телеграм српског вице-конзула у Каиру Б. Љубишића српском МИД-у од 13. јануара 1917; Писмо Б. Љубишића од 22. децембра 1916. пов. No. 524 преседнику владе Н. Пашићу и Пашићев одговор; Телеграм министра војног Б. Терзића од 27. јануара 1917. Б. Љубишићу и Пашићева сагласност на одлуку о регрутацији.

⁶⁸ АС. МИД. ПС. П. Ф II. р8. 1918. Пуномоћје српског посланика у Петрограду М. Спалајковића професору М. Московљевићу, издато у Володи 25. маја 1918, бр. 479.

⁶⁹ АС. МИД. ПО. 1917. Ф II. Дос. IV, 336. Телеграм министра финансија С. Протића српском посланству у Лондону, 28. августа 1918.

⁷⁰ АС. МИД. ПО. 1918, Ф II. Дос. IV, 312–313. Доклад сербского военного атташе в Лондоне №. 1918 от 27 февраля 1918 г., адресованный Верховному командованию. Данные совпадают со сведениями Оперативного и Адъютантского отделений от 13 февраля 1918 г. См.: *Ivetić V.* Op. cit. S. 129.

⁷¹ *Ivetić V.* Op. cit. S. 129.

⁷² *Ibid.* S. 130.

⁷³ *Ibid.* S. 126.

⁷⁴ *Ibid.* S. 130. (Тогда «на позициях» находилось 14.957 добровольцев, а «в списках» числилось 17.963)

⁷⁵ *Ibid.* S. 126.

⁷⁶ *Ibid.* S. 130.

⁷⁷ См.: *Bjelajac M.* Vojska Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1918–1921. Beograd, 1988. S. 267–268.

⁷⁸ См., например: ВРС. 9. С. 15–21; ВРС. 13. С. 400; ВРС. 15. С. 50, 64; ВРС. 16. С. 61, 164, 306–307; ВРС. 20. С. 194, 827; ВРС. 21. С. 49, 189, 272, 301, 380, 600–601, 622, 766–767, и т.д.

⁷⁹ Там же. Сравни различные способы представления численности сербской армии.

⁸⁰ ВА. П-3. К.4. Ф. 1. Р.б. 3/1. Численность совокупной сербской армии в день начала наступления неприятелем 23 сентября 1915 г.

⁸¹ ВРС. 9. С. 20. Состав и расстановка сербской армии 3 октября 1915 г. К этому следует прибавить 40 кавалерийских эскадронов и 678 различных орудий.

⁸² ВРС. 21. С. 301. Од Војног изасланика у Енглеској. С. Пов. Бр. 1076, од 9. јануара тек.год. (Кавалерия в этом обзоре не упоминается, а пушек было 264)

⁸³ ВРС. 21. С. 49. Подаци министра војног од 25. децембра 1916. године.

⁸⁴ Реферат Др Анте Мандића о добровољачком покрету упућен проф. Франу Барцу у Паризу // *Поповић Н.Б.* Југословенски добровољци у Русији... С. 381. Тогда, согласно докладу Мандича в корпусе было 18.879 сербов, 1.972 русских, 920 хорватов, 330 словенцев, 188 чехов и несколько представителей других народов.

⁸⁵ *Ivetić V.* Op. cit. S. 129.

⁸⁶ АС. МИД. ПО. 1918. Ф II. Дос. IV. 312–313. Извештај српског војног изасланика у Лондону бр. 1918, од 27. фебруара 1918. године упућен Врховној команди српске војске.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ *Ivetić V.* Op. cit. S. 130.

⁸⁹ См.: *Храбак Б., Јанковић Д.* Србија 1918... С. 134–135, 224.

⁹⁰ Упоминаче «добровольцев» из Египта, возможно, свидетельствует о том, что мобилизационные усилия на Ближнем востоке все-таки принесли какие-то минимальные результаты. См.: „Извештај пов. ФТЪО бр. 8934 српског Министра војног Николи Пашићу, председнику Министарског савета и министру иностраних послова // Југословенски добровољци 1914–1918... С. 395.

⁹¹ Југословенски добровољачки корпус у Русији... С. 184. Прибывшие с Запада добровольцы, которых было намного меньше, могли лишь незначительно изменить эту картину.

⁹² ВРС. 9. С. 20. Састав и распоред српске војске 3. октобра 1915. године.

⁹³ АС. МИД. ПО. 1918, Ф II. Дос. IV, 313. Извештај српског војног изасланика у Лондону бр. 1918, од 27. фебруара 1918. године упућен Врховној команди српске војске.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ *Денда Д.* Организација и опремљеност српске војске // Лексикон... С. 299.

⁹⁶ Там же. С. 303.

⁹⁷ *Ђоровић В.* Историја Срба. Ниш, 1999. С. 734; *Храбак Б., Јанковић Д.* Србија 1918... С. 126; *Димитријевић Б.* Пробој Солунског фронта 1918. године // Лексикон... С. 206.

⁹⁸ *Ђоровић В.* Историја Срба. Ниш, 1999. С. 734.

⁹⁹ *Димитријевић Б.* Указ. соч. С. 209.

¹⁰⁰ «Эффективные стволы» из общей массы военнослужащих выделяли Богумил Храбак и Драгослав Янкович. См.: *Храбак Б., Јанковић Д.* Србија 1918... С. 118, 222.

¹⁰¹ *Опачић П.* Србија и Солунски фронт... С. 38. О 152.000 солдат на Салоникском фронте говорится во многих сербских исторических работах.

¹⁰² *Ivetić V.* Op. cit. S. 127.

¹⁰³ О политических столкновениях между добровольцами и «недобровольцами» в России см.: *Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадовић Г.* Указ. соч.

¹⁰⁴ *Шемякин А.Л.* Указ. соч. С. 199.

¹⁰⁵ Светозар Прибичевич в 1928 г. утверждал, что на Салоникском фронте сражалось 28.000 сербиянцев и 28.000 добровольцев! Смысл этого заведомо ошибочного заявления состоял в том, чтобы «выровнять» вклад в победу в войне населения обеих частей нового государства. Сравни: *Храбак Б., Јанковић Д.* Србија 1918... С. 134.

¹⁰⁶ Например, см.: *Максимовић В.* Споменица прве српске добровољачке дивизије: 1916–1926. Београд, 1926; *Dobrovoljci kladivarji Jugoslavije: 1912–1918 (zbrali in uredili Turk Ernest, Jeras Josip, Paulin Rajko), Ljubljana/Maribor 1936; Храбак Б., Јанковић Д.* Србија 1918... С. 128–135; *Поповић Н.Б.* Југословенски добровољци у Русији...; *Југословенски добровољци 1914–1918...*

¹⁰⁷ За исключением: *Ђурић А.Д.* Указ. соч.

¹⁰⁸ Например, см.: *Мицић М.* Српско добровољачко питање у Великом рату (1914–1918). Ново Милошеви/Београд 2014.

¹⁰⁹ *Опачић П.* Солунска офанзива... С. 287.

¹¹⁰ *Ivetić V.* Op. cit. S. 126.

¹¹¹ *Митровић А.* Устаничке борбе у Србији... С. 29–30.

¹¹² Он же. Србија у Првом светском рату... С. 407–408.

¹¹³ *Стојанчевић В.* Указ. соч. С. 111–112.

¹¹⁴ Там же. С. 100–101. (По подсчетам швейцарской журналистки и сестры милосердия Катарини Клары Штурценегер (Catharina Clara Sturzenegger), находившейся в Сербии в 1912–1918 гг.)

Ю.В. Лобачева

К СТОЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ
ЮГОСЛАВЯНСКОГО КОМИТЕТА:
РОССИЙСКИЕ ДОКУМЕНТЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

Тема нашей статьи связана с юбилейной датой – 100 лет назад, 30 апреля 1915 г., в Париже был официально образован Югославянский комитет. В его состав вошли хорватские, сербские и словенские политические и общественные деятели из югославянских областей Австро-Венгрии, эмигрировавшие или уже находившиеся в начале войны в европейских странах. Среди них были Анте Трумбич, возглавивший организацию, Франо Супило, Иван Мештрович, Хинко Хинкович, Франко Поточняк (из Далмации и Хорватии), Никола Стоянович и Душан Васильевич (из Боснии и Герцеговины), Богумил Вошняк (из Словении)¹. Центр деятельности Комитета располагался в Лондоне, а его отделения были со временем открыты в европейских столицах (в 1915 г. – в Париже, Петрограде, Женеве, в 1918 г. в Риме) и за океаном – в Вашингтоне (в 1916 г.), Комитет также поддерживали (с 1915 г.) югославянские переселенцы в Южной Америке. Деятельность Югославянского комитета в годы войны имела целью освобождение югославянских народов, проживавших в границах Австро-Венгрии, от власти монархии и образование их общего с Сербией и Черногорией югославянского государства.

Обзору российских документальных материалов и исследований по истории Югославянского комитета и посвящена настоящая статья. Мы не претендуем на всестороннее освещение источникового и историографического поля данной темы – поскольку ее общий исторический контекст весьма широк. Мы лишь попытаемся проследить общие тенденции и подвести некоторые итоги научных изысканий российских истори-

ков по этому вопросу, представляя отдельные документальные публикации и работы, касающиеся изучения Югославянского комитета.

Сразу отметим, что документов российского происхождения, прямо или косвенно относящихся к Югославянскому комитету, имеется немало. Это объясняется, с одной стороны, внешнеполитическими реалиями и интересами российского государства и содержанием его славянской политики во время войны, а также отношением российской общественности к судьбам славян. И, с другой стороны, стремлениями и действиями самой югославянской политической эмиграции в Европе, надеявшейся заручиться поддержкой России для реализации идей освобождения и объединения всех сербов, хорватов и словенцев. В подтверждение последнего приведем некоторые факты.

В феврале 1915 г. в Петроград прибывает делегат Югославянского комитета, хорватский политик Ф. Супило «для доклада о нуждах и чаяниях южных славян и выяснения точки зрения России на будущую судьбу сербо-хорвато-словенских земель»², где в марте встречается с представителями российского МИДа³. Позднее в том же, 1915 г., в Петрограде открывается отделение Югославянского комитета для пропаганды идей объединения и в связи с формированием югославянских добровольческих частей⁴. В 1916 г. на территории России из военнопленных югославян начинает создаваться Сербский добровольческий корпус, летом 1917 г. переименованный в Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев, в истории которого Комитет сыграл свою роль⁵.

Характеризуя комплекс российских источников по истории Югославянского комитета в целом, заметим, что он представлен документами разных видов – от дипломатических документов, аналитических и мемуарного характера произведений российских деятелей до материалов периодической печати.

Наиболее значимые, на наш взгляд, российские источники составляют документы дипломатического происхождения и характера. Прежде всего, дипломатическая переписка – письма, депеши, телеграммы, донесения, поступавшие в МИД от российских дипломатических представителей в европейских странах, Северной и Южной Америке. А также другие до-

кументы МИДа, создававшиеся для «внутреннего пользования», например, аналитические записки российских дипломатов, поденные записи («Поденная запись МИД»). Добавим, что по дипломатическим каналам в российский МИД попадали документы сербского правительства, Югославянского комитета и организаций югославянских переселенцев за океаном, проливающие свет на некоторые аспекты объединительного движения сербов, хорватов и словенцев в годы войны. Назовем, к примеру, записки, поступившие в МИД от находившихся в России представителей Югославянского комитета (Ф. Поточняка и Анте Мандича), сохранившиеся в АВПРИ.

Опираясь на перечисленные дипломатические документы можно получить довольно объемное представление о политических идеях Югославянского комитета и его деятельности в Европе и Америке, его отношениях с сербским правительством и сербскими, хорватскими и словенскими переселенцами за океаном и обстоятельствах жизни последних вдали от родины накануне и в годы Мировой войны. И вместе с этим прояснить позицию по югославянскому вопросу российской стороны.

Много материалов по нашей теме сохраняется в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Некоторая часть (отдельные в виде копий документов из АВПРИ) находится в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Имеются некоторые документы и в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга.

Часть материалов из дипломатической области, о которых идет речь, уже опубликована и/или рассмотрена в исторической литературе. Некоторые из еще неопубликованных и неизвестных широкому кругу историков документов и по сей день постепенно обнаруживаются и вводятся исследователями в научный оборот.

Фундаментальной научной публикацией дипломатических документов периода Первой мировой войны, подготовленной отечественными специалистами, является десяти томное издание «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств.

1878–1917 гг.», выходявшее в 1930-е годы⁶. Основой для третьей серии издания, охватившей материалы за 1914–1916 гг., послужили документы Министерства иностранных дел Российской империи из Архива внешней политики. В 7-м томе этой серии, выпущенном в 1935 г., представлены дипломатические документы (за 1915 г.), непосредственно касающиеся Югославянского комитета. В частности, «поденные записи МИД» (или «Дневник МИД»), автором которых был директор Канцелярии министра иностранных дел барон Маврикий Фабианович Шиллинг, свидетельствующие об упомянутом выше визите Ф. Супило в Петроград в 1915 г.

Заметим, что полная версия «Поденной записи МИД» была впервые опубликована только в 2014 г. в сборнике документов под названием «Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны», опубликованном при участии Министерства иностранных дел Российской Федерации⁷. Однако материалы о миссии хорватского деятеля в России повторяют, уже изданные 80 лет назад.

В 1990-е годы, время так называемой архивной революции, появились отдельные публикации, расширяющие и уточняющие представления историков о деятельности Югославянского комитета. Так, в 1994 г.⁸ в третьем номере журнала «Исторический архив» было опубликовано донесение российского консула в Питтсбурге В.Г. Чиркова в посольство в Вашингтоне, подготовленное к изданию российским историком Андреем Леонидовичем Шемякиным⁹. Предметом донесения Чиркова стал конгресс представителей югославянских переселенцев в Америке в пользу государственного объединения всех сербов, хорватов и словенцев, организованный при участии Югославянского комитета и сербского правительства и состоявшийся в Питтсбурге в ноябре 1916 г. К этой публикации мы еще вернемся.

В 1999 г. увидел свет сборник документов «Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917», ставший результатом работы коллектива российских историков по обнаружению и публикации документов из фондов АВПРИ¹⁰. Выявление, археографическая обработка документов, комментарии, примечания и переводы к ним были сделаны Викторией Ивановной Журавлевой, Евгением Юрьевичем Сергеевым и Юли-

ей Витальевной Басенко. Материалы из раздела «Национально-религиозная проблема во взаимоотношениях России и США» касаются славянского движения за океаном во время Первой мировой войны и, наряду с другими документами этого сборника, могут дополнить знание ученых о национальной и общественной жизни югославянских переселенцев в США.

Работа по выявлению и изданию документов была продолжена историками-славистами в 2000-х годах. В 2013 г. вышел сборник документов «Армия без государства...», подготовленный к печати историками из России и Сербии – Ярославом Валериановичем Вишняковым, Алексеем Юрьевичем Тимофеевым и Гораном Милорадовичем¹¹. В этом издании представлены, в частности, документы из Российского военно-исторического архива и белградских Военного архива и Архива Югославии. Публикуемые в сборнике документы призваны прояснить вопросы о политических предпосылках и обстоятельствах формирования «Сербского добровольческого корпуса» на территории России и его дальнейшей судьбы.

В завершение обзора документов стоит упомянуть сочинения мемуарного характера российских дипломатов, в которых освещается югославянская проблематика – книги Александра Александровича Гирса и князя Григория Николаевича Трубецкого¹². Вопрос же о российской периодике и публицистике в качестве источников по истории югославянского объединения и Югославянского комитета в годы Первой мировой войны нуждается в отдельном и более тщательном исследовании¹³.

* * *

Теперь об отечественных исследованиях. В советской и российской (с 1991 г.) историографии Югославянский комитет традиционно рассматривается в контексте двух больших тем – история Австро-Венгрии и образование югославянского государства в 1918 г. Отдельных монографических исследований по истории этой организации или книг, посвященных югославянским деятелям, входившим в ее состав, примеры которых мы находим в национальной и западной историографии¹⁴, в отечественной науке нет.

С момента появления в советской историографии первых основательных работ в рамках указанных тем и до на-

чала 1990-х гг. деятельность югославянских народов в 1914–1918 гг., имеющая отношение к образованию Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г., изучалась на основе марксистско-ленинской теории и методологии и как этап их национально-освободительного движения. При этом особо подчеркивалось решающее значение для судеб южных славян революционных событий в России в 1917 г. С 1990-х гг. историки-слависты ищут новые теоретические и методологические основания для своих исследований.

Далее мы главным образом сосредоточимся на обзоре трудов по проблемам государственного объединения югославянских народов в 1918 г. Заметим, однако, что в конце 1940-х – начале 1960-х гг. выходят первые крупные работы по истории Австро-Венгрии, в которых рассматриваются национальные движения ее славянских подданных и упоминается Югославянский комитет¹⁵.

Более самостоятельное звучание тема образования югославянского государства обрела в 2-х томной «Истории Югославии», изданной в 1963 г., авторы которой «стремились возможно полнее использовать результаты исследований как советских, так и югославских историков»¹⁶. Глава 39 «Югославянские народы в период первой мировой империалистической войны 1914–1917 гг.» (I том) написана Михаилом Абрамовичем Бирманом¹⁷. В ней кратко обрисована история создания Югославянского комитета, его состав, общая программа и политические взгляды отдельных его представителей, указаны основные направления работы (пропаганда идей югославянского объединения, переговоры с дипломатами стран Антанты, установление связи с югославянами в Северной и Южной Америке, содействие набору добровольцев в сербскую армию). Наряду с этим затронуты вопросы об отношении к деятельности Комитета стран Антанты и югославян в Австро-Венгрии, отношениях Югославянского комитета и сербского правительства и подписании ими в июле 1917 г. Корфской декларации. Автором 41-й главы «Революционное движение в югославянских землях. Создание Королевства сербов, хорватов и словенцев» (II том) является известный советский и российский историк Юрий Алексеевич Писарев¹⁸. В ней лишь несколько упоминаний о действиях Югославянского комитета в 1918 г.

Исследование проблемы образования Югославии, включая историю Югославянского комитета, было продолжено и расширено Ю.А. Писаревым. Результаты этого мы видим в ряде его работ, выходящих с конца 1960-х до начала 1990-х гг.¹⁹. Обратим внимание на две его монографии, в которых подробно изучается история Югославянского комитета.

В первой из них – «Сербия и Черногория в первой мировой войне» (1968 г.) – историк рассматривает взгляды и акции югославян-эмигрантов под руководством А. Трумбича и Ф. Супило на протяжении 1915 г., включая формальное образование Югославянского комитета. Он проясняет вопрос об отношении к их деятельности сербского премьер-министра Николы Пашича и его позицию по югославянскому объединению. Отдельно изучены взаимоотношения сербского правительства с Югославянским комитетом в 1916 г., их разногласия по вопросу о югославянских добровольцах, обстоятельства подписания Корфской декларации в 1917 г., а также динамика югославянского движения и отношений Комитета и сербского руководства в 1918 г. Вместе с этим прослеживается позиция других стран Антанты (в частности, России) по вопросу об объединительной деятельности югославян во время войны²⁰.

Продолжение исследования проблемы образования югославянского государства мы находим в следующей монографии ученого – «Образование Югославского государства» (1975 г.)²¹. В ней содержатся некоторые дополнения по рассмотренным в предыдущей книге сюжетам о Югославянском комитете.

Несомненными достоинствами указанных монографий Ю.А. Писарева являются его весьма основательный подход к исследованию проблемы образования Королевства СХС и широкий круг архивных и опубликованных источников и литературы, на которые он опирается. Изучая историю Югославянского комитета, он использовал, в частности, различные документы советских (АВПР, Ленинградского государственного исторического архива) и югославских архивов (в Белграде и Загребе) и опубликованные материалы, мемуары самих югославянских деятелей, печать, а также югославскую историографию.

Ю.А. Писарев был первым в отечественной историографии, кто столь подробно рассмотрел фактическую картину возникновения и деятельности Югославянского комитета, про-

анализировав взгляды югославянских деятелей и развитие их взаимоотношений с Н. Пашичем. Вместе с тем, остался еще ряд конкретных, мало или неизученных вопросов о Комитете – его работе в европейских странах и Америке и некоторых других, только обозначенных или упомянутых ученым. С точки зрения современного знания, история Комитета, планы сербохорватско-словенского объединения югославянских и сербских политиков и их отношения в годы войны, осмыслившиеся Ю.А. Писаревым с позиций «советской науки» и соответствовавшей ей «ленинской методологии», также нуждаются в уточнении и дополнении.

Обратим внимание еще на один значимый для изучения истории и историографии Югославянского комитета труд из советского периода. В 1977 г. увидела свет монография Владимира Владимировича Зеленина «Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России 1917–1921 гг.»²². В ней на основе югославской и отечественной литературы, опубликованных и архивных материалов, наряду с другими темами, рассматривается недостаточно раскрытая в советской историографии проблема деятельности Югославянского комитета в России, а также отношение России к югославянскому вопросу. В частности, В.В. Зеленин исследует позиции Югославянского комитета и сербского правительства по вопросу о югославянских добровольцах и их роль в формировании и судьбе югославянских добровольческих частей в России. Касается он и вопроса о восприятии Комитетом российского революционного движения. Естественно то, что исследовательская позиция В.В. Зеленина и его взгляд на изучаемый предмет – историю югославянских интернационалистов – соответствовали идеологической ситуации в советской исторической науке. С точки зрения современности, актуальной становится ревизия и дополнение материалов и выводов, представленных в книге.

С начала 1990-х гг. в России меняется историографическая ситуация. Отходя от марксистско-ленинской теории и методологии, ученые начинают искать новые подходы к осмыслению прошлого. В том числе истории Австро-Венгерской монархии, национальных движений ее славянских народов и создания их независимых государств в 1918 г.²³.

Среди исследований, посвященных образованию югославянского государства в 1918 г., стоит выделить работы Андрея Леонидовича Шемякина, издававшиеся с 1990-х по 2010-е гг.²⁴. Отдельные аспекты этой темы затрагиваются им в статьях о жизни и деятельности выдающегося сербского государственного и политического деятеля Николы Пашича²⁵.

Скажем подробнее об очерке А.Л. Шемякина «Первая мировая война. Рождение Югославии» в коллективном труде по политической истории Югославии в XX в., подготовленном в Институте славяноведения РАН и изданном в 2011 г.²⁶.

Опираясь в своих рассуждениях на новые архивные и опубликованные документы, мемуары современников событий, зарубежную и отечественную историографию, он убедительно показывает, как именно в годы мировой войны различные внутренние (национально-культурные и политические) и внешние (геополитические, военные, дипломатические) факторы определяли позиции сербского правительства и Югославянского комитета относительно объединения сербов, хорватов и словенцев. Имея в виду влияние этих факторов, ученый прослеживает деятельность Югославянского комитета и развитие его отношений с сербским правительством в 1915–1918 гг. При этом новизна исследовательского подхода к интерпретации уже известных событий сопровождается в очерке заполнением лакун в фактической истории югославянского движения на основании новых источников (например, о действиях югославян в Америке).

Подчеркнем, что опубликовав еще в 1994 г. донесение российского дипломата в Питтсбурге Г.В. Чиркова с развернутыми комментариями и пояснениями о югославянском объединительном движении в Америке в годы войны, о котором, к слову сказать, до этого момента лишь упоминалось в отечественной литературе, А.Л. Шемякин представил научному сообществу неизвестную сторону деятельности Югославянского комитета – его акции в колониях хорватских, сербских и словенских переселенцев в США и Южной Америке²⁷.

Исследование югославянского движения сербов, хорватов и словенцев в США и Южной Америке в годы Первой мировой войны и роли в его становлении и развитии Югославянского комитета и сербского правительства, а также выявление доку-

ментов по этой теме в российских архивах было продолжено нами. Итогом наших научных изысканий стала монография «Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны», изданная в 2014 г.²⁸

Обратим также внимание на работы Сергея Александровича Романенко по проблемам истории Австро-Венгрии, югославянских народов и российско-югославских отношений. Наряду со статьями, им опубликованы три монографии, в которых рассматривается проблема югославянского объединения в 1918 г. – «Югославия: История возникновения...» (2000 г.), «Югославия, Россия и «Славянская идея»...» (2002 г.), «Между «пролетарским национализмом» и «славянским братством»: Российско-югославские отношения...» (2011 г.)²⁹. В этих книгах С.А. Романенко не ставит в качестве отдельной цели изучение истории Югославянского комитета, а затрагивает некоторые ее аспекты в контексте других сюжетов – к примеру, образования Югославии или российско-югославских отношений. По всем видимости, именно это приводит к несколько фрагментарному изложению сведений об этой организации, преимущественно в общем виде³⁰. Что касается источников, используемых автором для освещения темы Комитета, то это в основном опубликованные документы и мемуары самих югославянских деятелей и историография.

Иной подход к источникам по вопросу о Югославянском комитете мы видим в следующей крупной работе С.А. Романенко. При написании докторской диссертации на тему «Национальные движения южных славян Австро-Венгрии. 1890–1918 гг.», защищенной в 2013 г., он привлекает, наряду с изданными источниками и отечественной и зарубежной историографией, материалы российских и зарубежных архивов³¹. В частности, не использованные и не опубликованные ранее документы из фондов АВПРИ, среди которых историко-аналитические записки Ф. Поточняка и А. Мандича в российский МИД. Введение этих документов в научный оборот обогащает существующее знание о Югославянском комитете, который в этой работе представлен более целостно³².

Особо стоит отметить и новую исследовательскую тенденцию, проявившуюся в российской славистике в 2000-х годах – написание национальных историй. В 2001 г. увидела свет «Ис-

тория Хорватии» – очерк по истории Хорватии с древнейших времен до образования республики видного отечественного историка Владимира Израилевича Фрейдзона³³. Десять лет спустя, в 2011 г., вышла «История Словении» – первый очерк по истории словенцев в отечественной историографии, подготовленный российскими историками из Института славяноведения – Любовью Алексеевной Кирилиной, Надеждой Сергеевной Пилько и Искрой Васильевной Чуркиной³⁴.

Очевидно, что появление и утверждение традиции подобного жанра исследований, фокусирующихся на истории одного из югославянских народов и притом на всем ее временном протяжении, повлечет за собой и изменение взгляда на проблематику югославянской интеграции в начале XX века в целом и Югославянского комитета в частности. И это нам предстоит еще увидеть. Впрочем, уже в названных книгах мы можем увидеть примеры краткого изложения отдельных важных событий из истории Югославянского комитета («История Хорватии»)³⁵ и лаконичного описания его появления, состава, некоторых идей и действий («История Словении»)³⁶ с позиции всей истории хорватов или словенцев.

В завершение добавим, что в последнее десятилетие отдельные аспекты истории, политических взглядов или деятельности Югославянского комитета в годы Первой мировой войны продолжают освещаться (более или менее подробно) российскими историками в очерках и статьях³⁷.

Подводя общий итог, еще раз отметим, что исследование проблемы югославянского объединения в 1918 г., включающее историю Югославянского комитета, в отечественной науке претерпело со временем существенные концептуальные изменения. Вместе с тем, и в настоящее время Югославянский комитет рассматривается в основном в контексте более широких тем: истории Австро-Венгерской монархии, истории Югославии и образования Королевства СХС, а также в появившихся сравнительно недавно национальных историях хорватов и словенцев. В целом же, на наш взгляд, изучение отечественными историками-славистами проблемы образования югославянского государства, деятельности Югославянского комитета в Европе и Америке, отношения России к югославянскому вопросу, а также публикация и/или введение ими в науч-

ный оборот источников российского происхождения по истории югославянского объединения способствуют приращению и обогащению научного знания о славянских народах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о первоначальном составе Югославянского комитета и его изменениях в 1915–1918 гг. см., например: *Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956. S. 22–23.*

² Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 гг. (Далее – МОЭИ.) Серия III. 1914–1917 гг. Т. VII. Ч. 1. М.–Л., 1935. С. 317.

³ Подробнее см., например: МОЭИ. Серия III. Т. VII. Ч. 2. М.–Л., 1935. С. 19, 31, 46–47, 126–127, 395–396.

⁴ *Зеленин В.В.* Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917–1921. М., 1977. С. 12.

⁵ Подробнее о югославянских добровольцах в России см., например: *Попович Н.* Югославянское добровольческое движение в России (1914–1918) // Советское славяноведение. 1987. № 3. С. 14–26; *Вшуняков Я.В.* Армия без государства. Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917 гг. // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2015. С. 136–156.

⁶ МОЭИ. Серия III. 1914–1917 гг. Т. I–X. М.–Л., 1931–1938.

⁷ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула, 2014.

⁸ Заметим здесь, что в 1992 г. был издан сборник документов «Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг.», подготовленный советскими и югославскими учеными. В нем содержится только один документ, непосредственно относящийся к Югославянскому комитету, он является переводом с хорватско-сербского языка документа, опубликованного ранее в Белграде. См.: Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. Документы и материалы. М., 1992. С. 26–27. Также см.: *Građa o stvaranju Jugoslovenske države / Prired. D. Janković, B. Krizman. Knj. 1. Beograd, 1964. S. 25–26.*

⁹ *Шемякин А.Л.* «Главнейшие задачи юго-славян». Донесение российского консула в Питтсбурге Г.В. Чиркова в посольство России в Вашингтоне. 1916 г. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 103–127.

¹⁰ Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917 / Под ред. академика Г.Н. Севостьянова; сост. Ю.В. Басенко, В.И. Журавлева, Е.Ю. Сергеев. М., 1999.

¹¹ *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док. М., 2014.

¹² *Гирс А.А.* Письма и заметки. 1913–1915. Петроград, 1916; *Гирс А.А.* Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира. Петроград, 1917; *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983.

¹³ Впрочем, уже сейчас можно указать на публикацию заметок о деятельности югославян на страницах петроградского издания «Новое время» в 1916–1917 гг.

¹⁴ См., например: *Paulova M.* Jugoslavenski odbor. Zagreb, 1925; *Šepić D.* Supilo diplomat. Zagreb, 1961; *Djokić D.* Nikola Pašić and Ante Trumbić: The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes. London, 2010 и др.

¹⁵ См., например: *Трайнин И.П.* Национальные проблемы в Австро-Венгрии и ее распад. М–Л., 1947; *Рубинштейн Е.И.* Крушение Австро-Венгерской монархии. М., 1963.

¹⁶ История Югославии. Т. I–II. М., 1963. Т. I. С. 5.

¹⁷ Там же. С. 658–681.

¹⁸ Там же. Т. II. С. 7–35.

Подробнее о научном пути и трудах Ю.А. Писарева см., например: *Виноградов К.Б., Шемякин А.Л.* Академик Ю.А. Писарев (1916–1993) // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 191–202.

¹⁹ См., например: *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968; *Он же.* Проекты образования югославского государства в годы первой мировой войны (1914–1915) и Россия // Балканские исследования. Балканские народы и европейские правительства в VIII – начале XX в. Вып. 8. М., 1982. С. 256–277; *Он же.* Образование Югославского государства (Итоги изучения и новые материалы) // Балканские исследования. Вып. 9. М., 1984. С. 186–198; *Он же.* Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990; *Он же.* Создание объединенного Югославского государства // Балканы в конце XIX – начале XX в. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 198–214; *Он же.* Создание Югославского государства в 1918: уроки истории // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 25–43; *Он же.* Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993 и др.

²⁰ *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне...

²¹ *Писарев Ю.А.* Образование Югославского государства. Первая мировая война. Освободительная борьба югославянских народов Австро-Венгрии. Крушение монархии Габсбургов. М., 1975.

²² *Зеленин В.В.* Под красным знаменем Октября...

²³ См., например: *Виноградов В.Н.* На руинах многонациональных империй // Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 327–341; *Исламов Т.М.* Распад Австро-Венгерской монархии и его последствия в политической эволюции средне-европейского региона // Там же. С. 341–354; *Он же.* Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 14–46; *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003 и мн. другие.

²⁴ См., например: *Шемякин А.Л.* К вопросу о роли внешнего фактора в образовании Королевства сербов, хорватов и словенцев // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 13–26; *Он же.* Югославянская программа Сербского королевства в первый период войны (август 1914 – октябрь 1915) // Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 380–396; *Он же.* Первая мировая война. Рождение Югославии // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997. С. 341–381.

²⁵ См., например: *Шемякин А.Л.* Никола Пашич. 1845–1926 // Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в). М., 1993. С. 162–194; *Он же.* Никола Пашич: человек и политик // Югославянская история в новое и новейшее время: Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991). М., 2002. С. 193–204; *Он же.* Никола Пашич // Вопросы истории. № 2. 2002. С. 62–90; *Он же.* Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений // До и после Версаля: Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 34–67; *Он же.* Никола Пашич: человек, политик, национальный лидер // Листая страницы сербской истории... М., 2014. С. 137–170.

²⁶ *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 175–216.

²⁷ См.: *Шемякин А.Л.* «Главнейшие задачи юго-славян»...

²⁸ *Лобачева Ю.В.* Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). М.–СПб., 2014.

²⁹ *Романенко С.А.* Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.). М., 2000; *Он же.* Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI в. М., 2002; *Он же.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: Российско-югославянские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). М., 2011.

³⁰ К сожалению, в приведенных автором сведениях имеются некоторые фактические неточности. В частности, в книге «Югославия: История возникновения...» на странице 53 указывается, что после образования Югославянского комитета «в него вошли 25 человек». По другим данным, первоначальный состав Комитета был значительно меньше (см., например: *Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja... S. 22–23; Jugoslavenski odbor // Enciklopedija Jugoslavije. Knj. 4. Zagreb, 1960. S. 565*). Далее, на стр. 317–318, говорится о визите Ф. Супило в Россию в 1915 г. Уточним, что Ф. Супило находился в России в феврале–апреле 1915 г. (не с января) и узнал о секретных переговорах Антанты с Италией еще до (а не после!) подписания Лондонского договора 26 апреля 1915 г. (см., например: *Frano Supilo // Enciklopedija Jugoslavije. Knj. 8. Zagreb, 1971. S. 218*). Также (на стр. 330) неверно указано время проведения Корфской конференции «2(15) – 7(20) июля» – она проходила с 2(15) июня по 7(20) июля (*Jugoslavenski odbor // Enciklopedija Jugoslavije... S. 565*). В монографии С.А. Романенко «Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством...»» указано то же, что и в первой работе, число участников Комитета и ошибочная дата Корфской конференции (С. 121, 126).

³¹ С полным текстом диссертации (три тома, 1238 страниц) можно ознакомиться в отделе диссертаций Российской государственной библиотеки.

Заметим, что главная цель автора – «комплексное исследование национальных движений южнославянских народов» (словенцев, хорватов, сербов и боснийских Мусульман) «в контексте этнополитических процессов в Австро-Венгрии как многонационального государства в последний период его существования, в условиях мира и войны». В числе задач для исследования – реконструкция и анализ взаимоотношений национальных движений, воссоздание и анализ взаимных представлений южных славян о России и российского общества о южных славянах, влияние «русского» (Российской империи, Российской республики, Советской России) и «русского» (в национальном сознании и программах движений) факторов в истории национальных движений южных славян. См. подробнее: *Романенко С.А. Национальные движения южных славян в Австро-Венгрии. 1890–1918 гг.: автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук. М., 2013. С. 3–7.*

³² В главе 4 «Южные славяне Австро-Венгрии в Первой мировой войне» автор рассматривает образование и деятельность Югославянского комитета, в том числе и в России. В главе 6 «Австро-Венгрия и Россия: геополитические и идеологические противники» анализирует политику России в южнославянском и балканском вопросах, а также отношение сербского правительства и Комитета к царской

России, Временному правительству и «октябрьским» преобразованиям в России. См. подробнее: *Романенко С.А.* Национальные движения южных славян в Австро-Венгрии. 1890–1918 гг.: автореферат... С. 39–43, 45–47.

³³ *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., 2001.

³⁴ История Словении / Л.А. Кирилина, Н.С. Пилько, И.В. Чуркина; отв. ред. И.В. Чуркина. СПб., 2011.

³⁵ Подробнее см.: *Фрейдзон В.И.* История Хорватии... С. 231–236.

³⁶ *Кирилина Л.А.* Словенские земли накануне и в период Первой мировой войны. (90-е гг. XIX в. – 1918 г.) // История Словении... С. 277–278, 283, 287–288.

³⁷ См., например: *Вишняков Я.В.* Армия без государства. Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917 гг. // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2015. С. 136–156; *Кирилина Л.А.* Деятельность словенских либералов в 1914–1915 гг. // Там же С. 397–410; *Она же.* Ф.Л. Тума и его газета «Югославия» // SLOVENICA III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. К столетию начала Первой мировой войны / Гл. ред. К.В. Никифоров. М., 2014. С. 197–211; *Лобачева Ю.В.* Проекты югославянской интеграции в годы Первой мировой войны и образование Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. Сб. ст. / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 2014. С. 169–184; *Пилько Н.С.* Идея югославизма и словенская политическая элита (1914–1918 гг.) // Там же. С. 185–200; *Филимонова А.И.* Хорватское национальное движение 1914–1920 гг. сквозь призму религиозного аспекта и политики Ватикана // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств: Т. I. М., 2012. С. 347–385 и др.

ИСТОРИОГРАФИЯ
И ИДЕОЛОГИЯ:
ОТ ПЕРВОЙ КО ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЕ

А.Л. Шемякин

РОССИЙСКАЯ / РУССКОЯЗЫЧНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ О СЕРБИИ
В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (XXI в.)

В одной из своих работ К.В. Никифоров справедливо заметил, что «литература историографического характера <...> у нас почти всегда в дефиците»¹. Первая мировая война является слишком крупным – узловым / рубежным – событием, чтобы в столетнюю годовщину ее начала не сказать несколько слов о работах, вышедших о ней (в сербском контексте) на русском языке за последние пятнадцать лет, т.е. с начала XXI в.

Первоначально мы планировали представить новейшую российскую / русскоязычную литературу о Сербии (Сербии и России) в Первой мировой войне по отдельным рубрикам – статьи, монографии, источники. Однако, по углубленном размышлении, сочли более целесообразным использовать проблемный подход, в рамках которого будут фигурировать все те же статьи, монографии и источники, только в иной логической последовательности и без жесткой жанровой увязки.

Начнем чуть издалека.

До своего ухода из жизни в 1993 г. практически единственным специалистом по проблемам участия Сербии в Великой войне являлся академик Ю.А. Писарев. Такое его «гордое одиночество» привело к тому, что в своих многочисленных трудах он затронул и пытался решить буквально все вопросы, связанные с данной темой. Здесь внешнеполитические обстоятельства, приведшие к Июльскому кризису 1914 г., и обстановка в Европе накануне войны; полемика с западными авторами по поводу ее «виновников» и ход боевых действий на Балканском фронте; русско-сербские отношения до 1917 г. и образование Югославии². Столь широкий охват не мог, конечно, не иметь

последствий – не все монографии Юрия Алексеевича одинаково ровны по уровню, в ряде работ явно ощущается некоторая недоисследованность на эмпирическом уровне³.

В 2016 г. – в годовщину столетия со дня рождения Ю.А. Писарева, следует, как нам думается (уже с определенной временной дистанции и с учетом того, что сделано за почти четверть века после него), объективно проанализировать реальный вклад ученого в исследование всех аспектов сербских и балканских событий 1914–1918 гг. Тем более, что на декабрь 2016-го уже запланирована конференция, посвященная его юбилею. Добавим, что свой последний привет Юрий Алексеевич «послал» нам почти спустя десятилетие после кончины – в заключительном, седьмом, томе известной академической серии «Международные отношения на Балканах» – «За Балканскими фронтами Первой мировой войны». После долгих проволочек, без которых редко обходилось в «лихие девяностые», он, наконец, вышел в Москве в 2002 г. и всем хорошо известен⁴.

* * *

Научная продукция XXI века по заявленной тематике, которая и является объектом нашего внимания, открывается статьей сербского исследователя Мирослава Йовановича «Умереть за Родину»: Первая мировая война или столкновение „обычного человека“ с тотальной войной⁵. По своему жанру и характеру она является более теоретико-методологическим исследованием, но, что касается нашей темы, в ней наглядно показана «встреча» на Салоникском фронте балканского человека (в данном случае, сербского крестьянина в солдатской шинели, редко в жизни покидавшего родное село) с Другими / Чужими – европейцами в антантовских госпиталях, или зуавами и сенегальцами из состава колониальных войск Франции. Встреча сербов с союзниками из французских колоний особенно колоритна⁶.

Мирославу Йовановичу принадлежат и две конкретно-исторические работы: «Ленинским курсом. Как русские защищали Белград от австрийских мониторов на Дунае»⁷; «Сербия, Сербия, жаль мне тебя, проклятая Германия идет на тебя». Русская помощь Сербии в 1914–1915 гг.: историографическая зарисовка»⁸. Первая из них заново открывает большую тему: ***Русская военная помощь Сербии в начале Первой мировой войны***

(Ю.А. Писарев в свое время упомянул об этом сюжете только вскользь). Вторая, что очевидно из названия, ее органично продолжает.

Кстати, следует напомнить, что безвременно ушедший от нас в январе 2014 г. М. Йованович был, пожалуй, самым известным и популярным в России сербским историком: 32 его труда переведено на русский язык и опубликовано в различных российских изданиях⁹, причем 8 из них – в столь любимой им «Родине», которую он считал не просто историческим журналом, но целой научной институцией¹⁰.

Открытая как бы заново тема «русской помощи» оказалась крайне востребованной. Параллельно с профессором Йовановичем к проблеме содействия русских минеров в защите Белграда от австро-венгерских мониторов обратился В.Б. Каширин, выступив с публикацией дневника русского минного офицера на Дунае (сопровожденного исчерпывающим комментарием) – «Дунайская одиссея лейтенанта Григоренко»¹¹. При этом исследования российских авторов не ограничиваются лишь конкретно-оперативными вопросами, их диапазон значительно шире. Так, организации целостной *системы* поддержки Сербии посвящены две монографии на русском языке. Г.И. Шевцова в своей книге подробно изучает гуманитарный аспект русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны – помощь врачами, госпиталями, медикаментами¹². С.В. Тюриков в монографии «Экспедиция особого назначения на Дунае по оказанию помощи Сербии в августе 1914 – октябре 1915 гг.»¹³ столь же скрупулезно реконструирует состав, маршруты движения, объемы перевозок различных грузов, осуществлявшихся до военного разгрома Сербии осенью 1915 г. Кроме того, он представил детальный портрет командира Экспедиции особого назначения капитана 1-го ранга (контр-адмирала) М.М. Веселкина, чего до него не делал никто*.

* Еще в 2014 г. А.Ю. Тимофеев сетовал: «К сожалению, до сих пор нет специального исследования, посвященного российской Экспедиции особого назначения на Дунае» (*Тимофеев А.Ю. Введение // Россия на сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914-1918 гг. / Сост. А.Ю. Тимофеев, Д. Кремич. М., 2014. С. 31*). Не прошло и года, как это его пожелание было успешно реализовано.

Тема помощи русского общества Сербии во время визита в Россию премьер-министра Сербии Николы Пашича в Россию в апреле-мае 1916 г. освещается в статье А.Л. Шемякина «С острова Корфу в Россию: Никола Пашич в Петрограде и Москве в 1916 г.»¹⁴. Автор установил, что за месяц пребывания Пашича в России городские управления, земские и славянские организации Петрограда, Москвы, Киева и Одессы передали сербскому премьеру 275 тыс. руб.

Особое внимание при изучении данной темы уделялось поиску и публикации новых источников. В преддверии столетней годовщины начала Первой мировой войны в свет вышло два серьезных документальных издания. Сначала – в 2012 г. – объемный сборник материалов «Москва-Сербия, Белград-Россия. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг.»¹⁵, два раздела которого посвящены русско-сербским военным связям в 1914–1917 гг. и оказанию Россией (как ее властями, так и обществом) различной помощи Сербии¹⁶. А в 2014 г. научная общественность могла ознакомиться с тематической публикацией, подготовленной А.Ю. Тимофеевым и Д. Кремичем, «Россия на сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914–1918 гг.»¹⁷.

Особо хотелось бы отозваться о сборнике коллег Тимофеева и Кремича. Помимо несомненной ценности всех документов, в нем содержащихся, мы бы хотели выделить очерк сербского генерала (выпускника Николаевской академии Генерального штаба) Воина Максимовича «Военные связи и отношения Сербии и России. 1806–1917 гг.»¹⁸, в котором помещены фамилии офицеров Королевства, учившихся или стажировавшихся в России. Такая справочная информация («все в одном») является уникальным подспорьем для студентов и аспирантов, да и ученых-сербистов в целом. Присовокупив к тому уже опубликованный список сербов – студентов российских духовных семинарий и академий, а также специалистов гражданского профиля, обучавшихся в наших вузах, мы получаем персонафицированную картину той части сербской элиты, что, получив образование в России, была настроена явно прорусски.

Не менее значимой, с точки зрения справочно-энциклопедических данных, является статья майора сербской армии Да-

либора Денды «Сербский офицерский корпус в годы Первой мировой войны»¹⁹. В ней самым подробнейшим образом реконструирован механизм формирования сербского офицерского «сословия» – белградская военная академия, иностранные училища, гражданские вузы, выход из унтер-офицерского звания, переход в сербское подданство и т.д. Наглядно раскрыты и причины того неопровержимого факта, что «в минуты роковые» (1912–1918) сербские офицеры оказались наголову выше своих турецких, болгарских и австро-мадьярских «коллег».

Таким образом, исследование темы помощи России Сербии в годы Первой мировой войны, как и общей динамики русско-сербских отношений в тот период, за последнее время значительно продвинулось вперед. И это, думается, весьма позитивный итог.

Еще одна проблема, в изучении которой наши знания в XXI в. значительно углубились, – **формирование в Одессе и участие в военных действиях в Добрудже сербского добровольческого корпуса**. Причем здесь уже была накоплена определенная база, представленная монографией сербского историка Николы Б. Поповича²⁰ и вышедшим под его же редакцией сборником материалов о сербских добровольцах в России²¹. Но наши коллеги пошли дальше, используя и публикуя неизвестные ранее материалы из российских архивов. В первую очередь должен быть отмечен новейший сборник документов «Армия без государства» (2014)²², подготовленный Я.В. Вишняковым, А.Ю. Тимофеевым и сербским исследователем Гораном Милорадовичем. И далее следуют вышедший в том же 2014 г. очерк Е.И. Позднякова «Югославянская идея во взглядах южнославянских солдат добровольцев в России»²³, а также три статьи Вишнякова, опубликованные год спустя: одна в журнале «Родина» – «Шел отряд по берегу...»²⁴; вторая в сборнике материалов конференции, проведенной в 2014 г. Институтом славяноведения РАН, – «Армия без государства. Сербский добровольческий корпус в России в 1916–1917 гг.»²⁵; и третья (под тем же названием) – в «Русском сборнике»²⁶. Упомянем в данной связи и более раннюю работу В.Б. Каширина «Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка к экспедиции русских войск за Дунай в 1916 г.», опубликованную в 2010 г.²⁷ В каком-то смысле мы можем, на-

верное, констатировать, что исследование данной проблемы также близко к завершению, хотя, разумеется, вполне возможны и некоторые фактические уточнения, и повороты темы, в частности в вопросе деятельности в составе корпуса и вообще в России членов «Черной руки». Кстати, акции «Черной руки» во время Первой мировой войны в Сербии (Черногории) и на острове Корфу, как и бесславный конец ее руководителя полковника Драгутина Димитриевича в Салониках, кратко описаны в монографии Я.В. Вишнякова²⁸.

Следующая тема, давно потерявшая свой чисто академичный характер и с 1990-х гг. звучащая с повышенной актуальностью, – это *югославянское движение в годы Первой мировой войны*. Российские историки подошли к анализу данной проблемы с двух сторон. С одной стороны, автор настоящих строк, опираясь на свои же работы конца 1990-х гг.²⁹, подготовил для обобщающего труда «Югославия в XX веке. Очерки политической истории» обширную главу «Первая мировая война. Рождение Югославии»³⁰. В ней сделано несколько выводов: о чисто утилитарном характере югославянской программы Сербии в момент ее провозглашения (Нишская декларация); столь же конъюнктурном «юнионизме» Югославянского комитета и его глубоких противоречиях с сербским правительством (с претензией даже, высказанной в марте 1916 г., отстранив сербов, самому возглавить объединительное движение, видя в перспективе Загреб, а не Белград, центром объединения); о наличии внешнего врага, как единственного (и потому – временного) фактора сближения всех участников движения.

С другой стороны, в 2014 г. Ю.В. Лобачевой была издана монография «Югославянское движение в Америке в 1914–1915 гг.»³¹. Реконструировав подробнейшим образом все аспекты выступлений эмигрантов-югославян Южной Америки и США в ходе войны, она заключила, что взаимоотношения сербов и хорватов (словенцев) в рамках юнионистского движения за океаном были зеркальным отражением таковых отношений в Европе – с той же борьбой за влияние, попытками «кроато-словенцев» «играть в прятки» с сербами во имя своих национальных интересов, т.е. использовать их, делая «удачную ставку на Сербию», и т.д., что отчетливо подтвердил Второй югославянский конгресс, состоявшийся в Питтсбурге

в 1916 г. Вторым важнейшим выводом, сделанным исследовательницей, является тот, что активная деятельность посланцев Югославянского комитета в Америке имела целью обрести массовый источник своей легитимности, а также обеспечить финансовую поддержку, что значило бы – выйти из-под опеки сербов; сформировать отдельные добровольческие части для участия в войне на стороне Антанты, каковые в будущем могли бы стать «фундаментом» его собственной армии, а сам бы он получил признание союзных держав как временное правительство созданного на землях бывшей Австро-Венгрии югославянского государства.

Как представляется, монография Юлии Владимировны (как и уже упомянутые – Г.И. Шевцовой и С.В. Тюрикова) является наглядным примером известной коррекции подходов к исследованиям проблем Первой мировой войны – от широких полотен Ю.А. Писарева с его попытками «объять необъятное», т.е. буквально все проблемы, к глубоко нюансированному эмпирическому изучению таковых по отдельности.

Резко набирающая политическую злободневность **проблема ревизии истории в отношении «виновников» Первой мировой войны** глубоко исследована в крайне своевременной монографии директора Института новейшей истории Сербии Миле Белаяца, оперативно переведенной на русский язык³². В книге скрупулезно исследуются все попытки ревизии истории Великой войны. Ведь, начиная с 1920-х гг., в Германии, Австрии, а затем в США не прекращаются усилия «подправить» ее – прежде всего, в ракурсе поиска *подлинных* «подстрекателей», кем объявляются Россия и исполнительница ее «имперской» воли Сербия.

В последние полтора десятка лет эта тенденция на Западе только усилилась – в тесной связи с балканскими событиями конца XX в. В стремлении взвалить коллективную ответственность за все произошедшее на один народ, там, образно говоря, «к штыку приравняли перо». История, таким образом, снова оказывается служанкой политики, а «нужные» (или «политкорректные») представления о балканской реальности подменяют саму реальность. Тот факт, что новый всплеск «интереса» к вопросу о «подстрекателях» войны носит чисто политический, а не научный характер, показывает хотя бы хронология.

Ведь до 1999 г., на который пришелся пик Косовского кризиса, особого ажиотажа он не вызывал. Ученые радовались. Отечественный историк Т.М. Исламов писал в 1998 г.: «Похоже на то, что пришел к благополучному концу некогда сотрясавший мировую историографию пресловутый и порядком наскучивший всем вопрос об ответственности за войну»³³. Ан нет, когда пришло время, его и впрямь, как заржавленный штык, снова вынули из ножен.

Добавим, что, на наш взгляд, монография М. Белаяца особенно ценна именно для *нашей* аудитории, поскольку в российской научной литературе мы не обнаружили ни особого интереса к вновь поднимающейся волне историографического ревизионизма, ни воли к ее изучению и «нейтрализации». Причем даже в изданиях, претендующих на «энциклопедичность»³⁴. И это при всех заклинаниях «казенных» Исторических обществ о категорическом противодействии фальсификаторам от истории.

Одни лишь сотрудники Института славяноведения РАН (по должности) отметили наличие данной проблемы. Речь идет о статьях П.А. Искендерова «Балканские корни Первой мировой войны: правда и вымысел»³⁵ и нашей работе, связанной с выходом в свет в России «Балканских воспоминаний» В.Н. Штрандтмана³⁶. К ним примыкает и очерк Николы Б. Поповича, опубликованный на русском языке³⁷.

В связи с проблемой «ревизии истории» позволим себе привести одну цитату. Английский историк сэр Макс Гастингс с точностью и емкостью диагноза заметил в своей последней книге: «Начало XXI века принесло с собой множество „свежих“ теорий и фантастических трактовок Июльского кризиса 1914 г., обнаружив при этом крайнюю скудость новых исторических источников, которым можно доверять...»³⁸. Так вот, одним из таких редких заслуживающих доверие источников и являются, на наш взгляд, мемуары В.Н. Штрандтмана³⁹. Мы надеемся, что опубликованные именно сейчас они станут серьезным и *аутентичным* подспорьем в дискуссии с очередными любителями «перепрочтения» истории Первой мировой войны, и особенно ее кануна и пролога, которых, как можно заключить из монографии М. Белаяца, становится все больше и больше.

К ним относится и наш коллега Р.Р. Субаев, выступивший в сборнике Института славяноведения со статьей «Балканы и *Weltpolitik*: к вопросу о причинах Мировой войны»⁴⁰. Из сторонников новых (старых) русско-сербских фобий в среде отечественных авторов назовем также С.А. Романенко, Я.В. Шимова и С.В. Старкова. С другой стороны, «классической» версии происхождения войны и ныне придерживаются В.Н. Виноградов, О.Р. Айрапетов, Я.В. Вишняков и др. Так что дискуссия, скорее всего, будет продолжена.

Что касается В.Н. Виноградова, то заслуживает упоминания и его крайне взвешенная позиция в вопросе потери союзниками Балкан в конце 1915 г. Известно, что почти год длились переговоры стран Антанты с Болгарией о вступлении ее в войну. «Ценой» вопроса была сербская Македония. Несмотря на все давление Лондона, Парижа и Петрограда, в Нише отказались передать македонские территории Софии. В результате Болгария присоединилась к Центральным державам и совместно с Германией и Австро-Венгрией в октябре 1915 г. напала на Сербию. Этот совместный «*drang nach Serben*» оказался фатальным как для Королевства, так и для участников Тройственного соглашения. Для одних он завершился «Сербской Голгофой», для других – установлением прямого сообщения от Берлина до Стамбула. Советская историография упрекала за то «крайнего шовиниста» Николу Пашича, который якобы сорвал все усилия по вовлечению в войну Болгарии⁴¹. Виноградов же гораздо более корректен: «Предполагаемая комбинация была для Сербии неприемлемой, а потому и мертворожденной». И соответственно – «антантовская дипломатия безнадежно запуталась в межбалканских противоречиях и выглядела пассивной, будучи не в силах сдвинуться с мертвой точки»⁴². Именно она и есть главный виновник поражения на Балканах в 1915 г.

И наконец, в последнее время вышел ряд работ, не решающих в своей совокупности какой-то крупной проблемы, но по отдельности проливающих свет на некоторые аспекты участия Сербии в Первой мировой войне и русско-сербских отношений тех лет.

Так, С.В. Степанов рассматривает российско-сербское военное сотрудничество в области авиации на Салоникском фрон-

те⁴³. В более широком контексте (русские летчики в сербской авиации вообще) ту же тему затрагивает и Д. Денда⁴⁴. «Зеркальный» эффект имеют две публикации В.Б. Каширина о деятельности русского военного агента В.А. Артамонова в Сербии⁴⁵, с одной стороны, и очерк А.В. Ганина о сербской военной миссии в России⁴⁶, с другой. Военно-партизанским действиям в Сербии в годы войны посвящена статья А.Ю. Тимофеева⁴⁷.

* * *

Особняком в рамках нашей темы стоит выпущенный в 2014 г. фундаментальный сборник документов «Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны»⁴⁸. Собранные в нем материалы в основном относятся к международным отношениям в ходе войны на европейском «макро-уровне». Касающихся же Сербии – совсем немного. Мы обратили внимание на те из них, что связаны с чиновниками российской миссии при дворе короля Петра Карагеоргиевича.

Трагическая «Сербская Голгофа» осенью-зимой 1915–1916 гг. была крайне тяжела. Для всех – остатков сербской армии, беженцев, русской миссии. Ее глава, кстати говоря, получил из Петербурга предписание «разделить участь сербского правительства» и «не покидать последнего, оставаясь все время при нем». Что означало, по словам редактора сборника, «готовность пожертвовать собственной жизнью». Однако, приказы не обсуждаются, и российского посланника князя Г.Н. Трубецкого в переходе через албанские горы под непрерывными обстрелами сопровождали двое – экс-консул в Белграде Емельянов и драгоман миссии Мамулов, который держал себя геройски.

И воздалось им за деяния их!

16 января 1916 г. министр иностранных дел России С.Д. Сазонов обращался к военному министру А.А. Поливанову: «Военные действия, происходившие на Балканском полуострове, создали особенно тяжелые условия деятельности для чинов учреждений Министерства иностранных дел в пределах Сербского королевства <...>. К числу таковых чинов относятся консул в Белграде, надворный советник Емельянов, нештатный драгоман императорской миссии в Сербии, штабс-ротмистр

в отставке Мамулов и второй секретарь той же миссии надворный советник Зарин. Из них гг. Емельянов и Мамулов несли свою службу во время троекратного наступления австрийцев на Сербию».

И далее: «Во время наступления австрийцев на сербскую армию им приходилось при эвакуации сербского правительства и дипломатического корпуса, сопровождая главную квартиру, пробираться по узким тропинкам, проходивших по склонам гор, через расположение находившихся в восстании албанских племен, постоянно подвергаясь, наряду с отступавшей сербской армией, действию неприятельского огня».

И наконец: «Ввиду таковых исключительных обстоятельств, при коих названные гражданские чины, верные служебному долгу, проявили подвиги мужества, я полагал бы справедливым всеподданнейше ходатайствовать перед его императорским величеством о пожаловании» им «ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами, но без банта*». Высочайшее пожалование состоялось, и *гражданин* Мамулов стал кавалером *боевой* награды. Случай в истории дипломатии уникальный!

Мы привели эти фрагменты по определенной причине. Дело в том, что в сербской историографии И.Г. Мамулов упоминается в крайне непривлекательном свете – как человек, который, может, и не входил в число непосредственных организаторов знаменитого «Иванданского атентата» («Покушения в Иванов день») на бывшего короля Милана Обреновича, совершенного в 1899 г., однако точно обеспечивал его «логистику»⁴⁹. Такая вот «подмоченная» историческая репутация сложилась у него с подачи белградских коллег. И никак не постоять за себя. Используя впервые введенные в научный оборот документы (вроде бы совсем пустяковые в масштабе европейских дел), мы старались восстановить доброе имя Иосифа Гавриловича – «русского потомственного дворянина и офицера»⁵⁰, кавалера высокого *боевого* отличия! Уже одни эти «анкетные данные» говорят о многом, что, думается, следует учитывать и сербским ученым.

* С 1857 г. офицеры за боевые подвиги получали знаки ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, в отличие от находившихся на театре военных действий гражданских чиновников, награждавшихся означенными знаками только с мечами (без банта).

* * *

Итак, приведенный в статье материал позволяет, как нам думается, сделать несколько «промежуточных» выводов.

Во-первых, вместо одного Ю.А. Писарева в первые полтора десятилетия XXI в. сложилась устойчивая научная группа историков, обратившихся к изучению различных аспектов участия Сербии в Первой мировой войне.

Во-вторых, главным трендом в настоящее время является переход к эмпирическому исследованию отдельных крупных проблем в русле глобального проекта – Сербия (Россия и Сербия) в Первой мировой войне, что способствует значительно более углубленному, чем ранее, их пониманию и объяснению.

В-третьих, особый акцент сделан на поиске и публикации новых источников по указанной тематике.

В-четвертых, происходит успешная координация усилий историков России и Сербии (с сербской стороны – М. Йованович, М. Белаяц, А. Тимофеев, Г. Милорадович, Д. Денда, Д. Кремич) в изучении русско-сербских сюжетов названной генеральной темы, что, со всей очевидностью, приводит к положительным результатам.

И, наконец, в-пятых, заметный интерес к сербской (сербско-русской) военной проблематике проявляют совсем не связанные со сложившейся группой энтузиасты (Д.Н. Степанов), и даже непрофессиональные историки (С.В. Тюриков).

Из всего вышесказанного следует главное заключение: постепенно складываются условия для подготовки отвечающего всем запросам современности (причем не в смысле столь популярных ныне политизированно-постмодернистских трактовок, но с точки зрения подлинной *научности* интерпретаций) синтетического труда «Сербия (Сербия и Россия) в Первой мировой войне 1914–1918 гг.».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Никифоров К.В.* Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. С. 10.

² *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М., 1968; *Он же.* Образование Югославского государства. М., 1975; *Он же.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985; *Он же.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–

1915 г. М., 1990; *Он же*. Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993.

³ Краткую характеристику трудов Ю.А. Писарева о сербском (сербско-русском) сюжете Первой мировой войны см.: *Виноградов К.Б., Шемякин А.Л.* Академик Ю.А. Писарев (1916–1993) // Новая и новейшая история. М., 2002. № 6. С. 191–202.

⁴ За балканскими фронтами Первой мировой войны / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2002.

⁵ *Йованович М.* «Умереть за Родину»: Первая мировая война или столкновение «обычного человека» с тотальной войной// Последняя война императорской России/ Отв. ред. О.Р. Айрапетов. М., 2002. С. 136–157.

⁶ Там же. С. 153–155.

⁷ *Йованович М.* Ленинским курсом. Как русские защищали Белград от австрийских мониторов на Дунае // Родина. 2010 г. № 10. Специальный выпуск. «Гром суворовских побед, Россия на Дунае». С. 130–132.

⁸ *Он же*. «Сербия, Сербия, жаль мне тебя, проклятая Германия идет на тебя». Русская помощь Сербии в 1914–1915 гг.: историографическая зарисовка // Величие и язвы Российской империи. М., 2012. С. 367–376.

⁹ О «русских темах» М. Йовановича подробнее см.: *Шемякин А.Л.* Русские темы Мирослава Йовановича (1962–2014) // Славяноведение. 2015. № 1. С. 82–86.

¹⁰ *Йованович М.* На охране югославских рубежей: русские гвардейцы в Королевстве СХС // Родина. 2000. №. 11. С. 98–99; *Он же*. Как братья с братьями. Русские беженцы на сербской земле // Родина. Январь-февраль 2001. Специальный номер «Славянский мир». С. 144–148; *Он же*. Поколение чужбины. Дети русских эмигрантов на Балканах в 1920–1940-е годы // Родина. 2002. № 3. С. 76–78; *Он же*. Ось Белград-Омск. Почему король Александр признал Колчака // Родина. 2003. № 10. Специальный номер «Россия и Сербия: вехи истории». С. 192–194; *Он же*. Русские высаживаются в Черногории. Как принимали беженцев в Боке Которской // Родина. 2006. Специальный выпуск «Россия и Черногория: вехи истории». С. 84–88; *Он же*. Потерянная картина. История эмигрантского фильма, так и не вышедшего на экран // Родина. 2006. № 4. Специальный выпуск «Славянский мир: общность и многообразие». С. 86–88; *Он же*. Ленинским курсом. Как русские защищали Дунай от австрийских мониторов на Дунае (1914–1915)...; *Он же*. Те, кто за Сталина, и те, кто за Гитлера. Российская эмиграция в Югославии в годы Второй мировой войны // Родина. 2012. № 11. С. 14–16.

¹¹ *Каширин В.Б.* Дунайская одиссея лейтенанта Григоренко // Родина. 2010. № 11. Специальный номер. «Гром суворовских побед, Россия на Дунае». С. 132–138.

¹² См.: *Шевцова Г.И.* Россия и Сербия. Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М., 2010.

¹³ *Тюриков С.В.* Экспедиция особого назначения на Дунае по оказанию помощи Сербии в августе 1914 – октябре 1915 гг. СПб, 2015.

¹⁴ *Шемякин А.Л.* С острова Корфу в Россию: Никола Пашич в Петрограде и Москве в 1916 г. // *Родина.* 2014. № 12. С. 71–73.

¹⁵ Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи в 1878–1917 гг. / Сост. А.Л. Шемякин, Е.В. Иванова, М. Перишић, А. Тимофејев, Г. Милорадовић. М.-Белград, 2012.

¹⁶ Там же. С. 334–366; 482–512.

¹⁷ Россия на сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914–1918 гг./ Сост. А.Ю. Тимофеев, Д. Кремич. М., 2014.

¹⁸ Там же. С. 51–97.

¹⁹ *Денда Д.* Сербский офицерский корпус в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2015. С. 98–115.

²⁰ *Поповић Н.* Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977. С. 263–305, 389–425.

²¹ Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. / Приред. Н. Поповић. Београд, 1977.

²² Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны/ Сост. А.Ю. Тимофеев, Я.В. Вишняков, Г. Милорадович. М., 2014.

²³ *Поздняков Е.И.* Югославянская идея во взглядах южнославянских солдат-добровольцев в России // *Славянский альманах.* М., 2014. № 1–2. С. 161–170.

²⁴ *Вишняков Я.В.* «Шел отряд по берегу». Четническое движение на Румынском фронте в 1916 г. // *Родина.* 2015. № 1. С. 50–52.

²⁵ *Он же.* Армия без государства. Сербский добровольческий корпус в России в 1916–1917 гг.// Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. С. 136–156.

²⁶ *Он же.* Армия без государства. Сербский добровольческий корпус в России в 1916–1917 гг. // *Русский сборник. Исследования по истории России.* Т. XVIII. М., 2015. С. 443–487.

²⁷ *Каширин В.Б.* Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка к экспедиции русских войск за Дунай в 1916 г.// *Studia Balkanica.* К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 139–185.

²⁸ *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012. С. 393–419.

²⁹ См.: *Шемякин А.Л.* Рождение Югославии // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII– начало XX вв. М., 1997. С. 341–381; *Он же.* Югославянская программа Сербского королевства в первый период войны (август 1914 – октябрь 1915) // Первая мировая война. Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 380–395.

³⁰ *Он же.* Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 175–216.

³¹ *Лобачева Ю.В.* Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. СПб, 2014.

³² *Белаяц М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015.

³³ *Исламов Т.М.* Восточноевропейский фактор в исторической перспективе // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 47.

³⁴ См., например: Первая мировая война. Энциклопедический словарь / Руков. проекта А.О. Чубарьян; Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2014.

³⁵ *Искендеров П.А.* Балканские корни Первой мировой войны: правда и вымысел // Славянские народы в Третьем тысячелетии. М., 2014. С. 152–169. См. также: *Он же.* Балканские корни Первой мировой войны // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. С. 280–297.

³⁶ *Шемякин А.Л.* Русский дипломат в Сербии о начале Первой мировой войны (К дискуссии о ее «подстрекателях») // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. С. 37–51.

³⁷ *Попович Н.* Европейская война 1914 года: неизбежность или случайность // Родина. 2014. № 12. С. 68–70.

³⁸ *Hastings M.* Catastrophe. Europe Goes to War. New York, 2013 (перевод на сербский язык: *Hejstings M.* Katastrofa. Evropa ide u rat 1914. Beograd, 2014). P. 22.

³⁹ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания / Подгот. к печати А.Л. Шемякин. М., 2014.

⁴⁰ *Субаев Р.Р.* Балканы и Weltpolitik: к вопросу о причинах Первой мировой войны // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. С. 20–36.

⁴¹ См., например: *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. М.-Л., 1947. Т. I. С. 626, 636–638, 641, 647, 655, 683.

⁴² Мирвые войны XX века. М., 2002. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. С. 241, 242.

⁴³ *Степанов С.В.* К истории российско-сербского военного сотрудничества: русские летчики в составе сербской авиации на Салоникском фронте в период Первой мировой войны // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. С. 136–156.

⁴⁴ *Денда Д.* Сербский офицерский корпус в годы Первой мировой войны... С. 108–109.

⁴⁵ *Каширин В.Б.* Неотвращенная катастрофа союзника: борьба на Балканском фронте в 1914–1915 гг. в суждениях русского военного агента при сербской Верховной Команде // Русский сборник. III. М., 2006; *Он же.* Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 306–311.

⁴⁶ *Ганин А.В.* Фотоархив сербской военной миссии в Советской России // Старый цейхгауз. 2012. № 5. С. 92–95.

⁴⁷ *Тимофеев А.Ю.* Военно-партизанские действия в Сербии во время Первой мировой войны // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. С. 116–135.

⁴⁸ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов / Предс. ред. колл. С.В. Лавров. Тула, 2014.

⁴⁹ Приведем только два примера. Из классики: *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. 2 // Сабрана дела Слободана Јовановића. Т. VII. Београд, 1990 (1-е изд. – Београд, 1931). С. 106–107. И из новейшей литературы: *Рајић С.* Александар Обреновић: владар на прелазу века. Сукобљени светови. Београд, 2011. С. 262–263.

⁵⁰ Подробнее о пребывании и службе И.Г. Мамулова в Сербии см.: *Шемякин А.Л.* Русский человек на Балканах: сербская одиссея поручика Мамулова (1893–1915) // Славянский альманах. М., 2015. № 3–4. С. 57–76.

Миле Белаяц

**НАПРАВЛЕНИЯ РЕВИЗИИ ИСТОРИИ
СЕРБСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ:
ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ МИРОВЫЕ ВОЙНЫ**

Сразу определимся, какая ревизия и чьи попытки пересмотреть историю российско-сербских и советско-югославских отношений в период мировых войн находятся в центре нашего внимания. Увы, речь не идет о том плодотворном процессе в исторической науке, в результате которого открываются новые, прежде не известные факты, расширяющие наши представления о прошлом. Мы рассмотрим иные тенденции, присутствующие в европейской и сербской историографии, которые за последние пять лет удалось выявить мне и моим коллегам. Как и в межвоенное время, предпринимаются квазинаучные усилия, нацеленные не на обретение новых знаний, а на то, чтобы переложить ответственность за развязывание Первой мировой войны на противоположную сторону или, по крайней мере, доказать, что виноваты в равной степени все государства, в ней участвовавшие. Бросается в глаза желание представить Балканы и Сербию в качестве главной причины войны и выстроить причинно-следственную вертикаль от 1914 г. до войн, разразившихся на территории Югославии в 1990-е гг.

В условиях новой политической реальности, грозящей возобновлением Холодной войны, Россия, как и Сербия, называется главным виновником роковых событий столетней давности. Что касается сербской историографии, то в ней, наряду с серьезными результатами, можно обнаружить примеры поверхностности и конъюнктурности. Некоторые авторы без должного внимания отнеслись к имеющимся основополагающим достижениям сербской исторической науки (включая

военно-историческую литературу), а также некритически восприняли спорные, ущербные в логическом отношении трактовки. В настоящее время имеется немало работ, посвященных их разоблачению. Появляются и новые исследования, приливающие свет на историю взаимоотношений двух народов. Надеемся, что они будут пользоваться заслуженным вниманием¹.

Во второй части настоящей статьи мы покажем, к каким кардинальным и стремительным переменам может привести идеологическое воздействие, нацеленное на изменение исторической памяти о совместной борьбе двух народов в годы Второй мировой войны. То, что сегодня не подлежит сомнению, завтра как будто не существует. Однако это не значит, что оно не воскреснет снова, только если нам понадобится.

Правда ли, что в 1914 г.

Россия подстрекала Сербию к войне?

Теме пересмотра причин Первой мировой войны я посвятил целую монографию и немало статей, опубликованных по всему миру. Пять или шесть лет назад группа белградских историков, а также некоторые наши зарубежные коллеги обратили внимание общественности на то, что столетняя годовщина войны может стать поводом для серьезной ревизии ее причин и поводов, а также для того, чтобы Сербию, превратившуюся в 1990-е гг. в балканского парию, объявить главным виновником ее развязывания. Мы начали интенсивно знакомиться с книгами, выходившими в 1992–1994 гг. и приуроченными к 90-й годовщине конфликта. Уже тогда релятивизация ответственности агрессоров наводила на мысль о возрождении ревизионизма, на этот раз преисполненного духом Новой Европы, объединившейся в Европейском союзе. Что касается пересмотра роли Сербии, то современные ревизионисты, голоса которых становились все громче, опирались на «достижения» своих межвоенных предшественников. Вскоре, как само собой разумеющееся, стал обсуждаться вопрос, как Сербия, а потом и Россия оказались главными виновниками международного кризиса, приведшего к войне.

Озабоченность в связи с предстоящей 100-летней годовщиной Первой мировой войны усилилась после 100-летней

годовщины Балканских войн, ознаменованной ревизией истории Османской империи, в целом, и младотурецкого режима, в частности. На многочисленных конференциях в Стамбуле и Сараево звучала апологетика толерантной мультиэтничной и мультирелигиозной Османской империи, которую, начиная с 1878 г., разрушали националистические движения злобных балканских народов, наплодивших, вместо уничтоженного ими содружества наций, собственные мелкие государства. Их междоусобная вражда вплоть до 1990-х гг. служила главной причиной всех войн и кризисов². В то же духе писали и об Австро-Венгерской монархии – движущей силе порядка, мира и модернизации³, защитнице права албанцев на обретение собственного государства.

При этом участники научных мероприятий закрывали глаза на геополитические планы Австро-Венгрии и Германии, на развитие турецкого национализма. Одновременно игнорировались и усилия России, предостерегавшей государства Балканского союза от вступления в войну, которая могла бы привести к столкновению великих держав.

В то время как некоторые неудобные факты прошлого замалчивались, другие активно педалировались. Как, например, начавшиеся именно в эту эпоху преследования балканских мусульман. Их рассмотрение явило очередной пример выборочного подхода к истории. Так, обойден вниманием период 1875–1878 гг., а также все более поздние восстания и войны. С удивлением приходилось читать, что только с Балканских войн началось разрушение миролюбивого царства – Османской империи. Сборник статей, опубликованный в издательстве Университета штата Юта, гласил: «Договор (1878 г. – М.Б.), утвердив новый принцип унитарного национального государства, посеял семя будущих конфликтов – от Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны, до современных гражданских войн и этнических чисток на территории бывшей Югославии. Тяжесть понесенного Турцией поражения... и территориальных потерь оказалась фатальной для проекта мусульманских либеральных реформ и модернизации, начатой Османской империей в середине XIX в.». Вина за столь прискорбный ход событий, разумеется, лежит на преисполненных национализма малых балканских государствах, а так-

же на их восточном покровителе. Под этими инсинуациями стоят подписи профессоров Юты, Индианы, Стэнфорда⁴.

Когда заходит речь об Июльском кризисе 1914 г., неизменно утверждается, что Россия подговаривала Сербию не соглашаться с австро-венгерским ультиматумом. Более того, в деталях описывается, что официальный Белград в последний день того срока, что отводился на раздумья (до шести часов вечера 25 июля), вплоть до раннего послеполуденного времени был готов принять все пункты ультиматума и устранить причину войны. Однако, все испортила фатальная телеграмма посланника в Петербурге Спалайковича, в которой говорилось о безусловной поддержке Сербии со стороны России, приступившей к мобилизации своей армии. Это, дескать, побудило сербские власти изменить позицию и отвергнуть некоторые условия. Дабы представить события того судьбоносного дня в этом духе, историку Кристоферу Кларку пришлось солгать о содержании не только инструкций Николы Пашича, отправленных сербским дипломатическим представителям вскоре после полудня (в них они информируются о деталях и характере сербского ответа), но и донесения британского поверенного в делах в Белграде. Оба документа показывают, что около полудня была сформулирована окончательная официальная позиция в отношении ультиматума. Выполнение двух его пунктов обуславливалось дополнительными разъяснениями и позицией Великих держав. В более поздние часы ничего не изменилось. До передачи ответа на ультиматум не поступало каких-либо телеграмм от Спалайковича, в которых говорилось бы о позиции Сазонова и результатах заседания российского правительства⁵.

Кларк дословно пишет: «25 июля Пашич составил телеграмму в сербские посольства, в которой говорилось, что Белград собирается в своем ответе “занять примирительную позицию по всем пунктам” и предложить Вене “полное удовлетворение”... на тот момент сербы были готовы принять даже пресловутые пункты 5 и 6, требуя “гарантий соблюдения международного права” при формировании смешанной комиссии, ответственной за расследование». Однако, затем наступила перемена, которую автор объясняет следующим образом: «По-видимому, новости из России развеяли фаталистические настроения в Белграде, и министры решили отказаться от того,

чтобы принять все требования ультиматума и попытаться предотвратить войну»⁶.

Сразу оговоримся, что Кларк неоригинален. Первой эти утверждения озвучила австрийская пропагандистская школа в начале 1930-х гг.⁷ Ее представителей отчасти извиняет то, что они не располагали тогда источниками, введенными в научный оборот к настоящему времени. Кларку оправдываться нечем.

Дабы разоблачить его ревизионистские потуги, приведем чуть больше подробностей событий, о которых идет речь. В отсутствие Пашича заменявший его министр Лазар Пачу, приняв 23 июля 1914 г. австрийский ультиматум, сразу пригласил российского поверенного в делах Штрандтмана, чтобы ввести его в курс дела и посоветоваться. Штрандтман, не имевший каких-либо инструкций, попытался ночью передать содержание ультиматума в Петербург шифрованной телеграммой. Однако из-за саботажа со стороны австро-венгерского телеграфного агентства информация дошла до российской столицы уже после того, как Сазонов 24 июля до полудня узнал о тексте ультиматума от австро-венгерской стороны. Вечером 23 июля в российскую миссию приехал и принц-регент Александр, пребывавший в состоянии неуверенности и озабоченности. Узнав мнение Штрандтмана о происходившем, престолонаследник снова попросил ускорить предоставление Россией 120.000 винтовок, о чем Сербия просила еще в феврале. Собеседники сошлись во мнении, что имеет смысл обратиться за посредничеством к итальянскому королю, с которым Александр был в родстве.

Вернувшись 24 июля до полудня в Белград, Пашич после встречи с министрами приехал в Штрандтману, который все еще не получил указаний из Петербурга. Сербский премьер-министр сообщил, что согласился с тем, что следует обратиться к итальянскому монарху. По поводу защиты перед лицом Австрии, которую Сербия искала у великих держав, он фаталистично предположил, что «все они, по-видимому, откажут в ней... Если война неизбежна, нам придется воевать, безотносительно того, какой ответ королевич Александр отослал (отошлет) императору». Что касается военных мер, то было принято решение об активации войск первого призыва. Па-

шич принес с собой подписанную Александром телеграмму русскому царю, которую он хотел передать не собственному посланнику в Петербурге, а через российское посольство.

В двух телеграммах Пашич поручает Спалайковичу расспросить, какую позицию займет Россия в случае конфликта, и можно ли рассчитывать на ее поддержку. Посланник проинформирован о содержании разговора главы сербского правительства со Штрандтманом: «Я сказал ему, что сербское правительство попросит дружественные государства защитить независимость Сербии. Если войны не миновать, добавил я, Сербия будет сражаться».

Сохранилось несколько телеграмм, отправленных в те два роковых дня посланником в Петербурге Спалайковичем. Первая, которая хранится в Архиве Сербии, написана после разговора с Сазоновым 24 июля 1914 г. Его корректно воспроизводит авторитетный белградский историк Никола Б. Попович: «После заседания Сазонов встретился со Спалайковичем, который о содержании их беседы телеграфировал Пашичу. По словам посланника, Сазонов с отвращением осудил ультиматум, который ни одно государство не смогло бы принять, если только оно не собиралось бы покончить с собой. Министр заявил, что Сербия, несомненно, вправе рассчитывать на помощь России, но не уточнил характер этой помощи, решение о которой должен принимать царь по результатам консультаций с Францией. Сазонов, предпринявший энергичные шаги в Вене и Берлине, советовал Сербии осудить гнусное преступление, совершенное в Сараево, и заявить о готовности предать суду любого своего подданного, если будет доказано его участие в покушении»⁸. Кроме того, Спалайкович сообщил, что Сазонов упомянул депешу Штрандтмана, из которой следует, что Сербия пребывает в унынии в связи с отсутствием оружия и боеприпасов и обусловленной этим невозможностью оказать должное сопротивление. Говоря об этом, Сазонов предположил, что Сербии имело бы смысл воззвать «к чувствам справедливости и гуманности, присовокупив к этому заявление, что не может и не станет с оружием в руках защищаться от такой великой державы, как Австро-Венгрия, которая в 11 раз крупнее крохотной Сербии. Таким образом, министр советует нам условно следующее: если не можете защищаться, посту-

дите так, как Болгария в прошлом году. Результатом стало бы осуждение Австро-Венгрии со стороны всех народов. В этом смысле он телеграфировал поверенному в делах в Белграде. Я ему ответил, что его совет имел бы практический смысл, если бы мы могли рассчитывать на то, что Австро-Венгрия вторгнется только в приграничные районы. Она разорит всю страну, чего мы не можем допустить. Нам пришлось бы где-то во внутренних районах организовать оборону и принять бой... Я сказал министру следующее: *войну удастся предотвратить, только если Россия заявит Австро-Венгрии и Германии, что вынуждена будет объявить всеобщую мобилизацию* (курсив мой – М.Б.), если сербско-австрийский спор не будет вынесен на суд великих держав, как это уже было в 1909 г. Сделанное тогда Сербией заявление – плод усилий великих держав, которым принадлежит исключительное право судить, выполнила ли Сербия обязательства, перечисленные в той декларации. Решение относительно этого министр примет сегодня вечером и объявит о нем в коммюнике⁹. Эта объемная телеграмма состояла из двух частей. Первая поступила в 4.17, а вторая в 10 утра 25 июля.

В следующей телеграмме отражена позиция, о которой российское руководство проинформировало Австро-Венгерского посла 25 июля. Упоминается и официальное коммюнике правительства, принятое по результатам послеполуденного заседания: «Российский министр иностранных дел заявил австро-венгерскому послу, что ультиматум носит в высшей степени угрожающий характер. Общее мнение таково, что Сербия не может принять требований Австро-Венгрии. Совет министров решил принять энергичные меры, вплоть до мобилизации. Ожидается решение царя. Сейчас ожидается официальное коммюнике, в котором будет сказано, что Россия берет Сербию под свою защиту. Спалайкович»¹⁰. По вопросу датировки и содержания этой телеграммы историки до сих пор ломают копья. В опубликованной форме она датируется 24 июля и якобы поступила в Белград 24 июля около 11 часов утра. Однако, это неверно, если судить по содержанию. Если принимать его во внимание, нельзя просто переставить дату на 25 июля, как это сделал К. Кларк, тоже обративший внимание на то, что с датировкой документа не все в порядке.

Добавим еще некоторые детали. На заседании правительства, которое состоялось 24 июля после полудня, и на котором не присутствовал царь, принято следующее решение (пункт 2-й): «Рекомендовать сербскому правительству не сопротивляться, если Сербия не в силах защитить себя от возможного вооруженного нападения Австро-Венгрии, и заявить, что покоряется и предает участь свою на суд великих держав»¹¹.

Согласно донесению, которое французский посол в Петербурге отправил в Париж после заседания правительства, Сазонов поведаль ему, что постарается добиться от Вены продления срока ультиматума, чтобы обеспечить державам время для изучения документа. На следующий день (25 июля) должно состояться заседание Совета министров под председательством царя. Российский министр иностранных дел сказал французскому представителю, что предложит избегать всего, что может ускорить протекание кризиса. Пускай венский кабинет погрязнет в собственной ошибочной политике. Глава МИДа также считает, что, если австро-венгерское правительство перейдет к решительным действиям, Сербия не должна сопротивляться оккупации, дабы весь цивилизованный мир удостоверился в злонамеренности Австрии¹².

Коммюнике, упоминаемое Спалайковичем, действительно было опубликовано. 25 июля под вечер, когда австро-венгерский посланник уже разорвал дипломатические отношения с Сербией, поверенный в делах Штрандтман записал, что получил телеграмму новостного агентства с заявлением российского правительства, сделанным в тот же день по итогам заседания: «Правительство весьма озабочено наступившими событиями и посылкой Австро-Венгрией ультиматума Сербии. Правительство зорко следит за развитием сербско-австро-венгерского столкновения, к которому Россия не может оставаться равнодушной»¹³.

В связи с заседанием совета министров (25 июля) французский посол в Петербурге в 18.22 докладывал руководству, что принято принципиальное решение о мобилизации 13 корпусов, которые, вероятно, будут задействованы в операциях против Австро-Венгрии. Мобилизация не будет осуществляться и объявляться до тех пор, пока австро-венгерское правительство не совершит вооруженное нападение на Сербию. Тайные

приготовления к мобилизации начнутся более или менее безотлагательно (сегодня). Поэтому, если приказ о мобилизации и последует, все тринадцать корпусов сразу отправятся на галицийскую границу. Однако в наступление они не перейдут, чтобы не давать повода Германии, и чтобы не наступил *casus foederis*¹⁴.

Чтобы развеять кривотолки относительно того, какое влияние оказал на позицию Сербии Николай II, рассмотрим, когда он получил обращение престолонаследника Александра, и когда в сербскую столицу поступил высочайший ответ. Телеграмма, тормозившаяся, как и все сербские зашифрованные послания, дошла до царя 26 июля – спустя два дня после отправления. К этому моменту уже наступил разрыв отношений между Сербией и Монархией. Известна запись, оставленная Николаем на полях: «Очень скромная, заслуживающая уважения телеграмма. Что ему ответить?» (Петергоф, 26(13) июля 1914 г.)¹⁵. Итак, к этому времени Монархия уже разорвала отношения с Сербией. Когда ответ 28(15) июля прибыл в Ниш, Вена уже объявила войну Белграду. Штрандтман в своих воспоминаниях приводит текст телеграммы, которая шла более суток: «... Теперешнее положение вещей привлекает мое самое серьезное внимание, и мое правительство прилагает все усилия, дабы устранить настоящие затруднения. Я не сомневаюсь в том, что Ваше Высочество и королевское правительство проникнутся желанием облегчить эту задачу, не пренебрегая ничем, чтобы придти к решению, которое, сохраняя достоинство Сербии, позволило бы предупредить ужасы новой войны. Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же, вопреки самым искренним нашим желаниям, мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверенным в том, что ни в каком случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии»¹⁶.

Эта телеграмма, однозначно, не повлияла на позицию сербского правительства, отраженную в ответе на австрийский ультиматум. Тем не менее, сложно переоценить значение моральной поддержки, оказанной Сербии, которая уже находилась в состоянии войны.

Следует обратить внимание еще на один подлог, который часто используется для аргументации тезиса о российско-

сербском заговоре. Источник мистификации – письма, которые арестованный полковник Драгутин Димитриевич-Апис адресовал Военному суду в Салониках, а также регенту Александру в апреле 1917 г. Находившийся в экстремальных обстоятельствах, преисполненный желанием спасти жизни Раде Малобабича и Мухамеда Мехмедбашича, тоже находившихся под арестом, Апис взял на себя ответственность за Сараевское покушение, а своих бывших агентов назвал исполнителями его воли. Одно из писем гласит: «Пребывая в смятении от обвинений в совершении покушения на Ваше Высочество... я с ужасом наблюдал, как на скамью подсудимых посадили еще двух лиц из моего окружения... Первый, Ваше Высочество, по моему приказу осуществил подготовку покушения в Сараево, а второй – единственный серб-мусульманин, который участвовал в покушении и избежал австрийского суда, бежав к нам... Не допустите того, чтобы сербский военный суд для офицеров вынес приговор, завершив начатое австрийским сараевским судом»¹⁷.

Более обширным было письмо суду, в котором Апис описывает роль российского военного агента Артамонова: «Как шеф Разведывательного отдела Главного генштаба я привлек Раде Малобабича, чтобы он организовал для меня сеть информаторов в Австро-Венгрии. К чему он и приступил. Я это сделал по договоренности с российским военным агентом г. Артамоновым, который лично встречался с Раде в моем присутствии. После того как Раде взялся за работу, я, осознавая, что Австрия готовится к войне с нами, пришел к выводу, что исчезновение австрийского престолонаследника Фердинанда ослабит военную партию, и течение, во главе которого он был, хотя бы на время, утратит свою силу. Поэтому я привлек Малобабича, чтобы он во время назначенного приезда Фердинанда в Сараево организовал на него покушение. Окончательное решение я принял, только когда Артамонов заверил меня, что Россия нас не оставит беззащитными в случае нападения Австрии. Г. Артамонову я тогда *не сообщил ничего о моем намерении совершить покушение* (курсив мой – М.Б.). Повод узнать его мнение о позиции России представился, когда зашла речь о том, что наша разведывательная деятельность может быть использована Австрией как предлог для нападения. Малобабич выполнил мое

поручение и совершил покушение. Его главные исполнители состояли у меня на службе и получали небольшое вознаграждение, которое я им отправлял через Малобабича. Некоторые их расписки находятся у русских, так как деньги для выполнения замысла я получал от г. Артамонова, а генштаб еще не имел кредита для подобной расширенной деятельности»¹⁸.

Это письмо Драгутина Димитриеви́ча Аписа Военному суду, написанное 28 марта/10 апреля 1917 г. опубликовано в Германии в 1943 г. При этом в переводе намеренно или непреднамеренно допущена ошибка. Слова Аписа «не сообщил ничего (Артамонову – М.Б.) о моем намерении» переведены как «об этом проинформировал». Эту инкриминирующую фальшивку состряпал Ганс Юберсбергер, опубликовавший в своей книге о внешней политике Сербии письма, обнаруженные в 1942 г. в спрятанном под землей архиве двора. К своему несчастью историк-ревизионист разоблачил сам себя, напечатав и факсимиле оригинала на сербском, из которого следует, что перевод неверен¹⁹.

Исходя из того, что нам сегодня известно о Сараевском покушении, мы можем с уверенностью утверждать, что Апис преувеличил свою роль в нем. Так как на суде об этом речь не шла, не было и очных ставок со свидетелями, которые бы уже тогда продемонстрировали несостоятельность многих слов Димитриеви́ча. Как, например, утверждения о гонорарах, получаемых младобоснийцами, которые, на самом деле, испытывали острую нужду, особенно Принцип. В корне неверно принимать на веру аписовские заявления, как это делали ревизионисты и вслед за ними некоторые сегодняшние сербские историки. Следовать их логике возможно, только если абстрагироваться от всего исторического контекста или сознательно его замалчивать²⁰.

В межвоенное время сам генерал Артамонов дал в немецких журналах ответ на некоторые обвинения в свой адрес. Уже тогда он отрицал какое-либо участие в заговоре²¹. Тем не менее, легенда о роли Артамонова усилиями хорватского писателя Мирослава Крлежи обрела вторую жизнь в Югославии после Второй мировой войны²².

Следует отметить, что политически мотивированный ревизионизм, в котором соучаствуют историки, возник отнюдь

не сегодня. Даже в странах-союзницах он присутствовал как в межвоенное время, так и после Второй мировой войны. Холодная война побуждала страны Западной и Центральной Европы оставить в прошлом дурные воспоминания друг о друге. Историческая правда не могла не пострадать от взаимных уступок.

И тогда, и сегодня некоторые западные коллеги рассказывают, будто Россия могла избавить мир от войны и страданий, если бы оставила Сербию на произвол судьбы. Забывается, что и во время Июльского кризиса, и после вручения ультиматума Россия многое предприняла, чтобы решить спор мирным путем. Белград с тревогой выслушал весть о том, что вооружения, в которых он отчаянно нуждался, не будут предоставлены вплоть до прояснения ситуации. Петербург и таким способом старался продемонстрировать Вене и Берлину свою добрую волю. Отправка оружия задерживалась, чтобы не дать повода истолковать этот шаг превратным образом. Сербии пришлось вступить в войну с ужасающим дефицитом в 1/3 от количества винтовок, необходимого для вооружения мобилизованных резервистов.

Сербии рекомендовано быть уступчивой настолько, насколько это возможно для суверенного государства. Кроме того, российский поверенный в делах получил указание, если состоится нападение, советовать сербскому правительству не оказывать сопротивление, а, отведя войска на юг, потребовать арбитража великих держав. Тот же вариант как свое личное мнение Сазонов предлагал Спалайковичу. Сербский посланник предупредил, что подобное поведение чревато опасностями, и убеждал собеседника в том, что Россия скорее защитит мир, если продемонстрирует готовность в случае агрессии Австро-Венгрии провести мобилизацию и вступить в войну. Т.е. попытается отвратить Вену от необдуманных поступков. Россия уже предпринимала некоторые шаги в этом направлении, но, как это стало очевидным впоследствии, фактор предотвращения устрашением не стал действенным. Противоположная сторона стремилась к войне любой ценой, с чем не станет спорить ни один добросовестный историк. Слишком много источников свидетельствуют об этом.

Российские и советские союзники Сербии

Как в Сербии «вспоминают» военное союзничество, как интерпретируют, и какую общественную роль играет культура воспоминания? Мне кажется, что в новейшее время, когда Сербия проходит через череду испытаний, от которых зависит само ее существование, русский фактор снова приобрел былое значение. Не забывая о совместной борьбе во Второй мировой войне, мы вспомнили о боевом братстве и поддержке, оказанной Россией Сербии в Первую мировую. Недавно в центре Белграда, на том месте, где когда-то стояло здание российского посольства, воздвигнут памятник царю Николаю II. Начата реставрация российского мемориала, установленного на Новом кладбище еще в Королевстве Югославия. Не так давно прошли мероприятия в окрестностях г. Алексинац – на том месте, где находился первый памятник русским добровольцам, павшим в борьбе за независимость Сербии в 1877–1878 гг. Памятник сооружен в 1880 г., а недалеко от него до сих пор стоит церковь, построенная в память о погибшем здесь графе Раевском²³. Однако, как мы покажем, бывало и по-другому. К союзничеству военных лет не всегда подходили последовательно. Его оценка неоднократно менялась на прямо противоположную.

Что касается российских друзей и союзников, на которых Сербия опиралась накануне и во время Первой мировой войны, то уже в годы Второй мировой войны, во время немецкой оккупации переименована улица Гартвига (1943), а после освобождения – улица Царя Николая II (1946), которая вела от площади Славия к Красному кресту²⁴.

Историк Ольга Манойлович-Пинтар указывает в своих работах, что первые мемориальные сооружения, посвященные освобождению страны в 1944–1945 гг., устанавливались в честь красноармейцев, а не героев Народно-освободительной войны (НОВ). Еще продолжались боевые действия, а уже появились первые памятники, которые сооружали как Советы, так и югославы. 28 октября 1944 г. первую новость об этом напечатала только что возобновившая выпуск ежедневная газета «Политика», сообщавшая о похоронах и строительстве памятника красноармейцам, погибшим при освобождении города. В траурной церемонии, состоявшейся на Театральной площади (сегодняшняя Площадь республики), приняли

участие советские и партизанские командиры дивизий и корпусов. «Так – пишет Манойлович – начался период популяризации новых политических отношений. При этом акцент делался на братских чувствах славянской взаимности». Сам памятник, как и остальные, появившиеся в Сербии, отличался скромными размерами и почти полным отсутствием декоративных элементов. Присутствовали лишь основные символы: доминирующая пятиконечная звезда, часто с серпом и молотом. И, неизменно, крест. Торжественные церемонии открытия памятников, как правило, сопровождались освящениями и отпеваниями, которые совершались священниками Сербской православной церкви. По сравнению с коллосальными монументами советским воинам в Вене, Берлине или Кенигсберге, скромные сербские памятники больше способствовали развитию сердечных отношений двух народов, так как служили местом проведения разного рода массовых торжественных мероприятий. Только с появлением монумента на Батине, Красной армии будут возданы должные почести, подобные тем, которые в 1930 г. власти Королевства Югославия оказали своим союзниками по Первой мировой войне, установив Памятник благодарности Франции²⁵.

Разразившийся в 1948 г. государственно-партийный конфликт между Югославией и СССР привел к временному запрету на упоминание заслуг Красной армии и жертв, принесенных ею во имя освобождения Белграда.

В 1951–1952 гг. жители Белграда по утрам обнаруживали, что за ночь изменились таблички на улицах, названия которым присваивались в эйфорической обстановке боевого и идеологического братства. Исчезли улицы генерала Владимира Жданова и маршала Толбухина, бульвары Красной армии и Советской армии (в Земуне). Не стало улиц Сталина (в Земуне), Сталинградской и Московской. Уцелел только Ленинский бульвар (с 1947 г.), имя которого в обстановке идеологических разногласий символизировало приверженность КПЮ принципам ленинского учения.

Через год после смерти Сталина знаком готовности к восстановлению отношений стало перенесение всех останков красноармейцев и партизан на Кладбище освободителей Белграда, на котором к десятой годовщине освобождения сто-

лицы (1954) появились монументальные памятники. Открывал Кладбище освободителей сам Йосип Броз Тито. В 1957 г. в белградском районе Дединье появился Бульвар Октябрьской революции²⁶, что также отражало советско-югославское сближение. После случившейся в 1964 г. на горе Авала авиакатастрофы, в которой погиб летевший на 20-летие освобождения Белграда маршал Бирюзов и сопровождавшие его генералы, улицам возвращены имена маршала Толбухина, генерала Владимира Жданова, появилась улица маршала Сергея Бирюзова²⁷. В том же году бывший Южный бульвар переименован в Бульвар Красной армии. Обратное переименование произошло в 1997 г., когда исчезли и улицы генерала Жданова и маршала Толбухина²⁸.

Перемены, присущие переходному времени, первым затронули белградский район Врачар, в котором находились названные улицы, и который известен своей «демократической» ориентацией. Скупщина города Белграда только утверждала предложенное.

На том основании, что в свое время коммунисты, придя к власти, нарушили традиции, которым на протяжении десятилетий хранили верность старые белградцы, было решено вернуть улицам их первоначальные имена. Городские власти предложили, чтобы в старом Белград вернулась топонимика, существовавшая до 1945 г., а улицы Нового Белграда, построенного в социалистическое время, носили названия в честь персонажей и событий новейшей истории.

По незнанию, или нет, только улице Маршала Толбухина вернули не старое название Царя Николая II, а английского землеторговца Макензи, имя которого улица носила до 1930 г. Улица Генерала Жданова не стала Петра Зринского и Крсто Франкопана, как она именовалась до 1946 г. Имеются десятки примеров подобной непоследовательности, которую мы наблюдаем по сей день.

Возобновившееся общественное обсуждение проблем почитания традиций антифашистской борьбы и признания вклада союзников (СССР) в освобождение Белграда в 1944 г. привлекло внимание к практике изменения названий улиц, отсылающих к судьбоносному периоду общей истории двух народов. Установление памятников, поддержание кладбищ

и присвоение улицам имен в честь выдающихся исторических личностей, все это – только часть политики формирования исторической памяти. Ее основные направления сегодня гораздо более отчетливо проявляются в том, что пишут учебники, что говорят СМИ, и какие образы рисуют художественные фильмы и сериалы.

Мы предприняли компаративный анализ того, как в различные периоды истории Югославии и Сербии подходили к запечатлению и увековечиванию того, что должно бы восприниматься как безусловная и вневременная ценность. Увы, приходится констатировать, что у нас идеология и «политическая корректность» взяли верх над желанием с одной меркой подходить к тому, что следует почитать всегда, а именно – кровь, пролитую за свободу страны и народа, руку помощи, протянутую другом в пору тяжелейших испытаний. В год установления диктатуры короля Александра Карагеоргиевича (1929) городские власти, следуя политической конъюнктуре, назвали улицу именем его фаворита – генерала Петра Живковича. В 1943 г. его бывший противник генерал Милан Недич отменил это решение. В тени Живковича остались забытыми многие павшие герои, а также те, с кем он разделался, убрав из армии или посадив на скамью подсудимых на Салоникском процессе. Город предал память своего защитника полковника Душана Туфегджича, переименовав в 1940 г. улицу, названную в его честь. Во время войны, в период оккупации улицы лишились имен военных и политических союзников Сербии. После войны последовали идеологические чистки «неподобающих» и «не представляющих интерес» деятелей – как отечественных, так и союзнических. Вернулись немногие из названий, упраздненных оккупантами и их пособниками из числа гражданской администрации. То, что произошло с улицами, носившими имена российских и советских военных союзников Сербии, отнюдь не исключительный случай. Это лишь более яркая и драматичная иллюстрация того, как «память» корректировалась в зависимости от изменений политической конъюнктуры. После 1948 г. с карты Белграда начали исчезать улицы, названные в честь великих россиян, Красной армии и топонимов, оставивших след в истории Второй мировой войны. Не прошло и десяти лет, как началось их

возвращение, символизировавшее добрую волю и потепление отношений. После случившегося в 1964 г. трагического происшествия, унесшего жизни советского маршала и нескольких генералов – освободителей Белграда, город «вернул» им «отобранные» улицы и назвал в их честь несколько новых. В переходное время, пришедшееся на 1990-е гг., в спешке пытались исправить все «несправедливости», допущенные в прошлые годы. Однако не соблюдались и новые провозглашенные критерии. Красная армия, ее маршалы и генералы снова оказались заложниками реформ²⁹. У улиц Маршала Толбухина и Генерала Жданова опять появились новые имена. А в 2004 г. мы стали свидетелями того, как едва не канула в Лету фигура маршала Бирюзова. Не без нашего участия история была спасена от забвения, и в Белграде по-прежнему есть улица его имени.

Перевод А.А. Силкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Поповић Н. Б.* Србија и Царска Русија. Београд, 2007; *Живанов С.* Сербская историография о русско-сербских отношениях в последнее десятилетие XX в. (1990–1998 гг.) // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., 2010. С. 285–308; *Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948, The Yugoslav-Soviet Conflict in 1948. Zbornik radova sa naučnog skupa.* Београд, 1999; *Штрландман В.* Балканске успомене. Београд, 2009; Ослобођење Београда 1944. Зборник радова. Београд, 2010; Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): Антологија. (Приредио Мирослав Јовановић) Београд, 2011; *Јовановић М.* Срби и Руси, 12–21. век: историја односа. Београд, 2012; *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011. (издание на русском: *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945, Москва, 2010.); *Ševcova G.I.* Ruska dobrotvorna pomoć Srbiji u ratovima 1912–1917. Београд, 2010; *Недок А., Поповић Б., Тодоровић В.* Српски војни санитар у Првом светском рату, Београд 2014; *Тимофејев А.* Руско-српска војна сарадња почетком Првог светског рата // Први светски рат, Србија, Балкан и велике силе. Београд, 2015. С.167–179.

² *Yavuz M. Hakan, Sluglett P.* (eds). War & Diplomacy. The Russo-Turkish War of 1877–1878. Utah University Press, 2010., (См.: Introduction – Laying Foundations for Future Instability. P. 1, 2, 4; См. также текст на обложке.); *Yavuz M. Hakan, Blumilsa* (eds.). War and Nationalism. The Balkan

Wars, 1912–1913, and their Sociopolitical Implications. Utah University Press, 2013; *McCarthy J.* Death in Exile: The ethnic Cleansing of Otoman Muslims. 1821–1922. Princeton N.J., 1995.

³ *Clark Christopher.* The Sleepwalkers – How Europe Went to War in 1914. London: Harper, 2012. P. 43, 71, 74, 75, 76.

⁴ *Бјелажан, М.* Провоцирање 'хуманитарне интервенције' против Србије 1913 // Балкански рат 1912/1913: Нова виђења и тумачења. Београд, 2013. С. 311–331; *Он же.* Инструментализација инструментализације – Упорно оживљавање пропагандне интерпретације о добрима и лошима на Балкану током и непосредно после Балканских ратова // Први балкански рат 1912/1913. године: друштвени и цивилизацијски смисао (Поводом ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I (приредио проф. др Александар Раствоић) Ниш, 2013. С. 183–203; *Он же.* 1914–2014: Зашто ревизија? Старе и нове контроверзе о узроцима Првог светског рата. Београд, 2014; *Он же.* Кому нужна ревизија историје? Старые и новые споры о причинах первой мировой войны. М., 2015.

⁵ *Белаяц М.* Кому нужна ревизија историје... С. 246, 355.

⁶ *Clark C.* Op. cit. P. 461–464.

⁷ Die Mobilmachung der europäischen Mächte im Sommer 1914. Eduard Czegka: Serbien und Montenegro. S. 3–22, S. 12–13 // Berliner Monatshefte. Januar 1936.

⁸ *Поповић Н.Б.* Указ. соч. С. 86–87. (автор ссылається на: АС. ПО 1914. Ф-1. Дос. IX. Пов. бр. 2960 Телеграм Спалајковића Пашићу бр. 56, 24 (11) јула 1914.)

⁹ Документа о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914 (Далее – ДСПКС). Књ. VII-2. Док. 527. С. 648–649; Эта телеграмма, состоявшая из двух частей, первая и последняя принятая из Петербурга 25 июля, то есть до передачи сербского ответа на ультиматум. Первая часть принята на рассвете – в 4.17, а вторая – в 10 часов.

¹⁰ ДСПКС. Књ. VII-2. Док. 503. С. 636. На телеграмме написано: «Пов. бр. 57. 11/24. VII 1914, у 1. сат 40 мин. пре подне». Принята и зарегистрирована как «Пов. бр. 2961 11/ 24. VII 1914. у 11 сати 30 мин. пре подне». Мы полагаем, что дата вписана позднее. В ней говорится о том, о чем Спалайкович мог узнать 25 июля после обеда. Прибыть в Сербию телеграмма могла 26 июля.

¹¹ *Поповић Н.Б.* Указ. соч. С. 86 (автор ссылається на: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917. Серия III (1914–1917). Том V. М.-Л., 1934. С. 38–39. «Особый журнал совета министров от 24 (11) июля»; ADMAE, Autriche-Hongrie, Conflit austro-serbe, vol 32, лист 153. Телеграмма посла М. Палеолога в МИД №. 283 от 25 июля 1914);

¹² Тот же документ, на который ссылается Попович, опубликован в: *Les Documents diplomatiques français 1871–1914* (Далее – DDF) 1871–1914, Troisième Série, tome XI. P. 36–37, doc. 39. Телеграмма отправлена 25 июля в 0.45. Принята в Париже в 3.28. Мы приводим ее почти целиком.

¹³ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания (подготовка текста, вступительная статья, примечания А.Л. Шемякина). М., 2014. С. 288.

¹⁴ DDF. Том XI. Док. 50. P. 52. Получено в Париже в 19.35.

¹⁵ *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 276–277.

¹⁶ Там же. С. 300–301.

¹⁷ *Миловановић М.Ж.* Пуковник Апис, Солунски процес хиљаду деветсто седамнаесте. Нови сад, 2015. С. 560.

¹⁸ Там же. С. 556.

¹⁹ Там же. 576.

²⁰ *Ђелајац М.* Мистерија Аписовог признања и даље траје // *Миловановић М.Ж.* Указ. соч. С.VII-XXV.

²¹ *Artamonov V. A.* Erinnerungen an meine Militärattachezeit in Belgrad // *Berliner Monatshefte.* 7/8. Berlin, 1938. S. 583–602

²² *Ђелајац М.* Указ. соч. С. 132–133

²³ *Manojlović Pintar O.* Arheologija sećanja. Spomenici i identiteti u Srbiji 1918–1989. Beograd, 2014. S. 176.

²⁴ Сербские современники были особенно благодарны посланнику в Белграде Николаю Гартвигу и царю Николаю II за позицию, занятую Россией во время драматичного Июльского кризиса 1914 г., а также за ультиматум, предъявленный Николаем союзникам, от которых он потребовал спасти находившуюся на албанском побережье сербскую армию.

²⁵ *Ђелајац М.* Култура сећања на савезништво у Другом светском рату кроз називе улица, тргова и спомен обележја // Ослобођење Београда 1944. године. Зборник радова. Београд, 2010. С. 493–504; *Manojlović Pintar O.* Široka strana moja rodnaja. Sovjetski spomenici podizani u Srbiji 1944–1955 // *Tokovi istorije.* № 1–2. Beograd, 2005. S. 135–145; *Idem.* (Ne)vidljiva mesta sećanja // *Oslobođenje Beograda* 1944. godine. Beograd, 2010. S. 545–552; *Idem.* Uprostoravanje ideologije: spomenici Drugog svetskog rata i kreiranje kolektivnih identiteta // *Dijalog povjesničara istoričara.* 10/1. Osijek 22.-25. rujna 2005. Zagreb, 2008. S. 290–292.

²⁶ С 1992 г. это Бульвар мира.

²⁷ На горе Авала в месте, где упал советский самолет, установлен впечатляющий памятник.

²⁸ Улице Генерала Жданова возвращено одно из старых названий – Ресавская, а улице Толбухина прежнее название – Макензиевская.

²⁹ *Leko M.* Ulice Beograda, Beogradske ulice i trgovi 1872–2003. Beograd 2003.

А.А. Силкин

ЮГОСЛАВСКИЙ СЕКТОР КУНМЗ
КАК «ЗЕРКАЛО» СОВЕТСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПРООБРАЗ
ТИТОВСКОЙ ЮГОСЛАВИИ. 1925–1936 гг.

Может показаться, что Коммунистический университет национальных меньшинств Запада¹ (КУНМЗ) не оставил значимого следа в истории. Вуз, учрежденный в конце 1921 г. решением СНК РСФСР, просуществовал до 1936 г., когда значительная, если не большая часть его руководства и слушателей разделила печальную участь своих кураторов из аппарата Коминтерна. При этом еще до начала большого террора многие, имевшие отношение к университету, пали жертвой репрессий со стороны государства. Но не «первого пролетарского», а своего прежнего – буржуазного, для разрушения которого Москва возвращала «в страну» коммунистов-политэмигрантов. Немногим суждено было дожить до «народно-демократических революций» и выполнить собственное «профессиональное» предназначение – вступить в ряды новой государственной и партийной номенклатуры. Особенно это касается открытого в 1925/26 учебном году Югославского сектора, который по численности студентов заметно уступал польскому, болгарскому и проч. Общее количество выпускников-югославын установить не удалось, однако известно, что семь «выпусков»² 1929–1934 гг. в сумме насчитывали всего 95 человек³.

Итак, немногое, уцелевшее от КУНМЗ, возможно, не слишком интересно, чего нельзя сказать о том, что университет представлял собой на протяжении пятнадцати лет. Или одного десятилетия, если иметь в виду Югославский сектор. О его подлинном значении можно судить, если рассматривать не сам по себе, а в контексте, с одной стороны, отечественных

реалий 1920–1930-х гг., а, с другой, такого протяженного по времени явления как русско-сербские/советско-югославские отношения.

Что касается восполнения картины советской действительности, то небесполезен каждый пример ее восприятия человеком со стороны, в том числе и иностранными коммунистами. Ведь, «сталкиваясь лицом к лицу с чужим, мы смотрим в зеркало, в котором узнаем самих себя. Мы задаем себе вопросы, которые без этой встречи не пришли бы нам в голову»⁴.

Ну, а что документы сектора могут прибавить к нашим представлениям об указанных отношениях? Весьма существенное, если принимать во внимание их неоднородный характер как исторического феномена. Его формирование, по словам белградского профессора Мирослава Йовановича, происходило на «различных уровнях прошлого: в плоскости политики и дипломатии; духовных и церковных, общественных и культурных связей; относительно частых миграций из одной среды в другую; фрагментарных экономических отношений; и, наконец, в плоскости индивидуальных, личных контактов и впечатлений...»⁵. Таким образом, целое может отразиться в частном, большое – в малом, а показательными могут быть не только массовые контакты и «встречи на высшем уровне», но и судьба сотни-другой югославын, которых Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) отправила в СССР в 1920–1930-е гг. Тем более, что учились они в коминтерновском учебном заведении, то есть постоянно находились «под излучением» тоталитарной идеологии. Именно она на протяжении всего «короткого XX в.» служила главным фактором отношений между Москвой и Белградом. Их традиционные связи, по мнению М. Йовановича, «утратили национальный атрибут» с того момента, как появились СССР и Югославия.

* * *

Прежде чем говорить о месте Югославского сектора КУНМЗ в истории, следует описать его как, собственно, образовательное учреждение. В качестве такового он соответствовал представлениям большевиков о том, кто и чему должен учиться в «совпартшколе». «Это главным образом молодежь, у которой

мало жизненного и партийного опыта, и нет никакой общеобразовательной подготовки»⁶, – доклад Н.К. Крупской на II Всероссийском съезде совпартишкол и комвузов хоть и прочитан в 1923 г., но точно характеризует состав учащихся сектора конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. При этом безграмотность считалась едва ли не достоинством студентов, которым не приходилось «изживать собственные мелкобуржуазные наслоения»⁷.

«Она неграмотна, малоподготовленна, не привыкла отвлеченно мыслить, работать над книгой, – продолжала характеризовать учащуюся молодежь Крупская, – но ее революционные переживания являются громадным плюсом... Молодежь, напрягая все свои силы... овладевает марксистским методом». Он и есть главное знание и умение «сознательных партийных работников» – «строителей с зорким глазом и твердой рукой». Для того чтобы стать ими достаточно «уметь писать, суметь прочесть любую книгу...». Этому и обучали в Югославском секторе, как следует из протокола собрания студентов и преподавателей от 20 декабря 1926 г.:

«Русский яз.: (т. Соколова). “Работа с книгой проходила удовлетворительно; прочитывались и прорабатывались темы о текущем моменте. Параллельно изучались грамматика и письмо”. [...]

Родной яз.: (т. Шульгин). “Центр тяжести был на работе с книгой. Студенты приучались составлять план и конспекты. По грамматике закончили имена существительные и местоимения”⁸.

Математика и естествознание усваивались хуже. Показателен диалог студента, носившего «школьную фамилию» Каружа, с соответствующими преподавателями:

«Математика: (т. Жари). “В начале учебного года, пока повторяли прошлогоднее, было сравнительно легко, но с переходом на алгебру трудности увеличились. Т[оварищи] должны были решать задачи”. [...]

Тов. Каружа говорит, что часто в часы математики нужно идти на завод или на другую обществ[енную] работу, и предлагает перегруппировать часы математики с часами биологии и химии, ибо в случае надобности предпочтительнее пропустить последние. [...]

Биология и физ[ическая] география: (т. Задворная⁹). «Больше всего применялся лекционный метод. Студенты не читали ничего. Эксперименты посещали плохо... Тов. Каружа никогда не посещал биологии и ничего не знал. Физ[ической] географией интересовались больше». [...]

Тов. Каружа говорит, что не может изучать биологию. [...]

На невосприимчивость студентов к программе средней школы в КУНМЗ смотрели сквозь пальцы. Ведь, как учила Н.К. Крупская, взяв из «общеобразовательных предметов только абсолютно необходимое», без всех прочих знаний «прекрасно можно было бы обойтись». Они «для укрепления марксистского миросозерцания никакого значения не имеют». Что важнее – образование или идеология – иллюстрирует негативная характеристика, написанная ректором КУНМЗ (1922–1936 гг.) М.Я. Фрумкиной¹⁰ на выпускника Соломатина: «По учебной линии занимался хорошо и является академически сильным студентом, но основы ленинизма усвоил недостаточно». Как итог, рекомендован лишь на «низовую работу под руководством»¹¹.

Следует отметить, что и обучать «коммунистов-практиков» было некому. Как констатировал в 1926 г. журнал «Коммунистическое просвещение», «преподаватели совпартшкол это обычно партработники, снятые с оргработы и в подавляющем большинстве не получившие систематической подготовки, особенно по педагогическим дисциплинам»¹².

Сказанное справедливо и в отношении начальства, штатных и внештатных преподавателей Югославского сектора. Некоторые из них получили серьезное образование, как, например, его отец-основатель Филип Филипович¹³, заведующий сектором в начале 1930-х гг. Гргур Вуйович¹⁴ или хорватский коммунист Анте Цилига¹⁵. Другие – черногорцы-заведующие Брацан Брацанович¹⁶ и Никола Ковачевич¹⁷ – не могли похвастать солидными дипломами. Однако их наличие или отсутствие не имело решающего значения в «университете», в котором все 10 лет следовали принципу «кто умножает познания, умножает скорбь». В 1933 г. – за три года до закрытия КУНМЗ – Г. Вуйович вынужден был констатировать: «Одним из крупных недостатков является слабая грамотность, недооценка родного, а также и русского языка. С преподавательскими кад-

рами не все благополучно...»¹⁸. Не образовательные, а организационные вопросы были приоритетными для руководства КУНМЗ, сложную детально проработанную структуру которого описывала М.Я. Фрумкина:

«Наш университет по учебной линии построен на началах национальных секторов, а ячейка – на основе интернациональных парткружков. [...]

Всеми делами у нас руководит единое бюро яч[ейки]... Вся студенческая масса разбита по парткружкам, эти парткружки интернациональны. Мы включаем в парткружок студентов разных секторов, но одного курса. Это также есть единица общежития, это также единица профкружков. Эти парткружки имеют парторга, профорга. [...]

Что касается сектора. Сектор не есть парторганизация, это только учебная организация, но для работы в секторе по партийным вопросам существует орган – секторская парттройка, которая занимается не только вопросами партийными, но и всякими секторскими вопросами. [...]

Как тройка конструируется? Зав. сектором – постоянный ее член, второй – член бюро яч[ейки], который избирается на общем собрании ячейки, и третий выбирается общим собранием сектора. [...]

Зав. сектором еженедельно у меня должен иметь доклад, где он докладывает обо всем»¹⁹.

Таким образом, сектор предстает «типичным» советским коллективом, имеющим профсоюзное и партийное руководство, встроенным с существующую общественно-политическую иерархию. Студенты по приезду в СССР становились членами ВКП(б), получали новые «русские», «украинские» и «кавказские» имена и фамилии. «Растворяясь» в массе советских граждан, будущие партийные работники, тем не менее, были объектом более пристального внимания со стороны властей, которые не только неусыпно «пасли» их, но и активно привлекали к реализации собственных решений. Поэтому материалы сектора вплоть до нюансов освещают магистральные направления государственной политики конца 1920-х – начала 1930-х гг. Например, протокол собрания сектора, состоявшегося 8 апреля 1930 г., отражает колебания «партийной линии» при проведении коллективизации, как они виделись ее не-

посредственными исполнителями²⁰. Обсуждая «Отчет о практической работе в деревне», студенты сначала описывают руководству сектора собственное рвение, с которым они приступили к раскулачиванию:

«Тов. Чукчаев: Вся наша работа проводилась в ударном порядке. Я приехал на место в момент объявления района районной сплошной коллективизации. Не было никакой подготовки бедняков. Этот район во время и после Октябрьской революции был контрреволюционным». [...]

Тов. Довьяненко: Я работал в Молдавии, в деревне. Я получил такое впечатление, что эта вся деревня до последнего времени не знала о советской власти. [...] Проводили собрания с беднотой, середняками и женщинами. Затем хотели созвать общий сход, но получили отпор со стороны женщин. Когда мужчины решили вступить в колхоз, женщины пошли на Днестр и начали звать румын, что[бы] они их спасли от коллективизации... Мы организовали 120 хозяйств, мы работали не только для количества, но и для качества... [...]

Тов. Городецкий: На месте был уполномоченным. Проводил в двух сельсоветах раскулачивание, сбор сем[енного] фонда и т.д. Раскулачено 37, восстановлен только 1. [...] Работа по раскулачиванию и сбору семфонда проводилась при помощи батрацко-бедняцкого населения. [...]

Затем следуют объяснения и оправдания, которые после публикации статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения»²¹, озвучивал, наверное, каждый «ретивый обобществитель»:

«Тов. Катанян: В районе, где я работал, секретарь не читает «Правды» и не может давать хороших директив. Комсомол политически не существует.

Тов. Заварзин: Тов. Фатанович нас обвинил в том, что мы не поняли задач коллективизации и решений ЦК о добровольности коллективизации. Это неверно. Я работал в немецкой колонии. Там сектанты, которые организованно сопротивляются коллективизации. [...] Там крестьяне получали из-за границы контрреволюционные газеты, которые ГПУ допускал. [...]

Тов. Маркович З.: Парторганизация в станице, где я работала, слаба. [...]

Тов. Гуков: Я работал в Кабардинском округе. В парторганизации округа были ошибки. Я вел борьбу против ошибок в местных организациях окруж[ного] комитета».

После этого «практиканты» сознаются в собственных «левых загибах» и сообщают о тех, что допускались их однокашниками:

«Тов. Загорский: [...] Мы приехали в деревню с неопределенными понятиями и должны были выполнять директивы местной ячейки. Основная моя ошибка была в обобществлении скота. Тов. Катанян [...] говорит, что если бы здесь были немцы или американцы, то они расстреляли бы весь этот народ. [...]

Тов. Катанян: [...] Тов. Загорский в кооперативе требовал и кричал перед массой крестьян о том, чтобы ему дали продукты, как члену партии. Он выступал против кандидатур в члены сельсовета, не согласовывая свое выступление с ячейкой. Бился на собрании с женщинами, гнал людей с бедняцкого собрания. [...]

Тов. Маркович З.: [...] Там раскулачивались и бедняки, и середняки. У бедняка отнимали единственную корову, потому что ходил в церковь. Мы все эти искривления поставили перед окр[уж]комом. [...]

Тов. Лопачев: [...] Колхоз в моем районе распался вследствие неправильной линии в религиозном вопросе. Там после организации колхоза насил[ьно] превращали церкви под амбары. [...]

Тов. Протич: Когда я разговаривал с т. Мгеладзе, он сказал, что все крестьяне бегут из колхоза. Рассказывал о восстаниях, о которых он все знает. Он говорил, что парторганизации не были вправе взять быстрый темп. [...]

По итогам заседания принимается оптимистичная резолюция:

1) Под руководством Ленинского ЦК ВКП(б) на базе индустриализации страны с опорой на бедноту, в союзе с середнячеством, ведя сокрушительную борьбу с кулачеством, партия добилась колоссальных успехов в деле переустройства с[ельского] х[озяйства] на социалистических началах. Эти успехи партии дали возможность перейти к борьбе с кулачест-

вом от политики его ограничения и вытеснения к ликвидации кулачества, как класса.

2) Собрание констатирует, что в ряде мест были грубейшие извращения правильной линии партии, которые выражались в нарушении добровольности в колхозном строительстве, что лило воду на мельницу классового врага и привело в ряде мест до отлива их из колхозов.

3) Благодаря своевременной сигнализации этой опасности со стороны выступления т. Сталина в статье «Головокружение от успехов» и последовавшего постановления ЦК и правительства²², эти извращения были в ряде мест прекращены, и там, где они прекращены, имеется обратный возврат в колхозы и прилив новых крестьян.

[...]

5) Собрание считает, что лишь в непоколебимой борьбе со всеми правыми оппортунистическими шатаниями и левыми загибами, мы сможем действительно продолжить успешную борьбу с кулачеством и закрепить за собой дальнейшие успехи в деле коллективизации.

6) Собрание констатирует, что посылка студентов югославского сектора на весеннюю практику вполне себя оправдала, и что студенты в основном справились с возложенной на них задачей, но вместе с тем имелись некоторые недостатки, которые обусловлены слабым знакомством наших студентов с русской деревней. Посылка наших студентов имеет огромное значение для них самих и что они получили громадный опыт в работе нашей партии в деревне.

[...]

10) Собрание осуждает поступок т. Лаврентьева, который состоит в том, что он не считал своим долгом сообщить коллективу о сделанной им ошибке, состоящей в том, что он имел связь с женщиной из кулацкой семьи. Собрание предлагает бюро яч[ейки] разобрать дело т. Лаврентьева и осуждает его поступок».

Как известно, после XVI съезда ВКП(б) последовал возврат к прежним ускоренным темпам «сплошной коллективизации», установленным в 1929 г. Связь между этим решением и голодом, начавшимся в СССР в 1932 г., не вызывает сомнений, если

принять во внимание свидетельства, зафиксированные в протоколе собрания Сектора от 25 марта 1931 г:

«Тов. Павлов: Я был на практической работе в Симферополе, в районе Евпаторийском, в колхозе семеноводч[еском]. Через две недели должны были быть посевы, а семена были собраны на 26%. 3 года у них не было урожая. Собрать вовремя семена было невозможно, но все же мы собрали на 80%. Скот сдыхал с голоду. За короткий период сдохло больше 80 овец из-за того, что не было фуража. Мы обращались в район, но они нам не помогали, они только говорили: «нажимайте на колхозы», а колхозы имеют задолженность по несколько тысяч. Не только фураж, но ничего не удавалось собрать, чтобы улучшить положение колхозников. [...]

В о п р о с ы:

[...] Тов. Петрович: Каково выполнение хлебозаготовок?

Тов. Павлов: Выполнение на 100, 110 и 140%. [...]»²³.

Участие в коллективизации рассматривалось руководством КУНМЗ как форма «изучения опыта русского пролетариата»²⁴, который должен был пригодиться коммунистам-эмигрантам по возвращении на родину. «Этот опыт, – с оптимизмом глядел в будущее «тов. Фатанович», – даст нам возможность правильно проводить ту же задачу в Югославии при диктатуре пролетариата.

«Знакомство с жизнью русского рабочего, русского крестьянина» не ограничивалось периодическими поездками «в деревню» и посещением промышленных предприятий. Оно осуществлялось изо дня в день. Будучи де факто членами двух компартий, югославыне, как и все иностранные коммунисты в СССР, в своих «национальных» и советских партийных организациях воспроизводили кампании, протекавшие в ВКП(б). На всех уровнях – от парткружка курса до руководящих органов КПЮ – шла борьба с «фракционностью» и «бюрократизмом», «левым» и «правым уклонами», осуществлялись «чистки», писались многочисленные доносы... Единозвучие происходившего на советских партийных съездах и собраниях ячейки КУНМЗ иллюстрирует тот факт, что обращение группы югославских студентов к руководству Исполкома Коминтерна с требованием снять Фрумкину стали называть «Платформой

41-го»²⁵ – по аналогии с «Платформой 4-х», опубликованной в середине 1920-х гг. лидерами «Новой оппозиции».

Можно сказать, что студенты Сектора жили теми же чувствами, мыслями и заботами, что и «весь советский народ». Меньшинство имело неосторожность присоединиться к «оппозиции». Большинство последовало за лояльно-активной частью общества, которая в расчете на повышение своего статуса и благосостояния поддерживала режим в борьбе с «врагами» в самой партии и вне ее. Вскоре, – когда явных «врагов» и «социально-чуждых элементов» не осталось, – эта часть, во многом из-за собственной безудержной активности, тоже оказалась в числе жертв тотального государственного террора. Тенденция его неуклонного ужесточения на протяжении интересующего нас десятилетия нашла отражение в документах Сектора – отчетах о проведении «чисток» партийных рядов и студенческих «заявлениях». Авторы ранних, носивших едва ли не карикатурный характер, могли рассчитывать лишь на то, что их недругов постигнет дисциплинарное взыскание. Показательная процедура рассмотрения взаимных обвинений, описываемая первым завсектором Б. Брацановичем в письме М.Я. Фрумкиной от 29 ноября 1927 г.:

«Довожу до Вашего сведения, что в секторскую тройку поступили и не разобраны следующие заявления студентов:

1. Заявление Каружи против Стрелкова о том, что Стрелков в разговоре с ним и с другими студентами назвал резолюцию ПБ клочком бумаги.

2. Заявление Стрелкова против Каружи о том, что Каружа насильно обрабатывает новых студентов в фракционном духе.

[...]

5. Заявление т. Кравченко против Каружи о разговоре последнего с беспартийными женщинами о работе КПЮ и о способе его приезда в Россию.

6. Заявление Силина против Драгачевца²⁶ за оскорбление.

[...]

9. Заявление Силина против Каружи за распространение клеветнических слухов о партии.

10. Заявление Гукова против Каружи о том, что он в присутствии нескольких студентов сказал, что все те, кто согласны

с политикой С. Марковича, являются шпионами, и что он это докажет.

11. Заявление Стрелкова против Мокаенко о том, что Мокаенко говорил студентам, что он, Стрелков, и Калевич выдали его полиции.

12. Заявление Попова против Мокаенко о распространении Мокаенко слухов, что секторская тройка выдвинула в ячейку кандидатуру шпиона.

[...]

15. Заявление Орешкина²⁷ против Андреева о том, что Андреев на собрании сказал, что Орешкин не рабочий.

В начале октября мною были созваны и обвинители, и обвиняемые, и в товарищеской беседе им было указано на недопустимость подобных взаимных обвинений. Моя попытка создать среди товарищей нормальные взаимоотношения не увенчалась успехом, в силу чего этот процесс был поставлен на заседании нацпарттройки от 14/X 27 г., протокол № 2, и было постановлено все заявления передать в бюро ячейки ВКП(б) КУНМЗа. [...]»²⁸.

Более поздние доносы, судя по описываемой в них «крамоле», грозили куда более суровыми репрессиями. В качестве примера приведем написанную в мае 1930 г. анонимку на А. Цилигу (Задворного) и студента Станко Драгича²⁹ (Ковалева), которую второй завсектором Н. Ковачевич (Накованович) перевел с сербского языка на русский и отправил по инстанции:

«В первый день, когда приехали Задворный и Ковалев с вокзала ко мне, они начали мне рассказывать о событиях в КУНМЗе. [...]

Позже мы встречались еще несколько раз, и я имел возможность слышать их взгляды не только по югослав[ским] вопросам, но и по вопросам ВКП(б) и Коминтерна.

Они убеждены, что в ВКП(б) господствует диктатура, во главе которой стоит Сталин. Борьба против правых внутри ВКП(б) – это политика обмана, это – демагогия. В действительности борьба идет против этой части членства и бывшего руководства, которые действительно являются настоящими большевиками, революционерами и строителями

партии, именно левоориентирующиеся, которые находятся интернир[нированными] в лагерях и тюрьмах ОГПУ (откровенно не сказал – о сторонниках Троцкого, – но это можно было только так понять). Наш партийный аппарат (ВКП(б) – это бюрократический, разложившийся аппарат, в котором собрались продажные бандиты и чиновники. Политическая линия партии сводится объективно к тому, что поддерживает остатки капитализма, национальной ограниченности, забывает партии других стран, не верит в мировую революцию; это – политика постоянных компромиссов с капиталистическими странами, неправильная политика в отношении к крестьянству в СССР и бесконечная цепь таких и тому подобных обвинений. На вопрос, не видит ли он какой-нибудь прогресс вообще, он отвечает: раньше мы имели хлеб, масло, мясо и т.д., а сейчас у нас не имеется ничего; это не прогресс, это – регресс, это – авантюра. Рабочие недовольны, рабочие возмущаются, рабочим надоело, они не хотят молчать, они начнут реагировать на все, что является честным, что не продалось в рядах ВКП(б), нам не надо только смотреть и отступать, а надо подготавливать массы (для чего, конкретно не указывал). Мы, иностранцы, не можем ограничиваться только Югославией, ибо, если не отменится нынешнее руководство ВКП(б), мы не будем в состоянии ничего сделать. Борьбу против правых в Югославии надо увязать с борьбой в ВКП(б) и в Коминтерне.

О Коминтерне: это – агентура Сталина, это – центр правых, там собираются бюрократы, кабинетные люди: Мануильский³⁰, Бела Кун³¹, Коларов³², Михайлов³³ и т.д.; это – не революционеры, это – с[оциал]-д[емократы], это – люди, до мозга защищенные оппортунизмом. Нам надо при отъезде в страну собирать все то, что является революционным, и вести борьбу против Коминтерна, ибо пока в Коминтерне эти (нынешние) люди, там будут господствовать Шмерали, Бошковичи и т.д. Надо связаться с западными странами и вместе вести борьбу (с кем конкретно в Германии, Франции и других странах, не указывал). [...]

Н.Н.»³⁴.

Доносительство охватывало всю югославскую коммунистическую диаспору в СССР. Не рискуем утверждать, что каждого ее представителя можно назвать доносчиком. Однако, не

вызывает сомнений, что «заявления» имелись поголовно на всех – и на малограмотных студентов КУНМЗ, и на их преподавателей из числа видных деятелей КПЮ. Переход количества в качество произошел в годы большого террора, когда «эпистолярный жанр» стал особенно востребованным.

Смерть нивелировала реальные и мнимые идеологические расхождения. Поэтому, если в 1920–1930-е гг. югославских коммунистов различали в соответствии с принадлежностью к той или иной «фракции», то для нас по прошествии времени важнее другой критерий – кого расстреляли, а кто уцелел. К первой более многочисленной группе относятся партийные секретари КПЮ – упоминавшийся выше Ф. Филипович и предшественник Й.Б. Тито Милан Горкич³⁵, не состоявший преподавателем КУНМЗ, но неоднократно выступавший с докладом перед его слушателями. Та же участь постигла их принципиального противника – Косту Новаковича, фигурировавшего в документах Сектора под псевдонимом «Петр Драгачевац». Его еще в 1932 г. исключили из партии после «сообщений т.т. Горкича, Мартиновича (настоящее имя – Йован Малишич – А.С.), Накवानовича, Исакова, Петрова и Дравича (Джуро Салай) о связи... с органами министерства внутренних дел Югославии»³⁶. От рук белградской полиции пал протеже Филиповича Б. Брацанович, который в 1928 г. отправился на нелегальную работу в Югославию. Останься он в СССР – наверняка закончил бы, как и третий заведующий – Г. Вуйович, расстрелянный вместе с братьями Воиславом и Радомиром в конце 1930-х гг.

Уцелеть удалось второму руководителю сектора – Н. Ковачевичу, а также преподавателям – Божидару Масларичу³⁷ и, как ни странно, Анте Цилиге, спасение которого представляет собой историческую загадку. Одно из ее решений гласит, что Цилига, уже арестованный НКВД за участие в «троцкистском заговоре», был отпущен за границу под давлением посольства Италии, подданным которой он являлся. Упомянутая выше жена Цилиги («тов. Задворная»), по информации хорватского историка П. Стрчича, в 1928 г. уехала в Вену³⁸. Что касается Ковачевича с Масларичем, то они во время большого террора оказались за границей. Первый – в Северной Америке, а второй – в Испании.

Этот едва ли не единственный шанс остаться в живых выпал не только крупным партийным фигурам, но и рядовым членам КПЮ, пришедшим в Югославский сектор КУНМЗ «от сохи». Как, например, Светозару Йовановичу, получившему в 1929 г. при поступлении в университет школьное имя «Стефан Павлович Богдановский». Его жизненный путь – история взаимоотношений «маленького человека» и государственной тоталитарной машины. Как и миллионам советских граждан, Богдановскому с момента прибытия в СССР приходилось постоянно искать некую форму «мирного сосуществования» с властью, а, следовательно, уступать ее давлению, идти на неизбежные «компромиссы с совестью».

Первым в череде таких стал отказ от собственной национальной идентичности, уже состоявшийся к этому времени для миллионов бывших подданных Российской империи. Выходец из восточной Сербии, в которой сербское население перемешано с румыноязычным влашским, при поступлении в университет в 1929 г. назвался сербом, но окончил его в 1931 г. не как представитель «господствующей нации»³⁹, а как «угнетенный» румын. Мотивы подобной мимикрии понятны. Любой факт биографии студента – в том числе и «неправильное» социальное или национальное происхождение – мог послужить поводом для доноса и последующих репрессий. Не стал исключением и Богдановский, которому, впрочем, как следует из справки отдела кадров ИККИ, сопутствовала удача:

«В 1929 г. во время партчистки в КУНМЗе на него было подано заявление о том, что когда он работал в Белграде по покупке и продаже домов и имений, он занимался наймом рабочих и обманывал их в отношении зарплаты. Комиссия по чистке постановила исключить его из партии за несопоставимую со званием коммуниста работу по вербовке рабочих, сводившуюся к их обману и спекуляции на их безработице... При рассмотрении его дела в Бауманской районной контрольной комиссии, обвинение это не подтвердилось, и он был восстановлен в партии»⁴⁰.

Инстинкт самосохранения предостерег Богдановского от участия во внутривнутрипартийных склоках, о чем свидетельствует положительная характеристика, написанная ректором: «Во

фракционной борьбе в КПЮ активно не участвовал, сочувствовал правым, ошибки свои признал. Хороший, дисциплинированный партиец... Теоретически подготовлен. Рекомендуются на парт. работу в большое пром. предприятие в целях большей пролетарской закалки»⁴¹.

От большого террора Богдановского уберегла «командировка» в Испанию (1936–1939), перед отправлением в которую он принял на себя следующие обязательства:

«[...] 1. Категорически отрицать мою какую бы то ни было связь с Коминтерном.

2. Категорически отрицать, что прибыл с территории СССР.

3. Ни в коем случае не иметь при себе ничего, могущего в какой бы то ни было степени доказывать мое отношение к Коминтерну и пребывание на территории СССР.

4. Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не вступать в связь с советскими людьми и не обращаться к советским учреждениям за границей [...]»⁴².

За три года, проведенные Богдановским за границей, была уничтожена большая часть его однокашников и старших партийных товарищей. В страхе перед перспективой последовать за ними «интербригадовец» по возвращении в СССР отрекается от жены, арестованной в его отсутствие органами НКВД и приговоренной к пяти годам лагерей. В соответствующем заявлении он просит руководство ИККИ «содействовать через ЦК МОПР перевести детей на его фамилию, чтобы дети по фамилии не были связаны с матерью».

Увернувшись от «карающего меча революции», Богдановский, тем не менее, не перестал быть заложником политики советского руководства. В сентябре 1941 г. он разделил участь более чем полумиллиона солдат и командиров Юго-западного фронта, оборонявших Киев и оказавшихся в немецком «котле» по вине Ставки верховного главнокомандования.

* * *

Возвращаясь к Югославскому сектору КУНМЗ, отметим, что тот представлял собой явление, выраженно югославянское по характеру. Его проявлением служит и восприятие российской/советской действительности студентами, и особенности их личных отношений. Говоря о первом, следует отметить,

что молодым коммунистам были присущи те же стереотипные представления о России, что и более старшим поколениям югославян. В 1876 г. русский доброволец, прибывший на Балканы воевать с турками, не мог убедить сербских солдат в том, что русские мужики живут хуже их:

«Сербы заинтересуются, начнут расспрашивать подробно о житье-бытье русского крестьянина. Начнешь им, бывало, рассказывать...

- Знаете, что братики?... у нас есть такие крестьяне, что всего раза четыре в год мясо пробуют...

- Не истина! – крикнет, бывало, серб, шибко крикнет, даже рассердится.

Так ничем и не уверишь серба в горькой правде вашего рассказа»⁴³.

Так же идеализировали далекую Россию и «внуки» тех солдат, которым «посчастливилось» увидеть ее воочию. Их впечатления передает М. Фрумкина: «Приезжают люди из-за границы и становятся улытра-левыми. Они совершенно не ожидали видеть нищету, проституцию, беспризорных, в ун-те они видят тяжелую материальную нужду. Они попадают сначала в состояние глубокого разочарования»⁴⁴.

Руководство КУНМЗ узнавало об этом, разумеется, не от самих разочаровавшихся, а от их внимательных слушателей. Например, в 1926 г. первокурсники Звягин и Никаноров сообщали Б. Брацановичу, что «жена Задворного с весьма острой критикой выступает против теперешнего отношения, называя Россию азиатской страной и другими неприличными именами»⁴⁵. А в 1933 г. некто Мосиенко сообщал «Комиссии по чистке ячейки ВКП(б)», что проверяемый ею Козлов «говорил, возвращаясь с практики, что рабочие в совхозе живут хуже, чем венгерские батраки в Венгрии. На практи[ической] работе после этого, на заводе, тоже говорил, что из-за того, что рабочие плохо живут, может грозить опасность во время войны, что рабочие не будут на нашей стороне, а наоборот»⁴⁶.

Что касается ситуации внутри сектора, то ее характеризовали привезенные разношерстными студентами с родины взаимные этнические фобии. Они брали верх над чувством пролетарской солидарности, без особого успеха прививавшимся в КУНМЗ. Пройдет совсем немного лет, и неизжитые межна-

циональные противоречия, приправленные идеологическим «соусом» сталинизма, станут главной отличительной чертой социалистической Югославии. Ее прообразом можно считать Югославский сектор, проницательную характеристику которого в 1929 г. дала М. Фрумкина: «С самого начала было видно, что этот сектор по составу представляет особенные трудности. Отражалось то, что Юго-Славия состоит из семи отдельных стран. Чувствовалась разрозненность, была отчужденность, не было единства – это бросалось в глаза»⁴⁷.

Приметой титовского времени можно считать и догматический тезис о вине Сербии перед остальными «угнетенными» ею народами, насаждение которого отчетливо прослеживается в документах КУНМЗ. Чего стоит хотя бы утверждение преподавателя Б. Масларича, что югославянскую идею создала «сербская гегемонистическая буржуазия... чтобы легче могла прикрыть свое гегемонистическое угнетение...»⁴⁸. Интенсивность антисербских настроений в секторе позволяет оценить тот факт, что многие сербские слушатели Сектора скрывали собственную национальную принадлежность. Они либо откровенно, как С. Богдановский, ее «фальсифицировали», либо подменяли указанием на собственное происхождение из соответствующей историко-географической области – Македонии, Черногории⁴⁹ и т.д.

И та, и другая после «народно-освободительной войны» и «социалистической революции» стали отдельными республиками, что, по замыслу новой власти, должно было воспрепятствовать внутренней интеграции сербского народа и предотвратить новое «угнетение». О противоестественном и насильственном характере подобного «национального строительства» можно судить на основании полемики, развернувшейся двадцатью годами ранее в Югославском секторе. В ноябре 1926 г. ее участниками стали А. Цилига, объяснявший, что черногорцы не сербы, и Б. Брацанович, по простоте душевной полагавший, что никому не под силу изменить сербскую самоидентификацию его самого и других черногорцев:

«[...] Тов. Задворному был задан вопрос, является ли Черногория отдельной нацией.

Тов. Задворный отвечает, что на основании признаков, определяющих нацию, то есть язык, территория и экон[омическое]

положение, черногорцы не являются сербами, а являются отдельной нацией.

Тов. Бабич⁵⁰ не соглашается с т. Задворным, что Черногория является отдельным народом, т.к. она не имеет таких особенностей, которые могли бы настолько ее отделить от Сербии.

Тов. Брацанович указывает, что признаки, выдвинутые т. Задворным при определении Черногории как особого народа, довольно слабы. Указывает на однородность языка и национальности сербов и черногорцев, на ее вечную экономическую зависимость от соседей, и что ее бывшая «независимость» не может служить аргументом ни для создания из черногорцев особого народа, ни препятствием, чтобы Черногория опять была независимым государством, т.к. мы стоим на принципе самоопределения, [вплоть] до отделения. [...]

Тов. Биокович [...] говорит о неправильных взглядах т[оварищей] Бабича и Брацановича по вопросу о Черногории, т.к. не признавать Черногорию особым от сербов народом, значит нарушать директивы партии.

Тов. Ковалев утверждает, что Черногория является нацией и что взгляды т[оварищей] Брацановича и Бабича ошибочны.

Тов. Санданский⁵¹ говорит, что он прочитал довольно много литературы по нацвопросу и нигде не нашел, чтобы Черногорию или Македонию считали особой нацией. Если партия считает необходимым создать эти нации, то это надо поддерживать. [...]

Тов. Брацанович говорит, что его выступление нельзя толковать как нарушение директив партии, как это хотелось бы т[оварищам] Биоковичу и Ковалеву, и что т[оварищи], которые думают, что партия может определять нации декретом, ошибаются⁵².

Атмосфера в КУНМЗ, враждебная к представителям «господствующей нации», отражала подход Коминтерна к национальному вопросу в Югославии. Его обуславливало неприятие Москвой «империалистической» Версальской системы и ее «творений». Особенно тех, которые по формальным признакам воспринимались как «аналог» Российской империи, и в которых нашли убежище десятки тысяч белогвардейцев. Подобное отношение, сугубо идеологическое по своей природе, создавало плодотворную почву, на которой буйным цветом

расцветала органическая сербофобия балканских коммунистов – представителей народов, не удовлетворенных исходом Первой мировой войны. Их сантименты не только «перехлестывали» границы советской позиции, но и усиливали ее предвзятость.

В условиях разрыва традиционных русско-сербских связей и триумфа марксистской науки над «великодержавной» /«буржуазной» мнение хорватских, болгарских, македонских деятелей Коминтерна надолго стало фактором формирования представлений советских властей, а, следовательно, и общества, о происходящем в Югославии. Так, любого послевоенного слависта, не занимавшегося Коминтерном, удивило бы, насколько современные исследования по истории южных славян в новое и новейшее время идеологически и содержательно вторичны по отношению к «истории родного края», которой обучали студентов КУНМЗ⁵³. Впрочем, об эпигонстве некоторых представителей отечественной историографии речь пойдет в одной из наших следующих работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского (КУНМЗ) – учебное заведение Коминтерна, работавшее в 1922–1936 гг. Учрежден декретом СНК РСФСР от 28 ноября 1921 г. Первый ректор – Юлиан Мархлевский. Университет состоял из различных секторов: еврейского, латышского, польского, немецкого, югославского, болгарского и т.д. Закрыт в 1936 г.

² В 1931 г. состоялись «весенний» и «осенний» выпуски.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (Далее – РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 1. Д. 673. Л. 1, 3–3об., 14–17об.

⁴ Цит. по: Срби у Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): Антологија. (Приредило Мирослав Јовановић). Београд, 2011. С. 13.

⁵ *Јовановић М.* Срби и Руси, 12–21 век : (Историја односа). Београд, 2012. С. 23–24.

⁶ *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения. Т. IX. М., 1960. С. 129–132.

⁷ Совпартшколы и комвузы. По материалам журнала «Коммунистическое просвещение» с добавлениями и примечаниями при руководящем участии А.Ф. Рындича. М.-Л., 1926. С. 14.

⁸ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 649. Л. 53.

⁹ Псевдоним «Задворная» носила македонская коммунистка Люба Влчева – жена хорватского коммуниста Анте Цилиги. Находилась в СССР с 1926 г., преподавала в КУНМЗ физическую географию и биологию. В 1928 г. переехала в Вену.

¹⁰ Фрумкина Мария Яковлевна (наст. фамилия и имя Лившиц Малка Янкелевна) (1880–1943) – советский партийный и государственный деятель, участница еврейского социал-демократического и коммунистического движения. Один из лидеров левого крыла Бунда, член руководства Еврейской секции РКП(б). Принимала участие в подготовке и издании на идиш сочинений В.И. Ленина. Автор биографии Ленина на идиш. Проректор и ректор КУНМЗ (1922–1936 гг.). В 1938 г. арестована, осуждена на 8 лет. Умерла в лагере близ Караганды.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 668. Л. 28.

¹² Совпартшколы и комвузы... С. 71.

¹³ Бошкович Бошко (псевд., наст. фамилия и имя Филипович Филип) (1878–1938) – один из руководителей Сербской СДП, а затем основателей и руководителей КПЮ. Учился в Петербурге, член РСДРП с 1905 г., участвовал в революции 1905–1907 гг. В Сербию возвратился в 1912 г. В 1920 г. избран в Конституционное собрание. За коммунистическую деятельность осужден на два года. По выходе на волю вновь избран (на 3-й конференции КПЮ в январе 1924 г.) в состав руководства Компартии. С июля 1924 г. – член ИККИ; с 1926 г. – член, затем кандидат в члены Президиума ИККИ, представитель КПЮ при ИККИ. Работал в Балканском лендерсекретариате. В 1929–1932 гг. – в составе заграничного руководства КПЮ в Вене. С 1932 г. работал в Москве. В 1938 г. репрессирован и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁴ Вуйович Гргур (псевд. Митрович Григорий Дмитриевич) (1901–1938) – член КПЮ (1919), секретарь Союза коммунистической молодежи Югославии. В СССР приехал в 1924 г. Работал в ИККИ. В 1926 г. направлен в Королевство СХС. В 1928 г. арестован вместе с другими югославскими коммунистами. Освобожден ввиду недоказанности вины. Корреспондент ТАСС в Вене. По возвращении в Москву – зав. югославским сектором КУНМЗ. Работал в Исполкоме КИМ. В 1932–1934 гг. – представитель КПЮ в Коминтерне. В июле 1937 г. арестован НКВД. Расстрелян в октябре 1938 г. Реабилитирован в июне 1957 г.

¹⁵ Цилига Анте (псевд. Задворный Пётр Алексеевич) (1898–1992) – один из руководителей Хорватской социал-демократической партии и КПЮ (член ЦК и ПБ КПЮ), член Балканского бюро Коминтерна. В 1926 г. вступил в ВКП(б). В СССР жил в 1926–1935 гг. Преподаватель югославского сектора КУНМЗ (с 1926 г. по июнь 1929 г.). В 1929 г., как и большая часть руководства КПЮ, выступил на стороне левой оппозиции в ВКП(б), был исключен из ВКП(б) и отправлен из Москвы в Ленинград, где преподавал в рабоче-крестьянском университе-

те им. Зиновьева. 21 мая 1930 г. арестован за участие в организации югославской группы политэмигрантов, симпатизирующих левой оппозиции, исключен из КПЮ и сослан (3 года провел в Верхнеудинском изоляторе, затем был переведен в Енисейск). В 1935 г., благодаря организованной на Западе кампании за его освобождение и своему итальянскому гражданству, Цилига добился выезда из СССР. Жил во Франции, сотрудничал с Троцким. В декабре 1941 г. Цилига, вернувшийся в Хорватию, был арестован и год провел в концлагере Ясеновац. После Второй мировой войны жил в Риме; в конце жизни возвратился в Хорватию (см. также: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 227. Д. 443. Л. 107).

¹⁶ Брацанович Брацан (1893–1929) – черногорец, югославский коммунист. Участник Балканских войн 1912–1913 гг. Член КПЮ с ноября 1918 г. Один из основателей Компартии в Черногории. В СССР – с 1923 г. В 1924 г. – помощник управляющего на Моршанском Госконзаводе. С августа 1925 г. – заведующий Югославским сектором КУНМЗ. В 1928 г. направлен в Югославию в качестве инструктора ЦК КПЮ и секретаря обкома партии в Сербии. Арестован в августе 1929 г. в результате провала белградской ячейки КПЮ. В тюрьме подвергался пыткам. Застрелен 27 сентября 1929 г. при попытке к бегству (см.: *Јовановић Н. Прилог биографији Брацана Брацановића // Istorijски zapisi. – Titograd, 1969. – № 1–2.*

¹⁷ Ковачевич Никола (псевд. Накванович, 1890–1967) – черногорский коммунист. В СССР проживал с 1928 г. В 1930–1931 гг. входил в составе заграничного руководства КПЮ за границей (Вена). С 1934 г. – в США как представитель КПЮ при американской компартии. В Северной Америке – до конца Второй мировой войны. По возвращении в Югославию – член ЦК КПЮ. Входил в состав правительственных и высших партийных органов СР Черногория.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 376. Л. 1.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 189. Л. 116об-123об.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 666. Л. 24–27об.

²¹ Статья опубликована в «Правде» 2 марта 1930 г.

²² Постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлением партийной линии в колхозном движении».

²³ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 668. Л. 21.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 189. Л. 116 об.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 659. Л. 32–33.

²⁶ Драгачевац Петр Петрович (наст. фамилия и имя Новакович Коста) (1886–1938). Один из основателей Сербской социал-демократической партии и КПЮ (1919). Член ЦК КПЮ. Делегат IV и VI конгрессов Коминтерна. Один из лидеров левой фракции в КПЮ. В 1926 г. в Югославии осужден на 5 лет заключения. В 1927 г. бежал из тюрьмы и эмигрировал в СССР, вступил в ВКП(б). Представитель КПЮ при

Балканском ландессекретариате ИККИ. Работал в ЦК МОПР. Долгое время находился в Германии. В 1932 г. исключен из ВКП(б). Арестован в 1938 г. и расстрелян в 1939 г. Реабилитирован в 1958 г.

²⁷ Биро ячейки при К.У.Н.М.З. – а

Заявление тов. Орешкина Югославског сект. I курс.

Тов. Брацанович как старший друг с одной стороны, с другой как заведующий в нашем секторе, допускает себе такие вещи, которые в жизни нашей партии не имеют своего места.

После нашего писменого обжалования на счет русского преподавателя, тов. Брацанович увидев меня обратился так грубо и не товарищеский ко мне с словами: «Что вы думаете устраиват здесь забастовку? Знаете ли вы, что здесь диктатура пролетарията а не диктатура Пашич-Прибичевича? Имеее в виду что здесь вы не можете делать что вам захочется. За таких как вы здесь не имееет места»

[...]

Видно... что тов. Брацанович мне не считает не только рабочим, но и в данном случае комсомолцем и претит мне диктатуром пролетарията, как будто я либо фашист, либо монархист...

Поскольку я нахожусь в первом рабочем государству, находился и нахожусь здесь в редах (Л. 13) комсомола, постольку для меня она не может являться как пугом, а на оборот, она являться пугом для всех буржуазии всего мира.

[...]

За такое обращение ко мне которое не имеет и не может имеет места в нашей партийно-универзитецкой жизни, прошу... взят соответствующие меры против тов. Брацановича... (Орешкин Павел Михайлович – словенец. Родился в 1906 г. Арестован и расстрелян в 1938 г. До ареста проживал в Москве.)

²⁸ РГАСПИ. Ф. 529. оп. 2. Д. 162. Л. 22.

²⁹ Драгич Станко (псевд., Ковалев Иван Борисович) (1898–1938) – хорват, родился в г. Прозор (Босния и Герцеговина). Член КПЮ с 1919 г. Секретарь Загребского горкома партии, член ЦК КПЮ (1926 г.). В Москве с 1926 г., студент КУНМЗ. Член ВКП(б). В 1929 г. исключен из университета и из партии. В 1930 г. арестован по обвинению в троцкизме. Расстрелян в 1938 г.

³⁰ Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959) – член РСДРП с 1903 г. В 1920–1923 гг. – член Политбюро ЦК КП Украины. В 1923–1939 гг. – член ЦК ВКП(б). С 1921 г. – член ИККИ. В 1924–1943 гг. – член Президиума, секретарь ИККИ. С 1929 г. – ответственный за поддержание связей между руководством партии и Исполкома Коминтерна.

³¹ Кун Бела (1886–1939) – деятель венгерского коммунистического движения, один из функционеров ИККИ. Репрессирован и расстрелян.

³² Коларов Васил (1877–1950) – деятель болгарского и международного коммунистического движения. В 1947–1949 гг. был заместителем премьер-министра и министром иностранных дел, в 1949–1950 гг. – премьер-министром Болгарии.

³³ Михайлов (псевд., наст. фамилия и имя Леви Рубен) (1900–1986) – деятель болгарского коммунистического движения. В СССР – с 1925 г. Работал в загранбюро БКП и в Коминтерне. В 1949–1970 гг. – член ЦК БКП.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 665. Л. 4–4 об.

³⁵ Горкич Милан (наст. имя и фамилия Йосип Чижински) (1904–1937) – югославский коммунист (с 1919 г.), чех по национальности. В Москве – с 1924 г. Работал в Балканском секретариате Коминтерна, занимал должности в руководстве КПЮ, Исполкоме Коммунистического Интернационала молодежи. Часто ездил в Европу с партийными заданиями. С 1930 г. – представитель Коминтерна в Компартии Великобритании. С 1932 г. – секретарь ЦК КПЮ. В основном работал в коминтерновских ячейках за рубежом. В 1935 г. – делегат VII конгресса Коминтерна, избран в Исполком Коминтерна. В 1937 г. вызван в Москву, арестован, расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 181 (I). Л. 32.

³⁷ Масларич Божидар (псевд. Андреев Борис Николаевич) (1895–1963) – деятель Югославской компартии (с 1919 г.). Серб. Родился в Хорватии (Австро-Венгрии). После начала Первой мировой войны добровольцем вступил в ряды сербской армии. Ранен на Салоникском фронте. Марксизмом увлекся во Франции, где находился в качестве стипендиата сербского правительства. По возвращении в Югославию несколько раз подвергался арестам, приговаривался к тюремному заключению и ссылке. Бежал за границу. В эмиграции в СССР в 1929–1936 и 1939–1945 гг. Учился, а затем преподавал в КУНМЗ. Делегат VII конгресса Коминтерна. В 1936–1939 гг. участник Гражданской войны в Испании. С декабря 1939 г. референт секретариата А. Марти в ИККИ. С июня 1941 г. редактор югославской редакции во Всесоюзном радиокомитете. В 1946–1948 гг. председатель Всеславянского комитета в Белграде. Член ЦК Союза коммунистов Югославии. Член партийного руководства и правительства Хорватии.

³⁸ *Strčić Petar. Prilog za biografiju Ante Cilige // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1988. № 20 (3). S. 24.*

³⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1306а. Л. 4–6.

⁴⁰ Из личного архива дочери Стефана Богдановского Надежды Йованович (Богдановской).

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 668. Л. 45.

⁴² Из личного архива дочери Стефана Богдановского Надежды Йованович (Богдановской).

⁴³ *Максимов Н.В.* Две войны 1876– 1878 гг. : Воспоминания и рассказы из событий последних войн : В 2 ч. // Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары / Сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина. СПб., 2006. С. 193.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 188. Л. 168.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 652. Л. 8.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 376. Л. 1.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 188. Л. 164.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 680. Л. 147.

⁴⁹ Пример Богдановского позволяет предположить, что «венгерцами» записывались знавшие венгерский язык сербы – выходцы из Воеводины. Что касается боснийских мусульман, то они назывались хорватами.

⁵⁰ Бабич Иван Юрьевич (1888–1938) – серб, студент КУНМЗ. Арестован и расстрелян в 1938 г. До ареста проживал в Москве. Работал начальником цеха на заводе.

⁵¹ Санданский-Оровчанац (наст. фамилия – Пантич) Николай (1905–1938) – македонец, родился в г. Велес. Член ВКП(б), член КПЮ. Арестован и расстрелян в 1938 г. До ареста проживал в Москве, работал заместителем директора медфармкомбината. Реабилитирован в 1963 г.

⁵² РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 651. Л. 1–1 об.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 680. Л. 1–98.

Милан Ристович

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В НАЦИСТСКИХ ПЛАНАХ «РЕОРГАНИЗАЦИИ ЕВРОПЫ»

«Если, как сказано, завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы, то есть три способа его удержать. Первый – разрушить; второй – переселиться туда на жительство; третий – предоставить гражданам право жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружественность государю. Эти доверенные лица будут всячески поддерживать государя, зная, что им поставлены у власти и сильны только его дружбой и мощью...».

Николо Макиавелли «Государь»

Установление «нового европейского порядка» было сопряжено с разнообразными переменами. Одно из них – утрата, или, в лучшем случае, ограничение суверенитета народов и государств. Планы воплощения «порядка» содержали и наброски будущих масштабных социальных трансформаций – низведение целых народов до уровня безликой массы рабов, существующей на грани биологического выживания. Их удел – быть придатком к «расово-национальному объединению немецкого народа», слепо выполнять его волю. Предполагалось одни народы превратить в низшие касты, а другие стереть с лица земли. «Новый порядок» (и планы его реализации) следует рассматривать как комплексную «систему», состоящую из нескольких «подсистем». Изначально он замыслился как «политический порядок». Однако, его преимущественно идеологическое содержание предопределило то, что он в не меньшей мере разрабатывался как план построения иерархии «рас» и народов¹. В его рамках особое место всегда занимал Юго-восток – часть, неотделимая от всего целого, но при этом имевшая свою специфику. Ее обуславливало как единство пространства, так и характер обращения с народами, которые его

населяли, и которые становились объектом различного рода категоризаций.

Произнесенные в 1934 г. слова Гитлера о том, что прошло время малых государств, провозвестили начало новой политики, направленной на реализацию идеи «большого пространства». В его центре – «стальной стержень», то есть Рейх, окруженный «союзами» малых и зависимых от него европейских государств. «Ostbund» (Восточный союз) должен был охватывать «... Восточную Польшу, Прибалтику, балканские государства, Украину, Поволжье и Грузию». Речь шла о «союзе, однако, разумеется, не о союзе равных партнеров, а о союзе вспомогательных народов» («Hilfsvölkern»), лишенных собственной армии, политики и экономики». Судя по всему, в том же ключе рассматривались и два других воображаемых «союза» – «Westbund» (Западный союз) и «Nordbund» (Северный союз). Их образование положило бы конец нейтральности европейских государств. Без исключений по каким бы то ни было соображениям, или, другими словами, «без уступок, вызванных эмоциями», «не делая разницы между друзьями и врагами»². 31 декабря 1939 г. в новогоднем выступлении Гитлер описывал, как Германия борется за «построение новой Европы», которая раз и навсегда порвет со старыми силами мира, обреченного на гибель. Уцелеют только те «избранные» народы и силы, которые «своим поведением и трудом» доказали, что они «молоды и продуктивны». По словам Гитлера, только этим молодым нациям и системам принадлежит будущее³. «Единства континента» возможно достичь только под немецким руководством («только немцы могут познакомить Европу с четкой организацией»⁴) и в результате незамедлительной ликвидации «Kleinstaatgerumpel», то есть отходов, хлама и развалин, которые представляли собой малые государства. Как полагал близкий соратник фюрера Вальтер Даре (Walther Daree), Германию надлежало укрепить, присоединив Чехию, Моравию и Австрию, а также окружить надежным поясом малых вассальных государств. К их числу относились Венгрия, прибалтийские государства и Польша, уменьшенная в размерах и лишенная выхода к Балтийскому морю⁵.

Как верно подметил Герман Раушнинг, процесс переустройства Европы на новых идеологических, политических

и территориально-стратегических основаниях начался в результате ликвидации Австрии и Чехословакии как самостоятельных государств⁶. Следующим этапом этого, говоря его словами, «переворота» должно было стать восстановление власти «короны св. Стефана» в старых границах. Но только при условии, что Венгрия согласится с требованиями Германии и ее лидерством в новом «великом союзе». Далее на очереди – уничтожение Югославии как единого государства и его сведение к «малому сербскому ядру», отрезанному от остальных членов югославянского объединения, которым надлежало «снова перейти во владение Германии и Венгрии, то есть стать германо-венгерскими протекторатами при сохранении иллюзорной самостоятельности (“как Хорватия”»). Согласно Раушнингу, из прочих юго-восточных стран только Болгария «в отличие от остальных принадлежит к малому числу государств, которые, будучи вовлеченными в великогерманский союз, вправе рассчитывать на возвращение определенных областей. В данном случае – румынской Добруджи и греческой Фракии. Что касается Румынии, то она не только уступленную область потеряет, но и, в первую очередь, должна будет передать Эрдель (Трансильванию) Венгрии»⁷. Успешная реализация немецкой «Ostraumpolitik» зависела, в первую очередь, от создания «цепи покоренных и полусуверенных государств, (которые бы связывали – *М.Р.*) крепкие государственно-правовые и военные союзнические отношения». В этом «союзе» субъектом экономической и политической жизни стал бы немецкий правящий слой, а экономическое процветание основывалось бы на неистощимом источнике дешевой рабочей силы из «союзных государств». Только «новое закрепощение» «неполноценных народов», признающих германское верховенство, могло бы гарантировать устойчивость нового политического порядка на Востоке. Под категорию «полусуверенных» государств подпадали прибалтийские государства, а также Польша, Румыния, Югославия и тогда еще независимая Чехословакия.

Обсуждение «планов на будущее», протекавшее в узком кругу партийного и государственного руководства нацистской Германии до «аншлюса» Австрии и Мюнхенского сговора, сводилось, как следует из записок Раушнинга, к «Zukunftsbild» –

картине будущего. Она рисовала находившийся под эффективным контролем рейха «иерархически консолидированный союз народов» с присущими ему переходными стадиями полу- и псевдо-суверенитета. Этот союз «будет развиваться, и сегодня больше не выглядит фантастической перспективой. Особенно, после формирования Протектората Богемии и Моравии», – по прошествии непродолжительного времени писал неоднократно процитированный нами современник событий⁸. Если верить данному свидетельству, Гитлер одобрительно следил за этими «теоретическими рассуждениями», к которым он со своей стороны присовокупил несколько «характерных дополнений», касавшихся «отдельных пограничных стран», а также проведения колонизации с помощью немецкого «крестьянско-воинского элемента»⁹.

Военное устройство «союза нового типа» имело решающее значение при проведении германской политики, нацеленной на его создание. Руководить, или, говоря словами Раушнинга, «владычествовать» «союзом» следовало из одного центра и в сугубо авторитарном ключе. Поддерживать контроль иным способом не представлялось возможным. Исключалось поддержание «баланса сил», а также существование какой-либо другой великой державы среди этих более или менее зависимых государств. Практика очень быстро продемонстрировала, что Германия не собирается допустить ни усиления, ни увеличения в размерах своей фашистской союзницы. Особенно это касалось Придунавья, а также тех территорий на Юго-востоке, которые считались исключительно германской зоной влияния.

Новый «федеративный принцип» построения военного союза следовало распространить на запад и север континента¹⁰. Таким виделся «Formprinzip» нового «Германского Рейха немецкого народа», который охватывал бы «subgermanische Trümmerzone» (то есть территории «развалин бывших государств») на Востоке и Юго-востоке, а также «прародину германцев» на севере Европы. «Это будет “вассалитет”, – рассуждал Раушнинг, – абсолютно в духе внутренней политики национал-социализма», основанной на принципе лидерства и абсолютного авторитета, не допускавшей добровольного согласия¹¹. Подобная конструкция «нового порядка» гарантиро-

вала некоторые экономические преимущества, обусловленные принадлежностью к огромному (экономическому) пространству. А за привилегированное в экономическом смысле положение следовало расплачиваться отказом от собственных политических прав.

Вышеописанное прожектерство рисовало образ «Анти-Европы», политика воплощения которого имела целью «уничтожение исторического, политического и хозяйственного единства Европы». Что касается дальнейшей реализации концепции «Grossraumgestaltung», то Раушнинг в своих работах указывал два направления: первое – традиционное, ведущее вдоль Дуная к Малой Азии и через Персию к Индии; второе – геополитическая линия, протянувшаяся от Флиссингена к Владивостоку. Подобные размахистые шаги по географической карте превратили бы «отдельные мелкие европейские проблемы – Австрию, Чехословакию, Францию, Северо-восток, Юго-восток, Север – в ничтожные, второстепенные затруднения, которые можно преодолеть, не отвлекаясь от главного»¹².

Видный теоретик национал-социалистической имперской идеи Франц Альфред Сикс (Franz Alfred Six) в 1941 г. – в разгар победной эйфории – характеризовал германскую систему как антитезис («по всем постулатам») Западу. Ему на смену должна была прийти «Новая Европа»¹³, основанная на «общем расовом сознании». Сикс не сомневался, что «естественная расстановка народов от севера к югу» и «триумф над духовным и политическим Западом» гарантируют первенство Центральной Европе (Германии!), которой надлежит заложить основы нового «великого европейского порядка»¹⁴.

В те же годы теоретические основы германского господства над европейским «Grossraum» разрабатывал член высшего руководства СС др. Вернер Бест (Werner Best). Он стоял у истоков оккупационной системы во Франции (1940–1942), был наследником Рейнхарда Гейдриха на посту шефа Гестапо на всех оккупированных территориях, стал «Stelvetretender Chef des Gestapo» и шефом Правового отделения Главного управления Гестапо, а в 1942 г. в качестве имперского уполномоченного возглавил оккупационную администрацию в Дании¹⁵. В силу своей предрасположенности, проявившейся за годы

профессиональной деятельности, а также богатого опыта, полученного на оккупированных территориях, Бест был «обречен» на то, чтобы представить один из детальнейших проектов будущей идеальной «Норд-Европы». Этому посвящены две программные статьи, – «Принципы организации германской власти на Великом пространстве» (1941) и «Устройство и администрация Великого пространства» (1942), – в которых содержится полностью разработанный категоризационный аппарат¹⁶.

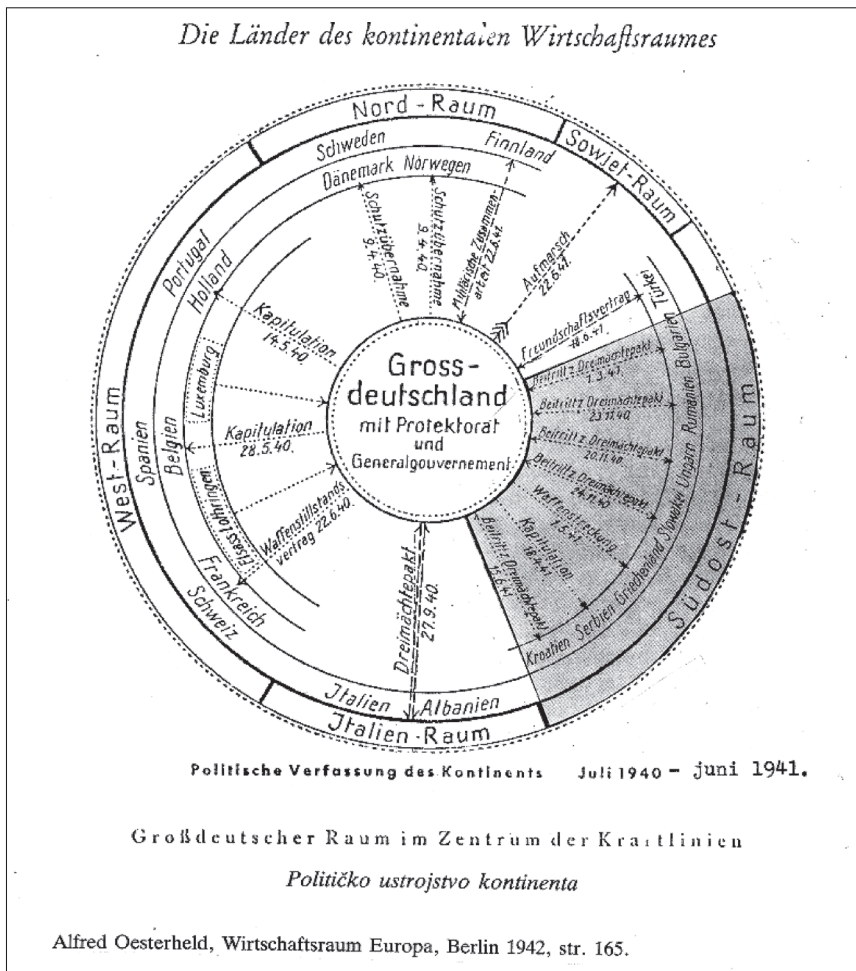
Согласно Бесту, населять «Grossraum» предстояло двум категориям народов – «народам Великого пространства» и «народу-предводителю». К первым относились все, кому в будущем удастся избежать ассимиляции и растворения в другом народе, и кто примет участие «в разработке устройства Великого пространства и будет подчиняться (общей – *М.Р.*) администрации Великого пространства»¹⁷. Особняком стоят представители «народа-предводителя», которые, распространяя свою власть на прочие народы, выстраивают «Grossraum-Ordnung», формируют его администрацию, прибегая к «активному и пассивному сотрудничеству со стороны народов Великого пространства». Подобное представление о «народе-предводителе» восходит к гегелевскому тезису о существовании «исторических народов», приобретаемому, как пишет Тодор Кулич, новое звучание в работах Карла Шмитта (Carl Schmitt)¹⁸. Тот в свою очередь не мог не оказать влияние на Беста.

Для того чтобы «народ-предводитель» мог в полной мере осуществлять свое предназначение, ему надлежит, по словам Бреста, предпринять переселение из метрополии на новоприсоединенные территории. При этом следует поддерживать постоянный «территориальный контакт» с «расовым ядром», осуществлять «постоянное и духовное общение», дабы избежать воздействия расово чуждого окружения¹⁹. Отношение к «народам Великого пространства», а также допустимая форма их «самостоятельной» организации зависели бы от их готовности к организации «национального порядка» и, разумеется, расовой принадлежности²⁰.

Несмотря на то, что Бест, в виду обобщенного теоретического подхода, примененного им в его изысканиях, не называл конкретные народы, не составляет труда определить место

и роль каждого из них, принимая во внимание военную практику рейха. Для исчерпывающей характеристики расового и культурного разнообразия народов Юго-востока Европы не хватало таких шаблонных мерок, как «высокоразвитые» народы или народы, находящиеся на «стадии примитивизма». Отсюда – появление категории «полуразвитых народов» («halbentwickelte Völker»), в отношении которых следовало придерживаться и расового подхода. Учитывая, что речь идет о пространстве, оценивавшемся как «дополнительное», «переходное», «приграничное», не принадлежащее к «внутреннему кругу» – территориальной, экономической и политической сердцевине («Mitteleuropa»), имеет смысл указать, какие требования предъявлялись к периферии и приграничным районам «Великого пространства». Бест полагал, что недостаточно одного лишь строительства пограничных военных объектов, а необходимо всю экономику, транспортную систему и строительную отрасль стран «внешнего пояса» переориентировать на решение военных задач²¹. Именно такая судьба ожидала государства и народы Юго-Восточной Европы, если принять во внимание их положение в «Grossraum» и «новом порядке».

Бест, рассуждая о формах организации и управления «Grossraum», пришел к заключению, что в основу иерархической пирамиды «Великого пространства» надлежало положить четыре административных метода: «Bündnisverwaltung» (союзническое правление), «Aufsichtsverwaltung» (надзирающее правление), «Regierungsverwaltung» (правительственное правление) и «Kolonialverwaltung» (колонияльное правление)²². Первая форма администрирования, характерная для военного времени, возникает с началом договорных отношений более слабого «народа Великого пространства» и «народа-предводителя». Со временем эти отношения перерастают в господство над «союзником»²³. Франц Нойман, который первым подверг анализу бестовские модели оккупационной власти, полагал, что «союзническое правление» практиковалось в Дании и Словакии²⁴. И Розенберг отстаивал модель «предоставления Рейхом защиты» малым народам, подчеркивая, что те «не утрачивают честь», а лишь повинуются «законам жизни»²⁵.



Взгляды нацистских теоретиков
на политическое устройство континента.
Июль 1940 – июнь 1941 гг.²⁶

«Надзирающее правление» возникает в результате установления контроля над правительством «народа Великого пространства». Однако контроль осуществляет не представитель правительства «народа-предводителя», а его специальные уполномоченные и комиссары, в помощь которым могут создаваться и иные надзорные органы, контролирующие отдельные аспекты внутренней административной деятельности²⁷.

Подобная форма правления исключала существование у подчиненного народа собственных вооруженных сил, но допускала («после достижения соответствующего уровня сознания и должной подготовки») вступление отдельных лиц или образованных из них частей в вооруженные силы «народа-предводителя»²⁸. Наряду с Норвегией и Голландией, статус которых в значительной степени соответствовал описанной модели, многие ее элементы обнаруживались и в положении той части югославской территории, которая оказалась под властью «правительства народного спасения» Милана Недича.

«Правительственное правление» наступало в тот момент, когда «народ-предводитель», то есть его представители брали на себя «как общее управление, так и решение задач отдельных администраций», осуществляемое собственными силами.

В виду «технической невозможности» набирать из числа представителей оккупационной власти чиновников низших (прежде всего, коммунальных) административных органов, разрешалось назначать на эти должности местных жителей²⁹. К службе с оружием в руках в вооруженных силах «народа-предводителя» допускались только немногие, доказавшие собственную «сознательность». Нойман полагал, что описанная система применялась в «Протекторате». Однако существует современная точка зрения, согласно которой система оккупационной власти во главе с «Reichskommissar» и «Regierungskommissar» разрабатывалась с целью установления в таких государствах, как Норвегия, Бельгия, Голландия, а на Юго-востоке – Сербия³⁰.

Рассуждая на тему, допустимо ли оккупированным и зависимым территориям иметь собственные вооруженные силы, Бест соглашался с «железным принципом», который Гитлер провозгласил в ставке 16 июля 1941 г.: «Никому не будет дозволено носить оружие, кроме немцев! (...) Только немец может носить оружие. И ни в коем случае славянин – ни чех, ни казак, ни украинец»³¹.

Бест, имея в виду планы создания новой германской колониальной системы, включил в свою схему и колониальный тип правления, характеризовавшийся наиболее жесткой зависимостью окраин от центра. Во время войны он был установлен в так называемых «восточных областях»³².

По словам Ганса Франка – министра рейха, «генерал-губернатора» части оккупированной Польши, из которой было образовано «Генерал-губернаторство», – «тысячи и тысячи немцев, которые сегодня управляют миллионами инородцев, несут с собой лучшую традицию немецкого искусства управления. Они невозможное делают возможным». Происходит это в тот момент, когда Европе предстоит обустройство, окончательное оформление отношений европейских народов, установление «нового порядка», следствием которого станет дальнейшее совершенствование «искусства управления»³³. Как утверждал Бест, представители «германской власти на Великом пространстве» – элита расы господ – должны в отношении подчинявшихся им «народов Великого пространства» осуществлять «политическую волю немецкого народа». Выполнение этой задачи требовало принадлежности к НСДАП, признававшей их своими «уполномоченными»³⁴.

В сентябре 1942 г. германский посланник в Анкаре Франц фон Папен заявил: «Если поначалу целью войны были: избавление от невыносимого военного диктата (после Первой мировой войны – прим. переводчика), возвращение Данцигского коридора и обеспечение нашего жизненного пространства в Центральной Европе, то сегодня, как нам известно, все эти цели остались позади». Ведь границы Центральной Европы давно стали слишком тесными для «германской зоны безопасности»³⁵.

Как писал Франц Ронебергер в статье («Völkischer Beobachter», 24 июля 1942), посвященной турецкому нейтралитету, «новый порядок» не остановится на Босфоре: «Подобно тому, как наши армии готовятся перейти порог Европы в направлении Азии, мы простираем наш политический взор на новые зоны и перспективы, оставляя далеко позади себя прежние малоевропейские горизонты»³⁶. Немецкую «тактику усиления давления» югославский посол в Анкаре Илия Шуменкович объяснял на примере собственного государства: до падения Франции немцы говорили, что от Югославии не требуется ничего, кроме нейтральности, неприсоединения ни к одной из групп держав; а после французской капитуляции они сразу заявили, что нейтралитета недостаточно, а необходимо активное сотрудничество Югославии с Германией;

результатом стало озвученное в декабре 1940 г. требование Гитлера присоединиться к Тройственному пакту, со всеми вытекающими из этого трагическими последствиями.

В конце 1941 г. в Министерство иностранных дел рейха из Вены прибыла бумага, содержащая предложения, которыми следовало руководствоваться при установлении «нового порядка» на Юго-востоке³⁷. Документ, недвусмысленно названный «Новый порядок в Юго-Восточной Европе», представлял собой произведение группы деятельных специалистов по данному региону, объединившихся в Обществе Юго-Восточной Европы (SOEG). По мнению авторов, территории Придунавья и Балкан имели исключительное значение для реализации всей германской военной и послевоенной глобальной политики: «Придунавье и пространство Балкан необходимы для строительства и поддержания путей сообщения, ведущих на Восток, в Азию и Северную Африку. Тем более, что в результате присоединения Украины и Кавказа (включая Ирак и Иран) водный путь к сердцу Европы ведет через указанные территории. Сухопутных путей сообщения через русское пространство недостаточно. Главные опорные пункты воздушного сообщения на Востоке и Юге находятся на Балканах (прежде всего в Афинах)³⁸.

Если смотреть с позиции Центральной Европы и Германии, юго-восточное Придунавье и пространство Балкан представляли собой «необходимый фланговый защитный барьер на Востоке»³⁹. Общее представление о роли и месте рассматриваемого региона обуславливалось не только его стратегическим положением на географической карте, но и экономическим значением. «Юго-Восток как пространство, имеющее потенциал (дальнейшего – *М.Р.*) развития, как территория, которая поставляет жизненно важное сырье (продовольствие, промышленные растения, нефть, природный газ, бокситы, медь, свинец, хром, олово), на которой находится крупнейшая (в будущем) ГЭС, может приобрести решающее значение только в рамках германо-европейского экономического порядка»⁴⁰. Дабы создать условия для беспрепятственной экономической интеграции в германский «новый экономический порядок», необходимо пространство европейского Юго-востока политически «зачистить» и организовать таким образом, чтобы оно

соответствовало потребностям рейха. Надлежит освободить регион от внешнего влияния и адаптировать его к новой роли. Впрочем, как говорится, «Sicherheit heisst Ordnung!» («Безопасность это порядок»). Германия обязана, подчеркивали авторы документа, согласиться с тем, что на ней лежит ответственность за консолидацию пространства.

Таким образом, задача Германии состояла в том, чтобы превратить Балканы в своеобразный внешний военно-политический барьер. Это требовало усилий, предпринимаемых с учетом всего национального, политического и культурного многообразия региона. Речь шла о создании «гибкого, поэтапно продуманного порядка», в рамках которого устанавливались бы различные типы отношений – «вплоть до полной зависимости отдельных территорий от рейха».

Народы, населявшие юго-восточное пространство, подвергнуты «генеральной классификации». «Устранение межнациональной напряженности» рассматривалось как отправная точка формирования «нового порядка».

Применение «общих критериев» позволило выделить на Юго-востоке как «тех, кто готов принять германское предводительство и новое переустройство», так и «других, кто этому противится». Не вдаваясь в детали, укажем, что к первым относились хорваты, словаки, румыны и греки. Что касается турок, то они «стояли особняком». Ко второй группе относились «венгры, что было обусловлено их историческими притязаниями, а также сербы – мятежный и всегда недовольный элемент». «Сербский народ, по-видимому, в силу своих черт, неспособен к созданию независимого государства». Поэтому, считалось, что сербская проблема имеет решающее значение для безопасности всего региона. Ее устранение виделось в неизбежном отделении окраинных сербских областей и их присоединении к приграничным государствам, в результате чего удалось бы «вытеснить сербов из жизненно важного в транспортном отношении течения Дуная». Кроме того, предполагалось, что «не обойдется и без крупномасштабных переселений»⁴¹. С другой стороны, меру, неэффективность которой показал уже «имеющийся опыт», а именно, «переплавку сербского элемента в хорватский... желательно применять только в предельно ограниченных масштабах».

Противоположным образом воспринимались «проверенные в национальной борьбе соплеменники, организованные в собственные народные группы, которыми германское руководство вольно располагать как инструментом при решении в будущем задачи создания нового порядка». Имелись в виду фольксдойче – «фактор безопасности и носитель культуры высшего ранга»⁴².

Помимо вышеописанных проектов «нового германского порядка», создание которого завершилось бы после «окончательной победы», собственные планы обустройства европейского континента сформулировала и оппозиция нацистскому режиму, исходящая из представления о том, что победа Германии не гарантирована, и придется вступить в переговоры с Великобританией и США. Наиболее ясно свои мысли о «новом европейском порядке после наступления мира» сформулировал сын Карла Хаусхофера Альбрехт Хаусхофер (Albrecht Haushofer) – видный представитель оппозиционной группы, возглавляемой дипломатом Ульрихом фон Хасселем⁴³. Возможно, по поручению Хасселя, но, во всяком случае, для нужд оппозиции, Хаусхофер осенью 1941 г. написал обширный документ, который он передал государственному секретарю МИДа Эрнсту фон Вайцеккеру. В конце концов, как ожидал автор, написанное им должно было попасть на стол к Гитлеру⁴⁴.

Альбрехт Хаусхофер ни минуты не сомневался ни в необходимости и оправданности существования «Великой Германии», ни в «германском праве» на гегемонию на континенте. Однако он полагал, что соотношение сил главных участников противостояния (Великобритания, США и Германия, но не СССР) исключает победу какой-либо из сторон. Поэтому необходимо искать обоюдное приемлемое мирное решение, следствием которого стал бы «мир во всем мире»⁴⁵. В фокусе внимания А. Хаусхофера – «федеративное мирное устройство континентальной Европы», гегемония Германии и установление границы с «Азией», под которой имелись в виду «остатки советской территории». Проблемами первостепенной важности он считал выработку позиции «германской континентальной Европы» в отношении «британско-американского морского могущества» и определение судьбы западноевропейских государств

и их колоний. Полагал, что следует поставить вопрос о «нивелировании британского и американского влияния», особенно в Южной Америке, а также пойти навстречу требованиям Японии. Не следовало обходить вниманием и «возможность или невозможность предпринять международные политические усилия, дабы запретить и изолировать Сталина (и все великорусское население) в Сибири»⁴⁶.

Согласно Хаусхоферу, Юго-восток и Придунавье предстают ареной весьма запутанной политической комбинаторики. Как и в случае с Восточной и Центральной Европой, воображаемый «новый мирный порядок на Юго-востоке» не имел бы ничего общего с международным устройством межвоенного времени. На новой карте Европы не осталось бы места для Австрии, Чехословакии и Югославии. «Экзистенциальным минимумом» Германии как мировой державы виделось «абсолютное единство Рейха на неприкасаемом немецком национальном пространстве, сложившемся до 1914 г.»⁴⁷. Прочие оппозиционеры того времени – фон Хассель и Карл Фридрих Гёрделер – придерживались схожей позиции⁴⁸. Гарантией «экзистенциального минимума» послужило бы образование группы «государств под защитой Рейха» («reichsgeschützter Länder»), лишенных собственной армии, а также самостоятельной внешней и экономической политики, привязанных к рейху персональной унией. Это решение распространялось бы на те «народы, жизненное пространство которых так тесно переплетено с географическим германским с исторической и экономической точки зрения, что их отношения с рейхом были бы свободны от какого-либо внешнего воздействия. Такими народами по всем параметрам могли считаться поляки, чехи и словенцы». К этому следует еще добавить требование возврата утраченных колоний в западной Африке.

Категорию «страны, обращенные к Рейху», А. Хаусхофер ввел для «находящихся в устойчивом, но менее жестком подчинении, по сравнению со «странами под защитой Рейха» (reichsgeschützter Länder)». К таковым, кроме малых прибалтийских государств, относились Словакия, Хорватия (НГХ) и Сербия⁴⁹.

Следующую категорию составили бы «союзные страны»: Венгрия, Румыния, Болгария, Финляндия, Греция, Украина и,

в конце концов, кавказские страны («влияние Рейха посредством долгосрочных военных и экономических соглашений, а также договоров об оказании покровительства; в случае Украины, Белоруссии и Кавказа – после длительного переходного периода прямого правления»). Формой их консолидации вокруг рейха стал бы «европейский союз», в который бы также вступили Швеция, Дания, Швейцария и Италия. Функционировал бы он на основе единого строгого экономического планирования. Следует отдельно остановиться на негативном отношении Хаусхофера к притязаниям Рима в Средиземноморье и Африке. У Италии надлежало «посредством необходимых радикальных мер» отобрать как Южный Тироль, так и все находившиеся под ее управлением словенские области. Речь шла об Истрии, Триесте и Пуле, которые «принадлежат Словении, находящейся под защитой Рейха». Риека досталась бы Хорватии⁵⁰, границы которой с рейхом остались бы неизменными. В отличие от венгерской границы, которая подверглась бы значительной коррекции.

Поддавшись «соблазну категоризации», Хаусхофер, приняв во внимание исторический опыт, национальные традиции, отношение к Германии и т.д., разделил народы «европейского союза» на четыре группы: а) народы, «которым еще долго придется оставаться под прямым германским управлением. К ним относятся русские, поляки, сербы и, возможно, чехи (разумеется, и европейское еврейство, особенно восточноевропейское); б) народы, собственное стремление которых к наднациональной гегемонии вступает в противоречие с германским предводительством. Кроме русских и поляков это итальянцы и венгры; в) народы, добиться внутреннего согласия которых с германским лидерством исключительно тяжело, но не невозможно: шведы, норвежцы, датчане и, возможно, чехи; д) народы, которые, если проводить мудрую политику, можно относительно легко помирить друг с другом и привлечь на свою сторону. Таковыми являются финны, эстонцы, латыши, литовцы, белорусы, украинцы, словаки, хорваты, болгары, румыны, албанцы, греки и некоторые кавказские народы»⁵¹.

Хаусхофер считал насущной потребностью существование «мощного Рейха», который бы нейтрализовал как польские аспирации в отношении Украины, Белоруссии, Литвы и Слова-

кии, так и венгерские, а также итальянские притязания, всегда служившие фактором нестабильности. Поэтому следовало бы «все восточно-Адриатическое побережье от Триеста до греческих островов освободить от Италии. Греции надо бы возместить (за счет Болгарии и в результате передачи Додеканесских островов) утрату западной Фракии (до Струмы или Месты), но не греческой части Македонии. Следовало бы иметь в виду и возможность заключения персональной унии с Албанией (при сохранении албанского самоуправления). Хорватия должна получить в полное распоряжение все побережье от Риеки до Котора, включая Задар и близлежащие острова. Черногорию можно объединить с Сербией (при сохранении определенной автономии). Истрия как часть Словении переходит под прямую защиту Рейха». Что касается Греции, то успешным решением проблемы ее статуса стал бы «компромисс между германскими и британскими интересами». В целом, применительно ко всему Средиземноморью можно «без затруднений достичь баланса между германскими, британскими и французскими интересами, если не принимать во внимание Италию»⁵².

Из всех балканских народов только «болгары и хорваты должны удостоиться помощи. Болгария, за исключением небольших областей в западной Фракии и Македонии, возвращенных Греции, осталась бы во владении всего, что она в свое время потеряла в результате войн и договоров, – Южной Добруджи, Западной Фракии с выходом к Эгейскому морю, Пирота, внутренней Македонии (Вардарской Македонии – *М.Р.*), порто-франко в Салониках». Меры сдерживания в отношении итальянского присутствия на Адриатике послужили бы цели «усиления Хорватии» (НГХ!). «Старая Сербия (включая и бывший Новопазарский санджак и Черногорию) даже при самом благоприятном развитии событий надолго останется рассадником волнений». Результатом германского вмешательства стало бы устранение в Греции и Сербии «династических проблем». Особо подчеркивалось, что «на Балканах южнее линии Дунай-Сава крупномасштабные переселения почти не рассматриваются».

Главная проблема Придунавья – Венгрия. «Мир в Центральной Европе требует не только того, чтобы воспрепятствовать новым венгерским притязаниям, но и предпринять практи-

ческие шаги, дабы повернуть вспять уже состоявшуюся “ревизию”, – «исправить границы в пользу Словакии (прежде всего, Кошице) и Хорватии (Прекомурье, Южная Баранья); вернуть Карпатскую Украину Украине... и, что всего важнее, Северный Эрдель – Румынии»⁵³.

«Имеющийся опыт позволяет предположить, что существование мощного Германского Рейха необходимо для защиты двух миллионов юго-восточноевропейских немцев и их автономии, от которой зависит, останутся ли они фактором внутренней политики в Венгрии, Румынии, Хорватии и Сербии. Но, прежде всего, в Венгрии». Многочисленное румынское меньшинство и Венгрии и венгерское в Румынии, их неясная судьба побуждает предположить, что они и впредь будут источником нестабильности. Поэтому целесообразно рассмотреть возвращение Эрделя Румынии, сопровождаемое переселением венгерского меньшинства, а также некоторые территориальные уступки со стороны Румынии в Банате. Концентрация немецкого меньшинства в районе Балатона и горы Баконь, который бы впоследствии отошел Рейху, уравновешивалось бы («внутренним») венгерским заселением областей Бачка и Банат. Хаусхофер также полагал, что необходимо задуматься о «целесообразности крупномасштабного, постепенного и органично осуществляемого обмена населением, который должен сопровождаться значительным переделом границ»⁵⁴.

После поражения под Сталинградом Берлин, дабы изменить расположение народов, проживавших на оккупированных территориях, особенно на Юго-востоке, предпринял пропагандистский маневр, громогласно заговорив о «европейской миссии» – противодействии большевизму. Идеологической основой «пост-сталинградской фазы» стал манифест Гитлера от 30 января 1943 г., в котором шла речь о смысле борьбы, которую вел национал-социализм («в прошлом, настоящем и будущем»), – за Германию и «всю Европу». Министр пропаганды и народного просвещения Йозеф Геббельс, ссылаясь на данный акт, 15 февраля 1943 г. издал рекомендации для дальнейшего осуществления пропаганды. В них обращалось внимание на необходимость привлечения «к общеевропейской борьбе против большевизма» и за «дело новой Европы» именно тех народов, к которым до Сталинграда и в пропагандист-

ском отношении, и на практике принято было относиться, как «сущностям низшего порядка»⁵⁵. В дальнейшем при осуществлении пропаганды следовало перестать изображать «будущий европейский новый порядок так, чтобы у остальных народов складывалось впечатление, будто германское руководство хочет навсегда поработить их». Помимо этого, требовал Геббельс, надлежало разубедить их в том, что Германия стремится к заселению немцами Востока и превращению его в собственную колонию.

Корректировка «угла зрения и планов» строительства «нового европейского порядка» осуществлялась в Министерстве иностранных дел, в котором в начале апреля 1943 г., во исполнение указаний Иоахима фон Риббентропа, предполагалось образовать «Европейский комитет» (Europa-Ausschuss), ответственный за разработку внутреннего европейского «нового порядка»⁵⁶. Падение главного германского союзника в Европе в конце лета 1943 г., безотносительно того, что он небезосновательно воспринимался, как камень на шее, оставило Германию в одиночестве сражаться на европейских фронтах (если, конечно, не принимать во внимание все менее надежную и охотную «помощь» со стороны саттелитов и «союзников», главным образом, на Юго-востоке, готовых при удобном случае перейти на другую сторону). Эти перемены не могли не привести к дальнейшим «косметическим изменениям» официальных и неофициальных планов будущего европейского континента. По словам германского полномочного представителя в Дании Сесила фон Ренте-Финка (Cecil von Rente – Fink), следовало, с одной стороны, мобилизовать европейские силы ради победы Германии, а, с другой, сделать положение в рейхе таким, чтобы внутренний зажим ослаб, а сопротивление неприятелю, осуществляемое вовне, стало более жестким⁵⁷. Речь шла о «программном решении» – признании Германией того, что решение европейских проблем возможно в результате создания добровольного союза суверенных держав: «Так мы повысим доверие европейских государств в отношении нашей политики. Они с большей готовностью последуют за нами, предоставив свои силы на службу нашему делу».

Подлинный характер режима на оккупированных территориях нацисты пытались скрыть с помощью «перекраски

фасада»: формирование правительств в тех западноевропейских государствах, где их в подлинном смысле слова раньше не имелось (Бельгия, Голландия), распространение слухов, будто Франция станет «равноправным членом европейского союза» и т.д. Действия в том же направлении осуществлялись и на Юго-востоке: «Что касается Греции и Сербии, следовало бы попробовать определенным образом урегулировать ситуацию. Общим странам надо обеспечить государственную независимость. Кроме того, надлежит изменить подход к нашей политике в Хорватии и Албании». Однако образование «союза государств» ни в коей мере не ставит под сомнение достижение Германией политических целей в Европе: «Наши права как оккупационной силы и силы, которая ведет войну, никак не пострадают». Так, не может быть и речи, чтобы до окончания войны побежденные государства снова смогли открывать представительства за границей. Если будет сочтено необходимым, им позволят открыть дипломатические миссии в Берлине⁵⁸. Любые движения сопротивления подлежали безжалостному подавлению.

В покоренных странах – писал Ренте-Финк – можно активнее проводить набор в войска СС, «вовлекая людей в нашу борьбу». «А когда мы победим неприятеля на всех фронтах, – продолжал он, – наступит новая ситуация, в которой мы сможем без промедления обустроить наш континент так, как мы сочтем целесообразным. Создание Великогерманского Рейха – сам собой напрашивающийся итог»⁵⁹. Поначалу участниками «союза государств» виделись 13 стран: Германия, Италия, Франция, Дания, Норвегия, Финляндия, Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Сербия, Греция, Хорватия (НГХ!). Вступление остальных предполагалось рассмотреть позднее при определенных условиях. Греция и Сербия, несмотря на их «проблемный характер (как и у Франции), вместе с прочими государствами Юго-восточного пространства вошли бы в политически и экономически важный «компактный блок» в рамках «европейского союза». Что касается Италии, то, по мнению Финка, «если она не продолжит войну, необходимость четко сформулировать нашу политику в Европе только вырастет». Вышеприведенная позиция нашла отражение в проекте обширного документа, на котором стоит гриф Министерств иностранных дел, датированного 9 сентября 1943 г.⁶⁰

В рамки «нового подход» укладываются и представления специального уполномоченного германского МИДа на Юго-востоке инженера Германа Нойбахера, назначенного на эту должность указом Гитлера от 24 августа 1943 г. В результате его прежние полномочия, ограничивавшиеся Румынией и Грецией, распространились на Сербию, Черногорию, Македонию, Албанию и Санджак⁶¹.

Взвешенный подход Нойбахера, приверженного тактике мелких уступок вассальным режимам, должен был разгрузить вооруженные силы, стабилизировать ситуацию на подотчетной ему территории, а также обеспечить ее военно-экономическую эксплуатацию. Ясно осознавая значение Сербии как центра Балкан, Нойбахер полагал, что решением в правильном направлении для страны, задушенной оккупацией, искромсанной соседями, раздираемой кровавой гражданской войной, стало бы превращение ее в дееспособного (в военном отношении) субъекта «нового порядка», а также оказание поддержки «правительству» генерала Милана Недича⁶². Позднее Нойбахер писал, что Германия в сложившихся исторических обстоятельствах должна восстанавливать ведущие позиции Сербии в югославянском пространстве и на Балканах, в целом, то есть делать «прямо противоположное тому, что высшее германское руководство последовательно предпринимало, и к чему более всего стремилось»⁶³.

В качестве решения Нойбахер предлагал формирование «великосербской федерации» в состав Сербии, Черногории и Санджака и во главе с М. Недичем. Экономический и валютный союз объединял бы членов федерации, которые сохранили бы автономию в области администрации и культурной политики. В распоряжении федерации имелись бы собственные силовые структуры – жандармерия и добровольческие отряды. Предполагалась и реставрация национальных культурных институтов, в том числе и Белградского университета. Немецкий военный оккупационный аппарат, подвергшийся радикальному сокращению, ограничился бы контролем административных органов⁶⁴.

Несмотря на известное враждебное отношение Гитлера к сербам, он проявил известную заинтересованность к вышеописанным проектам. Однако после нескольких неудачных попыток Нойбахера добиться принятия решения о реализации

его плана, дискуссии о балканской «федерации» и центральной роли Сербии в ее создании был положен конец⁶⁵.

Что касается экономических отношений Юго-востока с Германией, то мнение Нойбахера о них можно считать показательным для политико-экономических кругов Рейха. В соответствии со старыми представлениями о «Миттель-Европе», только «центр Европы выступал в роли потребителя всех излишков производства на Юго-востоке». Поэтому в поддержании устойчивой связи экономик Юго-востока с «Центральной Европой» юго-восточные государства заинтересованы ничуть не меньше, чем центральноевропейские». Следствием этого стало бы «освобождение» народов, занятых преимущественно сельскохозяйственным производством, от зависимости от «международных зерновых бирж». Германия предстает силой, выступающей от имени Европы против «безумия либеральной экономики». Суть оного в том, что «США и СССР, злоупотребляющие собственными всеобъемлющими и неограниченными привилегиями, обусловленными их статусом экономических гигантов, в состоянии разрушить экономические соглашения европейских карликовых государств». Поэтому на Германии лежит миссия объединения европейских экономик в единое целое. Германия «после окончания войны будет способствовать полноценному развитию нового естественного экономического строя, основанного на систематическом сотрудничестве, а также положит конец установлению внутренних барьеров, наносящих долгосрочный ущерб благосостоянию европейских народов». Эти идеи имеют ключевое значение для нас в контексте проблем Юго-Восточной Европы⁶⁶. Сербская квислингская пресса подчеркивала, что предание гласности идей Нойбахера можно считать «прологом к урегулированию ситуации в этой части Европы, от чего, главным образом, зависит и судьба нашего сопротивления, который всегда ориентировался на Центральную Европу как главного потребителя всех производственных излишков»⁶⁷. Намерение Германии, дескать, состоит в том, чтобы страны Юго-Восточной Европы «привести к европейской солидарности, а не реализовывать планы построения федерации, всегда агрессивные по своей сути». Залог успеха – в возвращении к довоенным основам экономических взаимоотношений⁶⁸.

Перевод А.А. Силкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Rauschning H.* Gespräche mit Hitler. Zürich, New York, 1940. S. 118.

² *Jacobsen H.A.* Der Weg zur Teilung der Welt, Politik und Strategie 1939–1945. Koblenz-Bonn, 1977. S. 271 (цитата из дневника Геббельса от 8 мая 1943 г.); *Gruchmann L.* Nationalsozialistische Grossraumordnung. Stuttgart, 1962. S. 120.

³ *Broszat M.* Der Nationalsozialismus. Stuttgart 1961. S. 182; *Jonca K.* Die Theorie der „Völkerrechtlichen Grossraumordnung“ mit besonderen Berücksichtigung der Donau-Balkanstaaten // Ostmitteleuropa im zweiten Weltkrieg. Budapest, 1978. S. 125; *Lovin Clifford.* Blut und Boden: The Ideological Basis of the Nazi Agricultural Program // Journal of the History of Ideas. Vol. 28. 1967. P. 278–288.

⁴ Europa. Handbuch der politischen, wirtschaftlichen und kulturen Entwicklung des Neuen Europa. Leipzig, 1943. S. 245.

⁵ *Rauschning H.* Die Revolution des Nichilismus. Zürich, New York, 1938.

⁶ Ibid. S. 375, 376.

⁷ Ibid. S. 376.

⁸ Ibid. S. 381–383. (глава «Antieuropa»)

⁹ *Hitler A.* Mein Kampf. S. 148–154 (о том же в главе 14).

¹⁰ *Rauschning H.* Die Revolution des Nichilismus... S. 381–383. (глава «Antieuropa»)

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. S. 386.

¹³ *Six Franz Alfred.* Gedanken zu Reich und Europa // Jarbuch für Politik und Auslandskunde, 1941. Berlin, 1942. S. 25.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ О Вернере Бесте стало известно после того, как он в 1931 г. поставил подпись под известным «Боксхаймским документом», который, по сути, был тактическим планом НСДАП по захвату власти всеми средствами. После этого Бест начал свое восхождение по национал-социалистической иерархической лестнице. В 1933 г. – во главе земельного правительства Гессена; в 1935 г. – один из шефов Гестапо в чине бригадефюрера СС. Беста стал «теоретиком» Гестапо, опубликовав, помимо прочего, «Методы следственной работы Тайной государственной полиции и ее теоретические основы» (*Untersuchungsmethoden der GESTAPO und Ihre theorethische Grundlage*).

¹⁶ *Best Werner.* Grundfragen einer deutschen Grossraum-Verwaltung // Festgabe für Heinrich Himmler. Darmstadt, 1941. S. 33–60; *Idem.* Grossraumordnung und Grossraumverwaltung, Zeitschrift für Politik, Juni-Heft 1942. Бест писал о: «управлении Великим пространством» (*Grossraumverwaltung*), «порядке в Великом пространстве» (*Gross-*

raumordnung), «народях Великого пространства» (Grossraum-Völker), «областях Великого пространства» (Grossraum-Bereiche), «народепроводителе» (Führungs-Volk).

¹⁷ *Best W.* Grundfragen... S. 38.

¹⁸ *Kuljić Todor.* Teorije o totalitarizmu. Beograd, 1983. S. 59.

¹⁹ *Best W.* Grundfragen.... S. 44, 45.

²⁰ *Ibid.* (По мнению Беста, отношение к определенному народу обусловлено также его численностью и биологической ценностью.)

²¹ *Ibid.* S. 49.

²² *Ibid.*; См. также: *Neumann Franz, Behemoth.* The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944. New York, 1963. P. 558–560.

²³ *Best W.* Grundfragen... S. 54–56.

²⁴ *Neumann F.* Op. cit. P. 559.

²⁵ *Leibrock Oto.* Der Südosten, Grossdeutschland und das neue Europa. S. 326.

²⁶ *Oesterheld Alfred.* Wirtschaftsraum Europa. Berlin. 1942. S. 165.

²⁷ Бест полагал, что при «надзирающем правлении» необходимо, чтобы все надзорные функции осуществлялись представителями и правительственными уполномоченными «народа-проводителя». (*Grundfragen... S. 56.*)

²⁸ В одном из комментариев к плану Беста указывалось, что такая форма правления предназначена для «второсортных народов Великого пространства» – венгров, румын, французов. Их правительства должны стать филиалами правительства Рейха. (*Die Zeitung, Nr. 284, 14. avgust 1942.* „Eine nazi-Verfassung für Europa. Heydrichs Nachfolger veröffentlicht programatischen Antrittsartikel-vier Formen von Sklavenvölkern“).

²⁹ *Best W.* Grundfragen.... S. 57.

³⁰ См. сноску № 28; *Ibid.*

³¹ *Jacobsen H.A.* Op. cit. S. 58. От «железного принципа» пришлось отказаться из-за неблагоприятного положения на фронтах и дефицита «человеческого материала». Пришлось забыть о расово-политической «правоверной позиции», в результате чего появились многочисленные формирования СС, образованные из инородцев: татар, черкесов, хорватов, югославских мусульман, албанцев, венгров, латышей, русских и т.д. См. подробнее: *Stein Georg H.* Geschichte der Waffen SS. Düsseldorf, 1978.

³² *Best W.* Grundfragen.... S. 58, 59.

³³ Цит. по: *Jacobsen H.A.* Op. cit. S. 258, 259 (Из речи др. Франка, произнесенной в Гейдельберге 21 июля 1942 г.)

³⁴ *Best W.* Grundfragen.... S. 60.

³⁵ *Arhiv Jugoslavije.* 103–58–276. Телеграмма югославского посла в Анкаре Илии Шуменковича МИДу. *Pov.* № 882, od 25. septembra 1942.

³⁶ Ibid.

³⁷ PA AA Inland Ilg 288, Geheim! Entwurf. Neuordnung Südosteropas. Wien, 11 декабря 1941 г. На документе стоят подписи гауляйтера Триске, др. Грооса, др. Ф. Ронненбергера и Ф. Крауса.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.; „Umsiedlungen in grösserem Ausmass werden hier nicht zum umgehen sein“

⁴² Ibid.

⁴³ Семья Хаусхоферов, которая дружила с Гитлером со времен его заключения в ландсбергской тюрьме, перед началом войны попала в немилость. Альберт Хаусхофер из-за связи с Рудольфом Гессом, познакомившим его с фюрером, арестован, но уже в начале августа 1941 г. отпущен. См.: *Von Hassell Ulrich*. Die Hassel-Taeebücher 1938-1944. Berlin, 1988. S. 263.

⁴⁴ *Laak-Michel Ursula*. Albrecht Haushofer und der Nationalsozialismus. Stuttgart 1974. S. 242–243.

⁴⁵ Ibid. S. 245.

⁴⁶ Ibid.; Dokument Nr.100. Gedanken zur Friedensordnung. Denkschrift. Dem Herrn Staatssekretär des Auswärtigen Amtes vorgelegt mit der Bitte zu gegebener Zeit prüfen zu wollen, ob sie zum Vortrag den Führer geeignet ist. Novembar 1941. S. 383.

⁴⁷ Ibid. S. 245, 284.

⁴⁸ О гитлеровском видении «послевоенной Европы» см.: *Piskol Joachim*. Zur Entwicklung der aussenpolitischen Nachkriegskonzeption der deutschen Monopolbourgeoisie 1943 bis 1945. // Jb. f. Wirtschaftsgeschichte. 1969/11. S. 332–338; См. также: *Jacobsen H.A*. Op. cit. S. 447, 448.

⁴⁹ Ibid. „Der Kreis dieser Länder müsste Estland, Lettland, Litauen, die Slowakei, Kroatien, sowohl auch Serbien umfassen“.

⁵⁰ Ibid. S. 388.

⁵¹ Ibid. S. 388–389.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid. S. 252.

⁵⁴ См. подробнее: *Sbornik k problematice dejin imperialismu // svezek 21. Anatomie okupačni politiky hitlerovskeho Nemecka v „Protektoratu Cechy a Morava“*. Praha, 1987.

⁵⁵ Anatomie der Aggression. Dok. № 37. S. 179–182.

⁵⁶ Anatomie der Aggression. Dok. № 39. S. 183–184.

⁵⁷ Europa-pläne des deutschen Imperialismus. Dok.Nr. 2. Notiz für den Herrn Reichsaus – senminister betreffend Europäischen Staatenbundes, 9. sept. 1943; Вторая неполная версия этого документа опубликована в: *Anatome der Aggression. Dok 43. Notiz des Gesandten...* S. 198–202.

⁵⁸ Europapläne... S. 930.

⁵⁹ Anatomie der Aggression. S. 201, 202.

⁶⁰ Ibid. Dok. № 44, Entwurf... S. 203–215.

⁶¹ *Neubacher H.* Sonderauftrag Südost 1940–1945. Göttingen, Berlin, Frankfurt am Main, 1956. S. 127–129.

⁶² Предполагалось, что в Сербии и Черногории Германия может призвать под свои знамена 80.000 штыков: около 50.000 четников Дражи Михайловича, 25.000 членов Сербской государственной стражи и 5.000 лётичевцев из Сербского добровольческого корпуса (*Lukač Dušan.* Treći Rajh i zemlje Jugoistočne Evrope. III. 1941–1945. Beograd, 1987. S. 559.)

⁶³ *Neubacher N.* Op. cit. S. 155.

⁶⁴ Ibid. S. 156.

⁶⁵ Ibid. S. 157–163; BA R 58, 124/Fol. 1/236. Wochenbericht. Südo-steuropa. Berichtzeit 4–11 Nov. 1943; См. также: «Novo vreme». 3. novembar 1943. «Evropska solidarnost na Jugoistoku». Izvanredni opunomoćenik dr. Nojbaher o rešavanju političkih i privrednih problema na jugoistoku Evrope»; Nojbaher je kao jedini pokret koji teži stvaranju balkanske unije i sticao „federaciju slobodnih balkanskih republika“ koju „traži Moskva“.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ibid.

Л.Я. Гибианский

СТАЛИН, ТИТО, ПАВЕЛИЧ ПРИ ЗАВЕРШЕНИИ РАЗГРОМА ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ И ЕЕ ЕВРОПЕЙСКИХ САТЕЛЛИТОВ: ДОКУМЕНТЫ, ПРОТИВОРЕЧАЩИЕ ГОЛОСЛОВНЫМ ВЕРСИЯМ

Давно замечено, что усилия историка по исследованию событий прошлого во многом бывают сродни работе следователя. В большинстве случаев с той, однако, разницей, что ни подследственных, ни свидетелей уже нет на свете. А значит, остается одно: найти достаточно надежные по их подлинности и адекватности документы со сведениями, которые бы позволили выяснить то, что некогда происходило. Бывает, такие документы оказываются в ваших руках очень нескоро, как случилось с рассматриваемой здесь почти детективной историей, с которой автор этих строк впервые столкнулся три десятилетия тому назад.

Тогда, на основе соглашения между МИД СССР и Союзным секретариатом по иностранным делам (ССИД) СФРЮ, стала вестись работа по составлению совместного сборника документов о советско-югославских отношениях 1941–1945 гг. Среди других специалистов, к участию в этой работе привлекли и меня. В процессе того, как для включения в сборник отбирались документы из общей массы материала, представлявшегося советской и югославской сторонами, мое внимание привлекало многое из архивов обеих стран, до того неизвестное мне, да и вообще тем историкам, кто занимался этой проблематикой. Среди прочего, весьма заинтересовал, а точнее – заинтриговал один документ из тогдашнего Архива Йосипа Броза Тито в Белграде. Это была шифротелеграмма, посланная 17 января 1945 г. на имя Тито наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым (он был обозначен псевдонимом «Алексеев»). Дешифрованный – на русском языке – текст телеграм-

мы, полученный Тито от военной миссии СССР в Югославии, состоял из двух коротких пунктов:

«1. Ваше мнение, чтобы правительство Шубашича приехало в Белград, считаю правильным.

2. Считаю также правильным Ваше предложение об использовании Павелича и его войск»¹.

По первому пункту не возникало вопросов. Было понятно, что его содержание связано с озабоченностью как югославского коммунистического руководства, так и Кремля противодействием со стороны короля Петра II осуществлению соглашения, заключенного в ноябре (и дополненного в декабре) 1944 г. между Тито, выступавшим в качестве председателя Национального комитета освобождения Югославии, и премьер-министром королевского правительства в эмиграции Иваном Шубашичем. Это противодействие становилось препятствием для реализации соглашения, выгодного новой власти, устанавливавшейся под главенством КПЮ в ходе происходившего освобождения Югославии от оккупации и прооккупационных администраций. Прежде всего – для создания единого югославского правительства, что в сложившихся тогда условиях фактически означало поглощение эмигрантского правительства Национальным комитетом². Исходивший от Тито и одобренный Кремлем замысел перемещения эмигрантского правительства из Лондона, где находился и Петр, в Белград имел целью сломить или обойти противодействие короля.

Однако второй пункт шифротелеграммы Молотова был полной загадкой. Что за странное предложение Тито посылал в Москву? В чем оно конкретно заключалось? Каким образом можно было использовать усташского вождя («поглавника») так называемого Независимого государства Хорватия (НГХ) Анте Павелича и его войска в интересах антиоккупационной борьбы и устанавливаемой в Югославии власти, возглавляемой коммунистами?

Перед такими вопросами оказалась основная группа – по сути, рабочая редколлегия, – непосредственно занимавшаяся составлением макета сборника: отбором документов для включения в него, а также написанием и/или редактированием почти всех примечаний. Но ответа не знали ни ее советские участники (сотрудник МИД СССР И.В. Бухаркин, работавший

в тогдашнем Историко-дипломатическом управлении (ИДУ), и автор этих строк), ни югославские (глава Центра информации и документации ССИД СФРЮ Косара Вукасович и профессор Белградского университета Бранко Петранович, имевший репутацию наиболее крупного специалиста по новейшей истории Югославии)³.

Неосведомленность советских участников объяснялась той широчайшей по масштабам недоступностью огромного числа документов, которая десятилетиями царила в архивах СССР. В какой-то степени лед начал трогаться лишь при горбачевской «перестройке», что в итоге существенно сказалось в процессе работы над сборником, происходившей как раз в то время. Но это шло очень медленно, постепенно, выборочно. Даже привлеченные в разной степени к подготовке сборника сотрудники ИДУ МИД, в составе которого находился Архив внешней политики СССР, имели довольно ограниченные возможности в доступе к его документам. Тем более таких возможностей не было, когда речь шла о других советских архивах. А потому имевшееся там, как выяснилось много позже, сообщение из Белграда в Москву, в котором излагалось как само предложение, исходившее от Тито, так и объяснение его причины, не попало в круг документов, выявлявшихся для сборника.

Неосведомленность югославских коллег была тоже следствием долгой недоступности многих документов в ряде архивов Югославии, особенно как раз в Архиве Тито. Но как позднее обнаружилось, в данном случае имела место довольно парадоксальная ситуация. Ибо почти тогда же, когда стала вестись наша совместная работа над сборником, в Белграде при подготовке очередного, 26-го тома собрания сочинений Тито уже были найдены документы, позволявшие сделать существенный шаг к выяснению смысла второго пункта названной выше телеграммы Молотова. Хотя югославские участники нашей группы были достаточно тесно связаны с тем кругом, который готовил 26-ой том, они не знали о находке их коллег в Белграде.

Парадокс стал еще большим, когда и после издания 26-го тома, что произошло в 1988 г.⁴, опубликованное в нем вовсе не сказалось на том, как при дальнейшей подготовке нашего

сборника решался вопрос об интерпретации смысла второго пункта телеграммы Молотова. Это сделалось наглядным, как только сборник документов о советско-югославских отношениях 1941–1945 гг. вышел в свет. Хотя он был в очень большой мере готов уже на рубеже 1980-х – 1990-х гг., однако, ввиду последовавшего распада СССР и СФРЮ, его опубликование произошло лишь во второй половине 1990-х: сначала в Белграде на сербском языке, затем в Москве – на русском. И издан он был как результат совместного проекта теперь уже МИД РФ и МИД Союзной Республики Югославия, которая, объединяя Сербию и Черногорию, существовала в 1992–2003 гг. Телеграмму Молотова от 17 января 1945 г. включили в сборник целиком⁵. Но ее загадочный второй пункт сопровождался примечанием, которое, мягко говоря, оказывалось вовсе неуместным.

Во-первых, уже потому, что примечание начиналось фразой: «Составителям сборника не известно, о каком предложении идет речь». Имелось в виду то исходившее от Тито предложение, ответом на которое была телеграмма Молотова. Это выглядело более чем странным, если еще за восемь лет до сербского издания сборника и за десять лет до русского, в 26-ом томе собрания сочинений Тито, были уже опубликованы сведения, позволявшие существенно прояснить вопрос о содержании упомянутого предложения. Во-вторых, не лучше обстояло дело и с остальной частью примечания: «Армия усташей имела в своем составе в январе 1945 г. около 170 тыс. человек. В связи со сделанным месяцем раньше из Москвы предложением амнистировать четников Тито пошел на то, чтобы амнистия распространилась также и на домобранов и словенских «белогвардейцев». Можно предположить, что эта формулировка Молотова «Павелич и его армия» относилась к воинским частям домобранов»⁶. Такое предположение сразу же выглядело сомнительным. Ведь оно касалось лишь тех домобранов (военнослужащих регулярной армии НГХ), кто принял бы условия амнистии: до середины января сложить оружие и сдаться руководимым Тито властям или вооруженным силам⁷. С чего бы Молотов стал увязывать сдающихся домобранов с Павеличем? Но куда более важным было то, что и эта часть примечания абсолютно не соответствовала фактичес-

ким сведениям, которые гораздо раньше оказались опубликованными в 26-ом томе собрания сочинений Тито.

Что же там опубликовали? Прежде всего, шифротелеграмму, которую, согласно указанной в томе датировке, 15 января 1945 г. Тито послал главе своей военной миссии в Лондоне Владимиру Велебиту. В ней говорилось: «Сообщите представителю: нашим желанием является не только сберечь хорватский народ, но и [сберечь] от разрушения села и города, особенно Загреб. В данном смысле важно, чтобы и сама хорватская армия помогла помешать этому таким образом, что она немедленно восстанет против немцев»⁸. Кроме того, публикуемый документ сопровождался в 26-ом томе весьма существенным примечанием. В нем пояснялось, что телеграмма представляет собой ответ Тито на депешу Велебита от 15 января 1945 г. И что в депеше сообщалось о предложении властей НГХ, переданном через их представителя в Швейцарии. А предложение состояло в том, чтобы соединения советских войск, находившиеся на противоположном берегу Дравы, и соединения армии Тито, оперировавшие в Славонии, помогли нападению на немецкие гарнизоны, которое собираются предпринять военные формирования НГХ⁹.

Из этих фактических сведений следовало, что в середине января 1945 г. у Тито действительно возникло то самое соображение, которое затем отразилось во втором пункте упомянутой телеграммы Молотова от 17 января: использовать армию НГХ, то есть, как отмечено у Молотова, «Павелича и его войска». Использовать в интересах удара по гитлеровским силам. Из тех же сведений становилась ясной и причина, по какой подобное соображение тогда возникло. Наконец, эти сведения давали основания для значительной доли уверенности, что Тито обратился с возникшей идеей к советскому руководству. А оно, как свидетельствовала телеграмма Молотова, одобрило такой замысел.

В историографии, кажется, не встречалось данных о том, по какой причине все перечисленное оказалось полностью проигнорировано при публикации сборника документов о советско-югославских отношениях 1941–1945 гг. И мне трудно судить об этой причине, несмотря на довольно длительное и значительное участие в подготовке сборника. Ибо еще на

рубеже 1980-х – 1990-х гг. меня от занятия сборником неожиданно отставили стараниями упомянутого выше Бухаркина, не переносившего некоторых случаев моего несогласия с ним¹⁰. Впрочем, следом, в условиях краха СССР и СФРЮ, остановилась вся работа над сборником. Когда же она позже возобновилась, у меня, уже не имевшего к ней отношения, не было достаточных сведений, что происходило на ее последнем этапе. Мне не известно, успел ли в ней, хоть на какое-то время, вновь принять реальное участие Петранович, скончавшийся в середине 1994 г., и в какой мере это смогла сделать Вукасович, ушедшая на пенсию. Российская же часть редколлегии, кроме Бухаркина, которому, наконец, удалось ее официально возглавить, теперь вообще состояла из тех, кто почти или вовсе не участвовал в предшествовавшей работе над сборником. Возможно, вся подобная ситуация усиливала сложность учета того, что требовалось перепроверить и откорректировать перед тем, как макет уже должен был быть готов для сдачи в печать. А возможно, для этого не всегда хватало необходимых знаний у кого-то из тех, кто на заключительном этапе был непосредственно причастен к окончательной подготовке издания. Во всяком случае, в итоге в опубликованный сборник попало абсолютно ошибочное комментирование телеграммы Молотова.

Это удалось обнаружить уже после выхода обоих – русского и сербского – изданий книги, когда при ее чтении у меня появилась возможность ознакомиться с конечным результатом проекта, которому некогда пришлось отдать много времени и сил. Но в ходе того, как мною выяснялась ошибочность помещенного в сборнике комментария ко второму пункту телеграммы Молотова, становилась очевидной необходимость более основательного исследования всей истории с вышеупомянутым обращением властей НГХ и ответной реакцией со стороны Тито и Кремля.

В данной связи возникали вопросы, в итоге сводившиеся в три основные группы.

Одна группа касалась расчетов и планов сторон, оказавшихся участницами этой истории: во-первых, ставших ее инициаторами властей НГХ, что в конечном счете означало Павелича; во-вторых, Тито; в-третьих, руководства СССР, что в конечном

счете означало Сталина. В каком виде предлагалось властями НГХ взаимодействие их армии с советскими войсками и силами Тито? На каких организационных основах? Какие политические условия при этом выдвигались или имелись в виду? На что в итоге рассчитывало руководство НГХ? А что имели в виду Тито и Сталин, в чем был расчет каждого из них? Каким конкретно было предложение Тито Кремлю, на которое тот телеграммой Молотова ответил согласием?

Вторая группа вопросов касалась механизма контактов между участниками. Как технически, по каким каналам связи были начаты и должны были продолжаться переговоры между представителями НГХ, с одной стороны, и Тито вместе с Кремлем – с другой? Был ли Кремль готов (а возможно, даже предпочитал) участвовать в данном деле только через посредство Тито? Или в советском поле зрения присутствовала и вероятность, при определенных условиях, контакта прямо с властями НГХ? И рассматривалась ли подобная возможность Павеличем?

Третья группа вопросов касалась действительного хода и итога этих контактов. Было ли у них хоть какое-то продолжение, и в течение какого времени? Если да, то как реально и с какими промежуточными результатами эти контакты протекали? И как в таком случае это оценивалось каждой из участвовавших сторон, как обсуждалось в контактах между представителями НГХ и Тито и между Тито и Кремлем? Когда и как подобная идея лопнула?

В сведениях, опубликованных в 26-ом томе собрания сочинений Тито, не было ответов на эти вопросы. Кроме лишь одного. Помимо примечания к шифротелеграмме Тито Велебиту, пересказанного выше, к той же телеграмме было дано еще одно примечание, в котором говорилось, что властям НГХ выдвинутое ими предложение «по неизвестным причинам не удалось реализовать»¹¹. Иными словами, констатировалось: в итоге из данной затеи ничего не вышло. Но это и так было очевидно, поскольку в реальной истории никакого нападения армии НГХ на немецкие гарнизоны не произошло, а значит, тому, чего не случилось, не могло быть и никакой поддержки со стороны советских войск и сил Тито. Ответы же на все остальные вопросы следовало где-то искать.

В процессе начатого поиска внимание в первую очередь не могла не привлечь появившаяся в 1995 г. на страницах ведущего в Хорватии научного журнала по проблематике новейшей истории статья Ере Яреба, хорватского эмигранта в США, занимавшегося там исследовательской и преподавательской деятельностью в исторической сфере. Ибо статья была озаглавлена «Советские контакты с д-ром Анте Павеличем с сентября 1944 г. по февраль 1945 г.»¹².

Эта работа состояла, по сути, из двух взаимосвязанных частей.

Одна из них представляла собой обзор сведений по обозначенной теме, которые содержались в ряде публикаций, появившихся с начала 1950-х и, по меньшей мере, до начала 1980-х гг. в некоторых западноевропейских и американских изданиях, а главным образом – в изданиях хорватской эмиграции, особенно той, что выступала продолжательницей движения усташей и наследницей НГХ. А другая часть статьи была изложением выводов, сделанных самим Яребом на основе сведений, помещенных им в первой части.

Что касалось первой части, то публикации, данные из которых собрал Яреб, в большинстве случаев являлись публицистическими статьями эмигрантов – бывших деятелей НГХ, включая самого Павелича, или журналистскими интервью с ними. А отдельные авторы либо интервьюируемые, сами не принадлежавшие к категории функционеров НГХ, ссылались на сведения, так или иначе полученные ими в итоге опять-таки от тех же деятелей. Соответственно, излагавшиеся обеими названными категориями лиц данные о событиях истории НГХ приобретали статус непосредственных свидетельств этой истории, включая и ее закулисную сторону, прежде скрытую от публики. Тем самым то, что говорилось в таких публикациях, могло, при желании, истолковываться в качестве исторического источника.

Яреб, сам оказавшийся в эмиграции с 1945 г. вследствие краха НГХ¹³, подходил к тому, что содержалось в упомянутых публикациях, именно как к такому источнику. Всего в его статье использовались сведения из десяти подобных публикаций, не считая того, что некоторые из них, появившись в каком-то из западноевропейских или американских изданий на соответс-

твующем языке, затем повторялись, но в переводе, в хорватских эмигрантских изданиях¹⁴. К этому Яреб добавил в составленный им обзор и такого же характера свидетельства из пары полученных им писем¹⁵.

Все, что в виде подобного обзора привел в своей работе Яреб, не содержало даже намека на событие, документально зафиксированное в 26-ом томе собрания сочинений Тито, а именно – на последовавшее в середине января 1945 г. от властей НГХ предложение о совместном с СССР и Тито военном выступлении против германских войск. Более того, сведения, о которых шла речь в статье Яреба, сводились, так или иначе, к совершенно противоположному по смыслу кругу взаимосвязанных версий о тайных обращениях дипломатических и военных представителей СССР к руководству НГХ, лично к Павеличу в конце 1944 – начале 1945 г. с предложениями о взаимодействии. Оно, по этим версиям, должно было выразиться будто бы в том, чтобы власти НГХ через контролируруемую ими территорию беспрепятственно пропустили советскую военную группировку, оперировавшую тогда в Венгрии, к побережью Адриатического моря. А в качестве фактической платы за это была выражена, как утверждалось, готовность Москвы признать НГХ и даже оказать ему покровительство, не вмешиваясь в его внутреннее устройство, вплоть до сохранения власти Павелича, но при условии свободной деятельности компартии и обязательства не присоединяться ни к каким антисоветским союзам. Однако, согласно тому же кругу версий, полученные предложения предводитель усташского режима отверг.

Все собранные Яребом сведения были просто приведены в его обзоре одно за другим, грубо говоря, сложены в одну кучу, без какой-либо попытки их типологической дифференциации и сопоставительного анализа. Такой подход не соответствовал, помимо прочего, самому характеру включенного в обзор материала. Ибо по поводу того, когда, каким образом и в какой конкретной форме предложения, исходившие, по этим версиям, от советской стороны, поступали к Павеличу, данные из разных свидетельств на самом деле заметно варьировались. А в некоторых случаях прямо противоречили друг другу.

Так, в двух интервью самого Павелича итальянским журна-

листам, в октябре 1952 г. и феврале 1953 г., начало этих контактов советской стороны с НГХ и первые поступившие от СССР предложения отнесены к «концу 1944 г.». В качестве канала, по которому все осуществлялось, назван в одном интервью контакт между «русскими эмиссарами», без какого-либо уточнения, о ком речь, и торговым представительством («делегацией») НГХ в Цюрихе, в другом же интервью – между, как говорилось, «русской дипмиссией» («посланством») в Берне и упомянутым торгпредством НГХ. В первом из интервью утверждалось, что «потом» – без обозначения, когда именно, – Павелич получил и предложения, доставленные ему «двумя офицерами» из советской военной группировки в Венгрии, которые перешли на территорию НГХ «как парламентареры». Но во втором интервью вариант с офицерами-парламентарями и предложениями, которые они доставили, полностью отсутствовал¹⁶. Между тем еще один итальянский публицист, тоже имевший беседу с Павеличем, кратко пересказывая в 1957 г. ее содержание, указывал на свидетельство бывшего главы НГХ о «предложении русских 1945 года». И упоминал лишь об «одном офицере», присланном советским командованием с этим предложением, а о контакте по дипломатическому каналу не было ни слова¹⁷.

К перечисленным публикациям, излагавшим сказанное непосредственно Павеличем, фактически примыкает опубликованная в 1956 г. статья, которая была целиком посвящена версии о советских предложениях, а в качестве ее автора фигурировал бывший гитлеровский вице-адмирал Йоахим Лицманн, в 1943–1945 гг. занимавший командные должности на Адриатике и в Юго-Восточной Европе. Он, как указывалось, пользовался данными, предоставленными ему Павеличем, и статья увидела свет в газете, чьим редактором являлся опять-таки Павелич. Таким образом, последний, в сущности, по меньшей мере инспирировал статью, а скорее всего и определил ее содержание. В ней повторялся прежде всего вариант с предложением советской стороны через торгпредство НГХ в Цюрихе осенью 1944 г., и лишь почти вскользь упоминалось – опять-таки без определенной датировки – о «сходном предложении» от командования советских войск, находившихся в Венгрии «вдоль хорватской границы»¹⁸.

Варьирование данных продолжилось с конца 1950-х годов в течение последующего двадцатилетия статьями или выступлениями трех бывших функционеров усташского режима: Хинко Алабанды, обозначенного просто как «генерал»; Иво Богдана, являвшегося с января 1944 г. до краха усташского режима главным директором по пропаганде в президиуме правительства НГХ; и Ивана Асанчаича, в 1944–1945 гг. главного директора по продовольствию в Министерстве сельского хозяйства НГХ. В этих материалах, тоже приведенных Яребом, получение Павеличем советских предложений датировалось то «осенью 1944 г.» (Алабанда), то «последней фазой войны» (Богдан), то датировка просто отсутствовала (Асанчаич). О том, каким образом предложения передавались, Асанчаич повторил версию о посланном из Венгрии в НГХ советском офицере-парламентере, указав при этом, что он был майором; Богдан писал о направленном маршалом Толбухиным «высшем русском офицере, представившемся как Соколов»; Алабанда же вообще не назвал способа получения Павеличем «сообщения Сталина»¹⁹. Общим во всех трех случаях было, однако, то, что по какой-то неизвестной нам причине ни в одном из них не упоминался контакт через торгпредство НГХ в Цюрихе, фигурировавший у самого Павелича.

Между тем именно контакт через Цюрих, но без указания на участие торгпредства фигурировал и в версии, которая, если верить сведениям, полученным Яребом, исходила от чиновника МИД НГХ Звонимира Цихлара. Сведения сообщил Яребу в переписке с ним в 1960-е – 1970-е гг. Анте Смит-Павелич, довоенный югославский дипломат, еще в 1941 г. эмигрировавший в США и потом ставший довольно заметной фигурой в той части хорватской эмиграции, которая не имела общего с усташами и НГХ. Смит-Павелич утверждал, что от профессора Винко Кришковича, хорватского юриста, политика и писателя, во время войны жившего в Цюрихе, узнал: туда «вскоре после освобождения Парижа» (оно произошло в конце августа 1944 г. – Л.Г.) прибыл Цихлар и «вступил в связь с парижским посольством Советского Союза через его представительство в Берне». Согласно тому, что писал Смит-Павелич Яребу, Цихлар, остававшийся в Цюрихе до начала 1945 г., говорил, хотя и очень скупо, Кришковичу, что «работает с целью признания

НГХ со стороны Советов», в ответ требующих пропустить их войска к Адриатике²⁰.

О Цихларе как вероятном участнике контакта с советской стороной упоминал также Павле Остович, который с довоенного времени был до некоторой степени известен в хорватских общественных и политических кругах, выступал как англофил, а в послевоенной эмиграции стал чуть ли ни первым, кто весной 1952 г. – еще раньше бывшего главы НГХ – пустил в публичный оборот, сначала кратко, версию о сделанном в конце войны советском предложении Павеличу. Позже, весной 1964 г., появилась вторая публикация Остовича об этом, значительно более подробная. В ней он ссылался на услышанный им от Стиепо Перича, работавшего дипломатом НГХ, а с ноября 1943 по апрель 1944 г. министром иностранных дел, пересказ в конце марта 1945 г. только что состоявшейся тогда беседы Павелича с Перичем. Согласно Остовичу, «поглавник», позвав Перича, познакомил последнего с упомянутым советским предложением и уведомил о своем отрицательном ответе. Остович не помнил, кто упоминался в качестве доставившего советское предложение в Загреб. Но полагал, что это был именно Цихлар, пользовавшийся доверием усташского вождя и выполнявший его личные тайные поручения²¹.

Обращает на себя внимание и весьма любопытное различие между собой тех собранных Яребом свидетельств, которые исходили не от Павелича, а от других хорватов, выступивших носителями сведений о будто бы полученном от советской стороны предложении. Так, в названных выше статьях и выступлениях Алабанды, Богдана и Асанчаича ничего не говорилось о том, когда, как, от кого и при каких обстоятельствах каждый из них узнал о таком предложении. В противоположность тому, в свидетельствах двух других лиц, не являвшихся функционерами НГХ, такого рода данные присутствовали.

Одним из этих двух был Остович. Как видно из уже изложенного выше, он в своей второй публикации прямо называл все подобные сведения применительно к собственному случаю. Другим таким примером из материалов, приведенных Яребом, являлась версия, изложенная Иво Сивричем, священником небольшого католического хорватского прихода в одном американском городке вблизи Питтсбурга. Сиврич, как он уверял,

пересказывал то, что услышал в октябре – ноябре 1956 г. от хорватского писателя и известного деятеля в сфере подготовки энциклопедических изданий Мате Уевича. А тот говорил о своей беседе с Павеличем, произошедшей в конце войны. Сиврич написал об этом в статье, подготовленной им в 1977 г. для одного американского научного исторического журнала, но опубликованной, с небольшими коррективами, лишь в 1980 г. в хорватском эмигрантском издании. Он рисовал картину, как Павелич, пригласив Уевича, познакомил того с полученным советским предложением и уведомил о своем отрицательном ответе²².

Заметим, что изложенное Сивричем очень напоминало изображенную еще раньше Остовичем ситуацию с приглашением Павеличем Перича. Но как говорилось у Остовича, он услышал от Перича историю о беседе с Павеличем в конце марта 1945 г. сразу после беседы. Сиврич же ссылаясь на то, о чем Уевич ему рассказывал в октябре – ноябре 1956 г., между тем как сама беседа Павелича с Уевичем произошла, согласно написанному Сивричем, в октябре или ноябре 1944 г., т.е. 12 годами раньше. Если дело было так, то подобный интервал во времени мог сам по себе отнюдь не способствовать точности воспоминаний. Во всяком случае, сам Яреб отметил, что датировка беседы Павелича с Уевичем, фигурировавшая у Сиврича, была подвергнута сомнению. Ибо Сиврич написал, что названная беседа происходила во время болезни Павелича – воспаления вен. Но в конце 1970-х гг. появилось публичное утверждение, что болезнь имела место не в октябре – ноябре 1944 г., а в январе – феврале 1945 г. Будучи уверен в достоверности данного утверждения, Яреб посчитал «несомненным», что именно в январе или феврале 1945 г. и состоялась беседа Павелича с Уевичем²³. Но в таком случае напрашивается вывод, что по меньшей мере датировка этого события была то ли Уевичем, то ли Сивричем передана неверно.

Бросается в глаза еще одно важное обстоятельство. В большинстве свидетельств, собранных вместе Яребом, в том числе, что особенно существенно, ни в одном из интервью самого Павелича, не приводилось никаких данных о конкретной форме будто бы полученных главой НГХ советских предложений, не говоря уж о каком-либо их цитировании. Исключений было всего три, если, как мы увидим чуть ниже, на самом деле ни два.

Одним являлась вторая, расширенная публикация Остовича. В ней ее автор писал о рассказе Перича, как тому во время упомянутой встречи с Павеличем «поглавник» дал прочитать письмо «русского дипломата Богомолова, от имени Советского Союза извещавшего Павелича, что Советский Союз признал бы НГХ на следующих условиях». Далее следовало перечисление тех условий, о которых уже упоминалось выше: пропуск советских войск через НГХ на побережье Адриатики; свобода деятельности компартии в НГХ; обязательство НГХ никогда не вступать ни в какой антисоветский союз. Однако все это в названной публикации Остовича не цитировалось, а просто пересказывалось со ссылкой на услышанное от Перича²⁴.

Другим из исключений, о которых идет речь, являлась упомянутая выше статья, чьим автором значился Лицманн. В ней, в отличие от написанного Остовичем, а тем более от остальных приведенных Яребом материалов, цитировался некий текст, представлявший собой, как утверждалось, «дословно» советское предложение. Он гласил: «Вам нужно хорватское государство. Мы не имеем ничего против. Если вы согласитесь на наше предложение, мы признаем хорватское государство и не будем ничего предпринимать против него. Ваш режим нас не интересует, и вы получите нашу поддержку. Нам нужен доступ к Адриатическому морю и потому проход наших частей через вашу территорию, притом таким образом, чтобы во время прохода наших частей не раздался ни один выстрел по ним с вашей стороны». При этом в статье Лицманна указывалось, что цитируемый текст был ее автору «позднее представлен для ознакомления Поглавником»²⁵. Очевидно, термин «позднее» означал, что Павелич познакомил Лицманна с текстом «советского предложения» не «осенью 1944 г.», когда, как говорилось в статье, такое предложение поступило, а впоследствии. Но в статье не обозначалось, когда именно. И что гораздо существеннее, в ней не было ни слова о том, представляет ли собой приведенная цитата весь документ, будто бы полученный Павеличем, или только фрагмент из него.

Таким образом, если в случае с первым из этих исключений были обозначены форма советского предложения («письмо»), и кем оно направлено (А.Е. Богомолов был послом СССР во Франции), но отсутствовало какое-либо цитирование письма,

то во втором случае, наоборот, приводилась некая цитата, но без объяснения, из какого документа и кем присланного. Более того, у Остовича не упоминалось ни о каких характеристиках «письма Богомолова»: на каком языке написано, имелась ли подпись отправителя, было ли письмо рукописным или машинописным, как было датировано, кто был непосредственно обозначен в качестве адресата и с каким титулом. Разумеется, отсутствовало какое-либо упоминание обо всех такого рода характеристиках и применительно к документу, цитата из которого фигурировала у Лицманна, поскольку там вообще ничего не говорилось, что это за документ.

Третьим из исключений можно было бы считать публикацию Алабанды, в которой приводилась та же, что в статье, подписанной Лицманном, цитата из будто бы советского предложения. Но еще Яреб заметил, что Алабанда, чей материал появился через два с лишним года после статьи Лицманна, похоже, просто заимствовал из нее эту цитату, а сам не знакомился с подобным документом²⁶. Во всяком случае, по сравнению с названной статьей не было в публикации Алабанды каких-либо дополнительных сведений о документе.

В итоге, даже когда речь о вышеназванных исключениях, а тем более если иметь в виду другие собранные Яребом материалы, в них фактически не было таких конкретных деталей, которые хоть в какой-то мере могли бы свидетельствовать в пользу достоверности содержащихся там данных. Отсутствие подобных деталей скорее способно, наоборот, заронить сомнение в достоверности. Не говоря уж о том, что по поводу сведений, приведенных Остовичем, подобное сомнение усиливается при сравнении первой (краткой) и второй его публикаций. Ибо требования пропустить советские войска через НГХ к Адриатике, которым начинался список условий, содержащихся, согласно второй из публикаций, в «письме Богомолова», вовсе не было в первой из них²⁷. Обращает, кстати, на себя внимание, что такое требование вовсе не фигурировало в публикации Сиврича. По его версии, Павелич сказал Уевичу, что «единственная вещь, которую русские от нас требовали, состояла в том, чтобы мы им, соответственно их кораблям, предоставили свободный доступ в наши порты, такие как Риека, Сплит, Груж и Бока Которская»²⁸.

В любом случае, то, о чем шла речь в публикациях, приведенных в статье Яреба в качестве свидетельств, являлось совершенно голословным, не подкрепляемым никакими иными документами. И к тому же все исходило – по крайней мере, с полной очевидностью применительно к большинству этих свидетельств – из одного и того же источника: от Павелича. Ведь помимо его собственных послевоенных интервью, упоминавшихся выше, именно он был назван источником сведений, содержащихся в публикациях Лицманна, Остовича и Сиврича: у Лицманна – из первых рук, у двух других – из вторых рук. И вряд ли Алабанда, Богдан и Асанчаич, приводившие сведения о советских предложениях, могли их узнать, будь то в конце войны или после нее, от кого-либо, кроме опять-таки Павелича. А что он показывал (если действительно показывал) Перичу и Лицманну в качестве текстов с этими предложениями, осталось совершенно неясным. Особенно ввиду отмеченного выше полного отсутствия в публикациях Остовича и Лицманна фактических деталей, которые бы позволяли хоть в какой-то мере судить о том, что же имело место на самом деле.

Особое внимание привлекает уже упомянутая формулировка о предпринятых Цихларом усилиях «с целью признания НГХ со стороны Советов», содержащаяся, со ссылкой на Кришковича, в одном из писем Смит-Павелича Яребу. Ибо она весьма отличалась от всех других собранных Яребом сведений на эту тему, указывавших на советскую инициативу в установлении контакта с руководством НГХ. Такая формулировка фактически оставляет, по меньшей мере, неясным, чьей была инициатива, а то и может восприниматься как свидетельствующая скорее об инициативе НГХ. Более того, сообщая Яребу о сведениях, полученных от Кришковича, а последним, как тот утверждал, – от Цихлара, Смит-Павелич писал: «Добавлю, что советское требование о выходе к Адриатике появилось в более поздней фазе (контактов. – Л.Г.), думаю, к концу 1944 г., и что Анте Павелич колебался, платить ли эту цену за признание»²⁹. Такое изображение событий и вовсе противоречило тому, что после войны публично излагалось как самим бывшим главой НГХ, так и большинством остальных, чьи публикации были собраны Яребом в качестве свидетельств очевидцев.

Наконец, утверждения о контакте между СССР и НГХ в 1944–1945 гг. через советское диппредставительство в Швейцарии, содержащиеся в интервью Павелича и в услышанной Смит-Павеличем от Кришковича версии по поводу миссии Цихлара, просто противоречили факту тогдашнего отсутствия дипломатических отношений между СССР и Швейцарией.

Однако, почти все рассмотренные выше случаи варьирования, нестыковок и противоречий между сведениями, содержащимися в разных материалах, приведенных в первой части статьи Яреба, равно как противоречия этих сведений бесспорным, общепризнанным фактам исторической реальности 1944–1945 гг., не были отмечены в статье. Хотя Яреб относился к названным материалам как к источнику, тем не менее, при их обзоре в первой ее части они не стали объектом ни источниковедческого анализа, ни вообще конкретного и сопоставительного исследования. И вопрос, достоверно или нет то, что в них излагалось, даже никак не затрагивался, а уж тем более не обсуждался. Просто вторая часть статьи, постулировавшая собственный взгляд Яреба по поводу комплекса версий, представленных в первой части, начиналась сразу же с безоговорочного, не требующего никаких подтверждений тезиса: «Нет сомнения, что Советы, соответственно Иосиф Сталин, вступили в контакт с д-ром Анте Павеличем в течение осени 1944 г. и первых месяцев 1945 г.». И повторялось содержавшееся в подавляющем большинстве упомянутых версий утверждение: «Сталин предлагал дипломатическое признание хорватского государства и режима Павелича при определенных условиях. Главным условием был свободный проход советской армии из Венгрии к Адриатике. Вместе с тем требовалось дать возможность свободной деятельности Коммунистической партии Хорватии и обещать, что Хорватия никогда не присоединится к какому-либо антикоммунистическому союзу»³⁰.

При этом в качестве бесспорных истин Яреб воспринял и значительную часть тех соображений о целях Москвы, которыми авторы приведенных им публикаций сопроводили свои версии о подобном предложении.

Павелич в послевоенных интервью, о которых шла речь выше, пустил в оборот точку зрения, что советская сторона стремилась прежде всего обеспечить беспрепятственный вы-

ход своих войск через территорию НГХ к адриатическому побережью, чтобы занять Триест, опередив западных союзников, чьи силы медленно продвигались на север Италии³¹. Такое объяснение целей руководства СССР было подхвачено в статьях и выступлениях Лицманна, Алабанды, Богдана, Асанчаича, связанных с бывшим главой усташского режима. Причем дело изображалось так, будто для обеспечения интересов западных союзников в отношении Триеста чуть ли ни ключевым оказался отказ Павелича от предложения Москвы. Более того, у Лицманна и – со ссылкой на Павелича – у Богдана говорилось, что руководитель НГХ, воспрепятствовав проникновению советских войск к Адриатике и Средиземноморью, вообще предотвратил установление коммунистической власти в Италии и чуть ли даже ни во Франции. Алабанда шел еще дальше: у него в качестве целей выхода советских сил на Адриатику фигурировали «занятие Триеста, окружение и оккупация всей Германии с юга, оккупация Италии и после этого Франции»³². Богдан особо заявлял о трех целях Сталина, преследовавшихся предложением Павеличу. В качестве первой тоже называлось стремление «опередить западных союзников и занять Северную Италию до них». Но в качестве второй – «воспрепятствовать эвентуальной высадке [западных] союзников на хорватское побережье». А в качестве третьей – ни много ни мало – «обеспечить контроль на европейском юго-востоке с помощью Хорватии и Болгарии»³³. Никаких документальных подтверждений и вообще доказательств какой-либо из этих версий не приводилось, все были голословны. Лишь Богдан и только по поводу якобы наличия третьей из целей, приписанных им руководителю СССР, пытался обосновать это исключительно общими рассуждениями. О том, что «старое и неизбежное» взаимное соперничество Болгарии и Сербии как главных русских экспонентов на Балканах должно было вызывать у Сталина опасение «трудностей в будущем с сербами». А что контроль над Болгарией, уже оккупированной в начале сентября 1944 г., и Хорватией, если бы она тоже была поставлена в зависимость от СССР, облегчал бы задачу справиться с подобными трудностями³⁴.

Хотя Яреб по поводу этой, как он ее безоговорочно именовал, документации счел нужным осторожно оговорить, что

в основном опубликованная в 1950-е гг., в условиях холодной войны и попыток Павелича политически активизироваться, она, «вероятно (выделено Яребом. – Л.Г.) слишком акцентирует хорватскую роль в спасении интересов западных союзников»³⁵, однако в статье не было и намека на сомнение или тем более критику по поводу конкретных положений приведенных выше версий. Автор статьи даже не ставил никаких вопросов, неизбежно возникавших в связи с теми или иными из этих положений. Например: как утверждения о целях Москвы в отношении Италии и Франции, вплоть до постулата Алабанды о советском намерении оккупировать их, соотносились с реальной ситуацией осени 1944 – начала 1945 г., если тогда в обеих упомянутых странах уже сражались войска западных союзников? Могло ли якобы намерение Сталина занять Триест и даже, как утверждал Богдан, вообще Северную Италию, опередив западных союзников и вторгаясь в сферу их средиземноморского театра военных действий, совмещаться с главной для СССР задачей ведения продолжавшейся войны с гитлеровской Германией? Означал ли тезис о советской цели, захватив Триест, оккупировать всю Германию с юга, что выдвинувший этот тезис Алабанда всерьез считал СССР способным и, главное, решившим справиться с нацистским рейхом в одиночку, игнорируя союзников? Наконец, откуда те, кто выдвигал эти версии, вообще могли знать о названных ими намерениях Сталина?

Не задаваясь такими вопросами, Яреб в своей статье, наоборот, сам столь же произвольно приписывал советскому руководителю те или иные конкретные цели. Так, в статье давалась оценка, что в «наибольшей мере приблизился к сути соображений Сталина» Богдан³⁶. Автор статьи даже, что называется, подправлял схему Богдана в том, какое место по степени важности отводил Сталин каждой из трех целей, фигурировавших в этой схеме. Яреб считал, что для лидера СССР более важной являлась цель, поставленная у Богдана третьей («обеспечить контроль на европейском юго-востоке с помощью Хорватии и Болгарии»), и ее нужно переставить на первое место, а цель занятия Северной Италии – с первого на третье³⁷.

Эти голословные выкладки сопровождались рассуждениями о двух, по мнению Яреба, непосредственных задачах, сто-

явших осенью 1944 – в начале 1945 г. перед Сталиным. Главной будто бы было «уменьшить или подорвать значение Тито и в итоге устранить его с поста генерального секретаря Коммунистической партии Югославии и, таким образом, с ведущей позиции в Югославии». А вторая задача состояла в том, чтобы «обойти соглашение с Черчиллем, достигнутое в Москве 9 октября 1944 г., о равном разделе влияния в Югославии между западными великими державами, Англией и Америкой, и Советским Союзом»³⁸. Но как подобные задачи могли быть связаны с теми предложениями, которые, как утверждалось, Павелич получил от советской стороны, из рассуждений Яреба оставалось совершенно неясным³⁹. Не говоря уж о том, что тезис об определяющем для Сталина в то время стремлении устранить Тито являлся просто абсурдным. Яреб здесь основывался на самых одиозных образцах той версии, которая была запущена официальной югославской пропагандой в условиях разразившегося в 1948 г. конфликта Сталин – Тито и затем долго сказывалась в югославской историографии, подконтрольной коммунистическому режиму. При этом его статья демонстрировала то ли незнание, то ли игнорирование исследований и документальных публикаций, уже ставших появляться в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и свидетельствовавших о несостоятельности упомянутой версии.

В том числе, что особенно важно, Яреб не знал, если ни игнорировал, опубликованное в 26-ом томе собрания сочинений Тито и уже неоднократно упоминавшееся выше документальное свидетельство о последовавшем в середине января 1945 г., наоборот, от НГХ предложении о совместном с СССР и Тито военном выступлении против германских войск. Между тем, оно серьезнейшим образом подрывало все версии, исходившие от Павелича и связанного с ним круга. И уж во всяком случае, должно было служить веским основанием для того, чтобы эти версии не переносить легковерно, без всякого профессионального критического подхода, в научную историографию.

Однако в 2002 г. во 2-ом издании «Истории Независимого Государства Хорватия», написанной для широкого круга читателей известным хорватским историком Хрвое Матковичем, появился, со ссылкой на статью Яреба, небольшой раздел «Со-

ветские предложения поглавнику Павеличу». А в нем кратко, в подчеркнуто «фактологическом» ключе, перелагалось основное содержание комплекса версий, который был собран в той статье⁴⁰.

Тем временем, работая по различным темам в архивах России и постюгославских государств, мне постепенно удалось найти некоторые документы, проливавшие дополнительный свет на историю с предложением властей НГХ в январе 1945 г. о взаимодействии с Тито и СССР.

Одна находка обнаружилась в бывшем Архиве Тито, ставшем составной частью исторического Архива Югославии в Белграде. Там среди депеш (радиотелеграмм), которыми обменивались Тито и ряд югославских деятелей в конце 1944 – начале 1945 г., обнаружилась та самая депеша Велебита от 15 января 1945 г., на которую Тито в этот же день послал ответ, опубликованный в 26-ом томе собрания сочинений. Депеша Велебита гласила: «Генерал Илич сообщает. Представитель Павелича в Швейцарии предложил, что они готовы напасть на немецкие гарнизоны в Хорватии, если им поможет Красная Армия на Драве и наши силы (т.е. силы Тито. – Л.Г.) в Славонии. Условием является сберечь хорватский народ. Поглавник нам сообщает, что они революционеры, славяне и антикапиталисты. Представитель в Швейцарии ждет нашего ответа»⁴¹. Илич исполнял обязанности главы военной миссии Тито во Франции. Видимо, у него в тот момент не было радиосвязи с Белградом, и он посылал сообщения по связи с Велебитом в Лондоне.

Другая находка была сделана в архиве в Москве. Это сообщение, которое Тито, получив депешу Велебита, направил Молотову. Сообщение югославский коммунистический лидер передал в военную миссию СССР в Белграде, а исполнявший обязанности руководителя миссии генерал Лотоцкий передал его от своего имени в Москву. В телеграмме Лотоцкого содержалась информация о полученном Тито «через французов» (т.е. через военную миссию Тито во Франции) сообщении о предложении Павелича. И излагалось мнение Тито о целесообразности использовать 150-тысячную армию НГХ для борьбы против немцев, но, не заключая никакого соглашения с Павеличем⁴². На эту телеграмму Молотов и ответил в вышеупомянутой шифровке от 17 января 1945 г., что Москва соглас-

на с мнением Тито. Шифровка была послана на имя Тито через Лотоцкого.

Таковы реальные документы о попытке Павелича предложить взаимодействие советской стороне и Тито. Они раскрывают картину, совершенно противоположную остающимся голословным версиям Павелича и его круга о советском предложении. А выяснение того, на что рассчитывал Павелич, на самом деле обращаясь со своим предложением, является задачей дальнейшего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Arhiv Josipa Broza Tita, KMJ I-3-b/585.

² Этот сюжет достаточно хорошо известен в историографии. В том числе он рассматривался и мною, например, в кн.: Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 501–504.

³ Эта четверка – Петранович, Вукасович, Гибианский, Бухаркин – была в такой последовательности обозначена Петрановичем в качестве авторов (на самом деле – основных составителей и редакторов) хранившегося у него 2000-страничного экземпляра машинописного макета сборника. См.: *Lončar D., Đimić Lj.* Branko Petranović: bibliografija i biobibliografija. Beograd, 1996. S. 173 (Br. 951).

⁴ *Broz Tito J.* Sabrana djela. T. 26: 14. januar – 28. februar 1945. Beograd, 1988.

⁵ Отношения Югославије и Русије (СССР). 1941–1945: Документи и материјали. Београд, 1996; Отношения России (СССР) с Югославией. 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998. И там, и там телеграмма Молотова, о которой идет речь, опубликована как документ под номером 526 (в сербском издании – с. 670, в русском – с. 403).

⁶ В обоих – сербском и русском – изданиях сборника это примечание имеет номер 1026 (его текст в сербском издании – с. 918, в русском – с. 596). Примечание цитируется здесь по русскому изданию.

⁷ Об амнистии и ее условиях см.: *Zapisnici NKOJ-a i Privremene vlade DFJ 1943–1945 / Priredili B. Petranović, Lj. Marković.* Beograd, 1991. I deo: Zapisnici. Dok. 18. S. 62; II deo: Prilozi. Dok. 84–86. S. 461–465.

⁸ *Broz Tito J.* Op. cit. T. 26. S. 14.

⁹ Ibid. S. 137 (nap. 33).

¹⁰ Когда дело дошло до издания сборника, Бухаркин пытался исключить упоминание о моем участии в подготовке этой публикации не только при официальном оформлении состава редколлегии, но даже при перечислении составителей. Последнее ему не удалось.

¹¹ *Broz Tito*, J. Op. cit. T. 26. S. 137 (nap. 34).

¹² *Jareb J.* Sovjetski dodiri s dr. Antom Pavelićem od rujna 1944. do veljače 1945. // *Časopis za suvremenu povijest*. 1995. Br. 1.

¹³ О жизненном пути Яреба см. его автобиографическое интервью известному хорватскому историку Хрвое Матковичу в 2002 г.: *Razgovor s dr. Jerom Jarebom u povodu 80. godišnjice njegova života* // *Časopis za suvremenu povijest*. 2002. Br. 3.

¹⁴ *Jareb J.* Op. cit. S. 8–18, 21–23.

¹⁵ *Ibid.* S. 19–21.

¹⁶ *Ibid.* S. 11, 12.

¹⁷ *Ibid.* S. 21.

¹⁸ *Ibid.* S. 12–14.

¹⁹ *Ibid.* S. 15, 21–22, 23.

²⁰ *Ibid.* S. 19.

²¹ *Ibid.* S. 8–10.

²² *Ibid.* S. 16–18.

²³ *Ibid.* S. 17.

²⁴ *Ibid.* S. 9.

²⁵ *Ibid.* S. 13.

²⁶ *Ibid.* S. 21–22.

²⁷ См.: *Ibid.* S. 9.

²⁸ *Ibid.* S. 18.

²⁹ *Ibid.* S. 19.

³⁰ *Ibid.* S. 25.

³¹ *Ibid.* S. 11, 12.

³² *Ibid.* S. 14, 15, 22.

³³ *Ibid.* S. 15.

³⁴ *Ibid.* S. 15–16.

³⁵ *Ibid.* S. 25–26.

³⁶ *Ibid.* S. 26.

³⁷ *Ibidem.*

³⁸ *Ibidem.*

³⁹ *Ibid.* S. 26–30.

⁴⁰ *Matković H.* *Povijest Nezavisne Države Hrvatske*. Drugo, dopunjeno izdanje s koloriranim prilogom. Zagreb, 2002. S. 234–236.

⁴¹ *Arhiv Jugoslavije*, KMJ I-3-b/991. S. 89.

⁴² Когда я смог ознакомиться с телеграммой Лотоцкого в Российском государственном архиве социально-политической истории в фонде Молотова (ф. 82), она не была открыта для свободного доступа исследователей.

А.С. Аникеев

ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК
СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКОГО КОНФЛИКТА
1948 г. НА ПЕРЕГОВОРАХ ВЫСШИХ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ СССР И ЮГОСЛАВИИ
В 1950–1970-е ГОДЫ

Проблема советско-югославского конфликта, объективные и субъективные причины его возникновения оставались для советских и югославских руководителей актуальными на протяжении долгих лет после нормализации двусторонних отношений. Для Кремля, который пошел в 1950-е гг. по инициативе Н.С. Хрущева на восстановление связей с Югославией, это было связано с расчетами на ее отрыв от Запада и возвращение в советский блок. Для югославского руководства восстановление отношений с СССР представляло собой объективную необходимость: снятие угрозы с Востока, условие и способ существования в биполярном мире, возможность реализации нового внешнеполитического курса. Одной из целей, которую также преследовал Тито, была, по возможности, коррекция взглядов советского руководства на характер отношений в социалистическом мире, стремление убедить его признать право каждой страны на свой способ строительства социализма. Однако венгерские события, а затем и новая программа СКЮ показали, что Москва не сможет в обозримом будущем бесконфликтно принять югославскую модель в качестве параллельной, а тем более универсальной. «Культуртрегерская» миссия Тито в отношении Москвы оказалась безуспешной. Хрущев не воспринял его идей, настаивая на принятии советских представлений о социализме. Та же стратегия, несколько модифицированная, была продолжена и в период правления Л. Брежнева, несмотря на заключенные договоренности в 1971 и 1976 гг., согласно которым Москва соглашалась больше не критиковать югославскую модель со-

циализма и не поднимать вопрос о ее возвращении в социалистический лагерь. Обсуждение этой проблематики почти всегда начиналось с событий 1948 г., причин, приведших к их возникновению. Советская сторона, признав ошибочность второй, ноября 1949 года, резолюции Информбюро, долгое время настаивала на правоте первой резолюции, продолжая опираться на ее содержание в критике «югославского ревизионизма». В данной статье мы попытаемся показать характер и особенности этой дискуссии, которая велась на протяжении нескольких десятилетий.

Возникновение острого противостояния между советским и югославским руководством в 1948 г. стало первым открытым проявлением неспособности Москвы бесконфликтно управлять создаваемым лагерем социалистических стран. С открытием новых документов и переоценкой прежних представлений о событиях того периода, все более очевидным, становится, помимо прочего, что этот «сбой» обозначил и главную проблему сталинской внешней политики: невозможность выработки кремлевским руководством разумной и гибкой стратегии управления этим лагерем, с привлечением в качестве основы межгосударственных отношений принятой в цивилизованном мире правовой практики, а не сталинско-ленинской идеологии с ее иерархическими принципами и коминтерновского репрессивного инструментария.

Первые сигналы, говорившие о возможном скором изменении отношений двух стран, появились еще в 1952 г. Если верить поступившему в Белград 20 июня от югославского посла в Вашингтоне Владимира Поповича сообщению, то неназванный советский дипломат в разговоре с норвежским военным атташе сказал, что советско-югославский конфликт не такая «серьезная вещь, и скоро обе стороны дружески пожмут друг другу руки»¹. Варианты нормализации двусторонних отношений стали обсуждаться в Белграде только после кончины Сталина. Так, в июне 1953 г., когда там получили сигнал из Москвы о готовности восстановить в полном объеме дипломатические связи, И. Броз-Тито в беседе с бывшим американским послом в Москве Дж. Дэвисом, обсуждая эту перспективу, отмечал, что СССР больше не сможет вернуть своих прежних позиций в Югославии, которая никогда не станет его «довеском»². Раз-

вернутая программа югославских условий возможной нормализации, как и сохраняющихся претензий к Кремлю, была представлена Тито накануне предстоящего обмена послами. В его выступлении 14 июня содержались некоторые тезисы, которые и позднее продолжали варьироваться в аргументации югославского руководства. Во-первых, важным было заявление о неготовности югославов полностью доверять Москве после всего того, что «она сделала Югославии на протяжении последних четырех лет». Было сказано и о продолжающемся искажении образа Югославии в средствах массовой информации. Характерной была оценка внешней политики СССР, основой которой, по мнению югославского руководителя, оставалось «сталинское понимание силы как ведущего фактора в мире». Затронул Тито и вопрос о воздействии конфликта на отношения Югославии со странами «народной демократии», указав, что югославская сторона сожалеет о том, что сталинская политика «разбила» то, что Белград строил после 1945 г. в направлении сближения с этими странами, установления сотрудничества с ними. Тито отметил, что югославское разочарование таким развитием событий понятно, но еще большее сожаление должны были испытывать те в руководстве стран советского блока, кто не решился пойти по югославскому пути, по пути самостоятельного управления своей страной³. Эти слова югославского руководителя свидетельствовали о том, что он и его окружение все это время рассчитывали на возможность такого развития событий. Расчеты на то, что этот фактор положительного примера югославской модели социализма может быть «активирован» в условиях начавшейся нормализации, не оставляли Тито и его окружение и в ходе последующих контактов с лидерами СССР и стран советского блока, о чем косвенно свидетельствует характер общения югославов с руководством социалистических стран в последующие годы.

Главными условиями для начала нормализации отношений югославы называли снятие экономической блокады странами советского блока, прекращение провокаций на границах и отмену пропагандистского радиовещания. Об этом говорил и сам Тито, и люди из его окружения в 1953 г. Югославы считали, что, пережив самые страшные годы конфликта, когда можно было ожидать и военной агрессии, они могут разгова-

ривать с русскими даже более уверенно, чем раньше, требовать и предъявлять претензии, еще более последовательно защищать свои интересы. Постоянная проекция проблем конфликтного периода на ситуацию первых лет нормализации была характерна для поведения как югославской, так и советской стороны. Москва пыталась определить категорию стран, в которую ей следовало поместить Югославию. По кремлевским нормам после стольких лет пребывания вне лагеря она не могла быть отнесена к социалистическим странам. Было решено, в том числе и по причине неоднозначной оценки конфликта и начавшейся борьбы за лидерство в ЦК, поместить ее в ранг буржуазных государств. Это устраивало в первую очередь одного из главных инициаторов конфликта – В. М. Молотова, уверенного в справедливости резолюций Коминформа⁴.

Долгие дискуссии в советском руководстве вокруг того, как следует выстраивать отношения с Югославией дальше, определили затянувшийся процесс нормализации. Не следует забывать, что часть советской партийной элиты еще несколько лет назад принимала участие в разработке документов, способствующих разрастанию конфликта. Им было очень сложно отказаться от сложившихся за эти годы представлений о югославских «ревизионистах». В феврале 1954 г. в информационной записке, подготовленной в ЦК, Югославия определялась как капиталистическое государство, ее внутренняя и внешняя политика называлась буржуазной, которая, однако, прикрывалась социалистической фразеологией с «целью дезориентации и обмана народных масс»⁵.

Вместе с тем, уже к лету этого года в Кремле под влиянием Хрущева произошла относительная консолидация представлений о содержании и рамках советской политики по отношению к Югославии. Одной из причин ускорения процесса стало окончательное оформление Балканского пакта, предусматривавшее и договоренности об оказании взаимной помощи в случае агрессии против стран участниц блока. Это обстоятельство, несомненно, беспокоило советское руководство. Другим фактором, способствующим сближению, стало удаление в начале 1954 г. из югославского руководства М. Джиласа. В. Молотов, один из противников нормализации без постановки жестких условий, встречаясь в конце января того года

с послом Югославии в Москве Д. Видичем, который в разговоре коснулся и этого события, прокомментировал его следующим образом. Он сказал послу, что Джилас «увлекался Западом и проявлял большую недоброжелательность к Советскому Союзу, а принятые в отношении него меры будут содействовать налаживанию отношений между Югославией и Советским Союзом»⁶.

Повлиять на темп оформления во второй половине 1954 г. трехстороннего блока на Балканах в составе Греции, Турции и Югославии Москва не могла: 9 августа в Бледе был подписан Балканский пакт, а затем 5 октября и Лондонский Меморандум по Триесту. Югославия решила свою главную внешнеполитическую проблему, стоявшую на повестке дня с 1945 г. Югославские дипломаты в Москве объясняли советским, что политика Белграда являлась в тот период вынужденной, и альтернативы поиску выхода из внешнеполитической изоляции не было. Как сообщал Д. Видич М. Зимянину, они «вынуждены были вести переговоры с буржуазными государствами, применяя при этом сложные маневры»⁷.

Теперь в Белграде чувствовали себя увереннее и могли спокойно слушать пожелания Москвы и рассказывать советским товарищам, почему пришлось заключать договор с Грецией и Турцией, заверяя их еще раз, что Пакт не направлен против СССР и социалистического лагеря. В Москве, в итоге, с пониманием отнеслись к этому, и, кажется, поверили югославам. В 1956 г. Хрущев скажет Тито, что поскольку у нас с вами дружеские отношения, то пакт превращается в мыльный пузырь, и рвать вам его не следует, «он погибнет в свое время, как погибнет НАТО и другие пакты»⁸.

Осень 1954 г. стала в Москве временем выработки возможного компромиссного проекта нормализации отношений с Югославией, а в Белграде ожиданием его появления. С одной главной оговоркой – мы готовы к улучшению отношений, но не собираемся возвращаться в советскую орбиту.

Конец 1954 г. показал, что советское руководство готово было принимать югославские условия нормализации. Тито в ноябре, коснувшись конфликта 1948 г., который он оценил как итог сталинской политики, подчеркнул, что советская инициатива, направленная на нормализацию отношений, под-

тверждает, что «мы не были шпионами, агентами других государств, предателями социализма»⁹.

Первая половина 1955 г. была посвящена подготовке к визиту советской делегации в Югославию. В ходе обсуждения директив к переговорам Молотов предлагал внести в документы требование выхода Югославии из Балканского пакта, присоединения к Варшавскому договору и возобновления советско-югославского договора 1945 г.¹⁰

В речи на белградском аэродроме 26 мая 1955 г. Н. Хрущев, коснувшись конфликта 1948 г., впервые сказал, что советская сторона искренне сожалеет о том, что произошло, и решительно отмечает все наслоения этого периода. Здесь же он еще раз озвучил уже изложенную ранее в переписке версию о роли Берии, Абакумова и других, которые сфабриковали материалы, положенные в основу обвинений югославского руководства. Тема восстановления межпартийных связей не была забыта, и Хрущев сказал о том, что интересы рабочих и крестьян, интересы международного рабочего движения требуют от деятелей коммунистических и рабочих партий установления взаимного доверия между этими партиями на основе принципов марксизма-ленинизма¹¹.

Версия ответственности Берии и Абакумова вновь поднималась на начавшихся 27 мая переговорах. С югославской стороны тема была затронута С. Вукмановичем-Темпо, которого в связи с советскими попытками возложить всю ответственность на этих людей интересовала возможная перспектива повторения такого рода событий уже в отношениях Москвы с другими странами, угроза военных действий против той из них, в которой, по его выражению, будет обнаружен «бухаринский уклон», как это произошло с Югославией в 1948 г.¹² Ясного ответа на это вопрос он не получил, но один из членов советской делегации заявил, что Кремль отказывается от резолюции 1949 г., но о «резолюции 1948 г. мы не можем сказать, что это была неправильная критика». Тито в ответной реплике отметил, что до «разрыва 1948 г. дошло, и это главный момент на основании необоснованной, а, можно сказать, неточной информации». Он остановился также на призыве Информбюро в конце 1948 г. к югославской компартии и народу сменить руководство, назвав это вмешательством в дела Югос-

лавии. «Это не было функцией Информбюро, но внутренним вопросом партии и народа», – подчеркнул он¹³. Его развернутое выступление, посвященное анализу причин возникновения конфликта, было попыткой взглянуть с разных сторон на весь комплекс связанных с этим спором проблем. Он отметил, в частности, во время переговоров второго дня, что и раньше были, по его выражению, «определенные несогласия и в ходе войны, а особенно по результатам Ялтинской конференции»¹⁴. Булганин прокомментировал связанный с советско-британскими договоренностями в Ялте вопрос о разделе сфер влияния в Югославии (как подчеркнул Тито репликой – «фифти-фифти») не как советское намерение захватить Югославию, но стремление помочь там революционному движению, действуя вопреки стратегии англичан, готовых высадиться на территории Югославии и восстановить там монархию¹⁵. Хрущев во второй день переговоров также коснулся этой темы, отметив, что Сталин не предполагал таким образом вести переговоры с Черчиллем, но «форма была обидной» и действительно давала югославам право говорить о том, что «в известной степени Югославия могла быть разменной монетой. Это также оскорбительно и неправильно». Здесь же он критически упомянул и подписанный Сталиным советско-германский договор 1939 г., который он назвал фатальным и лишенным логики. «Когда договор был подписан, многие коммунисты у нас замолчали, потому что они не могли дать объяснение», – сказал Хрущев¹⁶. Таким образом, уже в 1955 г., за полгода до XX съезда он позволил себе отступление от принятой оценки внешнеполитической линии Сталина. Несомненно, это была личная инициатива советского лидера, рассчитанная в данном случае на то, чтобы дать югославскому руководству возможность увидеть перспективу вероятного смещения обвинительного акцента за вину в конфликте с Берии и Абакумова, что было частично сделано уже на следующих встречах в 1956 г. в СССР. Это должно было также показать югославам советскую готовность к искреннему и доверительному диалогу и вызвать с их стороны соответствующую ответную реакцию.

В то же время, как отмечал Тито в своем выступлении, несмотря на то, что в Кремле получали неверную информацию о ситуации в КПЮ, югославское руководство стремилось в тот

период избежать обострения отношений даже после получения резких писем из Москвы. Мы хотели, добавил Тито, чтобы к нам для изучения всех обстоятельств дела приехал кто-то из СССР, но этого не произошло. Затем он, как бы упреждая критику в адрес КПЮ, отметил, что югославы «были достаточно долго очень терпимы и старались избежать обострения конфликта, но затем ответили таким же образом, каким на них напали, перешли к жесткой обороне и, к сожалению, произошло обострение». Вслед за этим, возвращаясь к теме взаимоотношений компартий и социалистических стран, Тито указал на значение вопроса суверенитета и независимости, которые всегда должны лежать в основе этих отношений. Согласно его представлениям, важной должна быть не искусственная дисциплина, которая бы связывала государства и народы, а особенно коммунистические партии, а совпадение целей, их определение и методы их достижения¹⁷. Эта тема будет постоянно возникать и во время последующих встреч на высшем уровне в 1960-е и 1970-гг. Тито, по сути, выступал против коминтерновских принципов, лежащих в основе отношений внутри социалистического лагеря, т.е. против «демократического централизма», когда все спорные вопросы между компартиями приоритетно решала ВКП(б), играя роль верховного судьи, а в ряде случаев и палача, репрессировавшего в Коминтерне их «провинившееся» руководство.

Это продолжавшееся довольно долго выступление, своего рода, лекция лидера страны, который в этой догматической аудитории попытался еще раз обозначить ее новые приоритеты, должна была показать советскому руководству, что не стоит ожидать от нормализации механического возвращения Югославии в социалистический лагерь. Для югославского руководства важным было обозначить границу, отделявшую ее теперь от советского блока, где главным руководящим принципом оставались «демократический централизм» и жесткая иерархия отношений. Югославия, оставаясь в рамках однопартийной авторитарной системы, выбрала в качестве своей новой опоры комплекс принципов отношений между странами, зафиксированный в Уставе ООН. Он должен был, по замыслу Тито, позволить ей поддерживать баланс между Востоком и Западом. Так югославское руководство на долгие годы

вперед формулировало свою концепцию национально-государственных интересов.

На переговорах в Белграде 1955 г. проблематика конфликта была обсуждена наиболее полно. Выступления Тито показали, что он являлся в этом противостоянии центральной фигурой с югославской стороны, формулируя вместе со своими соратниками ответы на советские обвинения, а затем, и показывая, какими были основные направления политики КПЮ и Югославии в годы конфликта. Он убеждал советскую делегацию в полной обоснованности резолюции Информбюро 1948 г., говорил о преемственности взглядов югославского руководства на отношения между компартиями и странами «народной демократии», существовавшими в тот период, с теми, которых оно придерживается в настоящее время. В то же время, восприятие Хрущевым информации о политике КПЮ, представленной Тито на переговорах, и его мысли относительно принципов югославо-советских отношений, определялись догматическими представлениями, сформированными в годы конфликта. Хрущев пытался воспроизвести ситуацию того периода и рассказать как он, и остальное советское руководство оценивали происходившие тогда события. Так, возникновение конфликта и появление резолюции он понял тогда совершенно определенно – югославские товарищи уже не коммунисты, и они отошли от «линии Маркса и Ленина», заявив о своем особом пути. А поскольку СССР сохранил верность марксистско-ленинской теории, а Югославия нет, то мы, как сказал Хрущев, «считали вас одной из капиталистических вражеских стран». Далее, согласно его представлениям, события развивались следующим образом. Поскольку в Югославии существовала сильная коммунистическая партия, и у югославского народа были «сильные революционные традиции», то немедленный переход в «капиталистический лагерь» был невозможен. Отход происходил «постепенно, замаскировано», а, в сущности, подчеркнул он: «Вы на пути ликвидации этого революционного развития, которого вы уже достигли». Тито отреагировал на это так: «Но что-то у вас с логикой не в порядке. Мы никогда не скрывали перед Западом, даже когда нам было тяжело, что мы коммунисты, и что мы не допустим, чтобы вмешивались в наши дела<...> Никакой черт меня не заставил бы

двигаться к какой-то другой системе. Я всю жизнь боролся за коммунизм, за социализм»¹⁸.

В этом, как кажется, была суть отношения Хрущева ко всему, что он слышал от Тито. Это представление о югославском социализме, он, видимо, сохранил вплоть до своего снятия с поста генсека в 1964 г., варьируя свою позицию на всех последующих встречах с Тито, каждый раз пропуская информацию через этот свой «фильтр».

В июне 1956 г. на встречах советского и югославского руководства в Москве вновь были подняты некоторые нерешенные проблемы, связанные с конфликтом. Тито попытался объяснить свою позицию в связи с планами послать югославскую дивизию в Албанию весной 1948 г., признав ошибочность решения, но подчеркнул, что это был ответ на просьбу албанского руководства. Затрагивались вопросы югославской политэмиграции в СССР, собиранием и организацией которой в единую группу с 1948 г. занимался Международный отдел ЦК КПСС. Тито в разговоре с Хрущевым в негативной коннотации упомянул имя главы этой эмиграции в Москве Перо Попиводе, подчеркнув, что югославы считают, что в СССР не должно быть антиюгославской эмиграции. Эта тема станет одной из ключевых, предлагаемых югославами для обсуждения на всех последующих переговорах на высшем уровне – от Хрущева до Брежнева. Хрущев ответил, что если Попиводе (Тито в своей реплике назвал его «Попивино») начнет заниматься антиюгославской деятельностью, то мы его арестуем. Тито пообещал поступать таким же образом в отношении тех, кто будет вести антисоветскую пропаганду¹⁹. Позднее Хрущев поднял вопрос о судьбе югославов, возвращающихся в Югославию из СССР. Часть из них была подвергнута там судебным преследованиям. Осенью в Крыму эта тема вновь возникла в беседе двух лидеров, и Тито сообщил, что больше никого судить не будут, а осужденных амнистируют. «Пусть возвращаются», – добавил он²⁰.

В октябре того же года Тито, находясь на отдыхе в Крыму, в беседах с Хрущевым вновь коснулся темы конфликта, отметив, что теперь, когда отношения нормализованы, не все в Югославии правильно понимают поворот к дружбе с СССР. Югославское руководство, по словам Тито, чувствует, что к нему еще нет должного доверия со стороны руководителей

КПСС, со стороны компартий стран «народной демократии». Он сказал, что они слышат постоянные упреки в якобы неверных методах строительства социализма, подчеркнув, что каждая компартия имеет право опираться на свои собственные методы, идти своим путем, который будет выводить «на одну широкую дорогу, ведущую к социализму».²¹

Хрущев в составленной им записке для ЦК о пребывании югославской делегации в Крыму в сентябре 1956 г., отмечал, что, несмотря на поступающую к нему информацию о существующих в югославском руководстве людях, «которые играют на два фронта», очевидно, как он писал, «все мы имеем большие результаты в деле отрыва Югославии от Запада». «Мы не должны ослаблять наших усилий в этом направлении, а добиваться того, чтобы Югославия окончательно примкнула к социалистическому лагерю», – подчеркивал советский лидер²².

Однако позиция югославы в отношении событий в Венгрии, принятие новой Программы СКЮ в 1958 г. и ее ожесточенная критика в Москве, инициированная, в том числе и самим Хрущевым, не дали возможность реализовать этот «дерзкий» план, который со всех сторон оставался нереалистичным.

Осенью 1962 г. состоялся первый визит Л. Брежнева в Югославию. В рекомендациях, которые дал ему перед этой поездкой Н. Хрущев (скорее всего составленных, если судить по стилю, им самим, но с помощью референтов Международного отдела ЦК) содержались важные элементы новых советских оценок югославской политики и даже частичного отхода от достигнутых ранее рубежей в двусторонних отношениях. Критике подверглась внеблоковая политика Югославии, которая называлась им неклассовой, лавирующей между трудом и капиталом, между социализмом, коммунизмом и империализмом. Генсек отмечал, что советская сторона не может принять эту позицию, «Отсюда такая жаркая и пылкая любовь к югославскому социализму и ненависть к советскому социализму со стороны Америки», – продолжал он. Далее следовало почти физиологическое описание причин симпатий к югославскому социализму, испускавшим запах, который нравится Кеннеди, а советский, как считал Хрущев, вызывает рвоту, что служит к чести советского социализма. Говоря о нормализации совет-

ско-югославских отношений, он отмечал, что в Кремле проявили инициативу, но обожглись и сейчас проявляют большую осторожность. Оценивая в очередной раз причины конфликта 1948 г., он отметил, что и в 1955 г., и сейчас советская сторона считает «исходными позициями националистические». «Выходит, что вы тогда пошли нечестным путем. Вы переметнулись и стали нашим врагом. Вы это делали по конъюнктурным соображениям», – подчеркнул Хрущев²³.

Говоря о венгерских событиях 1956 г., Хрущев, не сдерживая эмоций, обвинял югославов в поддержке оппозиционных сил в стране. Брежневу следовало напомнить Тито о зачитанном им Хрущеву и Маленкову во время их визита на Бриони осенью 1956 г. списке хороших людей в Венгрии, которые, по мнению советского руководства, были «большие сволочи». Как отмечал Хрущев, это подтвердилось тем, что они были арестованы и расстреляны, (имелись в виду И. Надь и министр обороны П. Малетер). «Эти Ваши лучшие люди. А Вы на них опирались»²⁴. Таким образом, Хрущев обозначил точки неприятия и отторжения в советско-югославских отношениях.

Брежнев не использовал в Белграде весь заготовленный для него Хрущевым арсенал обвинений, лишь тактично, учитывая, что с ним рядом находились Аджубей, Андропов и другие, все же назвал несколько раз внеблоковую политику Югославии неклассовой, чем вызвал недоумение Тито, попросившего разъяснить, что он имел в виду. Зато, касаясь конфликта 1948 г., он не упомянул, ни Берию, ни Абакумова, а возложил вину за его возникновение на Сталина. «Мы не хотим скрывать,- сказал он, – что Сталин был виновником этого кошмарного отношения, может быть из-за своего высокомерия и старости»²⁵.

Хрущев и Тито смогли вновь обменяться своими взглядами на социалистическую практику и идеологию своих стран во время визита югославского лидера в СССР в декабре 1962 г. На переговорах генсек КПСС затронул вопрос о стремлении югославского руководства к доминированию в социалистическом мире. Он сказал, что Югославию в СССР критиковали не за особый подход к решению внутренних проблем, но за то, что югославское руководство свой путь и свою практику выдавало за какой-то общий путь и пыталось его навязать другим. Хрущев заявил, что югославы претендовали на «идео-

логическую гегемонию», что не имеет никакого основания, и именно за это «мы вас критиковали»²⁶. Югославские партийно-правительственные эксперты, оценивая результаты визита, отмечали, что двусторонние отношения «уже долгое время развиваются по возрастающей линии как в области международной политической деятельности, так и в развитии экономических и культурных отношений». Указывалось, что на повестке дня уже не стояла проблема внутреннего развития Югославии, как не являющаяся препятствием для нормальных взаимоотношений. Особое внимание югославских референтов привлекла оценка Хрущевым общественной системы Югославии как социалистической, что связывалось с возможным пересмотром отношения к обвинениям против СКЮ в ревизионизме, сделанным на Совещании коммунистических и рабочих партий в 1960 г.²⁷ Вместе с тем, реабилитации не произошло ни во время этого визита, ни в последующие годы, хотя югославы постоянно и настойчиво ставили этот вопрос на всех встречах.

До 1964 г., когда Хрущев был снят со своего поста, состоялось еще две его встречи с Тито – одна во время отдыха в Югославии в августе-сентябре 1963 г. и следующая в июне 1964 г., когда Тито приезжал на два дня в Ленинград. Большая часть бесед была посвящена обсуждению вопросов экономики двух стран, взаимоотношений в этой области и оценкам международного положения. Проблематика конфликта 1948 г. в ходе визита не поднималась, но в августе 1963 г. Хрущев вновь коснулся вопроса о характере общественного строя в Югославии, который обсуждался в советском руководстве в мае 1955 г. накануне его визита в Белград. Он пересказал эпизод своей беседы с Молотовым после возвращения из Югославии, в которой сообщил ему о своих впечатлениях от поездки. По словам генсека, его собеседник «подпрыгнул и начал ругать югославов: они такие, они сякие». Для Молотова авторитетным было мнение Д. Шепилова, который во всем «разобрался» и сказал, что «Югославия социалистическая страна». Как отметил генсек, Молотов все равно был недоволен. Затем Хрущев, согласившись с замечанием Тито, указавшим на необходимость постепенно, спокойно разбираться во всех вопросах, сказал, что не следует добиваться немедленного решения

существующих между социалистическими странами проблем, которым нужно дать возможность вызреть²⁸.

В сентябре 1966 г. состоялся визит Л. Брежнева в Югославию. Генеральный секретарь в своих выступлениях подчеркивал необходимость единства социалистических стран и координации их действий на международной арене. Это относилось и к советско-югославским отношениям, что всегда воспринималось югославами с оговорками.

Советская интервенция в Чехословакию в августе 1968 г. вызвала обострение советско-югославских отношений. 17 октября советскому послу в Белграде было передано письмо от ЦК КПСС за подписью Л. Брежнева для передачи И.Б. Тито, которое начиналось следующим образом: «В развитии советско-югославских отношений в последнее время появились тревожные и опасные явления». Ответственность за ухудшение отношений возлагалась на югославскую сторону, которая в августе, как считали в Кремле, неправильно интерпретировала цели акции пяти социалистических стран в Чехословакии. Советская сторона обвиняла югославскую в том, что она допустила в связи с событиями в Чехословакии неконтролируемую антисоветскую кампанию в стране, в которую включились и отдельные руководители СКЮ, суть которой, как отмечалось, «нельзя ни понять, ни оправдать». В послании говорилось, что в Югославии «наряду с упорным искажением сущности чехословацких событий, активно распространяются провокационные и беспочвенные измышления об угрозе нападения на Югославию со стороны социалистических стран». В завершающей части письма ЦК КПСС выражалась надежда на сохранение достигнутых результатов в двусторонних отношениях, надежда на то, что югославское руководство по-прежнему дорожит «сотрудничеством между СССР и СФРЮ, восстановление которого потребовало от всех нас терпения, настойчивости, больших усилий». Отмечалось, что речь не идет о различиях «в подходе к теории и практике социализма», которые существовали между двумя партиями и прежде²⁹.

Тито в ответном послании Брежневу поднял вопросы сотрудничества и развития дружеских отношений, которые, как он подчеркивал, могут базироваться только на уважении принципов суверенитета, независимости, целостности и равно-

правия между странами. Исходя из таких принципов, мы, подчеркивал югославский лидер, всегда считали, что различия во взглядах это нормальное явление в отношениях между суверенными государствами, и что они не должны быть препятствием для дружеского сотрудничества между ними.

Далее в послании он напоминал, что эти принципы содержатся в подписанных двумя странами Белградской и Московской декларациях 1955 и 1956 гг., и все они вплоть до последних событий подтверждались во время двусторонних встреч. Тито указывал, что эти значимые документы представляли и представляют для югославо основу отношений между Югославией и СССР и задавал вопрос, почему в письме ЦК КПСС они замалчиваются. Тито напомнил, что во время визита в СССР в апреле 1968 г. он сообщил советской стороне о том, что возможное военное вмешательство в Чехословакии будет иметь самые тяжелые последствия, но, как подчеркнул он, больше с югославами никто не консультировался, а были предприняты шаги, «которые не только мы, но и другие коммунистические партии не могут одобрить, и которые вызвали негодование в мире». Тито указывал на факты развернутой против Югославии кампании, включающей нападки на ее внешнюю политику, социально-экономическую и политическую систему. Оказываемое в этих областях давление на Югославию, как и дискредитация ее позиции на международной арене и среди неприсоединившихся стран он трактовал как попытку заставить Югославию отказаться от своего самостоятельного пути социалистического развития и независимого внешнеполитического курса. Тито полагал неприемлемым считать мнение югославского правительства по отдельным вопросам, не совпадающее с точкой зрения советского правительства, антисоветским. В письме указывалось на особо тревожащий югославское общество момент в политике СССР, а именно: желание оправдать использование вооруженных сил против Чехословакии «доктриной о так называемом ограниченном суверенитете», что нельзя было рассматривать иначе как попытку легализации интервенции и вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Отмечалось, что в ряде советских официальных заявлений и в печати «развивается теория о праве навязывать извне пути внутреннего развития других

государств». Все это в совокупности заставляло рассматривать «эти теории и доктрины», которые уже применены в ЧССР, как не вымышленную, а непосредственную угрозу и Югославии. Из письма было видно, что это обстоятельство вызывало особое беспокойство югославского руководства, которое хотело бы получить от Москвы твердые заверения в отсутствии каких-либо агрессивных намерений в отношении СФРЮ³⁰. Как видно из этого послания, югославское руководство, как и в 1948 г., не соглашалось с жесткими обвинениями Кремля, стараясь максимально аргументировано отстоять свою позицию и вновь напомнить о существующих договоренностях, которые с 1955 г. служили базой двусторонних отношений.

Спустя неделю после направленного в адрес ЦК СКЮ письма за подписью Л. Брежнева советское руководство в Постановлении Политбюро ЦК КПСС от 23 октября 1968 г. приняло решение о введении своего рода санкций по отношению к Югославии и частичном снижении в ряде областей уровня двусторонних связей. Документ был составлен на основе материалов, поступивших из Югославии в соответствующие отделы ЦК и подвергавшихся там аналитической обработке. В частности, говорилось о том, что недружественная по отношению к СССР политика Югославии не эпизодическое явление, а продуманная стратегическая линия, которая нашла отражение в решениях X пленума ЦК СКЮ, состоявшегося 23 августа, а также в последующих резолюциях ССТН (Социалистический союз трудового народа) Югославии и собраний общественности. На основании этого вывода были составлены соответствующие рекомендации. Если в экономической сфере предлагалось сохранить достигнутый уровень взаимодействия, но не проявлять инициативы в выдвижении новых проектов, не форсировать реализацию предоставленных ранее кредитов, то во внешнеполитической и идеологической сферах программа оказывалась гораздо шире. Так, Министерству иностранных дел предлагалось продолжить работу по оказанию «выгодного для социалистических стран влияния на внешнеполитический курс СФРЮ, добиваться поддержки с ее стороны мероприятий СССР по тем международным вопросам, по которым позиции обеих стран остаются близкими». Советскому дипломатическому корпусу за рубежом предлагалось,

опираясь на инструкции, проводить «мероприятия по нейтрализации подрывной, антисоветской деятельности югославских представителей в третьих странах и международных организациях». Перед советской прессой и печатью ставилась задача публиковать статьи о югославской действительности, «вскрывая те отрицательные тенденции, которые проявляются в СФРЮ» в ходе проведения общественной и экономической реформы и реорганизации СКЮ, разоблачая югославские концепции о роли партии и государства в строительстве социализма, экономическую политику СКЮ, внеблоковую внешнюю политику СФРЮ, в целом миф о преимуществах «особого», так называемого «югославского пути к социализму». Радио и телевидение, также должно было в развернутой форме и своевременно информировать югославскую общественность о проводимых СССР и ЦК КПСС мероприятиях, разъясняя советскую позицию в связи с процессами, происходящими в Чехословакии. Кроме этого предлагалось усилить цензуру в отношении поступающих в СССР печатных материалов из СФРЮ³¹.

В Постановлении ЦК от 23 октября содержались также указания советским послам за рубежом, в которых указывалось на необходимость противодействия попыткам югославской стороны «популяризировать» политику неприсоединения среди социалистических стран, что, как отмечалось, рассматривалось в Белграде как выражение сопротивления народов «гегемонии» СССР. Говорилось, что такой подход югославов, по существу, совпадает со стратегией «империалистов, стремящихся разрушить единство социалистических стран». Москву беспокоило намерение Югославии созвать конференцию неприсоединившихся стран с постановкой вопроса о Чехословакии. В этой связи послам рекомендовалось, с учетом возможностей и законов страны пребывания, разъяснять, что проблема Чехословакии – «это вопрос отношений между самими социалистическими странами, входящими в Варшавский договор». Все другие попытки ее решения были бы неправомерны и отвечали бы интересам «империалистических держав»³². Тем самым, советское руководство еще раз, теперь уже в кризисной ситуации, продемонстрировало свое подлинное отношение к югославской внешнеполитической линии, как не всегда отвечающей интересам СССР. Это строго секрет-

ное постановление в своей идеологической части напоминало известную резолюцию Информбюро 1948 г. и вновь показывало истинное восприятие Кремлем сущности югославского социализма. Спустя двадцать лет он оставался для советских идеологов ревизионистским проектом, к которому следовало, особенно в связи с событиями в ЧССР, относиться, как и во времена Хрущева, строго инструментально, исходя из необходимости решения тех или иных задач собственной политики. Новые установки Кремля по разным каналам дошли до югославского руководства и стали дополнительным стимулом для ускоренного проведения социально-экономических реформ и придания большей динамики политике неприсоединения³³.

В сентябре 1969 г. Тито встретился на Брионах с советским министром иностранных дел А. Громыко. Обсуждались отношения двух стран после чехословацких событий, и Тито коснулся событий 1948 г. «Что мы могли сделать после 1948 г.», – задал риторический вопрос своему собеседнику Тито. «Мы должны были обратиться к Западу за помощью. Тем не менее, некоторые в Югославии неправильно это поняли и в идейном плане развернулись в сторону Запада. Для этого есть причины. 1948-й год, несомненно, оставил определенные последствия. Об этом надо помнить», – завершил свой комментарий Тито³⁴.

В сентябре 1971 г. по приглашению югославской стороны состоялся визит Л. Брежнева в Югославию. Вновь был поднят вопрос о пребывании югославских политэмигрантов в СССР. Месяцем раньше эта проблема была затронута в письме Тито Брежневу от 31 июля того же года. Брежнев сообщил, что он дал задание всем органам предоставить информацию, где эти люди, кто они. Оказалось, что существуют небольшие группы югославов в Москве, Киеве, Ленинграде. Часть из них являлись, по словам генсека, членами КПСС, которые также приняли советское гражданство. «Вероятно, они встречаются между собой, многие собираются на днях рождения, и по советским законам никто не имеет права делать какие-то нелегальные вещи», – сообщил Брежнев. По его словам, советское правительство подвергалось в этой связи почти политическим обвинениям, «словно у нас есть какие-то связи с эмиграцией». «Мы и за своими-то не можем уследить, а не то, что за эмиграцией», – заявил генсек КПСС. Таковы были объяснения Брежнева. Кто-то

из советской делегации добавил, что югославских эмигрантов около 300 человек³⁵. Руководитель Югославии, постоянно поднимая тему югославской политэмиграции в Советском Союзе, был озабочен, если верить его словам, действиями многочисленных явных и неявных врагов страны, угрожавших безопасности этого многонационального государства. Так, на встрече с Брежневым 24 сентября 1971 г. в Караджорджево он говорил о «различных врагах социалистической системы, которые подняли головы», упомянул хорватских шовинистов, убивших югославского посла в Швеции. Он косвенно дал понять, что и те, кто эмигрировал в СССР и другие социалистические страны, также могут представлять угрозу. Как сказал Тито, они еще не стали террористами, но «черт их знает». Он с раздражением говорил о том, что в стране «полятся фабрики, горят леса по Далмации. Не знаем, кто их поджигает, случайно ли это, от солнца это или нет». «Враги атакуют нас со всех сторон», - сообщал он³⁶. Другой причиной, которая вызывала опасение Тито, могла быть и следующая. В период наиболее острой фазы советско-югославского конфликта, в конце 1940-х – начале 1950-гг., когда югославское руководство ожидало серьезных военных провокаций с Востока, Тито связывал возможное вторжение на территорию Югославию с деятельностью югославской «информбюровской» эмиграции. Как ему казалось, она была способна вызвать антиправительственные выступления в стране, которые могли быть поддержаны извне³⁷.

Одна из последних встреч Брежнева и Тито состоялась в Белграде в ноябре 1976 г. Тито поднял вопрос о существующем в принятой на XXII съезде Программе КПСС положении, которое призывало к борьбе «против ревизионистского руководства Югославии». Он подчеркнул, что у югославских коммунистов вызывает удивление, что этот тезис до сих пор не исключен из партийного документа, несмотря на то, что прошло уже три съезда, и такая возможность была. Он также отверг советское предложение о создании (фактически воссоздании – А.А.) обществ советско-югославской дружбы, подчеркнув, что «это не наша практика». «К тому же у нас очень плохой опыт в прошлом», – продолжал югославский лидер, имея в виду использование Москвой таких обществ в начальный период конфликта в целях борьбы с югославским руководством³⁸.

Двадцать с лишним лет, прошедшие после начала нормализации советско-югославских отношений показали, что события 1948 г. действительно стали рубежными в отношениях двух стран. Очевидно, что начавшиеся еще до этого года, о чем косвенно свидетельствовали высказывания Тито, поиски своего пути строительства социализма были ускорены конфликтом с Москвой. К 1953 г. Югославия уже стала другой страной, со своей внутренней и внешней политикой. Однако, и это признало советское руководство, она осталась социалистической страной, в которой у власти находилась коммунистическая партия. Вся последующая политика Москвы по отношению к Югославии выстраивалась исходя из этих представлений, но с твердым убеждением, что ее необходимо вернуть в социалистический лагерь. Это было основной целью Хрущева, а затем и Брежнева. Этим объясняется и постоянное возвращение во время двусторонних встреч к теме конфликта 1948 г., и попытки с советской стороны определить возможности югославских уступок. Югославское руководство в свою очередь, заявляя о невозможности возвращения в «лагерь» по идеологическим причинам, не отвергало предложений о сотрудничестве в государственной и партийной сфере, надеясь, что новые югославские идеи, хотя бы частично будут положительно восприняты Москвой и странами «народной демократии». Эти установки руководства двух стран доминировали на встречах, определяя их содержание и характер, начиная с 1955 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Tripković Đ.* Jugoslavija-SSSR 1956–1971. Beograd, 2012. S. 5.

² *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008. С. 96.

³ *Broz-Tito J.* Govori i clanci. Vol. VIII. Zagreb, 1959. S. 137–138.

⁴ *Гуренко М.С.* Сталин-Тито. М., 1991. С. 404.

⁵ *Едемский А.Б.* Указ. соч. С. 199.

⁶ Архив внешней политики РФ (Далее – АВП РФ). Ф. 0144. Оп. 39. Д. 5. П. 157. ЛЛ. 1–3.

⁷ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 39. Д. 7. П. 157. Л. 16.

⁸ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том первый 1946–1964. М., 2014. С. 217.

⁹ *Broz-Tito J.* Op. cit. Vol. X. 1959. S. 345–346.

- ¹⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. М., 2003. С. 889
- ¹¹ Встречи и переговоры на высшем уровне... С. 47–48.
- ¹² Там же. С. 83–84.
- ¹³ Там же. С. 85.
- ¹⁴ Там же. С. 86.
- ¹⁵ Југославија – СССР. Сусрети и разговори на највишем нивоу руководилица Југославије и СССР. 1946–1964. Том 1. Београд, 2014. С. 109.
- ¹⁶ Встречи и переговоры на высшем уровне... С. 98
- ¹⁷ Там же. С. 102–104.
- ¹⁸ Там же. С. 99.
- ¹⁹ Там же. С. 235–236.
- ²⁰ Там же. С. 266
- ²¹ Там же. С. 261.
- ²² Там же. С. 269.
- ²³ Там же. С. 341.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 364.
- ²⁶ Там же. С. 383–384.
- ²⁷ Там же. С. 404.
- ²⁸ Там же. С. 440.
- ²⁹ Российский государственный архив новейшей истории. (Далее – РГАНИ) Ф. 3. Оп. 72. Д. 212. Л. 56–59.
- ³⁰ Архив Југославије. (Далее – АЈ). Кабинет Президента Републике. (Далее КПР). 1- 1/1007.
- ³¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 214. Л. 24–26
- ³² Там же. Д. 215. С. 50–52.
- ³³ *Димич Л., Чавошки Й.* Политический кризис в Чехословакии и общественная мысль Югославии // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. М., 2010. С. 293–295.
- ³⁴ АЈ КПР. 1–3-а/105–106.
- ³⁵ АЈ КПР. 1–3-а/113.
- ³⁶ АЈ КПР. Ф. 1–3-а/ 124–125.
- ³⁷ Титов дневник. Приредило П. Симић. Београд, 2009. С. 67.
- ³⁸ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 932. С. 28–29.

А.Б. Едемский

ЗНАЧЕНИЕ СОБЫТИЙ 1961/62 г. ДЛЯ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКОГО СБЛИЖЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х ГОДОВ

К активному изучению периода очередного советско-югославского сближения, которое имело место в первой половине 1960-х гг., исследователи, прежде всего в пост-югославских государствах, приступили только в последнее десятилетие. Пиком нового «сближения с Москвой» общепринято считается визит И. Броз Тито в Советский Союз в декабре 1962 г.¹ В историографии периода 1961 г. – первой половины 1962 г. уделяется особое внимание как из-за интенсивности происходивших разнообразных событий, так и их определяющего значения для последующего сближения Москвы и Белграда. Взгляды исследователей имеют свои особенности, сложившиеся большей частью на основе изучения югославских архивных документов. Несмотря на, казалось бы, не столь длительный период времени, очень плотный событийный ряд оказал влияние на то, что в историографии имеются существенные нюансы в интерпретации событий и их последствий, контекста происходившего и выявления факторов, оказавших значительное влияние на активизацию советско-югославских связей в этот период. Исследовательские подходы с течением времени претерпевают определенную эволюцию².

Отечественная историография в настоящее время во многом основывается на осмыслении достижений сербской историографии и трактовки опубликованных советских документов³.

Значительные заделы, созданные упомянутыми трудами, позволяют перейти к системному изучению указанного периода, уделяя при этом большее внимание вдумчивому про-

чению уже известных документов, осмыслению недавно опубликованных, а также введению в научный оборот дополнительных советских и югославских документальных источников из российских и сербских архивов.

Введенные в научный оборот за последнее время новые документы, относящиеся к 1960 г., – беседы Хрущева с югославскими лидерами (16 января в Москве со С. Вукмановичем и 28 сентября в Нью-Йорке с И. Броз Тито)⁴ – позволяют несколько сдвинуть нижнюю границу начала нового цикла развития советско-югославских отношений. Но это смещение границы лишь подтверждает значение событий 1961 г. – первой половины 1962 г., заложивших основы для последующего наращивания советско-югославских связей в 1960-е гг.

С целью продолжения изучения в проблемно-хронологическом порядке позитивной эволюции советско-югославских отношениях в указанный период, когда были расчищены предыдущие наслоения и заложены основы для последующего сближения последних лет правления Н.С.Хрущева, представляется важным уточнить и дополнить хронологию основных событий, а также указать на ряд ключевых моментов, требующих уточнения и дополнительного исследования для продолжения поиска ответа на вопрос об инициаторах, мотивах и причинах произошедшей позитивной эволюции.

* * *

Прозвучавшие в конце 1960 г. публичные высказывания с обеих сторон стали своего рода отправной точкой для изменений, последовавших в последующие полтора года. С советской стороны опубликованное в начале декабря Заявление совещания компартий, содержавшее острую критику руководства СКЮ, ФНРЮ и «югославского ревизионизма», было сбалансировано позитивной характеристикой советско-югославских отношений по государственной линии и их сотрудничества в международной сфере в выступлении министра иностранных дел А.А. Громыко на сессии Верховного Совета СССР⁵. В выступлении по итогам года в Скупщине ФНРЮ югославский лидер особо остановился на опровержении критики, имевшейся в Заявлении, указав, что ее инициатором является китайское, а не советское руководство⁶.

В начале 1961 года между СССР и ФНРЮ была достигнута договоренность об обмене визитами глав внешнеполитических ведомств двух стран. Обстоятельства достижения данной договоренности остаются не ясными. 6 января временный поверенный в делах сопосольства в Белграде П.С. Дедушкин в кратком разговоре с К. Поповичем, сославшись на поручение советского руководства конкретизировать даты обмена визитами, напомнил югославской стороне о двух недавних разговорах (Замчевского с К. Поповичем перед самым отъездом из Белграда советского посла) и самого Дедушкина с Тито во время охоты⁷. Отсутствие в распоряжении исследователей записей этих разговоров не дает возможности установить инициатора достигнутой договоренности. Косвенные свидетельства в материалах о состоянии двусторонних отношений, которые готовили высокопоставленные эксперты двух стран в начале 1961 г. противоречивы. В югославских документах указывалось, что инициатором встречи министров выступила советская сторона в начале января. Чиновники МИД СССР в свою очередь считали, что «советское правительство согласилось с предложением югославской стороны»⁸. Имеется также свидетельство посла США К.А. Рэнкина, который 7 февраля узнал от югославского лидера, что договоренность об обмене визитами К. Поповича и Громыко – следствие разговоров Тито с Хрущевым в Нью-Йорке в сентябре 1960 г.⁹

В выступлении М.А. Суслова «Об итогах совещания представителей коммунистических и рабочих партий» 18 января 1961 г. на пленуме ЦК КПСС отдельный абзац был посвящен Югославии. Его содержание демонстрирует, что советское руководство не исключало предстоящих положительных изменений в советско-югославских отношениях и даже начало готовить к этому партаппарат. Один из главных советских идеологов не только объединил те позиции по «югославскому вопросу», которые были изложены в декабре прошлого года (в Заявлении и в выступлении Громыко), но и сообщил, что «югославы подчеркивают заинтересованность в развитии и улучшении государственных отношений с нами. Мы, в свою очередь, стоим на той же позиции. <...> По партийной линии у нас остаются известные вам расхождения. Но мы считаем, что время может внести изменения и в эти отношения. Югос-

лавские руководители за последнее время заявляют, что они хотят сближения и по партийной линии»¹⁰.

Новый советский посол в ФНРЮ А.А. Епишев, назначенный на эту должность менее чем через месяц после контактов между Хрущевым и Тито в Нью-Йорке в сентябре 1961 г., сразу после своего прибытия в Белград продолжил согласование даты поездки в СССР К. Поповича. В беседах с ним югославы даже не исключали возможности визита в Москву югославского министра до 15 февраля – даты начала африканского турне Тито, хотя более реалистичной им представлялся апрель¹¹.

Отсутствие Тито и его ближайшего окружения в Югославии облегчило Епишеву мягкое вхождение в должность. Советский посол получил больше времени для знакомства с коллегами по дипкорпусу и с теми югославскими государственными и хозяйственными руководителями, высшими чиновниками ГСИД, которые остались в югославской столице. В конце февраля он был принят Ранковичем, исполнявшим в то время обязанности главы государства. Советский посол, воспользовавшись формальной необходимостью передать для Тито послание Хрущева о ситуации в Конго, обменялся с Ранковичем мнениями по довольно широкому кругу вопросов сотрудничества, в том числе и по поводу проходивших в те дни в Белграде переговоров о торговом соглашении на 1961–1965 гг. Епишев заметил, что структура товарооборота отвечает интересам обеих стран, сообщив о намерении Москвы разместить на югославских судостроительных предприятиях ряд заказов. Ранкович, в свою очередь, подчеркнул заинтересованность ФНРЮ в быстрейшем достижении соглашения, рассказал о «намерении югославы произвести закупку военной техники в Советском Союзе, выразив мнение относительно отсутствия препятствий для успешного завершения переговоров по этому вопросу»¹².

Важными были и разговоры Епишева с членом югославского правительства, председателем комитета по внешней торговле ФНРЮ С. Крайгером¹³, позволившие согласованно завершить затянувшиеся с июля 1960 г. переговоры о заключении Долгосрочного (на 1961–1965 гг.) торгового соглашения. Материалы Президиума ЦК КПСС за 1960 г. (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12) свидетельствуют, что советская торговая делегация (по реше-

нию руководства от 23 июня 1960 г.) имела поручение подписать пятилетний рамочный договор, по которому общий товарооборот составил бы примерно 2,6 млрд. рублей (665 млн. рублей по новому курсу рубля). В июле того года соглашение не было заключено в связи с тем, что югославы проявили интерес к поставке из СССР комплектного оборудования для отдельных предприятий, обещая оплатить его дополнительными поставками югославских товаров. Соответствующие советские материалы за июль и ноябрь свидетельствуют, что в Москве пошли навстречу пожеланиям Белграда об оказании Югославии технического содействия в строительстве и реконструкции промышленных предприятий и других объектов. Вторая половина 1960 г. и начало 1961 г. ушли на согласование объектов для советского технического содействия и подбор товаров, представляющих интерес для поставки в СССР из ФНРЮ, а потом – на дополнительное согласование товарных списков и объемов. Советские обязательства по комплектным поставкам в Югославию нашли свое отражение в советско-югославском Долгосрочном торговом соглашении на 1961–1965 гг., заключенном в Белграде 30 марта 1961 г. История этих согласований нуждается в отдельном исследовании, а перенесенный механически в российскую историографию тезис (без достаточного изучения югославских материалов) о том, что «в Москве <...> на возможность экономического сотрудничества только намекалось»¹⁴, нуждается, по меньшей мере, если не в серьезном уточнении, то в подробном пояснении.

Состоявшийся в начале апреля 1961 г. обстоятельный разговор Карделя и Епишева, в ходе которого собеседники определили принципы развития сотрудничества в ближайшие месяцы (при существующих различиях «цели – общие» и следует развивать сотрудничество по всем вопросам, где имеется взаимное согласие для того, чтобы создавать условия для «более спокойных» разговоров по вопросам, в которых существуют различия)¹⁵ имеет существенное значение не только сам по себе. Особенно важно и то, что Тито полностью был согласен с соображениями, высказанными Епишеву Карделем. Югославский лидер сообщил об этом в шифротелеграмме от 14 апреля, отправленной с борта яхты «Галев»¹⁶. И данный разговор Епишева с Карделем, и депеша Тито, как и ряд других фактов, сви-

детельствующих о том, что Кардель на этой стадии выполнял роль основного переговорщика от югославского руководства при обсуждении отношений с Москвой, делают нужным серьезное обсуждение утверждения (уже дважды высказанного в российских академических изданиях), что «укрепление позиций А. Ранковича в начале 1960-х годов стало предвестием улучшения отношений с СССР»¹⁷.

В первые месяцы приезда в Белград советский посол Епишев спешно, но вдумчиво знакомился с ведущими фигурами политэкономической элиты Югославии для успешного выполнения поставленных перед ним задач. Характерной является его информация от 6 апреля, обобщившая содержание проведенных встреч с Ранковичем, Й. Веселиновым и В. Влаховичем. Обсудив с собеседниками недавнюю историю двусторонних отношений, Епишев отметил положительную оценку ими советско-югославской декларации 1955 г. По его мнению, Ранкович и Веселинов «в спокойном тоне вели разговор на эту тему, но стремились оправдать линию поведения югославского руководства как в венгерских событиях, так и по вопросу программы СКЮ». Заслуживает внимания характеристика, данная Епишевым Ранковичу, который «в беседе вел себя несколько сдержанно, не стремился разворачивать свои мысли и больше ограничивался общими фразами. Чувствовалось, что он не склонен поднимать спорные вопросы, а больше старался подчеркнуть мысль о необходимости нормализации отношений, но никаких конкретных шагов не называл. И. Веселинов наоборот в беседе показал себя более общительным и не прочь, как он сказал “поговорить по душам”»¹⁸.

Епишев не ограничился беседами в Белграде, совершив поездку (с 10 по 14 апреля) в Хорватию и Словению для установления личных контактов с руководителями этих республик¹⁹. Поездка была триумфальной. Толпы жителей стекались, восхищенно обступая только что полученную посольством «Чайку» – новый представительский автомобиль посла, а орел триумфа – полет в космос Ю.А. Гагарина – возносил советского диппредставителя в глазах жителей этих республик почти на ту же вселенскую высоту. Все это не помешало проявлению Епишевым зоркой наблюдательности. Емкие формулировки его отчета помогают лучшему пониманию отношений внутри

югославской руководящей верхушки. Послу показалось, что «хорватские руководители в своих суждениях по поводу внутреннего развития Советского Союза и его внешней политики проявляли определенную самостоятельность и даже смелость, идущие в разрез с официальной политикой. При этом они обнаруживали знание наших проблем, правильно оценивая мероприятия Советского правительства в области развития сельского хозяйства, науки и народного образования, не делая попыток противопоставить их своим успехам. Они прямо говорили, – отмечалось в документе, – что натянутые отношения между нашими странами мешают им перенимать и применять у себя лучшие советские достижения в различных областях и ставили перед нами конкретный вопрос, решение которых способствовало бы укреплению сотрудничества между нашими странами». Весьма емкая характеристика удалась Епишеву и в отношении хорватского руководства: «Складывается впечатление, что это узкая группа людей, поддерживающих между собой личные дружеские связи еще со времени совместного участия в народно-освободительном движении. При этом уровень некоторых из них явно не соответствует занимаемому ими положению. Хотя во взаимном обращении они иногда доходят до панибратства, чувствуется, что Бакарич пользуется у них непререкаемым авторитетом. Интересно отметить, что наряду с общим для всей Югославии культом Тито (здесь особо подчеркивается, что Тито является хорватом), в Хорватии широко распространен культ личности Бакарича, который стоит во главе партийного и государственного руководства вот уже на протяжении более 15 лет. Обращает на себя внимание то, что у хорватов, включая и самых высших республиканских руководителей, постоянно и во всем чувствуются националистические тенденции и определенная враждебность по отношению к сербам. О чем бы ни заходила речь: о степени промышленного развития или активности общественно-политических организаций, об истории революционной борьбы в Югославии или жизненном уровне населения – всюду хорваты и Хорватия, по словам собеседников, являются ведущими»²⁰.

Достигнутое на рубеже 1960–1961 гг. принципиальное согласие о визите К. Поповича в Москву было конкретизировано 26 апреля, когда югославская сторона согласилась с предло-

женной Епишевым датой – 4 мая. Настойчивую рекомендацию посла о недельном пребывании К. Поповича в СССР югославы расценили как расчеты советской стороны на его встречу с Хрущевым. В целом была согласована и программа встреч: с Хрущевым, Косыгиным и, возможно, Микояном²¹. Но визит вновь был отложен формально из-за занятости Громыко подготовкой к началу женеvской конференции по Лаосу.

Отказ югославской стороны пойти навстречу советскому пожеланию (22 мая в разговоре Епишева и Дедушкина с Б. Црнобрней) о направлении Тито письма Хрущеву по поводу конференции неприсоединившихся стран, как это сделал Хрущев в июне 1960 г. в связи с предложениями по разоружению, в определенной мере снизил обмен информацией Москвы и Белграда в этом сегменте их взаимодействия²². Вместе с тем советская сторона оказала сдерживающее влияние на Пекин, дипломаты которого проявили серьезную озабоченность по поводу планов проведения конференции неприсоединившихся государств именно в югославской столице²³.

Епишев продолжил усилия, направленные на установление более тесных связей между партийно-государственными элитами двух стран. 10 июня 1961 г. в разговоре с Мичуновичем советский посол обсудил возможность восстановления прежней практики приезда на отдых в СССР функционеров СКЮ и советских партийных чиновников в Югославию²⁴.

Наращение конфронтационных моментов в советско-американских отношениях повышали значение Югославии для Москвы в расчетах на ее содействие в реализации основных задач внешней политики СССР. 17 июня, будучи принятым Тито для информирования его о встрече Кеннеди и Хрущева в Вене, Дедушкин в конце разговора, после высказанного югославским руководителем соображения о желательности объединения вопроса об испытаниях ядерного оружия с вопросом о разоружении и запрещении этого оружия как такового, а не только его испытаний, дипломат, поддакнув высокопоставленному собеседнику, попросил его помощи на предстоящей конференции неприсоединившихся государств в Белграде при обсуждении этих вопросов. Тито кратко пообещал: «Конечно»²⁵.

Принятое 29 июня 1961 г. принципиальное (без даты начала визита) решение высшего советского руководства «О при-

еме в СССР государственного секретаря по иностранным делам ФНРЮ К. Поповича» стало очередным шагом в активизации двусторонних отношений. По решению президиума ЦК КПСС, Хрущеву и Косыгину было поручено «принять К. Поповича, согласно его просьбе». Директивы или указания не разрабатывались²⁶.

Визит Поповича в СССР (7–13 июля) прошел успешно, хотя и в тени хорошо разрекламированного в советских СМИ пребывания в эти дни в Советском Союзе лидера Ганы Нкваме Нкрумы. Центральным событием визита стала встреча Поповича 8 июля с Хрущевым. Советский лидер, среди прочего, говорил о необходимости решительного противостояния «политике с позиции силы, которую пытаются проводить сейчас западные державы», приводя примеры ее «конкретных проявления в событиях на Кубе, в Лаосе, в Берлине»²⁷. При обсуждении вопросов разоружения и атомного оружия советский лидер рассказал о намерении прервать мораторий на ядерные испытания. Сделал он это, судя по советской записи беседы, в завуалированной форме. Пожаловавшись на то, что США и Великобритания до моратория на испытания ядерного оружия значительно опередили в исследованиях СССР и не ввели мораторий на подземные испытания, а их союзники – французы продолжают испытания, «мы решили послать их к черту», – указал Хрущев. Судя по ответной фразе Поповича, он не обратил внимания на это сообщение советского лидера²⁸.

12 июля состоялась и встреча Поповича с вице-премьером советского правительства А.И. Микояном (вместо запланированной беседы с Косыгиным, что придало большую значимость всему визиту). В архиве внешнеполитического ведомства Сербии сохранился текст тоста, произнесенного Микояном во время обеда, данного в тот день в честь Поповича. Полуофициальный формат мероприятия позволил Микояну высказать советскую позицию более открыто. Сделав акцент на личности лидера Югославии как ключевой для развития отношений между Москвой и Белградом, Микоян заявил: «С товарищем Тито мы договоримся, или с товарищем Ранковичем. Товарищ Тито обладает удивительными личными качествами. Он, безусловно, коммунист... Он – опытный старый революционер и с ним всегда можно договориться. Я очень

ценю товарища Тито, товарища Ранковича и многих товарищей»²⁹.

Прощальная продолжительная беседа Хрущева с Мойсовым 7 августа 1961 г. (к тому времени Москва согласилась с его заменой Ц. Миятовичем) имела крайне доверительный характер. Хрущев рассказал послу о принятом решении нарушить мораторий на испытания ядерного оружия. Сообщая Мойсову о причинах этого шага, Хрущев попросил посла передать его пояснения Тито вместе с просьбой разъяснить советскую позицию лидерам неприсоединившихся государств на предстоящей конференции в Белграде. Без ссылки на встречу с Тито в Нью-Йорке 28 сентября прошлого года и доверительные разговоры в августе-сентябре 1956 г. Хрущев заметил: «Мы к вам относимся с большим доверием, помним обещания тов. Тито и не думаем, что в случае военного конфликта вы окажетесь в лагере наших врагов». В беседе имелась и еще одна ссылка на встречу в Нью-Йорке, когда Хрущев, как и ранее в беседе с К. Поповичем, в мягкой форме предупредил посла о том, что в проекте программы КПСС отражено критическое отношение к югославскому «ревизионизму», но «по просьбе тов. Тито не так резко, как следовало бы, а гораздо мягче... Но я о вас не забуду и в своем выступлении на съезде. Так и передайте тов. Тито»³⁰.

Позиция и действия советского руководства в отношении проведения в Белграде конференции неприсоединившихся государств в виду своей важности и объема материала, необходимого для изложения, не могут быть подробно рассмотрены в этой статье. К настоящему времени очевидных документальных свидетельств какого-либо прямого взаимодействия Белграда и Москвы непосредственно по поводу конференции, за исключением упомянутой просьбы Дедушкина 17 июня и разговора Епишева с Тито 30 августа на аэродроме, не обнаружено³¹. Ключевой в этом отношении является датировка краткого разговора Епишева с Тито в здании Скупщины ФНРЮ. В том случае, если она состоялась именно 30 августа, как полагают опубликовавшие югославскую версию краткого разговора Димич и Богетич, то взаимодействие Москвы и Белграда несомненно. В этом случае получается, что советская сторона была заранее ознакомлена с текстом выступления Тито на конфе-

ренции, а Епишеву удалось не только в течении нескольких часов вернуться в посольство, связаться с Хрущевым и вновь встретиться с югославским лидером, чтобы передать ему ответ советского руководства, что отложить испытания невозможно, но сообщать об их проведении, по просьбе Тито, не будут.

Если же прав Трипкович, который полагает, что данная встреча имела место 3 сентября или позднее (до 6-го того же месяца), то взаимодействие руководства двух государств и партий было не столь тесным. Возможно, именно поэтому решение о приветствии Хрущева конференции было направлено с запозданием³², а его текст «Правда» опубликовала только 2 сентября³³. В пользу утверждений о кратком разговоре именно 3 сентября свидетельствует фраза «речь товарища Тито коронует проведенную работу <...> сказано все, что нужно сказать»)»³⁴. К большому сожалению, составители документального сборника «Встречи и переговоры на высшем уровне...» отказались от публикации записи этой небольшой, но столь важной встречи, и даже не поместили в российское издание комментарий, имевшийся по поводу событий 30 августа в сербском издании³⁵. Если это было сделано в расчете на последующие изучения проблемы, то откладывать данное изучение в «долгий ящик» не имеет смысла.

Обмен посланиями между Тито и Хрущевым во второй половине сентября – начале октября 1961 г. по поводу итогов белградской конференции и советских ядерных испытаний по своей важности также заслуживает отдельного рассмотрения. Прежде всего, нуждаются в изучении мотивы послания Тито по поводу возобновления советских ядерных испытаний. Остается невыясненным, в какой степени в его основе было желание югославов дистанцироваться от СССР, вернуться к позиции равноудаленности по отношению к обеим сверхдержавам, а в какой мере – личная обида Тито на действия Хрущева, в очередной раз решившего взаимодействовать с главами неприсоединившихся государств в обход югославского руководителя. Версия о том, что Тито был уязвлен тем, что советское руководство использовало белградскую конференцию и его позицию неожиданно для югославов, не подтверждается документально. Мойсов сообщил о советских намерениях возобновить ядерные испытания. Материалы о подготовке югос-

лавской делегации к конференции свидетельствуют о том, что в Белграде считали «необходимым иметь в виду возможность, что СССР начнет испытания и нарушит мораторий еще во время работы Белградской конференции, в результате чего создастся новая неприятная ситуация»³⁶.

Полемика, возникшая в ходе переписки, не привела к осложнению отношений, так как грозивший вновь вспыхнуть конфликт вскоре сгладила в целом положительная оценка югославским руководством хода и итогов XXII съезда КПСС (17–31 октября 1961 г.). Антисталинский настрой съезда и последующие действия по «десталинизации» перевесили для официального Белграда все негативные моменты, появившиеся в двусторонних отношениях (реакция Хрущева на предложение Тито прекратить ядерные испытания; соответствующие формулировки о «югославском ревизионизме» в Программе КПСС и высказываниях Хрущева, Сулова и, в особенности, Микояна во время работы XXII съезда КПСС). В свою очередь советская сторона не только положительно оценивала югославскую реакцию на события съезда, но и тешило себя предположением, что под влиянием критики «югославского ревизионизма» и всего хода событий в ФНРЮ и в мировых делах, в Югославии начинают осознавать шаткость теоретических положений Программы СКЮ и югославской практики общественного развития. Именно советские оценки благоприятного отношения в Югославии к решениям XXII съезда КПСС в документах совпосольства в Белграде и профильного отдела МИД СССР в конце 1961 г. послужили советской стороне импульсом для выработки ряда инициатив по дальнейшему развитию отношений с Югославией³⁷.

В целом положительный имидж Советского Союза, созданный действиями советского руководства во внешней и внутренней политике, научно-техническими достижениями СССР, был до определенной меры смазан отказом советской стороны в дополнительных поставках пшеницы в ФНРЮ. Хвалебные слова Хрущева об урожае в беседе с Поповичем 8 июля явно шли вразрез с реальностью. 22 декабря просьба югославов о продаже 400 тыс. тонн пшеницы была отклонена³⁸, что не дало югославскому руководству возможности вести себя более независимо в отношении Вашингтона.

Развитие двусторонних отношений Москвы и Белграда в первой половине 1962 г. было продолжено. Указанный временной отрезок также нуждается хотя бы в кратком обзорном рассмотрении с перечислением узловых моментов в упрочении советско-югославских связей в эти месяцы.

Особое внимание следует уделить деятельности посла ФНРЮ в СССР Ц. Миятовича, югославские документы о действиях которого в этот период не вовлечены в научный оборот. В частично доступных к изучению советских материалах об этом имеются отрывочные сведения (беседы 27 декабря 1961 г. с Хрущевым и 5 января 1962 г. с Косыгиным). Уже эти отрывочные сведения позволяют предполагать, что югославский представитель был готов обсуждать варианты активизации связей по самому широкому кругу вопросов³⁹. Особое внимание следовало бы уделить событиям 30 января 1962 г., когда состоялась беседа Громыко с Миятовичем в Москве и краткий разговор К. Поповича с Епишевым в Белграде. Известно, что среди результатов встреч 30 января были: рамочное согласование срока приезда в Белград Громыко (март-апрель), предложения о визите в СССР делегации скупщины ФНРЮ, визите Брежнева в Югославию и условиях развития контактов между правящими партиями⁴⁰. Выявление всего комплекса основных документов деятельности посла ФНРЮ в эти недели, включая его телеграммы о проведенных встречах и реакцию на них Белграда, могло бы помочь определению соотношения экономических, политических и идеологических мотивов действий югославского руководства в начале 1962 г.

В начале весны позитивные тренды первых месяцев 1962 г. получили дальнейшее развитие. 10 марта 1962 г. Епишев во время встречи с Хрущевым и рядом членов Президиума ЦК КПСС смог получить ответы на ряд заданных им вопросов⁴¹. После возвращения в Белград советский посол провел ряд встреч, основной из которых стала его беседа с Тито 26 марта. После встречи с Хрущевым 10 марта Епишев был способен авторитетно отвечать на большинство вопросов. Согласно югославской записи этого разговора, советский посол передал Тито слова Хрущева о «наличии хороших перспектив дальнейшего расширения экономического сотрудничества, текущего и долгосрочного», и пожелание «учитывать любую мелочь

и там, где возможно, идти на расширение сотрудничества, не смотря на то, предусмотрено это существующими оглашениями или нет»⁴².

Следующим шагом в активизации контактов стало письмо Тито Хрущеву, которое югославский лидер направил 4 апреля. Повод для этого послания был выбран достаточно формальный. Еще в феврале того года югославскому руководству через Епишева была передана информация о советских предложениях Вашингтону по германскому вопросу и Западному Берлину. Напомнив, что данную информацию он получил еще в феврале, но был занят, в том числе и зарубежными визитами, когда использовал ее в переговорах с партнерами, Тито подробно изложил югославскую точку зрения на актуальные вопросы мировой политики. К посланию был добавлен последний абзац, посвященный советско-югославским отношениям. Сославшись на последний разговор с Епишевым, Тито указал: «Вы считаете, что наши отношения движутся по пути дальнейшего улучшения. Мы с этим полностью согласны, но считаем необходимым избегать того, что может нанести вред их положительному развитию <...> Практика и время помогут решить то, в чем мы не соглашаемся». Существующие разногласия Тито охарактеризовал как небольшие в сравнении с «одинаковыми взглядами на более крупные и более важные проблемы». Югославский лидер выразил уверенность в том, что личные контакты и обмен мнениями помогут устранить расхождения, предусмотрительно заметив, что на подобные контакты, пусть «даже на самом высоком уровне, не следовало бы смотреть как на средство немедленного решения расхождений». При этом Тито выразил уверенность, что подобные контакты смогут «внести безусловный вклад в улучшение взаимопонимания и проложить дорогу к созданию соответствующих отношений между социалистическими странами»⁴³.

Уже на следующий день, 5 апреля, советское руководство приняло решение об «ответном визите» Громько в Югославию. Министру было поручено: «проинформировать Президента Тито и Госсекретаря по иностранным делам ФНРЮ Поповича о переговорах между СССР и США по вопросам, касающимся заключения германского мирного договора и нормализации на его основе положения в Западном Берли-

не, а также о работе Комитета 18-ти». Остальные поручения: о приглашении Тито и его ближайших помощников на отдых в СССР («в связи с пожеланиями, высказанными югославской стороной, о расширении контактов между руководящими государственными деятелями обеих стран»); о визите Брежнева в ФНРЮ («учитывая, что югославы уже поднимали вопрос о желательности осуществления ответного визита Председателя Президиума Верховного Совета СССР в Югославию»); о контактах между партиями («от имени ЦК КПСС подтвердить, что, как и прежде, мы выступаем за развитие этих контактов на основе принципов марксизма-ленинизма<...> поскольку югославы неоднократно ставили в Белграде и в Москве вопрос о желательности установления контактов между КПСС и СКЮ»); сказать, что советская сторона благожелательно относится к этому пожеланию («имея в виду, что в последнее время югославы официально поставили вопрос о расширении культурного обмена между СССР и ФНРЮ»)⁴⁴.

Пребывание Громыко в Югославии (помимо Белграда советский министр побывал в Дубровнике) с 16 по 21 апреля освещалось в югославской печати на первых полосах газет. Визит был столь успешным, что советский министр даже вышел за рамки указаний Президиума ЦК, которые предусматривали информирование Тито и К. Поповича. 19 апреля он имел обстоятельную беседу с Э. Карделем, в ходе которой значительное место было уделено обсуждению советско-югославских отношений. При обсуждении идеологических моментов Громыко повторил высказанное им уже ранее предложение Миятовичу о налаживании связей между КПСС и СКЮ⁴⁵.

Итоги визита министра были подведены 23 апреля на заседании Президиума ЦК КПСС («Информация т. Громыко А.А. о поездке в Югославию»). Вопрос вызвал достаточно активное обсуждение, участие в котором приняли Хрущев, Козлов, Косыгин, Микоян, Сулов и Брежнев, закончившееся весьма скромной формулировкой: «одобрить проведенную министром иностранных дел СССР т. Громыко А.А. работу во время поездки в Югославию с ответным визитом»⁴⁶.

Уже на третий день после информирования о поездке Президиума ЦК Громыко вышел с инициативой отправки в Белград послания Хрущева к Тито. 26 апреля он направив проект

письма лично Хрущеву (обычно документы из МИД для обсуждения на Президиуме адресовались ЦК). Тот, в свою очередь, передал проект на рассмотрение членов Президиума. Обсуждение текста проходило заочно и ограничилось минимальными предложениями по его дополнению от Сулова и Микояна⁴⁷.

28 апреля было принято решение «О письме Президенту ФНРЮ И. Броз-Тито», передать которое следовало через посла в Белграде. Помимо этого было решено «с текстом письма после его передачи Тито ознакомить через совпослов первых секретарей ЦК братских коммунистических партий европейских стран (кроме Албании)». Вопрос советско-югославского сближения в очередной раз вышел за рамки двусторонних отношений⁴⁸.

Существенной особенностью письма было то, что встречи Громыко с югославскими руководителями трактовались как беседы с «членами Исполкома ЦК СКЮ», имевшие место «по поручению ЦК КПСС и Советского правительства». В тексте также указывалось, что о визите Громыко «информировал ЦК КПСС и Правительство СССР». Последний абзац письма также содержал еще одну уловку. В письме Тито от 4 апреля о контактах между партиями не было ни слова. Поэтому составители письма в обобщенной форме положительно высказались о предыдущих разговорах. «К высказываниям о полезности развития отношений по партийной линии, – сообщалось в письме, – мы относимся с пониманием. Мы, как известно, стоим за единство действий партий социалистических стран на основе принципов марксизма-ленинизма, так как видим в этом силу нашего движения, силу нашего великого общего дела – социализма и коммунизма». В заключительных строках письма Хрущев еще раз повторил приглашение Тито приехать на отдых в СССР в текущем году: «Возможный Ваш и Ваших товарищей приезд на отдых в Советский Союз в этом году в удобное для Вас время, видимо, мог бы быть использован для обмена мнениями и по этим вопросам»⁴⁹. Построение фразы, таким образом, делало невозможным понять, будет ли обмен мнениями на отдыхе происходить по всему комплексу вопросов советско-югославских отношений, или же предложение относится только к разговорам по партийной линии.

Ярким событием, суммировавшим все, казалось бы, незначительные изменения и малозаметные до этого подвижки в двусторонних отношениях, произошедшие с января 1960 г., стала демонстрация закупленной для нужд ЮНА советской военной техники во время проведенного 1 мая 1962 г. в Белграде военного парада. Показ современных образцов советской техники, поступившей в распоряжение ЮНА, вызвал откровенное замешательство военных наблюдателей западных стран. Стало очевидным, что Запад утратил монополию в снабжении Югославии оружием, и «вот-вот произойдет радикальная переориентация югославского руководства в выборе нового военно-стратегического партнера»⁵⁰.

Формат письма Хрущева от 28 апреля, которым советская сторона и отвечала на последний абзац письма Тито от 4 апреля и предлагала югославам согласиться с предложенной интерпретацией визита Громько в Югославию, не требовал обязательного ответа. Тито сделал паузу в переписке, ограничившись направлением письма от 15 июня, в котором приглашал Брежнева как председателя Верховного Совета СССР (главу советского государства) приехать в Югославию с визитом⁵¹. Приглашение было передано послом Миятовичем лично Брежневу.

Начало июля 1962 г. было ознаменовано рядом важных событий. В эти дни Хрущев принял две высокопоставленные делегации, руководители которых помимо высоких государственных постов в ФНРЮ являлись членами Исполкома ЦК СКЮ. 2 июля советский лидер принял в Кремле югославскую парламентскую делегацию во главе с П. Стамболичем. В заключительной части встречи Хрущев напомнил о приглашении «товарищу Тито, а также и другим приглашенным товарищам» приехать в Советский Союз на отдых, имея в виду, что это произойдет летом («мы сможем вместе отдохнуть, купаться, охотиться и разговаривать»), напомнив о подобной практике в прошлом. «Сейчас сложились все условия для дальнейшего развития и укрепления наших дружественных отношений», – заметил советский лидер⁵². В тот же день (2 июля) в адрес Тито был направлен официальный ответ Брежнева с согласием принять приглашение и указанием 24 сентября как желательного срока начала визита⁵³.

На следующий день в Москву прибыла югославская экономическая делегация во главе с М. Тодоровичем. Были проведены краткие, но предварительно хорошо подготовленные переговоры с советской делегацией, во главе с Микояном. 5 июля Тодорович был принят Хрущевым, который в очередной раз, но уже менее настойчиво, просил напомнить Тито о приглашении в СССР⁵⁴. 6 июля был подписан Протокол о товарообмене на 1962 г.

* * *

Изложенные события советско-югославских отношений в рассмотренный период свидетельствуют о проявленном совместном стремлении руководителей двух во многом родственных политических режимов к сближению, которое нашло выражение во встречах на высшем уровне в СССР и Югославии, начиная с декабря 1962 г. В основе активизации взаимодействия, помимо общих подходов к мировым делам, лежало наращивание экономических связей, оформленных в марте 1961 г. пятилетним (1961–1965 гг.) торговым соглашением, и возобновление с января 1962 г. поставок советской спецтехники для нужд ЮНА. Существенное значение в развитии отношений имели поездка К. Поповича в Москву в июле 1961 г. и ответный визит в Югославию Громыко в апреле 1962 г., в ходе которого вне предварительных договоренностей состоялась его беседа с Карделем. Положительная динамика в развитии контактов была усилена двумя визитами в Москву в июле 1962 г. югославских делегаций во главе с высокопоставленными членами партийно-политического руководства (оба встретились с Хрущевым). Обмен письмами Тито и Хрущева 4 и 28 апреля 1962 г. также имел существенное значение – и как свидетельство взаимной заинтересованности в общей активизации связей, и как важный коммуникационный канал продвижения к договоренности о возобновлении официальных контактов между правящими партиями двух родственных режимов. Дальнейшими существенными исследовательскими задачами в изучении данного цикла советско-югославских отношений, как представляется, остается и необходимость уточнения выявленной эволюции в контексте обострения советско-албанских контактов и серьезного

осложнения советско-китайских отношений⁵⁵, происходивших параллельно с формированием советско-югославского геополитического и идеологического партнерства. Необходимо также и обстоятельное изучение советско-югославского экономического сотрудничества в эти годы как собственно в хозяйственно-экономической сфере, так и выявления того политического значения, которое ему придавалось и в Белграде, и в Москве.

Среди слабо изученных проблем – взаимодействие Москвы и Белграда на международной арене как в отношении Запада, так и в отношении стран в то время «мировой периферии». При рассмотрении обоих направлений внимание следует уделить более тщательному использованию имевшей место переписке между руководителями двух стран и налаженному к тому времени обмену информацией по дипломатическим каналам между сторонами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Pirjevec J. Tito in tovariši. Ljubljana, 2011. S. 460–462; Матонин Е. Иосип Броз Тито. М., 2012. С. 314–315.* Впрочем, слова автора о том, что заседание Верховного совета СССР «фактически было посвящено президенту иностранного государства» (Там же. С. 314), нуждается в уточнении.

² *Tripković Đ. Poboljšanje jugoslovensko-sovjetskih odnosa 1961–1962 // Tokovi Istorije. 2008. № 3–4. S. 78–79; Idem. Jugoslavija – SSSR 1956–1971. Beograd, 2013. S. 111. Dimić L. Jugoslavija i hladni rat. Beograd, 2014. S. 253–268; Bogetić D. Jugoslovensko-američki odnosi: 1961–1971. Beograd, 2012. S. 27, 39.*

³ Российскому исследователю Б.С. Новосельцеву, занимавшемуся рассмотрением данных сюжетов, в основном, в связи с изучением внешней политики Югославии в 1960-е гг. в целом, удалось достаточно удачно интегрировать в текст его монографии, изданной на основе доработанной диссертационной работы, всю палитру оценок сербской историографии. См.: *Новосельцев Б.С. Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2015 С. 31. 41. 44, 49–51.* Взгляды молодого историка на этот период нашли концентрированное выражение в предисловии к публикации одного из важных документальных свидетельств советско-югославских связей начала 1960-х гг. См.: *Новосельцев Б.С. Записка Н.С. Хрущева о беседах с Й.Б. Тито (январь 1963 г.) // «Славяноведение». №1. 2015. С.43–45.*

⁴ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. В 2 т. Т.1: 1946–1964. / Гл. ред. М. Милошевич и др. М., 2014. С. 302–318; Arhiv Jugoslavije (AJ). Kancelarija Predsednika Republike (KPR). II-2/178: U Užičkoj 15, 28. januara 1960. Izveštaj druga Svetozara Vukmanovića – Tempa o putu i boravku u SSSR; AJ. KPR. (837) I-2 / 12: Zabeleška o razgovoru druga Tita sa Hruščovom dana 28.IX.1960. См.: *Едемский А.Б.* К истокам новой фазы развития советско-югославских отношений в первой половине 1960-х годов // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: Сб. статей. М., 2016. С. 338–356.

⁵ «Правда». 1960. 6. XII. С. 4; «Правда». 1960. 24.XII. С. 3.

⁶ *Tito Broz Josip*. Govori i članci: 12.IX.1960–29.VI.1961. Knjiga XVII. Zagreb, 1962. S.152–155. О том, что «в этот раз главными инициаторами обвинений в адрес СКЮ были китайские делегаты» см.: Ibid. S.155.

⁷ AJ. KPR. I-5-b/99–10: Zabeleška o razgovoru državnog sekretara Koče Popovića sa otpravnikom poslova SSSR Deduškinom na prijemu za Seku Turea, 6. I. 1961 g. Kabinet Koče Popovića Str. pov. 8. Beograd, 12 januara 1960 g.

⁸ ДАМИПРС. ПА. 1961. Ф. 133. Д. 8/39178 24 januara 1961 god. Odnosi Jugoslavija – SSSR [Beleška povodom predaje akreditiva sovjetskog ambasadora Јејишева] S. 2; АВПФ. Ф. 0144. Оп. 47. Пк. 24. Д. 194. Л. 12–13. В. Николаев, Положение Югославии и советско-югославские отношения (справка, март 1961 г.)

⁹ Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Vol. XVI. Washington DC., 1994. P. 185. Doc. 88. Telegram from the Embassy in Yugoslavia (Rankin) to the Department of State.

¹⁰ Российский государственный архив новейшей истории (РГА-НИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 535. Л. 135.

¹¹ AJ. KPR. I-5-b/99–10: Zabeleška o razgovoru državnog sekretara Koče Popovića sa ambasadorom SSSR Aleksejem Јејишевом održanim 27 januara 1961 god.

¹² АВП РФ. Ф.0144. Оп.47. Пк.192. Д.4 Л.80–81. Из дневника А.А. Епишева. Запись беседы с А. Ранковичем 27 февраля 1961 г.

¹³ Архив внешней политики Российской федерации (АВП РФ). Ф. 0144. Оп. 47. Пк. 192. Д. 4. Л. 125–126; 130–132.

¹⁴ *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии... С. 49.

¹⁵ *Трипковић Ђ.* Jugoslavija – SSSR... С. 114–115.

¹⁶ AJ.KPR. 837. I-5-b/99–10. Šifrovani telegram (Tito) Str.pov.br.179. “Galeb”, 14.april 1961. Kardelju – Beograd.

¹⁷ *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии... С. 45; *Он же.* Записка Н.С. Хрущева о беседах с Й. Б. Тито (январь 1963 г.) // Славяноведение. 2015. № 1. С. 42.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 47. Пк. 192. Д. 4. Л. 156–160. Из дневника Епишева А.А. Информация.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 47. Пк. 194. Д. 24. Л. 22–36; 24 апреля 1961 г. А. Епишев. Информация о поездке в Хорватию и Словению.

²⁰ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 47. Пк. 194. Д. 24. Л. 24–26.

²¹ АЈ. КРР (837). I-5-b/99–10: Zabeleška o razgovoru Pomoćnika Državnog sekretara za inostrane poslove Vejvode sa Ambasadorom SSSR-a Jepiševim, na dan 2 aprila 1961 god.

²² АЈ. КРР. I-5-b/99–10: В. Crnobrnja. O razgovoru sa sovjetskim ambasadorom Jepiševom i ministrom-savetnikom Deduškinom, na prijemu kod Kubanac, 22.V.1961g.:

²³ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 54. Пк. 470. Д. 34. Л. 8–9. Сов. секретно «27» мая 1961 года. № 0637/дв. И. Тугаринов – тов. Кузнецову В.В.

²⁴ АЈ. КРР. I-5-b/99–10: Zabeleška o razgovoru Veljka Mićunovića, drž. potsekretara za inostrane poslove sa ambasadorom SSSR-a A. Jepiševom, dana 10 juna 1961 godine.

²⁵ АЈ. КРР. I-3-a/101–26: Zabeleška o razgovoru druga Predsjednika sa otpravnikom poslova Ambasade SSSR-a Deduškinom, 17.juna 1961 g. S.4.

²⁶ Тем же протоколом Президиума ЦК было оформлено принятое несколькими днями ранее решение, которым предусматривалась ратификация Советско-югославской консульской конвенции подписанной в Белграде 21 июня 1960 г. (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 486. Л. 21; 12. Протокол №335 заседания Президиума ЦК КПС от 29 июня 1961 г.)

²⁷ Встречи и переговоры на высшем уровне... С. 326.

²⁸ Там же. С. 322, 327.

²⁹ Државни архив Министарства иностраних послова Републике Србије (ДАМИПРС). ПА. 1961. Ф. 131. Д.9/421971: Телеграм из Москве (Мојсов). Број 631, 14.VII.1961.

³⁰ АВП РФ. Ф.0144. Оп. 47. Пк. 193. Д. 10. Л. 11–12; 19–21.

³¹ Одним из первых обменов мнениями между советскими и югославскими представителями по поводу предстоящей конференции неприсоединившихся государств и роли в ней Югославии был разговор 22 мая 1961 г. между сотрудниками посольств СССР и ФНРЮ в Индии. См.: Čavoški J. Jugoslavija i Kinesko-Indijski konflikt 1959–1962. Beograd, 2009. S.242–243.

³² РГАНИ. Ф. 3. Оп.14. Д.504. Л.145: Решение Президиума ЦК КПСС от 1.IX.1961 г. О приветственной телеграмме Н.С. Хрущева конференции неприсоединившихся государств в Белграде.

³³ Имеющееся в историографии утверждение, что Хрущев решил не направлять приветствие Конференции с далеко идущими выводами относительно недовольства Москвы ее проведением (*Đimić L. Jugoslavija i hladni rat. Beograd, 2014 S.*) нуждается в уточнении. См. Н. Хрущев – Председателю конференции неприсоединившихся госу-

дарств, Белград, 1 сентября // Правда. 1961. 2.IX. С. 1.

³⁴ *Bogetić D., Dimić L.* Beogradska konferencija nesvrstanih zemalja: prilog Istoriji Trećeg sveta. Beograd, 2013. S. 371.

³⁵ Югославија – СССР. Сусрети и разговори на највишем нивоу руководиоца Југославије и СССР 1946- 1964. Том 1. Београд, 2014. С. 719 (комментарий № 562). В частности, без ссылок на источники, указано, что внесение Тито, по просьбе советской стороны, правок в доклад, вариант которого уже был направлен в посольства США и СССР, «открыло конфликт с Западом».

³⁶ *Bogetić D., Dimić L.* Beogradska konferencija... S. 358

³⁷ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 48. Пк. 197. Д. 13. Л. 1–16: 27 декабря 1961 г. Политическое письмо. Об отношении в Югославии к XXII съезду КПСС; Подробнее см.: *Едемский А.Б.* Проекция второй волны десталинизации в СССР на развитие советско-югославских отношений в XX веке. Сборник научных статей. Выпуск 4. Под ред. проф. В.Т. Юнгблода. Киров, 2016, С. 295–317.

³⁸ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 47. Пк. 194. Д. 19. Л. 21. Запись беседы заместителя Министра внешней торговли тов. Семичастнова И.Ф. с главой торговой делегации ФНРЮ – Заместителем Председателя Комитета внешней торговли т. Гайновичем В., состоявшейся 22 декабря 1961 года.

³⁹ См. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 48. Пк. 198 Д. 19. Л. 30–35. С. Аставин – А.А. Епишеву, 19 марта 1960 г. 20 марта 1962 К вопросу об экономических отношениях между СССР и Югославией. Из беседы тов. Н.С. Хрущева с югославским послом Ц. Миятовичем 27 декабря 1961 г.; О беседе тов. А.Н. Косыгина с югославским послом Ц. Миятовичем 5 января 1962 г. О совершенствовании экономических связей и создании смешанной Комитета по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 51. Л. 175–176; Встречи и переговоры на высшем уровне... С. 335; ДАМИПРС. ПА. 1962. Ф. 126. Д15/43145. *Zabeleška o razgovoru državnog sekretara Koče Popovića sa ambasadorom Aleksejom Jepišovim, održanim 20. januara 1962. god.*

⁴¹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 48. Пк. 197. Д. 13. ЛЛ. 75–77. Б. Сухомлинов Советско-югославские отношения [на основе беседы с тов. Епишевым], 19.III.1961 г.

⁴² *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi: 1961–1971. S. 67–68; *Tripković Đ.* Jugoslavija – SSSR... S. 127.

⁴³ А.И. КРР. I-1/992 S. 2. Beograd, 4. aprila 1962.

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 75. Л. 1. Выписка из протокола №24 заседания Президиума ЦК КПСС от 5 апреля 1962 г.

⁴⁵ Встречи и переговоры на высшем уровне... С.335.

⁴⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 52. Л. 3. Протокол заседания Президиума №27 от 23 апреля 1962 г. (постановления за 18–23 апреля 1962 г.)

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 84. Л. 96–115.

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 52. Л. 29, 72–76.

⁴⁹ АЖ. КPRI-1-992. С.1; 4–5.

⁵⁰ *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi... S. 72.

⁵¹ АЖ. КPRI-1/993.

⁵² АЖ. I-5-b/99–11: Zabeleška o razgovoru druga Petra Stambolića i delegacije Savezne narodne skupštine sa N.S.Hruščovim, 2. jula 1962. god. S. 18–19.

⁵³ АЖ. КPR. I-1/993.

⁵⁴ Встречи и переговоры на высшем уровне... С. 337–339.

⁵⁵ Известно, что соответствующие югославы внешнеполитические службы внимательно следили за удалением Тираны от Москвы и ее приближением к Пекину. Доступные материалы, содержавшие, в частности, вывод о том, что ход и темпы «отделения Албании от СССР и восточного лагеря будет обусловлен сутью конфликта между Китаем и Советским Союзом» подробно рассмотрены в фундаментальной монографии А. Животича «Югославия, Албания и великие державы» (*Животић А.* Југославија, Албанија и велике силу (1945–1961). Београд, Архипелаг/ИНИС, 2011. С. 632).

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ
ОТ КОНФЛИКТОВ
К НОРМАЛИЗАЦИИ

Каори Кимура

ЧЕТЫРЕ СОВЕЩАНИЯ ЮГОСЛАВСКОЙ ПОЛИТЭМИГРАЦИИ В СССР И СТРАНАХ «НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ» И ИХ РОЛЬ В АНТИТИТОВСКОЙ КАМПАНИИ В 1948–1954 гг.

Поступательное ухудшение отношений между Белградом и Москвой, начиная с весны 1948 г., привело к развертыванию в странах «народной демократии» мощной антиюгославской медиа-кампании: в газетах и журналах каждый день печатались статьи со все более резкой критикой югославского подхода к социализму.

Причины советско-югославского конфликта 1948 г. и ход последующего противостояния Москвы и Белграда, равно как и международные последствия этого конфликта, многократно становились объектом внимания историков и на сегодняшний день могут считаться неплохо изученными. Несколько меньше внимания исследователями было уделено тем югославским политическим силам, которые могли рассматриваться как потенциальные коминформовского влияния, и к которым, прежде всего, и апеллировало своей резолюцией второе совещание Коминформа (июнь 1948 г.). Реакция югославского общества на резолюцию не была однозначной. Противники коммунистического режима не могли не видеть в происходящих событиях знак ослабления неприемлемой для них власти, что внушало некоторые надежды на перемены. Однако тысячи убежденных коммунистов в Югославии верили в правоту позиции Коминформа, Сталина и ВКП(б) в советско-югославском конфликте по идейным мотивам, либо просто не могли усомниться в победе генеральной линии мирового коммунистического движения. Значительное число оппонентов режима Тито прошло, как известно, через репрессии. Немало сторонников Коминформа проявило себя среди граждан и выход-

цев из Югославии, оказавшихся в силу разных обстоятельств за пределами страны. В центре внимания данной статьи – деятельность югославской коминформовской политической эмиграции, сформировавшейся в странах народной демократии после резолюции второго, бухарестского совещания Коминформа¹.

Резолюция второго совещания Коминформа, принятая в июне 1948 г., застала некоторую часть югославских коммунистов за пределами страны, коренным образом изменив их положение. Известно, что все главы коммунистических режимов Центральной и Юго-Восточной Европы одобрили резолюцию. В этих условиях немало членов КПЮ, находившихся на дипломатической работе, в командировках, на учебе в СССР и странах «народной демократии», не веря в возможность длительного и эффективного сопротивления режима Тито сталинскому давлению, предпочли сделать выбор в пользу Коминформа. Так, югославский посол в Румынии Голубович² ушел в отставку сразу после опубликования резолюции Коминформа. 2 августа 1948 г. было опубликовано его заявление в газете «Правда», в котором делался акцент на неправоте югославской политической линии, подчеркивалось, что именно из-за несогласия с ней он и ушел в отставку. О своей верности линии Коминформа заявило также немало сотрудников посольств Югославии в некоммунистических странах³. Генерал югославских ВВС П. Попивоода⁴ сбежал из Югославии, мотивировав свой поступок «террором Тито»⁵. Таким образом, происходило формирование категории лиц, не согласных с политической линией режима Тито на противостояние давлению Сталина и Информбюро. В сербском языке за ними закрепилось слово «беовац», которое является синонимом определений «коминформовец», «информбюровец» и т.д. Чаще всего этими людьми двигала прежде всего уверенность в том, что Тито неизбежно проиграет в споре со Сталиным, и вся верхушка руководства КПЮ будет заменена⁶. Именно из этих людей комплектовались политэмигрантские организации, использовавшиеся в антититовской деятельности Коминформа.

В аппарате ЦК ВКП(б) сразу после опубликования резолюции второго совещания Информбюро возникла идея использовать в качестве инструмента антититовской кампании югос-

лавских политэмигрантов и в том числе бывших сотрудников югославских посольств, выступивших с осуждением официального Белграда. Делами югославской политэмиграции ведал Отдел внешних сношений (далее – ОВС) ЦК ВКП(б)⁷. В плане его деятельности за октябрь-декабрь 1948 г. фигурировали «организация работы среди находящихся в эмиграции югославских коммунистов в связи с положением в компартии Югославии» и «оказание помощи югославским коммунистам, находящимся в эмиграции, в их работе по осуществлению решения Информбюро»⁸.

По данным начала декабря 1948 г., на территории СССР находилось около 500 югославов, учившихся в советских военно-учебных заведениях, и около 50 югославских студентов в гражданских вузах СССР. Эти люди не вернулись на родину после опубликования Резолюции второго совещания и, как правило, в той или иной форме солидаризировались с линией Информбюро. К тому времени в Советский Союз эмигрировало 28 югославов. Из этой среды неоднократно поступали обращения в ЦК ВКП(б) с предложениями о создании единого руководства политэмиграции, а также оперативных групп в Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании для переправки пропагандистских материалов в страну, сбора информации, переброски людей для ведения подпольной деятельности. Возникла также идея провести общее (либо более узкое) собрание представителей югославской эмиграции, оказавшихся в СССР⁹. В связи с этим заместитель заведующего отделом ЦК ВКП(б) Б.Н. Пономарев в период с 3 по 16 декабря 1948 г. несколько раз отправлял члену Политбюро Г.М. Маленкову записки по поводу работы югославских эмигрантов¹⁰. Суть дела заключалась в том, что «отдел внешних сношений ЦК ВКП(б) считает необходимым развернуть активную деятельность югославских политэмигрантов, как находящихся в СССР, так и в других странах, придать этой работе организованный характер, обеспечивая объединение политэмиграции и ее тесное взаимодействие с силами компартии, усиливающими в борьбе против террористического режима группы в Югославии»¹¹.

Что касается образования организационного центра, который мог бы координировать деятельность отдельных групп коминформовской политэмиграции в других странах, то, по

данным от 3 декабря 1948 г., в ОВС ЦК ВКП(б) возникла идея сформировать такой центр в Румынии. Однако вскоре возобладало мнение о целесообразности создать центр в Чехословакии, поскольку в Праге уже к этому времени существовала довольно организованная группа югославских эмигрантов, сложившаяся вокруг газеты «Нова Борба» («Новая борьба») ¹². В качестве кандидатур для выполнения руководящих функций были выдвинуты коммунисты, имевшие наибольший политический опыт, – Р. Голубович, П. Попивода, С. Иванович. Согласно имевшимся планам, организационный центр югославских политэмигрантов должен был иметь возможность решать все вопросы, связанные с изданием газеты «Нова борба», листовок и других пропагандистских материалов, осуществлять постоянные контакты с политэмиграцией в других странах и конспиративные связи с нелегальными группами коммунистов в самой Югославии, организуя сбор информации о положении в стране и реагируя на запросы ¹³. Как явствует из документа ОВС ЦК ВКП(б) от 8 декабря 1948 г., к делу должен был подключиться и Секретариат Информбюро, которому предстояло оказать необходимое содействие югославским коммунистам при организации координационного центра в Праге и объединенных групп в Румынии, Болгарии, Венгрии, Албании, а также обеспечить ЦК ВКП(б) систематической информацией о югославской политэмиграции в вышеуказанных странах ¹⁴.

В начале декабря 1948 г. Б. Пономарев неоднократно обращался к Г. Маленкову с предложением о созыве в Москве совещания югославских политэмигрантов, находящихся на территории СССР. На нем было бы принято решение о создании в Москве инициативной группы югославских политэмигрантов, намечены практические задачи политэмиграции. Работу по подготовке и проведению совещания должен был координировать ОВС ЦК ВКП(б) ¹⁵ /кто должен был координировать?/.

Для развертывания активной работы среди югославских политэмигрантов был поднят вопрос о необходимости создания специальной комиссии. 8 декабря 1948 г. Пономарев внес предложение Маленкову об организации под эгидой ОВС ЦК ВКП (б) специальной группы или комиссии для обеспечения

контроля за работой среди югославских политэмигрантов. В следующем документе (от 15 декабря) были высказаны конкретные соображения о составе этой комиссии, куда предполагалось включить представителей ОВС ЦК ВКП (б), МГБ СССР, главного политического управления и управления внешних связей министерства вооруженных сил СССР. В итоге в комиссию вошли Попов Г.М., Пономарев Б.Н., Хрулев А.В. и Холодков В.А.¹⁶

Пономарев также просил разрешения у Маленкова направить П. Попивода в командировку сроком на две недели в Румынию и Чехословакию с целью налаживания связей с группами югославских политэмигрантов в этих странах¹⁷. Поездка состоялась в январе 1949 г. Перед отъездом Попивода имел беседу с заместителем заведующего ОВС ЦК ВКП (б) В.В. Мошевым. Присутствовали как сотрудники аппарата, так и представители эмиграции. В ходе беседы П. Попивода внес ряд предложений, согласованных с группой югославских коммунистов в Москве. Он высказался относительно необходимости укрепить состав редакции «Нова Борба», был вновь поднят вопрос о создании руководящего центра югославских политэмигрантов именно в Москве. По мнению представителей московской эмигрантской группы, «назрела необходимость организационно объединить югославов коммунистов-политэмигрантов, находящихся в Болгарии, Албании, Венгрии и Румынии, и помочь им наладить тесные связи со страной». П. Попивода планировал обговорить все организационные вопросы, связанные с созданием координационного центра, с Р. Голубовичем, находившимся в Бухаресте, а затем вместе с ним выехать в Прагу для обмена мнениями с руководителями редакции газеты «Нова Борба» и обосновавшимися в столице Чехословакии югославскими журналистами-коминформовцами¹⁸.

Югославская политэмиграция в Чехословакии образовалась еще в августе 1948 г. Ведущую роль в ней играли С. Иванович, М. Райкович и П. Драгила, которые одновременно входили в редколлегию «Новой борбы». Однако с первых месяцев чехословацкую группу раздирали конфликты¹⁹. К тому же у Ивановича были амбиции превратить «Нову Борбу» в центральный орган всей политэмиграции. В ходе поездки Попиводы

в Бухарест и Прагу как раз и выявились такого рода негативные стороны в деятельности соответствующих эмигрантских групп, особенно в Чехословакии. Как это ни странно, на это первыми обратили внимание в отделе международных связей ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). С 28 по 31 января 1949 г. в Праге состоялось общее собрание партийной организации югославы, обосновавшихся в Чехословакии. В нем приняли участие Попивода и Голубович, обратившие внимание собравшихся на нездоровую обстановку как в партийной ячейке, так и в редакции «Новой Борьбы». На заседании было решено совместно с руководителями групп югославских эмигрантов в СССР и Румынии созвать в течение марта 1949 г. общее собрание представителей всех югославских групп в СССР и странах «народной демократии» с целью создания новой редколлегии газеты и передачи этого издания под непосредственное руководство Информбюро²⁰. Во время беседы с советским функционером П. Антиповым от 3 февраля 1949 г. Попивода выразил удовлетворение своей поездкой в Прагу, но при этом негативно оценил обстановку, сложившуюся в эмигрантской группе в Чехословакии. Он предлагал отправить Голубовича в Прагу, чтобы тот взял в свои руки руководство изданием²¹. Эта идея так и не была осуществлена.

На основании изученных нами архивных документов приходим к выводу о том, что вопрос о возможности выхода в Советском Союзе газеты югославских политэмигрантов на сербском языке впервые был поставлен в записке работника ОВС ЦК ВКП (б) И. Медведева заместителю заведующего отделом ЦК ВКП (б) Б.Н. Пономареву от 26 февраля 1949 г.²² В нем было подробно написано о планах издания такой газеты на территории Советского Союза. В этой записке по поводу технического обеспечения издания было предложено, чтобы полиграфическим набором занималась типография «Искра революции», где имелись соответствующие шрифты, а печатание газеты предполагалось наладить в типографии газеты «Известия». В качестве официального издателя были предложены «или Славянский комитет СССР или ВОКС, осуществляющие задачи культурного сотрудничества с зарубежными (в том числе со славянскими) странами». Как отмечалось в записке, чтобы укрепить контроль над работой редакции, «в рабочий

аппарат редакции следовало бы привлечь несколько работников редакции журнала «Славяне» и Отдела печати Славянского Комитета СССР, а также 2–3 югославских коммунистов, находящихся в СССР»²³.

Тут необходимо обратить внимание на то, что в этой записке не было упомянуто ни одного имени югославских эмигрантов в качестве членов редакционной коллегии и сотрудников редакции, что свидетельствует, прежде всего, о неготовности доверить им сколько-нибудь ответственные функции в пропагандистском аппарате. По предложению внешнеполитического отдела ЦК ВКП (б), «в состав редколлегии газеты следовало бы ввести несколько видных советских писателей, журналистов, ученых и деятелей культуры, которые известны в Югославии (т.т. Тихонова Н.С., Полевого Б.Н., академика Грекова Б.Д., Суркова А.А, Рыльского М.Ф.), а также 2–3 товарищей, знающих сербский язык». Как отмечалось далее, главным редактором мог бы быть т. Тихонов Н.С. Его заместителем предполагалось назначить «политически проверенного товарища», обязательно со знанием сербского языка (Предлагались кандидатуры В.М. Сахарова, В.И. Лесакова, Н.Н. Бондаря)²⁴.

Очевидно, что без участия югославских эмигрантов, знающих положение в стране, редколлегия не сумела бы начать функционировать. Соответствующий проект был разработан и, судя по всему, представлен в ЦК ВКП (б) еще в марте-апреле 1948 г. В проекте постановления ЦК ВКП (б), посланном вместе с запиской на имя Сталина от 26 марта 1949 г., были перечислены имена югославских коммунистов-политэмигрантов, которых предполагалось включить в редколлегию – Р. Голубович (главный редактор), П. Попивоца, П. Лукин, А. Алиходжич и М. Ешич. Туда же были вписаны имена работников ОВС ЦК ВКП(б) В.И. Лесакова и В.М. Сахарова²⁵.

Как выясняется, печатанием нового периодического издания должна была заняться типография «Известий». В проекте было предложено обязать издательство «Известия» «в двухнедельный срок закончить подготовку материально-технической базы и подбор необходимых кадров полиграфистов для издания газеты на сербском языке» в своей типографии. Так же было указано, что Министерство лесной и бумажной промышленности СССР должно было поставить к 10 апреля 1949 г.

издательству «Известия» для спецнужд 10 тонн высококачественной (тонкой) бумаги²⁶. Чтобы поднять уровень ведения пропаганды, решено было привлечь ТАСС и Всесоюзный радиокomitee, которые обязали обеспечить редакцию текущей информацией (в том числе радиосообщениями) и готовыми к публикации материалами из Югославии²⁷.

Первоначальным вариантом названия периодического издания на сербском языке, издаваемого на территории Советского Союза, стало, видимо, «Под знаменем интернационализма». Затем в среде политэмиграции был предложен другой вариант – «Народная Югославия», а окончательный выбор был сделан в пользу названия «За социалистическую Югославию»²⁸. Кроме того, газета на сербском языке под названием «Под знаменем интернационализма» («Под заставам интернационализма») начала издаваться с 15 мая 1949 г. в качестве органа югославской политэмиграции в Румынии, где находились структуры аппарата Коминформа. В Болгарии стало выходить издание «Напред» на македонском языке.

По решению политбюро ЦК ВКП (б), был разрешен созыв в Москве в начале апреля 1949 г. закрытого собрания 50–60 наиболее активных югославских коммунистов, на котором было принято решение об издании газеты «За социалистическую Югославию» и формировании ее редакции в составе Р. Голубовича, П. Попиводы, П. Лукина, М. Ешича, А. Алиходжича, В. Видмара и М. Савича²⁹. Первый номер вышел 1 мая 1949 г.³⁰

Следует отметить, что редакция нового издания с самого начала ее создания выполняла функции, не ограничивавшиеся подготовкой газеты. По сути, она стала руководящим органом югославской политэмиграции в СССР и странах «народной демократии». Члены редакции часто отправлялись в командировки в страны Восточной Европы с целью ознакомления с положением югославских эмигрантов в этих странах, оказания им помощи и обмена опытом³¹.

Итогом поездки П. Попиводы и М. Савича в апреле-мае 1949 г. в Болгарию, Румынию и Венгрию стало обращение в аппарат ЦК ВКП(б) к Л.С. Баранову с предложением о создании временного руководства КПЮ в эмиграции, которое действовало бы под началом Информбюро. По их мнению, оно должно было координировать усилия в целях свержения существующей

ющего режима, представлять КПЮ в Информбюро, направлять работу всех групп югославской эмиграции, установить связи с Югославией и приступить к созданию в самой стране подпольного центра, формированию условий для последующего функционирования нового партийного руководства уже в самой Югославии после свержения власти Тито. Оно должно было также руководить коминформовской печатью и радио-пропагандой, ориентированной на Югославию³². Таким образом, к весне 1949 г. в коминформовской среде усиливались настроения в пользу не только укрепления групп политэмигрантов в отдельных странах, но и централизованной структуры в рамках всего советского блока. Ее первым элементом стала редакция «За социалистическую Югославию».

Несмотря на то, что именно редакция этой газеты долгое время выполняла руководящие функции, все сильнее витала в воздухе идея создания более жесткого и централизованного руководства югославской политэмиграции в рамках всего формирующегося советского блока³³. Вопрос о создании единого центра югославские эмигранты в Венгрии обсуждали еще летом 1949 г.³⁴ 5 августа 1949 г. от имени М. Велемира и Г. Трбовича, стоявших во главе югославской политэмиграции в Венгрии, было составлено письмо, объяснявшее недостатки в пропагандистской работе отсутствием единого, централизованного руководства политэмигрантами в масштабе всего советского лагеря. В письме содержались конкретные предложения относительно состава руководства и его местонахождения. По замыслу, местопребыванием руководящего органа, носящего временный (вплоть до проведения более широкого съезда) характер, должен был стать Бухарест³⁵. Руководство, как отмечалось, «должно быть сменяемым, пополняясь новыми силами, которые будут расти в процессе борьбе против Тито», в него должны войти «хорошие и преданные делу коммунисты без различия, какие посты они занимали прежде»³⁶.

Идея создания руководящего центра в Бухаресте была на определенном этапе отброшена. Как следует из документов, в июне 1950 г. разрабатывается проект формирования подобного рода структуры в Москве. В круг ее задач предполагалось включить проведение идейно-воспитательной работы в эмигрантской среде, подбор кадров для выполнения тех или иных

функций, оказание всесторонней помощи партийным организациям и редакциям газет, координация пропагандистской деятельности по дальнейшему разоблачению «клики Тито-Ранковича». В состав узкого центра предполагалось включить представителей эмигрантских групп, функционировавших в СССР, Румынии и Болгарии. Это были П. Попиво́да, Р. Голубович, И. Петранович, А. Опоевлич и П. Мишич³⁷.

Первый шаг к созданию единого центра югославской политэмиграции был сделан на так называемом «совещании представителей югославской революционной эмиграции по вопросу пропагандистской и организационной работы на последующий период освободительной борьбы югославского народа против клики Тито-Ранковича», созванном 27–28 июля 1950 г. в Бухаресте (по решению секретариата Информбюро от 22 апреля 1950 г.). Совещание определило круг задач, стоящих перед югославскими эмигрантами, живущими в СССР и странах «народной демократии», на нем обсуждались также способы их решения. Совещание акцентировало особое внимание на важности установления тесного и постоянного контакта между группами политэмигрантов, функционировавшими в отдельных странах, в целях обеспечения взаимной помощи. Была подчеркнута также важность взаимоотношений эмигрантских групп с руководящими органами компартий соответствующих стран, содействующих их деятельности. Итогом совещания стало единогласное принятие решения о создании единого координационного центра югославской эмиграции и проведении необходимой для этого организационной работы³⁸. В результате создается узкое бюро по связям между группами югославской политэмиграции при редакции газеты «За социалистическую Югославию» в Москве. Ему в обязанности, согласно принятому документу, вменялись: объединение и координация усилий групп югославских эмигрантов «по дальнейшему разоблачению клики Тито-Ранковича в Югославии»; оказание помощи в работе группам эмигрантов и редакциям издаваемых ими газет и бюллетеней; проверка и изучение кадров югославской эмиграции в СССР и странах народной демократии; организация идейно-воспитательной работы среди политэмигрантов³⁹. По мнению секретариата Информбюро, это узкое бюро, содействующее дальнейшему

объединению югославской эмиграции вокруг газеты «За социалистическую Югославию», должно было стать временным органом в процессе создания более полномочного центра по координации деятельности югославских коммунистов, находящихся как в эмиграции, так и в самой Югославии⁴⁰.

6 декабря 1950 г. члены редакции газеты «За социалистическую Югославию» снова обратились в ЦК ВКП(б) с просьбой обсудить вопрос о скорейшем создании официального и полномочного руководящего центра югославской «революционной эмиграции» в СССР и «странах народной демократии»⁴¹. В соответствии с постановлением ЦК от 19 декабря 1950 г. новая конференция представителей всех групп югославской политэмиграции состоялась в Бухаресте 17–18 января 1951 г.⁴²

В рамках конференции состоялось 3 заседания. В центре внимания находился вопрос о создании единого Координационного центра югославской эмиграции в СССР и странах «народной демократии». На первом заседании П. Попиво́да, представлявший редакцию газеты «За социалистическую Югославию» и югославскую политэмиграцию в СССР, сформулировал целый ряд задач, которые предстояло выполнять такому центру⁴³. Он призвал также к выборам руководства, которое должно было сосредоточиться на их практическом решении⁴⁴.

На третьем (завершающем) заседании от имени делегаций политэмигрантов, приехавших из разных стран, был избран координационный центр, куда вошли П. Попиво́да (руководитель центра), Р. Голубович (заместитель руководителя и главный редактор печатного органа «За социалистическую Югославию»), И. Петранович, Д. Новаков, А. Рупник, Р. Андрич и Ж. Люболев⁴⁵. Конференция предоставила право координационному центру в период между конференциями кооптировать в свой состав по согласованию с ЦК компартиями и руководствами групп политэмигрантов в отдельных странах не более трех человек, она обязала также своих делегатов в целях конспирации не разглашать состав избранного координационного центра, за исключением члена этого центра, рекомендованного данной группой⁴⁶.

Следует отметить, что в среде югославских политэмигрантов усиливались амбиции представлять Югославию в различ-

ных международных организациях, включая Коминформ, и, в конце концов, создать новую коммунистическую партию Югославии со своим руководством⁴⁷. Очевидно, у Белграда, ставшего осенью 1949 г. абсолютным изгоем в коммунистическом лагере, до 1954 г. не было совершенно никакой возможности вернуться в свой «старый дом», а надеждой на спасение режима явилось только развитие отношений с западными странами. Более того, с усилением давления Коминформа на Белград с конца 1949 г. западные державы, особенно США, Великобритания, Франция, проявили готовность оказать помощь Югославии. К началу 1950-х гг. Югославия наладила довольно тесные экономические отношения с западными странами. Разумеется, чем сильнее становился разрыв, тем активнее в среде югославских политэмигрантов проявлялись настроения в пользу необходимости скорейшего создания альтернативной компартии, находящейся под эгидой Москвы.

Таким образом, создание Координационного центра югославской политэмиграции в масштабе всего советского блока активизировало всю ее деятельность⁴⁸. 15–17 февраля 1951 г. в Москве состоялось первое рабочее заседание этого центра. Рассматривались планы работы, обсуждались конкретные мероприятия по совершенствованию деятельности всех эмигрантских групп в отдельных странах⁴⁹. В апреле 1951 г. от имени Координационного центра было направлено письмо Сталину с просьбой о создании особой партийной школы в целях улучшения политической подготовки представителей югославской эмиграции с двухлетней программой обучения⁵⁰. В течение 1951 г. эмиграция значительно выросла, при этом многие эмигранты не только получили работу и включились в партийную учебу, но стали гражданами соответствующих стран, приобщились в той или иной мере к общественно-политической жизни. Югославские студенты в СССР, Чехословакии и Румынии получали не только политическое, но и специальное образование⁵¹.

Координационный центр расширял также свою деятельность в рамках разных всемирных организаций. До его создания югославская политэмиграция имела своих представителей только во Всемирном совете мира, а после его создания они были делегированы в руководящие органы и других контроли-

руемых Москвой международных организаций – Всемирной федерации профсоюзов, Международной демократической федерации женщин, Международной организации участников сопротивления и борцов против фашизма. Таким образом, с момента своего образования и вплоть до третьей конференции групп югославской политэмиграции в СССР и странах «народной демократии» (17–19 января 1952 г.) Координационный центр активно обращался к разным международным организациям с целью приема в них своих представителей⁵².

Координационный центр развивал взаимоотношения с ВКП (б) и другими коммунистическими партиями. В 1951 г. от Венгерской партии трудящихся (ВПТ) он получил приглашение послать делегацию на ее второй съезд, а от Албанской партии труда – на празднование десятилетия основания партии. В обоих случаях делегаты выступили с приветственными речами от имени югославской «революционной» эмиграции. Позже, в октябре 1952 г., Попивода от ее имени выступал и на XIX съезде КПСС.

Что касается периодических изданий, то к началу 1951 г. издавались газеты югославских эмигрантов в СССР, Чехословакии, Румынии, Болгарии и Албании – «За социалистическую Югославию» („За социјалистичку Југославију“), «Новая борьба» („Нова борба“), «Под флагом интернационализма» („Под заставом интернационализма“), «Вперед» („Напред“), «За свободу» („За слободу“)⁵³. Не было только газеты на словенском языке для ведения пропаганды против режима Тито именно на словенскую аудиторию. Решением этого вопроса занялся Координационный центр. Еще до его создания, в 1949–1950 гг., главный редактор основного печатного органа Коминформа «За прочный мир, за народную демократию» П.Ф. Юдин неоднократно обсуждал с генеральным секретарем ЦК ВПТ М. Ракоши идею создания именно в Венгрии периодического издания на словенском языке. Лидер венгерских коммунистов, который весьма скептически относился к уровню политической и идеологической подготовки югославской эмиграции в Венгрии, воспринял это предложение без энтузиазма. Более того, он считал целесообразным даже сократить количество югославских эмигрантских периодических изданий в рамках всего советского лагеря в интересах повышения качества ос-

тавшихся⁵⁴. Однако проблема активизации пропагандистской кампании в Словении периодически обсуждалась и, в частности, на совещании представителей всех групп югославских политэмигрантов 27–28 июля 1950 г. В повестку дня соответственно был вновь поставлен и вопрос об издании газеты на словенском языке⁵⁵. Однако до его практического решения дело дошло лишь в январе 1951 г., когда этим занялся Координационный югославской «революционной» эмиграции⁵⁶. К этому времени Ракоши уже не возражал против выпуска издания на словенском языке именно в Будапеште от имени группы политэмигрантов, сложившейся в Венгрии⁵⁷. В записке о деятельности Координационного центра было отмечено, что задача наладить издание печатного органа «За народную победу» („За људско змаго“) была успешно решена при всесторонней поддержке ЦК ВПТ и непосредственной помощи М. Ракоши⁵⁸.

В целях практического решения вопроса о печатном издании для словенской публики Координационный центр командировал в Венгрию сроком на 2 месяца работавшего в Румынии Д. Новакова, который оказал непосредственную помощь в организации работы редакции, при отборе людей и написании статей для нескольких первых номеров газеты. Он передал свой опыт, который приобрел, будучи главным редактором другого югославского политэмигрантского издания⁵⁹. Итак, первый номер издания «За народную победу», рассчитанного на словенскую аудиторию, вышел 1 мая 1951 г.

В течение 1951 г. Координационный центр активно проявлял себя в международных организациях, старался развивать взаимоотношения с компартиями в СССР и странах «народной демократии», укреплялись связи между редакциями политэмигрантских газет. Центральное место в антититовской пропаганде занял тот факт, что Югославии удалось получить кредит в 38 млн долларов США на основе подписанного 6 января 1951 г. соглашения об условиях выполнения закона «О чрезвычайной помощи Югославии» (29 декабря 1950 г. был одобрен конгрессом США)⁶⁰.

Активизировавшаяся деятельность югославской политэмиграции показывала ее готовность внести свой вклад в свержение режима Тито, с тем, чтобы именно политэмигранты-ко-

минформовцы заняли места в новом руководстве Югославии. В обстановке продолжавшейся в рамках всего советского лагеря антиюгославской истерии 17–20 января 1952 г. по инициативе Координационного центра было созвано новое совещание представителей групп югославских политэмигрантов в СССР и странах «народной демократии». Состоялось 6 заседаний. Были подведены итоги деятельности коминформовской эмиграции в 1951 г., поставлены задачи на будущее, не упуская из виду задачу создания новой компартии Югославии.

На первом заседании с докладом выступил П. Попивода, сформулировавший перед собравшимися две главные задачи: сформировать новую югославскую компартию, верную марксизму-ленинизму, и ликвидировать «фашистский режим» Тито, заменив его «народной демократией». По словам Попиводы, «в условиях фашистского режима и террора, компартию можно организовать только на принципах централизма», и «сегодняшние революционные организации коммунистов, руководящие борьбой вместе с отрядом коммунистов из рядов эмиграции, составляют основу, на которой может быть сформирована новая коммунистическая партия». Для этого «необходимо создать единый фронт всех патриотов, в который входили бы все заинтересованные в свержении титовского фашистского режима югославы», ибо как примеры из прошлого, так и современные примеры подтверждают необходимость единых фронтов в освободительном движении⁶¹. Как продолжал Попивода, борцы с существующим в Югославии режимом должны «разработать и уметь использовать в деятельности революционно-освободительных сил в стране все легальные и нелегальные формы борьбы», а поэтому им «необходимо до конца очистить свои ряды для того, чтобы обнаружить и изгнать из своей среды всех титовских агентов и спекулянтов», необходимо добиться того, чтобы все «средства борьбы – печать, радиостанция, международные трибуны, помощь братских компартий и т.д. они использовали максимально, обрушивая всё это на врага». Задача, по словам П. Попиводы, состояла в том, чтобы выбрать из рядов эмиграции хорошие, проверенные и закаленные партийные кадры для новой компартии⁶².

Совещание приняло решение активизировать работу по формированию новой коммунистической партии Югославии

и в связи с этим поручило Координационному центру принять практические шаги для решения вопросов, связанных с ее образованием. Совещание приняло резолюцию «о положении в Югославии и дальнейших задачах революционных патриотических сил народов Югославии, находящихся в стране и в эмиграции». Было решено, «руководствуясь советами братских компартий», в максимальной степени использовать имеющиеся средства и «проверенные силы югославской революционной эмиграции», в том числе ее печать и радиовещание, для помощи югославским коммунистам в идеологической и организационной подготовке выстраивания революционной партии⁶³.

В резолюции среди прочего указывалось, что «необходимым условием возвращения Югославии в социалистический лагерь и залогом победоносного осуществления освободительной программы единого фронта патриотов Югославии, ведущих борьбу против тито-фашистского режима и империалистического рабства», является возникновение «руководящей и направляющей силы этой борьбы – подлинно коммунистической партии Югославии, верной марксизму-ленинизму и принципам пролетарского интернационализма». Югославская коминформовская политэмиграция была призвана укреплять политическое и организационное единство своих рядов в целях создания революционного авангарда югославского рабочего класса⁶⁴. Сразу после совещания Координационного центра предложил всем печатным органам югославской эмиграции широко развернуть пропаганду идеи формирования единого освободительного фронта народов Югославии, теоретических, идеологических и организационных принципов построения марксистско-ленинской партии⁶⁵.

Из документов выясняется, что на основе групп югославских политэмигрантов в СССР и странах «народной демократии» в течение 1952 г. шел процесс формирования организации, претендовавшей на роль прообраза новой партии. Она называлась «Союз патриотов по освобождению народов Югославии от фашистского гнета клики Тито-Ранковича и империалистической неволи». Члены Координационного центра, созданного в январе 1951 г., вошли в состав Исполнительного комитета Союза, а П. Попивода стал председателем Союза⁶⁶.

Недостатки пропаганды против режима Тито все эти годы привлекали внимание коминформовских структур, искали пути оптимизации существующей системы печати. К активному обсуждению вопроса вернулись в конце 1952 г. В итоге восторжествовало мнение об оправданности издания газет от имени отдельных эмигрантских групп по странам, поскольку при отсутствии строго централизованного руководства именно редакции тех или иных печатных органов зачастую выступали в роли институтов, вокруг которых объединялась политическая эмиграция. С созданием Союза югославских патриотов основными ее пропагандистскими органами стали периодическое печатное издание «За социалистическую Югославию» и радиостанция «Свободная Югославия». Вместе с тем подчеркивалась необходимость сохранения и других периодических печатных изданий, и прежде всего таких как «Вперед» (на македонском языке) и «За народную победу» (на словенском языке) для распространения пропаганды на всю Югославию, учитывая, что газета «За социалистическую Югославию» издавалась только на сербско-хорватском языке⁶⁷.

Смерть Сталина 5 марта 1953 г. послужила толчком к началу пересмотра внешнеполитического курса Москвы. Вскоре после кончины вождя в Кремле приходят к мнению о необходимости нормализовать отношения с Югославией, правда, на уровне отношений со «стандартным буржуазным государством». Признав несостоятельность прежнего конфронтационного курса, советское руководство решило изменить политику в отношении ФНРЮ. Спустя всего несколько недель после похорон вождя советские руководители начали искать конкретные пути для нормализации двусторонних отношений. Однако поворот к новой политике на югославском направлении осуществлялся медленно, весной 1953 г. еще сохранялась антиюгославская инерция в политике Кремля. В такой обстановке 23–25 апреля 1953 состоялась первая конференция «Союза патриотов по освобождению народов Югославии от фашистского гнета клики Тито-Ранковича и империалистической неволи»⁶⁸.

В центре внимания конференции находились итоги деятельности югославской коминформовской эмиграции за 1952 – начало 1953 г. Как отмечалось в принятых резолюци-

ях, создание Союза явилось важным этапом в «освободительной борьбе» югославского народа, главными его задачами по-прежнему назывались «борьба за ликвидацию титовского фашистского режима и империалистического рабства», за восстановление в Югославии «народно-демократического строя», за возвращение страны в лагерь демократии и социализма, за восстановление дружеских связей с Советским Союзом и странами «народной демократии», борьба за мир и сотрудничество между народами⁶⁹.

На первом заседании конференции была проведена реорганизация Исполнительного комитета Союза. В его состав, согласно рекомендациям компартий стран «народной демократии», единогласно избраны П. Попивода (тогдашний председатель Союза), Й. Петранович (и ранее входивший в Исполком), Д. Роданович, И. Узун, И. Кош (все от советской группы коминформовцев), У. Томин (от эмиграции в Румынии), Н. Сандулович (от эмиграции в Польши), С. Миркович (от эмиграции в Чехословакии) и В. Минович (от эмиграции в Болгарии)⁷⁰.

Из документов можно судить о том, что план создания новой компартии Югославии был разработан в 1952 г. Но полную картину начавшегося процесса образования новой партии имеющиеся документы не позволяют реконструировать. Если верить словам П. Попиводы, сказанным во время заседания редакции газеты «Под знаменем интернационализма», уже в 1950 г. якобы существовал план принятия центральной организации югославской политэмиграции в состав Информбюро. Однако, возможно, эти слова были не более чем выражением личных амбиций Попиводы. Известные нам документы Информбюро за 1950–1953 гг. не отражают каких-либо шагов по принятию организации югославской политэмиграции в Коминформ на место компартии Югославии. Мы полагаем, что причиной этому являлся тот факт, что даже руководящая верхушка югославской эмиграции в СССР и странах «народной демократии» не могла пользоваться политическим доверием Москвы, еще менее высоким было мнение о профессиональных качествах этих людей. Поднять их до уровня руководства компартии (пусть даже функционирующего в эмиграции) не торопились, а с началом нормализации советско-югославских отношений вопрос сам собой отпал.

Первый весомый шаг со стороны Советского Союза к нормализации отношений с Югославией был предпринят 6 июня 1953 г., когда министр иностранных дел В.М. Молотов принял временного поверенного в делах ФНРЮ Д. Джурича и передал просьбу советского правительства к руководству Югославии принять нового посла Советского Союза В. Валькова. Во время этой встречи Молотов высказал надежду, что страны нормализуют отношения и обменяются послами⁷¹. Первая встреча посла В. Валькова с лидером Югославии состоялась на острове Бриони 30 июля 1953 г., а югославский посол Д. Видич прибыл в Москву 22 сентября 1953 г.⁷² Так завершился начальный этап нормализации советско-югославских отношений.

Еще до обмена послами, 14 июня 1953 г., Тито публично выразил готовность вступить в процесс нормализации отношений с СССР. Это выступление стало указанием югославской дипломатии к дальнейшим действиям на советском направлении. Однако в то же время Тито следующим образом выразил свое сохранявшееся недоверие к СССР: «обмен послами не означает нормализации... Будет тяжело исправить все, что советские руководители нам причинили, и есть много того, что они к сегодняшнему дню не поправили, хотя могли... после того, что они сделали с нами за последние четыре года, мы с трудом сможем в будущем верить им на сто процентов»⁷³. В письме Тито ЦК КПСС от 11 августа 1954 г. лидер Югославии четко высказался за необходимость нормализации отношений Югославии как с Советским Союзом, так и со всеми странами, порвавшими с нею связи. В Москве также понимали, что изменение политики на югославском направлении должно затронуть все страны лагеря.

Хотя уже с осени 1953 г. советским руководством была взята установка на ограничение, а затем и на свертывание пропаганды против режима Тито, процесс нормализации двусторонних отношений проходил медленно, набрав силу лишь через год. 23 сентября 1954 г. Хрущев направил всем лидерам стран «народной демократии» сообщение о прекращении деятельности на территории СССР «Союза югославских патриотов» и выпуска их газеты⁷⁴. Это было жестом, адресованным Тито, от которого ждали встречных шагов на пути сближения недавних заклятых врагов. Политическая деятельность югос-

лавской коминформовской эмиграции продолжалась до конца сентября 1954 г. В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 23 сентября 1954 г. 30 сентября было прекращено вещание радиостанции «Свободная Югославия»⁷⁵. Последние номера эмигрантских коминформовских газет в СССР и странах «народной демократии» вышли 16–18 сентября 1954 г. Отношения Югославии с СССР и государствами советского лагеря вступали в совершенно новый этап, на котором прежним структурам политэмиграции не находилось места.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Судьба сторонников Коминформа, которые оставались на территории Югославии, не раз привлекала внимание историков. В первую очередь следует выделить известную работу американского историка хорватского происхождения Иво Банаца, одного из пионеров в разработке темы: *Banac, Ivo. With Stalin against Tito. Cominform Splits in Yugoslav Communism. Cornell University Press, 1988.* Позже появлялись серьезные работы и в странах-преемниках титовской Югославии. См., например: *Kovačević B. O Informbirou u Crnoj Gori. 1948. Jugoslavija i Kominform: pedeset godina kasnije. Beograd – Podgorica, 1998; Previšić M. Djelovanje „ibeovaca“ na području Slavnskoga Broda 1948–1955 // Scrinia Slavonica 2010. № 10.* В относительно недавней статье украинского историка Ю.В. Шахина предпринята попытка не только показать деятельность в Югославии сторонников Коминформа в контексте острого конфликта, но и выявить социальные истоки возникновения антититовской коммунистической оппозиции, идейно ориентированной на Коминформ. См.: *Шахин Ю.В. Деятельность сторонников Коминформа в Югославии // Новая и Новейшая история, 2014. № 5. С. 51–62.*

² Радоня Голубович – член КПЮ с 1931 г. В 1945–1947 гг. министр внутренних дел, министр юстиции и председатель плановой комиссии Черногории. В 1947 г. назначен югославским послом в Румынии. После резолюции Коминформа выступил против политической линии титовского руководства. С 1949 г. член редколлегии газеты югославских политэмигрантов «За социалистическую Югославию».

³ Например, большая часть сотрудников югославского консульства в Милане подала в отставку и выразила солидарность с резолюцией Информбюро. См.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 77. Оп. 25. Папка. 25. Д. 61. Л. 6. В ноябре 1948 г. отказался от своего поста в знак несогласия с линией собственного правительства глава миссии Югославии в Южно-Африканс-

ком Союзе (См.: АВП РФ. Ф. 77. Оп. 25. П. 23. Д. 20. Л. 125). Все сотрудники югославской миссии в Тегеране также порвали с режимом Тито, отказавшись вернуться в Югославию (См.: АВП РФ. Ф. 77. Оп. 25. П. 25. Д. 61. Л. 183). В прессе стран «народной демократии», в том числе в органе венгерских коммунистов газете «Свободный народ» («Szabad Nép») систематически приводились сведения о югославах, занявших антиитовскую позицию.

⁴ Перо Попивоода – член КПЮ с 1937 г. В 1947 г. закончил Военную академию им. Фрунзе, получил звание генерал-майора и был назначен заместителем командующего военно-воздушными силами Югославии. 14 августа 1948 г. перелетел на самолете в Румынию и 26 августа 1948 г. в румынской газете «Scinteia» опубликовал письмо, в котором осудил политику «клики Тито и Ранковича». С сентября 1948 г. проживал в Москве и вел активную работу в рядах югославской политэмиграции, фактически руководя ее координационным центром в рамках всего советского блока. С 1949 г. член редколлегии газеты югославских эмигрантов «За социалистическую Югославию».

⁵ АВП РФ. Ф. 77. Оп. 25. П. 25. Д. 61. Л. 192–193.

⁶ Людей, таким образом, загодя готовили к занятию должностей в новом аппарате. Так, в сообщении сотрудника аппарата Информбюро С. Завольжского ответственному функционеру аппарата ЦК ВКП(б) Л.С. Баранову было отмечено, что во время беседы с югославскими политэмигрантами 12 мая 1949 г. лидер венгерских коммунистов М. Ракоши заявил, что «через три года они будут снова в Югославии – первый год после Резолюции Информбюро был годом подготовительной работы, второй год будет годом общего их наступления, третий год явится годом их победы». См.: Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953 гг. Документы / Отв. редактор Г.П. Мурашко. Т. 2. 1949–1953 гг. М.-Новосибирск, 1998. С. 98

⁷ Структура, о которой идет речь, неоднократно переименовывалась и подвергалась реорганизации. С 29 декабря 1945 по 10 июля 1948 г. это был отдел внешней политики ЦК ВКП (б), с 10 июля 1948 г. по 12 марта 1949 г. – отдел внешних сношений ЦК ВКП (б), с 12 марта 1949 г. по 13 октября 1952 г. – Внешнеполитическая комиссия ЦК ВКП (б), с 13 октября 1952 по 27 октября 1952 г. – Внешнеполитическая комиссия КПСС, с 27 октября 1952 г. по 19 марта 1953 г. – Комиссия ЦК КПСС по связи с иностранными коммунистическими партиями, с 19 марта 1953 г. по 21 февраля 1957 г. – Отдел ЦК КПСС по связи с иностранными коммунистическими партиями. В 1957 г. образуется самостоятельный отдел, занимавшийся связями с компартиями социалистических стран.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1150. Л. 37–38

⁹ Там же. Л. 85, 88, 91.

¹⁰ Там же. Л. 85–87, 88–90, 91–94, 95–96, 99, 102–103.

¹¹ Там же. Л. 86.

¹² Там же. Л. 86, 89

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 89.

¹⁵ В записке Пономарева от 16 декабря 1948 г. речь шла о созыве совещания 21 декабря. См.: Там же. Л. 102.

¹⁶ Там же. Л. 92, 95, 99

¹⁷ Там же. Л. 86, 89

¹⁸ Там же. Л. 412–414

¹⁹ См. сообщение С. Заволжского: Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 173. Л. 2–9

²⁰ Там же. Д. 114. Л. 244–247

²¹ Там же. Л. 1–2

²² Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1183. Л. 11–12

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 2

²⁶ Там же. Л. 3

²⁷ Там же. Л. 2

²⁸ Там же.

²⁹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы. Т. 2. 1949–1953 гг. / Отв. редактор Волокитина Т.В. М., 2002. С. 87

³⁰ До начала издания этой газеты центральным органом политэмиграции оставалась газета «Новая Борба», издававшаяся в Праге с сентября 1948 г.

³¹ Так, в апреле-мае 1949 г. П. Попивода и М. Савич посетили Болгарию, Румынию и Венгрию (См.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 115. Л. 11–13) В ноябре 1949 г. редакция газеты «За социалистическую Югославию» обращалась в ЦК ВКП(б) с предложением отправить П. Попиводу в командировку в Польшу, Чехословакию и Венгрию с аналогичной миссией. В этой записке была выражена готовность к оказанию помощи группам югославских эмигрантов в Румынии и Болгарии в целях улучшения качества издаваемых ими газет. (См.: Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 84. Л. 231)

³² Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 115. Л. 11–13

³³ В ЦК ВКП (б) приходили письма с детально разработанными предложениями относительно структуры будущей централизованной организации. См.: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы. Т.2. С. 154–160.

³⁴ 8 июня 1949 г. в Будапеште на собрании югославских политэмигрантов было избрано руководство эмигрантской группой, базировавшейся в Венгрии. См.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 115. Л. 4–6

³⁵ Новую структуру было предложено назвать «Временным партийным руководством новой КПЮ». См.: Там же. Д. 116. Л. 177

³⁶ Там же. Л. 176–178

³⁷ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 40–42

³⁸ Magyar Országos Levéltár (MOL). 276 J/ 65/ 97 б.е. 30 о. См. также: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 176. Л. 7–11. См. также полный протокол первого совещания представителей югославских политэмигрантов в СССР и странах «народной демократии»: Там же. Л. 39–187 (на сербском языке).

³⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 46

⁴⁰ Там же. Л. 44–45, 52–56

⁴¹ Там же. Л. 74–79

⁴² Судя по всему, партийным руководствам всех стран «народной демократии» были посланы письма за подписью секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Сулова с просьбой подобрать из числа «надежных и проверенных людей» по одной кандидатуре для работы в создаваемом координационном центре политэмиграции. Лидеру Венгерской партии трудящихся М. Ракоши такое письмо было послано 16 декабря 1950 г. См.: MOL. 276 J/ 65/ 97 б.е. 30 о.

⁴³ 1. Объединение и координация усилий всех групп югославской революционной эмиграции; 2. Оказание помощи партийным организациям групп политэмигрантов и органам печати в их практической работе; 3. Ознакомление с кадрами политэмиграции и их проверка, помощь в деле разрешения всех организационных вопросов и вопросов о кадрах; 4. Организация идейно-политической работы среди эмигрантов; 5. Активное участие эмиграции через своих представителей в массовых международных демократических организациях; 6. Организация и оказание помощи радиостанции югославских революционных эмигрантов; 7. Оказание помощи братским партиям по всем вопросам, касающимся югославской эмиграции; 8. Разрешение других возможных вопросов, связанных с освободительной борьбой, единством эмиграции и ее идеологическо-политическим воспитанием. См. РГАСПИ Ф. 575. Оп. 1. Д. 211. Л. 19–20 (на сербском языке), Л. 71 (перевод с сербского языка на русский)

⁴⁴ Там же. Л. 17–20 (на сербском языке), Л. 68–71 (перевод с сербского языка на русский)

⁴⁵ Там же. Л. 6 (на русском языке), Л. 49 (на сербском языке). См. также: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 92

⁴⁶ Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 211. Л. 6 (на русском языке), Л. 49 (на сербском языке)

⁴⁷ Это показывает речь А. Опоевлича, политэмигранта из Румынии, на вышеупомянутой конференции в январе 1951 г. Выступая

на втором ее заседании, он открыто ратовал за создание новой коммунистической партии в Югославии. По его словам, все товарищи в эмиграции хорошо понимают свою миссию для страны и для новой коммунистической партии Югославии. В нее вольются «сильные и верные бойцы, которые с гордостью участвуют в борьбе вместе со всеми коммунистическими и рабочими партиями, под флагом марксизма-ленинизма и под гениальном руководством товарища Сталина». (См.: Там же. Л. 21–22). Следует заметить, что еще за год до конференции, 31 января 1950 г., на заседании редакции газеты «Под знаменем интернационализма» П. Попивода открыто высказывался о том, что «весной будет создано единое руководство, и нас примут в Информбюро» (См.: Там же. Д. 160. Л. 37–38.)

⁴⁸ Подробнее см.: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 101–104.

⁴⁹ Там же. См. так же проект плана работы координационного центра югославских эмигрантов: Там же. Л. 93–94.

⁵⁰ Там же. Л. 98–99.

⁵¹ См. материалы об этом: Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 250. Л. 160–187 (на русском языке), Л. 5–26 (на сербском языке).

⁵² См. там же доклад П. Попиводы на третьей конференции югославских политэмигрантов.

⁵³ Первый номер «Новой борьбы» вышел 1 сентября 1948 г., первый номер газеты «За социалистическую Югославию» – 1 мая 1949 г., первые номера газет «Под заставом интернационализма» и «Наперед» – 15 мая 1949 г. и первый номер газеты «За свободу» вышел 25 января 1951 г.

⁵⁴ МОЛ. 276 J/65/97 д.е. 13–15 о.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 176. Л. 9

⁵⁶ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 102

⁵⁷ МОЛ. 276 J/65/104 д.е. 64–65 о.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 102

⁵⁹ См. сообщение П. Попиводы о приезде Д. Новакова от имени координационного центра: МОЛ. 276 J/65/104 д.е. 64–65 о.

⁶⁰ *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. С. 192. Автор опирается на: Борба. 1950. 7. I.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 250. Л. 24–28

⁶² Подробнее см. часть доклада П. Попиводы под названием «О наших задачах на будущее»: Там же.

⁶³ Там же. Л. 188–192

⁶⁴ Там же. Д. 253. Л. 227–232

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Д. 279. Л. 211

⁶⁷ Там же. Д. 253. Л. 232

⁶⁸ Протокол конференции см.: Там же. Д. 279. Это была первая конференция «Союза патриотов...», однако, если принять во внимание, что создание Союза явилось новым этапом в процессе формирования централизованной политической структуры югославской коминформовской эмиграции в рамках всего советского лагеря, то названную конференцию по праву можно считать четвертым совещанием югославской политэмиграции.

⁶⁹ Там же. Л. 10

⁷⁰ Там же. Л. 211

⁷¹ Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. редактор. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 661–662.

⁷² Там же. С. 663.

⁷³ Там же. С. 662. См. подробно об этом этапе в развитии двусторонних отношений: *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.

⁷⁴ Ракоши получил его в тот же день (МОЛ. 276 J/ 65/ 177 бс. 3–4 о.). На заседании Политбюро ЦК ВПГ от 14 октября 1953 г. было принято решение о прекращении распространения на территории Венгрии антиюгославских брошюр, книг, карикатур, а также издания газеты югославских политэмигрантов «За людско змаго» и деятельности венгерской группы «Союза Югославских Патриотов» (МОЛ. 276 J/ 65/ 177 бс. 20–21 о.).

⁷⁵ См. соответствующие протоколы совещания канцелярии Секретариата Информбюро за 1954 г.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 283. Л. 87.

Б.С. Новосельцев

СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ СМЕЩЕНИЯ Н.С. ХРУЩЕВА И ВИЗИТ Й. БРОЗА ТИТО В СССР В 1965 г.

14 октября 1964 г. в Советском Союзе произошла смена руководства. На Пленуме ЦК КПСС был подвергнут критике и снят со всех постов глава партии и правительства Н.С. Хрущев. Последствия этого события для международных отношений просчитать было практически невозможно: никто не мог предсказать, как изменится советская внешняя политика.

Руководители Югославии одними из первых в мире были ознакомлены с подоплекой событий октябрьского пленума и причинами отставки Хрущева. 19 октября на горе Авала в пригороде Белграда в авиакатастрофе погибли члены советской делегации, прибывшие на празднование двадцатой годовщины освобождения югославской столицы. 21 октября в СФРЮ срочно вылетела группа советских высокопоставленных военных во главе с бывшим послом в Югославии, а ныне начальником Главного политического управления советской армии А.А. Епишевым¹ и заместителем министра обороны СССР, маршалом авиации В.А. Судецом². Помимо выяснения причин трагедии, им была дана директива проинформировать югославское руководство о сути политических изменений в Советском Союзе.

Епишев на приеме у Й. Броза Тито пояснил, что «истинная причина смещения Хрущева состоит в том, что он перестал демонстрировать чувство меры, необходимое для руководителя, не уважал принципы коллективного руководства, со временем он мог превратиться в диктатора». Глава советской делегации особо отметил, что «наша партия останется на позициях в соответствии с решениями XX, XXI и XXII съездов. Нет никаких изменений, как во внешней, так и во внутренней политике». Кроме того, он подчеркнул, что Советский Союз не будет ме-

нять своего политического курса ради достижения компромисса с Китаем. В ответ Тито заявил, что «изменения в СССР – ваше внутреннее дело», и выразил надежду на дальнейшее развитие сотрудничества. Также он заметил, что было бы полезно подчеркнуть прошлые достижения и успехи Хрущева, тогда его отстранение по-другому восприняли бы в мире³.

Хрущев не был другом и единомышленником Тито, как Насер⁴. Югославский лидер не восхищался его теоретическими построениями и не уважал так, как он уважал Неру⁵. Не брал с него пример, как, отчасти, брал пример со Сталина. Но именно при Хрущеве произошла нормализация советско-югославских отношений, именно он пошел на развитие сотрудничества с социалистическим государством вне советского блока, именно он подтвердил, что это государство – социалистическое. Хрущев и Кеннеди были архитекторами такой системы международных отношений, в которой стало возможным зарождение Движения неприсоединившихся стран, а Югославия приобрела влияние, значительно превосходящее ее военный и экономический потенциал. Действия Хрущева частенько диктовались его эмоциями, но, в отличие от новых советских руководителей было более или менее ясно, чего от него ожидать. Устранение такой фигуры с политической арены не могло не беспокоить Тито.

Позитивная реакция Китая на перемены в СССР и информация о готовящейся встрече советских и китайских руководителей в Москве на праздновании очередной годовщины Октябрьской революции вызывали серьезное беспокойство Югославии. Отношения между Белградом и Пекином были весьма натянутыми, учитывая не только их идеологические разногласия и постоянные обвинения югославов в ревизионизме со стороны руководителей КНР, но и противостояние в Азии и Африке, где югославско-индийская концепция неприсоединения соперничала с китайской идеей афро-азиатизма⁶. В условиях резкого ухудшения советско-китайских отношений в начале 1960-х гг. Тито открыто и последовательно выступал в поддержку Москвы. Такая его позиция была одной из причин преодоления т.н. второго советско-югославского конфликта (1958–1961 гг.) и начала нового сближения двух стран. Теперь руководители СФРЮ опасались, что в стремле-

нии прийти к компромиссу с Китаем новое руководство СССР «пожертвует» Югославией.

23 октября в газете «Борба» появилась статья, в которой было подвергнуто критике смещение Хрущева и то, каким способом это произошло. Выражалось опасение, что новое руководство СССР, возможно, займет более острую позицию в отношении идеологических различий между КПСС и СКЮ и даже вернется к линии совещаний компартий 1957 и 1960 гг. в рамках компромисса с Китаем⁷.

Однако этого не произошло. В конце октября – начале ноября 1964 г. по инициативе советской стороны состоялось несколько консультаций. Причем и 30 октября на приеме в югославском посольстве в Москве, и 4 ноября на встрече посла СФРЮ Ц. Миятовича⁸ с секретарем ЦК КПСС Ю.В. Андроповым, и 11 ноября на встрече советского посла А.М. Пузанова⁹ с Й. Брозом Тито речь шла об одном и том же. Все собеседники убеждали югославов в том, что политика СССР по отношению к СФРЮ останется неизменной, и Советский Союз не будет искать компромисса с Китаем, особенно по принципиальным вопросам, и что отстранение Хрущева – это абсолютно нормальная ситуация¹⁰.

Несмотря на все заверения, новое советское руководство все же пересмотрело ряд внешне- и внутривластных установок своего предшественника. В наследство ему достался целый ворох проблем. Среди них – конфликт с Китаем и раскол международного рабочего движения, напряженные отношения с США и другими западными государствами, попытки добиться большей самостоятельности в политике отдельных европейских социалистических стран и т.д.

Перспективы роста советской экономики в 1950-е – начале 1960-х гг. рисовали радужную картину постоянного увеличения мощи СССР. Внешнеполитическая активность, как и некоторые внутривластные программы, по планируемым расходам превосходили возможности страны. Предполагалось, что в дальнейшем промышленный рост позволит все это компенсировать, при этом плацдарм для дальнейших действий будет уже создан. Такая внешняя политика «в кредит» привела к тому, что реализовать в полном объеме масштабные проекты Хрущева в условиях нарастающих проблем в экономике ока-

залось невозможно. Новое советское руководство взяло курс на «сужение существующих фронтов». Основное внимание уделялось укреплению единства социалистических стран, в то время как некоторые другие направления внешней политики сворачивались¹¹. Теперь активность Советского Союза носила преимущественно двусторонний характер. Как и Вашингтон, Москва была склонна развивать сотрудничество и оказывать поддержку только тем странам, чьи позиции совпадали с советской¹², а также тем, которые рассматривались в качестве возможных проводников советского влияния в регионе. Ключевыми партнерами СССР в Азии и Африке были Индия, ОАР, Алжир, Гвинея, Бирма, Республика Конго, Гана¹³.

Необходимость дальнейшего развития дружбы с Югославией соответствовала новой стратегии СССР. Вместе с тем в начале 1965 г. в отчете посольства СФРЮ в Москве с неудовольствием отмечалось: «От нас ожидают поддержки советских позиций, но [...], когда речь идет об отношениях между сверхдержавами, наша независимая роль для них нежелательна. Это представляет собой очевидное различие с политикой Хрущева, который старался держать нас в курсе, а иногда и консультировался»¹⁴.

22 февраля Цвиетина Миятовича принял новый первый секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. Советский лидер пригласил Йосипа Броза Тито прибыть в СССР «в любое приемлемое для него время» и согласился, чтобы форма встречи была та, которая будет удобна югославскому президенту: официальная, неофициальная, проезд на отдых или на охоту¹⁵.

26 февраля 1965 г. на встрече югославского посла с государственными и партийными руководителями Советского Союза, А.И. Микоян¹⁶ и А.Н. Косыгин¹⁷ подняли вопрос об изменении «Программы СКЮ»¹⁸, особенно тех ее частей, где была сформулирована позиция по отношению к СССР и другим социалистическим странам. Микоян довольно грубо заявил: «Вы не имели храбрости открыто говорить о неправильных позициях в “Программе”»¹⁹. Вместе с тем, советские лидеры продемонстрировали готовность к всестороннему расширению сотрудничества, в том числе и по партийной линии²⁰.

Москва, как и десять лет назад, снова начинала игру, целью которой было возвращение Белграда в советский блок. Снова

использовались те же приемы и механизмы – экономические посулы и обещания, давление при личных встречах с югославскими дипломатами и чиновниками, апелляции к коммунистической сознательности и т.д.

Ключевым событием в советско-югославских отношениях в начале 1965 г. стала подготовка визита Тито в СССР. Обе стороны хотели провести его как можно раньше, чтобы как можно скорее подтвердить на высшем уровне свое стремление к дальнейшему развитию сотрудничества.

В середине 1965 г. для поездки созрели все условия. Одним из важнейших было начало боевых действий во Вьетнаме. Агрессивная внешняя политика США подталкивала Югославию к углублению сотрудничества с Советским Союзом. Позиция Пекина, препятствовавшего любой помощи северовьетнамскому режиму со стороны СССР²¹, еще больше усложняла возможность достижения советско-китайского компромисса.

19 апреля 1965 г. на встрече с П. Стамболичем²² советский посол в Югославии А. Пузанов отметил, что получил инструкции от Брежнева и Косыгина «действовать в направлении дальнейшего развития отношений, в том числе по партийно-политической линии»²³.

В рамках подготовки к визиту Тито в Москве прошли переговоры, посвященные развитию экономических отношений двух стран. Делегацию СФРЮ возглавлял заместитель председателя СИБ Борис Крайгер. Стороны подписали ряд документов. В том числе договор о переводе югославского долга из долларового в клиринговый, о предоставлении новых кредитов на восстановление Скопье, пострадавшего в результате землетрясения 1963 г., и на закупку промышленного оборудования (общая сумма договоренностей составила 110 млн. долларов)²⁴. Кроме того, Югославия получила очередные транши на строительство электростанции Джердап (45 млн. долларов)²⁵.

Товарооборот между СССР и Югославией в 1965 г. в 2,5 раза превысил аналогичный показатель за 1962 г. и был на 30% больше, чем в 1964 г., составив в сумме около 300 млн. долларов²⁶. Всего же на социалистические страны приходилось 457 млн. долларов югославского экспорта (42% от общего объема) и 367 млн. долларов импорта (29% от общего объема). Для сравнения: на страны Запада приходилось 467 млн.

долларов экспорта (43%) и 697 млн. долларов импорта (54%). Однако структура товарообмена со странами соцлагеря была для югославской экономики значительно более выгодной. На экспорт шли в основном промышленные товары, а импортировалось сырье, что благоприятно влияло на внешнеторговое сальдо СФРЮ²⁷.

Поездка Й. Броза Тито в СССР состоялась с 18 июня по 1 июля 1965 г. 19 и 29 июня прошли переговоры. В интервале между двумя встречами югославы совершили поездку по Сибири и Уралу, посетили Иркутск, Омск и Свердловск. Спустя почти пятьдесят лет Тито вновь оказался в тех местах, где бывший военнопленный унтер-офицер австро-венгерской армии Йосип Броз провел три года своей жизни.

Во время обоих раундов переговоров круг обсуждаемых вопросов оставался неизменным: Китай и его внешняя политика, ситуация в Азии и Африке, советская внешняя политика, советско-югославские отношения, политика неприсоединения.

Тито связывал «очень плохую ситуацию в Африке», политическую и экономическую, с давлением империалистических государств и активностью Китая, который пытался дискредитировать СССР и Югославию в глазах африканских лидеров. Когда во время переговоров пришло известие о перевороте в Алжире и смещении Ахмеда бен Беллы²⁸, Тито и Брежнев согласились, что за этим, скорее всего, тоже стоит Китай²⁹. Хотя позднее их подозрения не подтвердились, такая единомышленная реакция была показательна.

В качестве примера китайской активности в Африке Тито привел переговоры в Каире между Чжоу Эньлаем³⁰, Ахмедом Сукарно³¹ и Гамалем Абдель Насером. Советскую сторону интересовал этот вопрос. Косыгин заметил, что «до сих пор политика Насера имела мало общего с политикой Чжоу Эньлая». Тито объяснил, что египетский лидер обеспокоен уменьшением интереса СССР к проблемам Азии и Африки. «Что будет с нами? На кого мы будем опираться?» – спрашивал его Насер во время их последней встречи³².

Ровные и доброжелательные отношения с Китаем на протяжении долгого времени были составной частью внешнеполитической стратегии ОАР, но изменения советской политики в странах «третьего мира», стимулировали Египет к еще

большей активизации диалога с Китаем. Ориентация на СССР и неприсоединение не помогли удержаться у власти в Алжире главному североафриканскому союзнику Насера – Ахмеду бен Белле³³. Поэтому, если переговоры с Чжоу Эньлаем и Сукарно и были попыткой шантажировать Советский Союз, придававший большое значение сохранению своего влияния в ОАР, то лишь отчасти.

В ходе переговоров советские руководители подчеркнули, что они – против полемики с Китаем. С одной стороны, по их мнению, не стоило усугублять конфликт, поэтому Москва не отвечала на обвинения Пекина. Но, с другой стороны, все большее влияние КНР на международное рабочее движение было необходимо как-то ограничить. Значение, которое придавалось этому вопросу, иллюстрирует замечание Брежнева: «Конфликт с Китаем задает тон всей советской внешней политике»³⁴.

Говоря о внешнеполитическом курсе СССР, Брежнев в очередной раз заверил, что он остался неизменным. Главной задачей по-прежнему была борьба против американского империализма. В то же время советский лидер сделал оговорку: «мы не хотим ухудшения отношений с американским народом»³⁵. Как бы то ни было, разница в подходах Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, по крайней мере, в переговорах с югославами, все же существовала. Первый больше делал акцент на мирное сосуществование и многообразие путей развития социализма, второй – на борьбу против империализма и укрепление единства социалистических стран.

Неизбежно, одним из центральных вопросов на переговорах стал Вьетнам. Брежнев заявил: «Мы будем помогать Вьетнаму, но не хотим спровоцировать мировую войну». И даже назвал точные цифры советской помощи – 317 млн. рублей экономической помощи и 550 млн. долларов на вооружение³⁶.

Стороны обсудили и советско-югославские отношения. А.Н. Косыгин отметил неиспользованные возможности развития двустороннего экономического сотрудничества. Л.И. Брежнев, не вдаваясь в детали, упомянул о желании развивать отношения по партийной линии. Кроме того, он добавил: «Мы считаем, что две братские страны должны совместно действовать и предпринимать совместные акции и на международной арене»³⁷. «По нашему мнению, в вашей внешней политике не-

обходимо больше внимания уделять борьбе за мир и критике американского империализма», – сформулировал свое видение советский лидер³⁸.

В ходе переговоров Тито очень старался убедить своих собеседников в том, что Югославия ведет не абстрактную вербальную борьбу против империализма, а предпринимает конкретные акции. Что главный ее вклад в это дело – политика неприсоединения. «Считается, что мы слишком много внимания уделяем отношениям с неприсоединившимися странами, и слишком мало – с социалистическими. Однако американцы мощно продвигаются в Африке и Азии. Необходимо ограничить продвижение там империализма», – отметил югославский лидер. И далее: «Помогая развивающимся странам, мы помогаем развитию социализма». В ответ Брежнев заверил, что политика Советского Союза – это политика мирного сосуществования, и в будущем ничего не изменится. СССР поддерживает и будет поддерживать неприсоединившиеся страны³⁹. Вместе с тем, он оговорился, что ориентироваться Москва станет на Индию, ОАР и некоторые государства Черной Африки (Гана, Гвинея)⁴⁰. Эта оговорка означала, что советское руководство планировало теперь оказывать серьезную помощь лишь тем странам, которых оно считало ключевыми для своих интересов.

Далее советская сторона попыталась продемонстрировать, что противоречия вокруг «Программы СКЮ» и экономического сотрудничества Югославии с Западом, с конца 1950-х гг. омрачавшие развитие отношений между Москвой и Белградом, не могут помешать дальнейшему сближению двух братских государств.

– Сейчас не существует особых проблем между нами, – заметил Л.И. Брежнев. Была проблема «Программы СКЮ»...

– Оставим позади вопросы прошлого, – предложил Ю.В. Андропов.

– Вы сейчас подчеркиваете руководящую роль Союза коммунистов? – обратился советский лидер к членам югославской делегации.

– Союз коммунистов всегда был руководящей силой⁴¹, – заверил его Коча Попович⁴².

В ходе обсуждения югославо-американских отношений между Брежневым и Тито произошел следующий диалог:

– Мы с большим пониманием относимся к вашим прежним обязательствам. Знаем, что Америка вам давала и дает...

– Больше не дает.

– Думаю, вы и сами хотели освободиться от этого.

– Это не было помощью со стороны Америки. Мы покупаем зерно за доллары⁴³.

В Белграде остались довольны исходом переговоров. В итоговом отчете о поездке отмечались «потрясающий прием», «открытый и конструктивный характер переговоров», «полное равноправие и уважение оценок и позиций СФРЮ». С удовлетворением упоминалось о позитивном отношении советских руководителей к внешней политике Югославии и ее борьбе за мир в рамках Движения неприсоединения. По мнению Тито, в оценках международных отношений советских лидеров «преобладали терпение и реализм»⁴⁴.

Югославы сочли этот визит этапным, полагали, что в ходе переговоров «удалось решить крупные проблемы, осложнявшие наши отношения», и что поездка «окончила один и начала другой, новый период в двусторонних отношениях, в течение которого они будут развиваться стабильно»⁴⁵.

Встретившись лично, Тито и новые руководители СССР подтвердили взаимное желание продолжить сотрудничество. В Москве давали понять, что не ставят под сомнение социалистический характер Югославии⁴⁶ и готовы пересмотреть спорные вопросы во взаимоотношениях двух стран. Идеология и близкие позиции в международных отношениях в очередной раз стали основой, на которой базировалось советско-югославское сближение.

Москва придавала большое значение развитию отношений по партийной линии. В этом вопросе инициатива всегда исходила от советской стороны. Так, в письме от ЦК КПСС (август 1965 г.) высказывалось желание интенсифицировать обмен партийными делегациями, а также содержался ряд предложений о сотрудничестве в различных областях: научной и культурной сфере, в информационном секторе, издательской деятельности, в кино.

В октябре 1965 г. в Советский Союз прибыла делегация СКЮ во главе с секретарем Исполнительного комитета югославского Союза коммунистов Миялко Тодоровичем. Состо-

ялись консультации по межпартийному сотрудничеству, на которых присутствовал секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов. Особенно важным для югославов оказалось то, что советские партнеры не требовали от них пересмотра «Программы СКЮ» в качестве неперемennого условия развития сотрудничества.

В феврале 1966 г. ЦК КПСС предложил в рамках межпартийного сотрудничества отправить в Югославию делегацию КПСС, включающую в себя две рабочие группы, составленные из партийных функционеров для ознакомления с деятельностью СКЮ в области идеологии и экономики. Также было предложено совершить обмен делегациями между Академией общественных наук при ЦК КПСС и Высшей школой политических наук в Белграде, а также между изданиями «Коммунист» и «Социализм» – печатными органами двух партий⁴⁷. В декабре 1964 г. делегация КПСС присутствовала на VIII съезде СКЮ, а весной 1966 г. – югославская делегация на XXIII съезде советской компартии.

Развивалось и межгосударственные отношения. По возвращении Тито в Белград Югославии был одобрен кредит в размере 180 млн. долларов, включавший себя средства, направляемые на восстановление Скопья и строительство электростанции Джердап⁴⁸. Осенью 1965 г. состоялись переговоры о торговле и экономическом сотрудничестве в 1966–1970 гг. Был подписан соответствующий договор, предусматривавший ежегодное увеличение товарооборота на 12%⁴⁹. В декабре 1965 г. в Москве прошли советско-югославские переговоры о сотрудничестве в области цветной и черной металлургии⁵⁰. Советский Союз быстро становился одним из главных торговых партнеров СФРЮ.

Югославии стало уделяться повышенное внимание в советских СМИ. Руководство СФРЮ чаще и содержательнее информировалось о позициях и шагах, предпринятых СССР в связи с различными международными событиями (вьетнамская война, отношения с Китаем и США, проблема разоружения и т.д.). Интенсифицировалось развитие молодежных и профсоюзных организаций, велись переговоры о либерализации визового режима⁵¹.

Однако в политике Москвы проявлялись истораживающие югославскую сторону черты. В аналитических материалах

лах Секретариата иностранных дел все чаще говорилось о попытках «добиться поддержки потребностей текущей внешней политики СССР так, будто Югославия – одна из стран-участниц советского блока». В пример приводились предложение присоединиться к дипломатической акции социалистических государств, сделанное советским послом в Италии своему югославскому коллеге; попытки организовать совместные выступления, предпринятые пресс-атташе социалистических стран в США; предложение занять единые позиции по вопросу экономических связей с Камбоджой и т.д.⁵²

Важнейшей стратегической задачей Л.И. Брежнева было укрепление единства в международном рабочем движении. Налаживание двусторонних отношений, интенсификация партийного сотрудничества, обмена делегациями, кредиты и торговые договоры преследовали одну цель – все большее сближение между СФРЮ и СССР, все большая зависимость Белграда от Москвы и, в конечном итоге, переход к сотрудничеству с Югославией на блоковой основе.

Поэтому несмотря на то, что югославам удалось установить неплохие отношения с новым советским руководством, подписать несколько важных экономических договоров и сделать шаг вперед в межпартийном сотрудничестве, эти успехи нельзя было назвать стратегической победой Тито. Скорее он достиг тактического успеха. Новые руководители СССР не отказались от цели, поставленной своими предшественниками, – возвращения Югославии в советский лагерь. Более того, курс Брежнева на укрепление единства социалистических стран предполагал еще большую активность в этом направлении, а значит новые осложнения советско-югославских отношений были лишь вопросом времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алексей Алексеевич Епишев (1908–1985). Советский партийно-политический деятель, дипломат, генерал армии. Посол в Румынии (1955–1961 гг.) и в Югославии (1961–1962 гг.). Начальник Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота (1962–1985 гг.).

² Владимир Александрович Судец (1904–1981). Советский военачальник, маршал авиации, Герой Советского Союза.

³ Arhiv Jugoslavije. Kabinet Predsednika Republike (далее – AJ. KPR).I-3-a/101–66. Prijem delegacije za ispraćaj posmrtnih ostataka vojnih rukovodilaca poginulih na Avali. 21.10.1964.

⁴ Гамаль Абдель Насер (1918–1970). Египетский военный и политический деятель. Премьер-министр Египта (1954–1962 гг.) Президент Египта/Объединенной Арабской Республики (1956–1970 гг.).

⁵ Джавахарлал Неру (1889–1964). Индийский политический деятель, философ. Один из лидеров индийского национально-освободительного движения и партии Индийский национальный конгресс. Премьер-министр и министр иностранных дел Индии (1947–1964 гг.).

⁶ Подробнеесм. *Čavoški J. Jugoslavija i Daleki Istok – Treći Svet između Jugoslavije i Kine // Jugoslavija u hladnom ratu. Prilozi istraživanjima*. Beograd, 2010. S. 66–70.

⁷ Borba. 23. oktobar. 1964. S. 2–3.

⁸ Цвиетин Миятович Майо (1913–1993). Югославский общественно-политический деятель, дипломат. Министр в правительстве Боснии и Герцеговины (1945–1958 гг.). Директор газеты «Коммунист» (1958–1961 гг.). Посол в СССР (1961–1965 гг.). Председатель ЦК Союза коммунистов Боснии и Герцеговины (1965–1969 гг.). С 1974 г. член Президиума СФРЮ. Председатель Президиума СФРЮ (1980–1981 гг.).

⁹ Александр Михайлович Пузанов (1906–1998). Советский партийный и государственный деятель, дипломат. Заместитель народного комиссара государственного контроля СССР (1943–1944 гг.). Председатель Совета Министров РСФСР (1952–1956 гг.). Посол в КНДР (1957–1962 гг.), Югославии (1962–1967 гг.), Болгарии (1967–1972 гг.), Афганистане (1972–1979 гг.).

¹⁰ См. Diplomatski arhiv Saveznog ministarstva spoljnih poslova. Politička arhiva (далее – DASMSР. PA). 1964. SSSR. f-203. 443517. Telegram iz ambasade u Moskvi. 30.10.1964; Ibid. 443796. Telegram iz ambasade u Moskvi. 4.11.1964; Ibid. 444873. Telegram DSIP – ambasade u Moskvi. 16.11.1964.

¹¹ Ibid. 1966.SSSR. f-163. 410404. Bilateralni odnosi.

¹² См. Ibid. 1965. SSSR. f-158. 43555. Telegram iz ambasade u Moskve. 25.1.1966, Ibid. f-159. 411220.

¹³ Ibid. 1966. SSSR. f-163. 410404. Bilateralni odnosi.

¹⁴ Ibid. 1965.SSSR. f-159. 411220.

¹⁵ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 80. Оп. 1. Д. 926. Л 3. Запись беседы Первого секретаря ЦК КПСС тов. Л.И. Брежнева с Чрезвычайным и Полномочным Послом СФРЮ в СССР тов. Ц. Миятовичем.

¹⁶ Анастас Иванович Микоян (1895–1978). Советский государственный и политический деятель. В то время председатель Президиума Верховного Совета СССР (1964–1965 гг.).

¹⁷ Алексей Николаевич Косыгин (1904–1980). Советский государственный и партийный деятель. Член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС (1960–1980 гг.). Председатель Совета министров СССР (1964–1980 гг.).

¹⁸ «Программа СКЮ» была принята на VII съезде, который прошел в апреле 1958 г. в Любляне. Ее текст вызвал серьезное недовольство и обвинения в ревизионизме со стороны Кремля, что стало одной из причин ухудшения советско-югославских отношений в конце 1950-х гг. Подробнее см. *Новосельцев Б.С.* Записка Н.С. Хрущева о беседах с И.Б. Тито (январь 1963 года). *Славяноведение*. 2015. №1. С. 42–55.

¹⁹ DASMSP. PA. 1965. SSSR.f-158. 446045. Beleška o razgovoru ambasadora Cvijetina Mijatovića sa sovjetskim rukovodiocima. 26.2.1965.

²⁰ См. Ibid.

²¹ См. Ibid. Str. pov. 174. Zabeleška o razgovoru druga Predsednika sa ambasadorom SSSR Puzanovim. 15.3.1965.

²² Петар Стамболич (1912–2007). Югославский общественно-политический деятель. Председатель Союзного Исполнительного Вече СФРЮ (1963–1967 гг.). Председатель Президиума СФРЮ (1982–1983 гг.).

²³ *Tripković Đ.* Jugoslavija-SSSR. 1956–1971. Beograd, 2012. S. 170–171.

²⁴ DASMSP. PA. 1965. Jugoslavija. f-74. 446102. Izveštaj državnog sekretarijata za inostrane poslove o radu za 1965. godinu; Ibid. SSSR. f-158. 420725. Zabeleška o razgovoru M. Pavičevića, zamenila Državnog sekretara za inostrane poslove, sa A. Puzanovim, ambasadorom SSSR-a. 10.6.1965.

²⁵ Ibid. Jugoslavija. f-74. 446102. Izveštaj državnog sekretarijata za inostrane poslove o radu za 1965. godinu.

²⁶ AJ. CK SKJ. IX. 119/I-232–236. Maj. 1965.

²⁷ См. DASMSP. PA. 1965. Jugoslavija. f-74. 446102. Izveštaj državnog sekretarijata za inostrane poslove o radu za 1965. godinu.

²⁸ Ахмед Бен Белла (1918–2012). Алжирский государственный деятель. Премьер-министр Алжира (1962–1965 гг.). Президент Алжира (1963–1965 гг.).

²⁹ AJ. KPR. I-2/26–3. Put J.B. Tita u SSSR. 18.06–1.07.1965 // Zabeleška o jugoslovensko-sovjetskim razgovorima. 19.6.1965.

³⁰ Чжоу Эньлай (1898–1976). Политический деятель Китая. Министр иностранных дел КНР (1949–1958 гг.). Премьер Госсовета КНР (1949–1976 гг.).

³¹ Ахмед Сукарно (1901–1970). Индонезийский политический деятель. Президент Индонезии (1945–1967 гг.).

³² Ibid. Zabeleška o jugoslovensko-sovjetskim razgovorima. 29.6.1965.

³³ Ibid. 1965. Alžir. f-2. 422347. Telegram iz ambasade u Kairu. 21.6.1965.

³⁴ AJ. KPR. I-2/26–3. Put J.B. Tita u SSSR. 18.06–1.07.1965 // Zabeleška o jugoslovensko-sovjetskim razgovorima. 29.6.1965.

³⁵ Ibid. Zabeleška o jugoslovensko-sovjetskim razgovorima. 19.6.1965.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid. Zabeleška o jugoslovensko-sovjetskim razgovorima. 29.6.1965.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.

Советская запись беседы несколько отличается: Л.И. Брежнев. Что касается положений программы СКЮ, то на последнем съезде многие вопросы были, по нашему мнению, поставлены более правильно. Вы подняли роль партии как руководящей силы.

И. Броз Тито. Да, мы провели реорганизацию партийных органов.

К. Попович. СКЮ всегда был руководящей силой, но нормы осуществления ведущей роли партии менялись в зависимости от конкретных условий (см.: РГАНИ. Ф 80. О. 1. Д. 926. Л. 67. Советско-югославские переговоры, состоявшиеся во время визита И. Броз Тито в Советский Союз 19–30 июня 1965 г.).

⁴² Константин (Коча) Попович (1908–1992). Югославский общественно-политический деятель, писатель и публицист. Начальник Генштаба Югославской народной армии (1948–1953 гг.). Союзный секретарь иностранных дел Югославии (1953–1965 гг.). Вице-президент СФРЮ (1966–1967 гг.).

⁴³ AJ. KPR. I-2/26–3. Put J.B. Tita u SSSR. 18.06–1.07.1965 // Zabeleška o jugoslovensko-sovjetskim razgovorima. 19.6.1965.

⁴⁴ DASMSР. PA. 1965. SSSR. f-159. 446291. Podsetnik o Predsednikovoj poseti SSSR-u. 6.7.1965.

⁴⁵ Ibid. 1966. SSSR. f-163. 42490. Odnosi SSSR-Jugoslavija.

⁴⁶ См. AJ. KPR. I-2/26–3. Put J.B. Tita u SSSR. 18.06–1.07.1965 // Zabeleška o jugoslovensko-sovjetskim razgovorima. 29.6.1965.

⁴⁷ *Tripković Đ.* Jugoslavija-SSSR. 1956–1971. S. 177–178.

⁴⁸ AJ. CK SKJ. 507/IX. 119/I-247. Pregled bilateralnih odnosa SFRJ-SSSR (posle posete Predsednika republike SSSR-u). 20.10.1965.

⁴⁹ *Tripković Đ.* Odnosi između Jugoslavije i Sovjetskog Saveza 1965–1967 // Istorija XX veka. 2010. №1. S. 139.

⁵⁰ DASMSР. PA. 1966. SSSR. f-163. 445616. Bilateralni odnosi između SFRJ i SSSR.

⁵¹ *Tripković Đ.* Odnosi između Jugoslavije i Sovjetskog Saveza 1965–1967. S. 138–139.

⁵² DASMSР. PA. 1966. SSSR. f-163. 410404. Bilateralni odnosi.

ЮГОСЛАВСКИЙ КРИЗИС
1991–2001 гг.

Е.Ю. Гуськова

РУССКИЕ БАТАЛЬОНЫ В ХОРВАТИИ, БИГ И КОСОВЕ КАК ФАКТОР ОБЪЕКТИВНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОТВОРЧЕСКИХ СИЛ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

До событий в Югославии в 90-е гг. прошлого века Организация Объединённых Наций уже имела солидный опыт проведения миротворческих операций – в Ливане, Конго, Йемене, Мозамбике и других странах. Она развивала свою деятельность по поддержанию мира как одно из средств безопасности мира на планете. К концу 1991 г. события в Югославии приобрели очень острый характер. Война в Хорватии между республиканскими войсками и сербами, жившими в Хорватии, уже унесла тысячи жизней. 26 ноября 1991 г. правительство Югославии в письме на имя председателя Совета Безопасности обратилось с просьбой об учреждении в стране операции по поддержанию мира. Тем самым руководство страны расписалось в собственной беспомощности решить кризис собственными силами и решило доверить оборону государства иностранной военной силе. Резолюция 721 (27 ноября 1991 г.) обязала незамедлительно рассмотреть возможность учреждения операции Организации Объединённых Наций по поддержанию мира в Югославии. Января 1992 г. ООН направила в Югославию группу офицеров связи в целях содействия поддержанию прекращения огня. Бюрократическая машина ООН начала разрабатывать концепцию миротворческой операции в Югославии.

В декабре 1991 г. Сайрус Вэнс разработал специальный план миротворческих операций ООН в Югославии, который включал в себя наиболее общие принципы использования голубых касок на территории Хорватии для обеспечения защиты местного населения от угрозы вооруженного нападения. Для этого в Хорватии Сайрус Вэнс предлагал определить

«районы, охраняемые ООН» (РОООН), которые будут демилитаризованы, и в которых населению будет обеспечена защита от угрозы вооруженного нападения. Прежде всего, это должны быть территории с большинством сербского населения, где шли ожесточенные бои. Сайрус Вэнс определил три таких района – Восточную Славонию, Западную Славонию и Краину. Миротворческая операция должна была иметь временный мандат только для того, чтобы создать «условия для мира и обеспечить безопасность, необходимую для переговоров о всеохватывающем решении югославского кризиса»¹. Руководить операцией должно гражданское лицо, непосредственно ответственное перед Генеральным секретарём (ГС) ООН, который осуществляет верховное командование голубыми касками. Состоят же миротворческие батальоны из добровольцев, которых в Югославию посылают страны – члены ООН.

Этот план был одобрен ООН, и в Югославию направилась группа военных и гражданских лиц для подготовки прихода «голубых касок». Б. Бутрос-Гали начал готовить миротворческую миссию, названную «Силы ООН по охране» (UNPROFOR² или по-русски СООНО), что было закреплено резолюциями 743 от 21 февраля 1992 г. и 749 от 7 апреля 1992 г.³. Первый мандат был выдан миссии сроком на 12 месяцев.

В конце января – начале февраля 1992 г. Президиум СФРЮ одобрил мирный план Сайруса Вэнса о направлении в Хорватию миротворческих сил. Препятствий приходу «голубых касок» не было. Размещение сил СООНО в Хорватии началось в апреле 1992 г. Первым представителем ГС в Югославии был назначен Сайрус Вэнс. По состоянию на 24 апреля 1992 г. численность СООНО составляла 8332 человека, в том числе 7975 военнослужащих. Миротворческую операцию в Хорватии и БиГ осуществляли представители 36 стран, люди говорили на 19 языках⁴. Для народов, воевавших в Хорватии, а также в Боснии и Герцеговине, особенно сербов, очень важны были русские батальоны в составе голубых касок.

Русский батальон в Хорватии. 14 января 1992 г. в Югославию прибыла передовая миссия офицеров связи, среди которых было четыре российских офицера. 6 марта 1992 г. Верховный Совет России принял решение о выделении в состав

миротворческих сил ООН одного пехотного батальона. В составе батальона, который формировался в Рязани на базе сил ВДВ, было пять рот. Из 900 добровольцев – 77 офицеров, около 100 прапорщиков, остальные – сержанты и солдаты срочной службы, имевшие не менее года армейского опыта.

17 апреля 1992 г. первые военнослужащие российского специального подразделения прибыли в Белград для несения службы в составе сил СООНО и были размещены в секторе «Восток». Русбат отличался высокой дисциплиной, огромной работоспособностью, первым вошел в зону своей ответственности, где была разрушена почти вся инфраструктура, первым развернул контрольные посты и установил линии разграничения между противоборствующими сторонами. В некоторых секторах этого не было сделано и до окончания миссии. В феврале 1994 г. во время так называемого сараевского кризиса, 400 российских миротворцев были переброшены в Сараево, где был сформирован Русбат–2. Всего в сентябре 1994 г. 1349 россиян служили в боевых подразделениях, 17 – в качестве военных наблюдателей и 39 – в гражданской полиции⁵.

Длина зоны ответственности Русбата–1 составляла 100 км, а ширина – 50, у соседей – Бельгийского батальона эти параметры были в два раза меньше. Бельгийский батальон в составе 700 человек, размещавшийся на севере сектора, установил на границе разделения сил девять контрольно–пропускных пунктов (КПП), а Русский батальон в составе 858 человек – 62.

Один из первых русских офицеров, прибывших в «Сектор Восток» А.М.Сергеев вспоминает: «15 марта прибывшая из Белграда международная оперативная группа приступила к работе по развертыванию структуры сектора «Восток». Она разместилась на берегу Дуная в старинном сельском поселении Даль, в здании местной школы. Через старый парк от школы находилось подворье сербской православной церкви, которое с лета 1991 года возглавлял отец Лукиан. Рядом же находилась православная дальская церковь Святого Дмитрия, настоятелем которой был отец Богдан»⁶. В начале апреля штаб сектора был переведён в Эрдут.

Первыми комбатами русского батальона были Логинов Виктор Николаевич, Аршинов Леонид Григорьевич и Возне-

сенский Сергей Вячеславович. После того, как батальон разделился, в Клисо русбатов командовал Кобелев Александр Иванович, а в Сараево Воробьев Виктор Владимирович. Командиром сектора «Восток» с 26 апреля 1994 г. был генерал Перелякин Александр Михайлович, 1945 г. рождения, десантник, выпускник академии им. Фрунзе, работавший ранее военным атташе в Уганде и Чаде.

В сентябре 1994 г. майор Ордынский рассказывал мне о Русбате. «Зона ответственности Русбата разделена на зоны ответственности рот. 1-я рота расположена в Орлике, 2-я – в Тординцах, 3-я – в Тени, 4-я, штабная рота, – в Клисе. Две роты переданы в Сараево. Вдоль зоны разведения существуют 66 наблюдательных постов (основные и выносные, один в Овчаре, месте предполагаемого захоронения раненых из Вуковара, убитых сербами) и пять контрольно-пропускных пунктов. Задачи Русбата: контроль за отводом сторонами артиллерии и танков из 20-ти километровой зоны, минометов и зениток из 10-ти километровой зоны, за разоружением сторон (не должно быть военных формирований). Но на практике получился контроль только за сербской стороной, так как на стороне хорватов наблюдательных постов нет. Сербы складировали свое тяжелое вооружение на отведенных складах (Даль, Бели-Манастир, Вуковар) под контроль Русбата, а хорваты выводили технику ночью в неизвестном направлении. Поэтому, по данным Русбата на 31 августа 1994 г., зарегистрировано с сербской стороны девять нарушений, связанных с отводом тяжелого вооружения, складированием в других местах».

С хорватской стороны под контролем Русбата находилась Оперативная зона «Осиек», которой командовал генерал Джууро Дечак. И сербская, и хорватская стороны активно готовились к военным действиям, хорваты – к наступлению, сербы – к обороне: рыли траншеи, строили инженерные сооружения.

У хорватской стороны отношения с Русским батальоном складывались непросто. Они изначально видели в русских защитников сербов. Хорватским солдатам на КПП запрещалось вступать в контакт с русскими военными. В своей неприязни хорваты иногда доходили до абсурда. 2 июля 1994 г. командующему сектором «Восток» поступило письмо из Министерства обороны Хорватии следующего содержания: «Сегодня утром

члены СООНО (Русбат) в районе между Антуновацем и Бриестом (X–52500, Y–40500) обращались к нашим солдатам и приглашали их выпить пиво. Это может рассматриваться как провокация. Просим Вас проверить эту информацию и прекратить подобные случаи»⁷.

Тогда, в 1994 г., мне удалось поговорить с генералом Джуро Дечаком, который к тому же был и членом президиума правящей партии Хорватское демократическое содружество (ХДС), о сотрудничестве с Русским батальоном. «22 месяца я являюсь командиром корпуса. У хорватской стороны существует антагонизм к православию, а значит, и к Русскому батальону. У нас находятся 120 тыс. беженцев и изгнанных лиц с восставшей территории. Нам нужны большие политические шаги, чтобы удовлетворить хорватских беженцев, так как они очень дороги Хорватии. Беженцам надо сказать точную дату, когда они вернутся. Мы будем осуществлять глобальную интеграцию сербских территорий. Уже создан банк, средства собраны. Мы выделяем три категории сербов на территории Хорватии: 1) сербы, которые бежали в Хорватию после Косовской битвы, живут здесь несколько столетий, православные. Многие служат в полиции, в армии. Они все остались в Хорватии. 2) сербы, которые населяли эти земли после 1918 г., когда Александр Карагеоргий поделил землю Славонии и Подринья между солунцами. Из этой категории около 50% ушли из Хорватии. 3) после 1945 г. политика «перемешивания» народов привела к притоку сюда сербов. Они сегодня ушли, все 100%».

В целом российские солдаты, да и офицеры, которые приезжали сюда служить, плохо разбирались во внутривнутриполитической ситуации, были достаточно изолированы от сербов и хорватов, не были информированы о происходящем, хотя ощущали более теплое отношение к себе со стороны сербов и полное равнодушие и даже неприязнь хорватов. С.М. Сергеев вспоминает, как их инструктировали в батальоне, когда они приехали: ни в коем случае не показывать расположение ни одной стороне, не подчеркивать свое православное происхождение, не заводить никакие знакомства без предварительного разрешения командования сектора. И ещё много таких «не».

В Русбате была очень строгая дисциплина, людей не хватало, солдаты были перегружены работой, времени на прогулки,

посещение кафе, изучение языка, поддержание знакомств не было. Батальон обеспечивал наблюдение в зоне разъединения силами, которых было явно недостаточно. Режим для личного состава был крайне напряженным: шесть часов на наблюдательной вышке, шесть – в резерве. Это был, пожалуй, единственный батальон с таким жестким графиком дежурств, к тому же в районе сплошных минных полей. Лишь через некоторое время контакты офицеров с сербским и хорватским военным руководством позволили оценить ситуацию. Согласно регламенту миротворческой миссии, контроль Русбата происходил только за сербской стороной, что давало искаженную картину провинностей – сообщения в центр шли только о сербских нарушениях. В случае возникновения конфликта, наступления хорватов, вероятность участия Русбата в боевых действиях на стороне сербов или в отражении атак хорватов, по концепции ООН, не предусматривалась. Находясь среди двух огней, российские миротворцы стойчески исполняли свой долг, прекрасно при этом понимая, что в случае хорватского наступления им некуда будет отступать. На мой вопрос, что будет с русскими ребятами в случае наступления, хорватский генерал Дечак развел руками: «Война есть война...». На тот же вопрос сербы ответили: «Не волнуйтесь, для них всегда наготове автобусы, вывезем ваших солдат в Сербию, только уж не обижайтесь, оружие оставим себе».

Осенью 1994 г. в Хорватии военным руководством республики разрабатывались планы «реинтеграции» или военного захвата сербских территорий под защитой СООНО. Русский батальон стал основной преградой для организации таких действий в Восточной Славонии. А именно эту территорию хотелось отвоевать в первую очередь – отомстить за Вуковар, получить плодородные земли, транспортную артерию – Дунай, знаменитые виноградники и винный завод, вернуть многочисленных беженцев в Баранью. Сначала хорваты требовали убрать ооновцев из сектора, затем – только россиян. Не вызывает сомнения, что планы хорватов координировались с руководством или СООНО, или НАТО. Во всяком случае, в это время начинаются провокации хорватской стороны на территории ответственности Русского батальона и одновременно кампания очернения Русбата в СООНО.

В конце июля начинается блокада, якобы, хорватскими беженцами подъездов к сектору «Восток» со стороны Хорватии. Но слишком хорошо была организована эта самостийная акция, чтобы не видеть, что за всем этим стоит руководство страны. Людей сменами привозили на автобусах с загребскими номерами, организовывали питание, хорошо охраняли полицейскими. «Беженцы» не выпускали даже машины с мусором, не давали разрешения на проезд штабных машин СООНО, грузов с продовольствием и бензином для Русбата, обзывали русских солдат оккупантами.

Одновременно в западных средствах массовой информации со ссылкой на источник в СООНО стали появляться статьи, обвиняющие русских солдат в спекуляции, низком моральном облике, тайных связях с сербскими вооруженными группировками. Об этом писала лондонская «Санди Таймс»⁸. «Вашингтон пост» обвинил русских военнослужащих в том, что они всячески помогали сербам проводить маневры, добывать оружие⁹. Постоянный представитель США в ООН Мадлен Олбрайт заявила тогда: «Весьма важно, чтобы за действиями российских миротворцев, где бы они ни находились, существовал международный контроль...»¹⁰.

Следует подчеркнуть, что в миротворческой миссии на Балканах имели место факты злоупотреблений, спекуляции, краж, торговли горючим. Бензином открыто торговали поляки, за большие деньги выводили людей из осажденного Сараева французские военные, в нечистоплотности были замечены кенийские солдаты¹¹. Но крупное расследование предприняли только против Русского батальона.

В августе в Русбат инкогнито нагрянула комиссия из штаба СООНО, когда командующий сектором генерал А.М. Перелякин был в отпуске. Лишь через сутки после задержания проверяющих штаб подтвердил их полномочия. В результате «проверки», против Русбата было выдвинуто 42 обвинения в различного рода нарушениях. Большинство нарушений давалось с подачи хорватского бюро по связям с СООНО, использовались и слухи, и откровенная дезинформация. По мнению руководства батальона, большая часть фактов была сфальсифицирована и не имела ничего общего с реальностью. Генерал А.М. Перелякин не согласился с выводами комис-

сии и направил в штаб СООНО протест. Но, видимо, события торопили. За две недели до окончания своего мандата и, соответственно, ротации, 12 апреля генерал А.М. Перелякин был отстранен от должности, обвинен в некомпетентности, плохом руководстве, попустительстве в отношении сербов и отправлен в Москву. Снятие с должности было проведено с нарушением правил, существующих в ООН, – без согласия российского военного командования. Руководить сектором стал бельгийский полковник. Любопытно, что 28 февраля командующий СООНО генерал де Ляпрел направил генералу А.М. Перелякину письмо, в котором выражал благодарность за высокий профессионализм и успешную работу в миссии. Однако письмо где-то «затерялось» и нашло русского генерала уже после его отстранения.

Генерал убежден, что снятие его с должности преследовало политические цели. «Против России здесь ведется настоящая психологическая война, главная цель которой – дискредитация российского контингента «голубых касок» на территории бывшей Югославии». Цель развернутой кампании – формирование «однородных» миротворческих сил в этом регионе, состоящих только из воинских контингентов стран – членов НАТО¹². Таким образом, налицо было совпадение интересов хорватского руководства и руководства СООНО по вопросу передислокации Русского батальона. Хорваты были правы в одном: было неизвестно, побегут ли русские со своих постов, в случае хорватской агрессии на Краину, как это было в январе 1993 г. с французским и кенийским батальонами? Кроме того, в ООН в это время активно разрабатывались планы ухода сил СООНО из Хорватии и замены их силами НАТО. Многие становятся ясным, если учесть, что отстранение русского генерала произошло в апреле 1995 г., а в мае произошло хорватское наступление в Западной Славонии.

Далее последовало требование немедленной смены Русского батальона и... началось хорватское наступление в Книнской Краине. В начале сентября хорваты начали обстрел Вуковара. Наступление могло начаться в любой момент. Но российские воины бесстрашно стояли под пулями и не уходили со своих постов. Именно в этом видится та важная роль, которую играли русские подразделения в составе миротворческой миссии ООН.

Русбат-2. Русский батальон (две роты) вводили в Боснию и Герцеговину срочно в феврале 1994 г. От скорости размещения батальона зависело, будут или нет бомбить сербские позиции. В ночь с 19 на 20 февраля небольшая группа (около восьми человек) под командой замполита Евгения Кобозева «влетала» в Грбавицу. А на следующий день, 20 февраля в 18.00 входил весь батальон. На всем протяжении пути их с восторгом встречали сербы. На танки, впервые после Второй мировой войны, сажали детей, русским солдатам дарили ракию. В знак приветствия – три пальца¹³. Сербы помогли с установлением постов, с размещением, знакомили с обстановкой. Российские миротворцы были размещены в полуразрушенном здании бывшей милицейской школы. Штаб СООНО видимо, преднамеренно, обходил своим вниманием российских солдат. Им и зимой не могли вставить стекла в окна, снабдить горячей водой, регулярно подвозить продукты. Часто в Русбате не было бензина, не говоря уже о том, что заявки на холодильники, телевизоры или компьютеры вообще не удовлетворялись, хотя «такие мелочи» во всех других подразделениях миротворцев были в больших количествах.

Русбат не только контролировал линию разграничения, но и охранял два склада со сданным сербами вооружением. Мусульмане против наших десантников не раз организовывали провокации. СООНО не реагировали, когда мусульмане выпустили восемь мин по Русбату. 16 мая 1995 г., когда это случилось, не последовало никакой реакции ни от штаба СООНО в Загребе, ни от штаба в Сараеве. 16 июля мусульмане захватили в заложники 13 русских солдат. К сожалению, мусульманам не пригрозили авиаударами за угрозу жизни миротворцам. В Совете Безопасности этот вопрос обсуждать отказались.

Российские десантники были расположены на самом опасном участке – линии разъединения сербских и мусульманских войск. Русбат-2 единственный из всех батальонов, расположенных в Сараеве, стоял непосредственно на линии разделения. С русской стороны соблюдался порядок: на линии разделения поставлены десять русских наблюдательных постов, а уже за ними, на второй линии – сербские позиции. По другую сторону – французы. Но у них картина иная. На первой линии расположились мусульмане, которые, не уважая зону

разделения, все ближе и ближе подходили к позициям русских миротворцев, а уже за ними прочно окопались миротворцы–французы.

Я посетила Русбат-2 в сентябре 1994 г. Тогда комбатом был полковник Воробьев Виктор Владимирович, а его заместителем по воспитательной работе – подполковник Чумаков Владимир Викторович. Нелегко было солдатам и офицерам нести службу в таких трудных условиях. Они показывали мне гору на противоположной, «французской» стороне, где при полном попустительстве миротворцев мусульманские окопы как ступеньки все ниже и ниже спускались по склону и вплотную приближались к позициям Русбата-2. На одном из русских постов я видела, как ствол мусульманского пулемета находился всего в трех метрах от русского постового. Тогда мне удалось ненадолго съездить в Сараево и даже пройти по Баш-Чаршии, главной торговой улице города. Я нарушила все запреты и вышла из машины, чтобы своими глазами увидеть, как и чем живет город. Как все изменилось с далекого 70–го, когда я еще студенткой была здесь на практике. Тогда весь центр занимали колоритные низкие глиняные торговые и ремесленные лавки. К 90–м они заменены современными киосками в одном стиле. Часть тогда были разрушены, но многие работали, в основном ювелиры и чеканщики. Все продавалось только на марки, на мусульманские боны – только газета «Освобождене», которую, правда, после недолгих уговоров мне продали за доллары. Город не производил впечатления опустошенного. На улицах было много народа, работали кафаны, соседи приглашали друг друга на чашечку кофе, улицы расчищены, хотя следов разрушения было много. Полностью разрушен был Музей Гаврилы Принципа, но не сербскими снарядами, а мусульманскими молодчиками. Бесследно исчезла плита с отпечатками его ног, памятная доска на стене здания. Много домов вдоль реки были разрушены во время обстрела с той, сербской стороны. Печальное зрелище представляла собой библиотека... Мне удалось поговорить с несколькими женщинами, которые не хотели называть себя сербками, а говорили, что они православные сарайки и ненавидят Караджича за постоянный обстрел города. Я видела мусульманок на сербской стороне, которые были грустны и не очень стремились к разговору. Сербы же на Гр-

бавице были полны решимости отстоять «сербское Сараево», были дружелюбны и довольны, что на их стороне стоит Русбат-2.

В конце июля 1994 г. в Югославию прилетел министр обороны РФ П. Грачев. В американские СМИ просочилась информация, что П. Грачев предложил сербам ввести русский батальон в район Брчко, способствовать обмену территории. П. Грачев открыто заявил, что НАТО не является миротворческой организацией и поэтому только СООНО должны выполнять эту миссию в БиГ¹⁴. Но такая позиция российского министра была встречена без одобрения.

Два русских батальона сыграли свою положительную роль в трудном конфликте при распаде СФРЮ в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Они давали надежду сербам, что их беды будут встречены с пониманием, что к их конфликтам миротворцы отнесутся объективно. Опыт российского миротворчества пригодился нашим военным и в конце 90-х, когда после 78 дней воздушных бомбёжек территории Сербии и Черногории, в соответствии с мирным договором и резолюцией 1244 СБ ООН в Косово входили миротворческие силы, правда, теперь только в лице НАТО.

Резолюция 1244 была важна сербам, русским, а натовцы вообще не обращали на неё внимание. В ней говорилось о «международном присутствии» под эгидой ООН, а они начали осуществлять свой ранее разработанный план наземной операции. Резолюция предполагала лишь «участие Организации Североатлантического договора» под «объединенным командованием», а генералы разбили весь край на сектора для своих войск и не оставили места для других стран – не членов НАТО. Ничто не напоминало миротворчество. Вместо «голубых беретов» – стальные каски, вместо легкого оружия – танки, самолеты, вертолеты, ракеты. Вместо разоружения Освободительной армии Косова (ОАК) – поощрение её деятельности. Россия в резолюции не упоминалась, места российским военным в косовских планах НАТО не отводилось.

Поэтому поступок наших двухсот десантников, примчавшихся в Косово незваными, не безумие и не авантюра, а попытка задержать агрессора на дальних подступах, не дать ему двинуться дальше на север, оккупировать всю страну. Россия

этим актом хотела привлечь внимание всего мира к проблеме роли Организации Объединенных Наций, пыталась восстановить престиж этой организации, её дееспособность, вернуть мир на рельсы международного права. Участие России и других стран – не членов Альянса в миротворческой операции под флагом ООН могло замедлить осуществление планов НАТО установить новый миропорядок под своей эгидой.

Бросок российского десанта в Приштину, осуществлённый вопреки американскому плану, имел огромное значение. С одной стороны, он показывал, что Россия могла самостоятельно «играть» на дипломатическом поле. С другой, русские солдаты вселили надежду сербам, что они могут рассчитывать на их защиту и поддержку. Операция была разработана блестяще. К сожалению, её пришлось и разрабатывать, и осуществлять в большом секрете, даже от российских политиков. И надо отдать должное генералу Л.Г. Ивашову, который не опустил руки после навязанного сербам ультиматума в июне 1999 г. со стороны США и НАТО, а пытался и дальше найти возможность для размещения российских солдат в Косове. К счастью, генерал опубликовал свои воспоминания. Кто лучше него знает, как готовилась операция по незапланированной переброске российских военных из Боснии и Герцеговины в Приштину. Поэтому дадим ему слово¹⁵.

Первый мозговой штурм состоялся у первого заместителя министра иностранных дел А.А. Авдеева, где было решено, что России нужно своё место в Косове. Ключевой стала фраза: «У нас есть равные права с другими участниками урегулирования в Косове, и поэтому, если с нами не хотят считаться, будем действовать самостоятельно». Важно было заручиться поддержкой президента. Было решено, что ему доложит министр обороны И.Д. Сергеев. Он сделает акцент на том, что Россию пытаются исключить из балканского процесса, поэтому надо противостоять этому. Можно, например, одновременно с наговцами ввести наши миротворческие подразделения в Косово. Это позволит вернуть Россию в процесс урегулирования на Балканах на равноправной основе, восстановить её международный престиж.

По-доброму вспоминает генерал Л.Г. Ивашов «ту небольшую команду специалистов, которой довелось разрабатывать план

участия российского контингента в миротворческой операции. Хотя, признаётся генерал, «и в МИДе, и в Генштабе были лица, которые рассуждали так: чего нам на рожон лезть, осложнять отношения с Америкой, главное – восстанавливать пошатнувшееся сотрудничество с НАТО».

Важно было заручиться поддержкой министра иностранных дел И. Иванова. Он внимательно прочитал проект документа, внёс несколько поправок и завизировал. И.С. Иванов, возможно, не знал деталей, но они ему и не требовались. Детали – дело военных. Доклад президенту прошёл успешно. Президент дал санкцию на синхронный с натовцами ввод российского контингента на территорию Косова. Таким образом, тылы операции были обеспечены, предстояло оперативно, и, главное, скрытно, её осуществить.

Для выполнения этой задачи Генеральный штаб определил батальон Воздушно–десантных войск из состава российской бригады, входившей в многонациональные миротворческие силы под командованием американского генерала и расположенной на территории Боснии и Герцеговины. Российским воинам предстояло скрытно совершить марш из Углевика (БиГ) до Приштины (Косово) на расстояние более 600 км, пересечь две границы. Одновременно планировалось десантировать два батальона с территории России. Натовские подразделения выдвигались с территории соседней Македонии, где они уже сосредотачивались, в открытую. Это ближе, чем из БиГ. Россиянам нельзя было опаздывать: «Опоздание не только лишило бы вмешательство России в события какого бы то ни было смысла, но и усугубило бы унижительное положение, в котором она оказалась. Выходило бы, что ни дипломаты не смогли сработать, как должно, ни военные»¹⁶. Чтобы успеть к границе Косова в час «Х», необходимо было начать марш заблаговременно и – главное условие – незаметно.

Российская военная разведка знала о нормативах продвижения подразделений НАТО. С их учетом специалисты произвели расчёты, когда нашему батальону следовало начать движение, и какое количество времени он мог максимально затратить на выполнение марша, был разработан оптимальный маршрут, предусмотрен порядок поддержания связи с министром обороны и Генеральным штабом, определены меры

по соблюдению скрытности и дезинформации натовского командования.

Один из важных этапов осуществления плана – неприметно покинуть место постоянной дислокации батальона. Сделать это тайно от командования дивизии «Север» было невозможно. «Любые, не оговоренные заранее перемещения неизбежно вызвали бы подозрения и доклад в штаб–квартиру НАТО по линии разведки. А если задействована разведка, то такие доклады – нам было хорошо известно – быстро идут на самый верх. В этом случае наш замысел рисковал рухнуть в первый же час своего воплощения в результате мощного политического давления на Б.Н. Ельцина из Вашингтона и Брюсселя, которое последовало бы незамедлительно», – вспоминал генерал Ивашов¹⁷.

После многочасовых размышлений родилось, казалось бы, простое, но очень остроумное решение – не пытаться скрыть, а наоборот официально проинформировать американское командование о выходе батальона с места постоянной дислокации. Такая практика установилась давно: наши офицеры постоянно находились в штабе дивизии, и, оперативно не подчиняясь ее командованию, тем не менее, в порядке информации сообщали, когда то или иное подразделение российской бригады выходило на разминирование, патрулирование или выполнение иной задачи подобного рода. Поскольку информирование о таких выходах стало рутинным делом, очередное из них не должно было никого насторожить.

И вот в установленный час в череду таких обыденных докладов командование бригады по указанию из Москвы ввело информацию о том, что наш батальон получил приказ на выдвижение на территорию Союзной Республики Югославии. При этом специально был выбран момент доклада – в послеобеденное время, когда тянет вздремнуть, и восприятие имеет обыкновение притупляться. Командир дивизии воспринял эту информацию более чем спокойно. Лишь поинтересовался, не нужна ли какая помощь для выполнения той самой «частной задачи». «Помощи не требуется», – услышал в ответ и пожелал русским успеха.

Тонкий учёт психологии командования дивизии «Север» сыграл свою роль. Спрятав начало марша за рутинным выхо-

дом, российские военные добились главного – не пошли доклады «наверх» по линии натовской военной разведки и ЦРУ. В общем, российский батальон получил временную фору и в течение нескольких часов двигался в удивительно спокойной обстановке. Колонна состояла из 15 БТРов и 35 бортовых автомобилей с личным составом. За продвижением наших 200 парней следила вся Сербия, проявляя горячие симпатии и давно забытые чувства любви к России.

Под Белградом командование батальоном принял генерал–лейтенант В.М. Заварзин. Генерал Л.Г. Ивашов, выйдя на связь, проинформировал его, что приказ на осуществление ввода нашего контингента в Косово отдан министром обороны во исполнение прямого указания Президента России. Если кто–то из Генштаба, Министерства иностранных дел или президентской администрации попытается вмешаться в действия В.М. Заварзина, то Л.Г. Ивашов попросил немедленно докладывать об этом.

Батальону понадобились сутки, чтобы выйти к границе Косова. Российская сторона не ставила цель нарушать договоренности, достигнутые в рамках «восьмерки», и первой вводить свой контингент на территории автономного края, но и отставать от НАТО не собиралась. Но знали ли натовцы, что русские решили самостоятельно ввести своих миротворцев в Косово?

У Тэлботта ещё накануне операции закралось подозрение, не стремятся ли российские войска перехватить инициативу у НАТО и не по плану первыми войти в Косово? Подтверждение догадкам американцы получили в самолёте по дороге в Брюссель. Им сообщили, что «российская часть, расквартированная в Боснии в составе миротворческого контингента, выдвинулась в сторону Сербии, предположительно в Косово»¹⁸. М. Олбрайт, узнав об этом, позвонила С. Тэлботту и «посоветовали ему «передразнить Примакова», изменить направление своего самолёта в обратную сторону и лететь назад в российскую столицу»¹⁹. Американцы приняли решение развернуться в стиле Примакова, правда, над Латвией, лететь в Москву, просить встречи с И. Ивановым и «закатывать скандал». Задача состояла в том, чтобы сковать военно–политическое руководство России видимостью переговоров и обеспечить уп-

реждающий ввод натовских войск в Косово. О продвижении российской бронеколонны по южной Сербии американцы наблюдали в американском посольстве в Москве по репортажам Си-эн-эн. Они видели восторг сербов, ликующие лица стоявших вдоль дорог людей. В МИДе А.А. Авдеев торжествовал. С. Тэлботт и его команда не знали, что делать.

Министру И. Иванову позвонила взволнованная М. Олбрайт. Она спрашивала о продвижении российских войск. И. Иванов её убеждал, что контингент просто «находится в состоянии готовности войти в Косово в рамках синхронизованной операции», что в общем-то было правдой. Министр предложил американцам поехать в Министерство обороны и согласовать все вопросы с военными. Но эта ночь с 11 на 12 июня, проведённая в здании на Арбате, не могла ничего изменить. Американцы тянули время, а российские военные не знали о чём говорить. «Никаких переговоров на самом деле не было. Украдкой поглядывая на часы, заокеанский визитёр вёл неспешный светский разговор», – вспоминал Л.Г. Ивашов²⁰.

М. Олбрайт пишет, что о движении русских войск в Косове узнала в самолёте, который летел из Македонии в США. Ей подумалось: «Или я сплю, или это самое плохое кино из всех мною виденных. За один только день мы скатились от празднования победы к нелепому повторению холодной войны». Её тревожило и то, что Иванов уже сам не знал, что происходит в его собственном правительстве. Очевидно, что произошло какое-то рассогласование между гражданскими и военными властями, хотя никто не мог быть уверен в том, какой приказ мог отдать Ельцин. «Вероятность опасных просчётов, особенно со стороны российских чиновников, была чрезвычайно высока»²¹.

Когда Тэлботт беседовал с Ивановым, то тот заверял, что это «развёртывание» было «ошибкой», и войскам будет отдан приказ покинуть край. Когда на следующий день госсекретарь говорила с Ивановым, он сказал, что произошло «недоразумение», и его не так поняли по поводу отвода российских солдат. Русские останутся в аэропорту Приштины, и если НАТО разместит свои силы в крае прежде, чем будет достигнуто соглашение относительно роли России, то будут введены дополнительные российские войска, которые займут северную часть Косова²².

А тем временем к Косову с двух сторон подходили войска – натовские со стороны Македонии и русские со стороны Сербии. Внешне соблюдали синхронность, ждали, когда спецподразделения альянса (разведки, связи и другие) пересекут границу Македонии с Косовом. И тогда генералу В.М. Заварзину была дана команда: «Вперед!». Ночью 12 июня российский батальон пересёк административную границу Сербии с Косовом и двинулся на Приштину.

Той ночью в Министерстве обороны, несмотря на присутствие иностранных гостей, обстановка была напряжённой, – продолжался всесторонний анализ ситуации. И. Иванов опасался столкновения с натовцами и предлагал вернуть батальон. Маршал Сергеев тоже рассматривал возможность конфликта с натовцами и анализировал, как этого избежать. Генерал Ивашов был уверен, что натовцы воевать с русскими не станут, так как их не поддержат другие страны альянса. Кроме того, в случае угрозы боестолкновения русских обязательно поддержат сербы – развернут свои войска, войдут в Косово и с удовольствием отомстят агрессорам и за жертвы, и за поруганную честь, да еще в братском союзе с русскими. Но были те, кто пытался остановить продвижение батальона: начальник Генерального штаба А.В. Квашнин приказал В.М. Заварзину развернуть батальон в обратном направлении. Чтобы уберечь В.М. Заварзина от новых, не санкционированных министром обороны приказов, Л.Г. Ивашов «предложил ему на некоторое время выключить мобильный телефон»²³. В.М. Заварзин так и сделал и взял всю ответственность за выполнение приказа на себя.

Министр И.С. Иванов между тем, извинялся перед американцами за то, что колонна русских военных «случайно» вошла в Косово и дошла до Приштины, и даже сделал заявление по Си-эн-эн, что она обязательно будет возвращена в место постоянной дислокации. Но десантников уже с ликованием встречало сербское население Приштины, а мировые СМИ трубили об этом, как о триумфе России. Затем наш батальон вышел на аэродром «Слатина» и, как положено по уставу, занял круговую оборону. Потом из батальона доложили, что командир английской бригады и пять его старших офицеров просят разрешения переночевать в расположении батальона. У них еще ниче-

го не устроено, а о русском гостеприимстве они наслышаны. Это во многом разрешило ситуацию. Становилось ясно, что напряжение между Москвой и Вашингтоном спадало.

В самом альянсе марш-бросок русских восприняли неоднозначно. Верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе У. Кларк отдал приказ натовским летчикам опередить русских и занять аэродром «Слатина». Но британский генерал М. Джексон, командовавший натовским контингентом в составе КФОР, отказался выполнять этот приказ. После этого У. Кларк обратился к главному объединенными вооруженными силами НАТО в южной зоне Европы адмиралу Дж. Эллису с просьбой в спешном порядке направить военные вертолеты в Приштинский аэропорт, чтобы они блокировали взлетные полосы и не дали сесть военно-транспортным самолетам из России. Однако адмирал отказался выполнить эту просьбу. Генерал М. Джексон трезво оценил ситуацию и заявил: «Я не собираюсь развязывать третью мировую войну»²⁴.

Московская политическая элита тоже колебалась, как реагировать на приштинский бросок до тех пор, пока Б.Н.Ельцин не одобрил действия российских военных, назвав их подвигом. В.М. Заварзину было присвоено очередное воинское звание генерал-полковника.

Как мы знаем, кризис на территории Югославии развивался стремительно и продолжался долго. Действия международных организаций на Балканах не всегда носили объективный характер. Россия, хотя и присутствовала в переговорном процессе на разных уровнях, не имела самостоятельности в принятии решений, не влияла на формирование политики мирового сообщества. Однако присутствие российских миротворцев в Хорватии, БиГ, Косове имело большое значение. Наши военные в своей деятельности руководствовались принципом объективности при несении службы, всегда были готовы оказать помощь и поддержку местному населению, выступали против разжигания новых конфликтов в зоне своей ответственности. Это очень отличало российские батальоны голубых касок от других батальонов в миротворческой миссии ООН. И это очень хорошо чувствовали сербы, а потому выражали российским военным со своей стороны братскую

любовь и солидарность. Присутствие российских военных в миссии во многом снижало напряжение конфликта и способствовало его мирному разрешению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Документ ООН. S/23280.

² United Nations Protection Force.

³ Документ ООН. S/RES/743 (1992); S/RES/749 (1992)/

⁴ Bilten vesti. M., 1994. 22/23 jan. S. 3.

⁵ Fact sheet. New York: UNPROFOR, 1994. P. 2.

⁶ Балканский кризис. Говорят участники. Сборник воспоминаний.

Рукопись.

⁷ Документ UNPROFOR.

⁸ *Кривопалов А.* Российский батальон в Хорватии пьет вино и обнимает девочек, утверждает лондонская газета в статье о российском миротворческом подразделении // Известия. М., 1994. 6 марта. С. 5.

⁹ *Бурбыга Н.* Под пулями и международным контролем не повеселишься // Там же. М., 1994. 6 марта. С. 5.

¹⁰ Правда 5. М., 1995. 1./8 сент. С. 13.

¹¹ Bilten vesti. M., 1994. 22/23 jan. S. 3.

¹² О решении ООН в отношении российского генерала // ИТАР-ТАСС: Глобус. М., 1995. 28 апр. № 17 (0017). С. 52.

¹³ Жест сербов подтверждает, что они православные, крестятся тремя пальцами, а не ладонью, как католики.

¹⁴ Поруче за Милошевића и Караџића // Borba. Beograd, 1994. 27 jul. S. 1.

¹⁵ *Ивашов Л. Г.* Косовский кризис 1999 года. Бросок на Приштину // Новая и новейшая история. М., 2004. № 5. С. 87.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Тэлботт С.* Билл и Борис: записки о президентской дипломатии. М., 2003. С. 397.

¹⁹ *Олбрайт М.* Госпожа госсекретарь. Мемуары. М., 2004. С. 549.

²⁰ *Ивашов Л. Г.* Указ. соч. С. 109.

²¹ *Олбрайт М.* Госпожа госсекретарь... С. 549.

²² Там же.

²³ *Ивашов Л. Г.* Указ. соч. С. 110.

²⁴ Там же. С. 112.

И.В. Руднева

КОНФЛИКТ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ
ЮГОСЛАВИИ ГЛАЗАМИ МИРОТВОРЦЕВ
(СВИДЕТЕЛЬСТВА РОССИЙСКИХ
МИРОТВОРЦЕВ)

Трагические события на территории бывшей Югославии не оставили равнодушными многих жителей Российской Федерации, но были люди, которые не просто со стороны наблюдали распад многонационального государства. В составе международных военных миротворческих, полицейских и гуманитарных миссий они поехали на Балканы. Их всех объединяло одно – желание помочь тем, кто оказался в беде, часто независимо от национальной принадлежности. Обстоятельства иногда складывались таким образом, что ради справедливости, объективности или безопасности мирных граждан приходилось рисковать репутацией, должностью или даже собственной жизнью.

По прошествии многих лет российские офицеры не могут забыть и с большой теплотой вспоминают свою службу на Балканах. У многих из них появилось желание описать свои воспоминания, некоторые вели в те годы дневниковые записи. Эти свидетельства являются ценными историческими источниками, которые делают более полной картину произошедших на территории бывшей Югославии событий, а также открывают для специалистов и для широкого круга читателей новые страницы российского участия в конфликте. В Центре по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН в 2007 г. вышел сборник воспоминаний «Наши миротворцы на Балканах»¹ и идет подготовка к изданию новых материалов в рамках проекта «Балканский кризис: говорят участники».

Миротворцы были размещены в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Союзной Республике Югославии (Сербия и Черно-

гория) и бывшей югославской Республике Македония. Штаб-квартира располагалась в Загребе, Хорватия. В состав Миссии входило 38 599 военнослужащих, включая 684 военных наблюдателя Организации Объединенных Наций; Силы включали также 803 гражданских полицейских, 2017 других международных гражданских служащих и 2615 местных сотрудников².

Первоначально Силы были созданы в Хорватии в качестве временного формирования для создания условий мира и безопасности, необходимых для ведения переговоров о всеобъемлющем урегулировании югославского кризиса. Мандат СООНО³ заключался в обеспечении демилитаризации трех «районов, охраняемых Организацией Объединенных Наций» (РОООН) в Хорватии, а также защите всех проживающих в них лиц от опасности вооруженных нападений. В 1992 г. мандат СООНО был расширен за счет включения функций контроля в ряде других районов Хорватии («розовые зоны»); предоставления возможности Силам осуществлять контроль за проходом гражданского населения в РОООН и реализовывать иммиграционные и таможенные функции на границах РОООН в международных приграничных районах; и включения функций контроля за демилитаризацией Превлакского полуострова и обеспечения контроля за плотинной Перуча, расположенной в одной из «розовых зон». Кроме того, СООНО осуществляли контроль за выполнением соглашения о прекращении огня, подписанного правительством Хорватии и местными сербскими властями в марте 1994 г. после вспышки боевых действий в январе и сентябре 1993 г. В июне 1992 г. после того, как конфликт усилился и распространился на Боснию и Герцеговину, мандат и численный состав СООНО были расширены в целях обеспечения безопасности и функционирования аэропорта в Сараеве и доставки гуманитарной помощи в этот город и его окрестности. В сентябре 1992 г. мандат СООНО был вновь расширен, с тем, чтобы Силы могли оказывать поддержку деятельности Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев по доставке гуманитарной помощи в Боснию и Герцеговину и осуществлять охрану конвоев освобожденных гражданских заключенных в случае поступления просьбы от Международного комитета Красного Креста. Кроме того, Силы осущест-

вляли контроль за «запретной для полетов» зоной, запрещая все вылеты военных самолетов в Боснии и Герцеговине, а также за «безопасными районами» Организации Объединенных Наций, созданными Советом Безопасности вокруг пяти боснийских городов и Сараева. СООНО было дано разрешение применять силу для самообороны в ответ на нападения на эти районы, а также координировать с Организацией Североатлантического договора (НАТО) использование воздушных сил в поддержку их деятельности. Позднее аналогичные процедуры были распространены на территорию Хорватии. СООНО осуществляли также контроль за выполнением соглашения о прекращении огня, подписанного боснийским правительством и боснийскими хорватскими силами в феврале 1994 г. Кроме того, СООНО осуществляли контроль за выполнением договоренностей о прекращении огня между боснийским правительством и боснийскими сербскими силами, которые вступили в силу 1 января 1995 г. В декабре 1992 г. СООНО были также развернуты в бывшей югославской Республике Македонии для осуществления контроля и информирования о любых событиях в ее приграничных районах, которые могли подорвать доверие и стабильность в этой Республике и угрожать ее территории. 31 марта 1995 г. Совет Безопасности принял решение реорганизовать СООНО, заменив их тремя самостоятельными, но взаимосвязанными операциями по поддержанию мира.⁴

Однако в реальности задачи миротворцев оказались намного разнообразнее и сложнее. Противоборствующие стороны неоднократно срывали переговоры, выдвигали ультиматумы друг другу и миротворцам, откровенно использовали силы ООН при решении определенных стратегических и тактических задач, устраивали провокации. Иногда российское гражданство, а тем более принадлежность к православию играли решающую роль в решении тех или иных задач, одним они внушали доверие и братские чувства, других пугали и вызывали чувство ненависти. Остановимся на сюжетах 1995 г. Этот год стал для миротворческих миссий Организации Объединенных Наций (ООН) настоящим испытанием.

Рассказывая о том, как проявили себя на Балканах российские офицеры, нельзя не вспомнить о полковнике Андрее Вла-

димировиче Демуренко. 28 августа 1995 г. в Сараеве на рынке Маркале произошел взрыв, в результате которого погибли 37 и были ранены более 80 человек. Руководство СООНО начало стандартное расследование. Уже через два часа после взрыва руководитель пресс-службы генерала Руперта Смита еще до объявления официальных результатов расследования собрал экстренный брифинг для журналистов, на котором недвусмысленно заявил о минометном огне с Яхорины, т.е. с сербской стороны, обвинив тем самым в преступлении сербов. Такая заведомо необъективная позиция возмутила начальника штаба, заместителя командующего международным миротворческим контингентом сектора «Сараево» СООНО российского офицера полковника А.В. Демуренко, принявшего решение начать независимое расследование обстоятельств обстрела, хотя военная субординация ему этого не позволяла делать. Полковник А.В. Демуренко вспоминает: «В принципе я знал о том, что уже было два взрыва в центре Сараева. Первый знаменитый взрыв – в хлебной очереди, в 1992 г., когда снарядом, якобы пущенным с сербской позиции, были убиты и ранены десятки человек. Второй произошёл прямо внутри маленького рыночка Маркале в старой части города. Число пострадавших при этом взрыве (88 убитых и более 200 раненых) трудно воспринимается военным человеком. Вообще в природе не существует такого боеприпаса, я имею в виду 120-миллиметровые снаряды, который бы мог поразить столько человек. Этот какой-то уникальный...»⁵.

Расследование подобного инцидента занимало минимум двое суток, но представитель штаба «голубых касок» военный, полковник, англичанин еще до получения результатов расследования возложил всю вину за произошедшее на сербов, якобы обстрелявших город из минометов. Каждый раз, делая заявления для прессы и озвучивая данные расследования, офицеры пресс-службы указывали разные данные огневой позиции. Это говорило о том, что они на самом деле не обладали достоверной информацией. Все происходящее возмутило и заставило задуматься А.В. Демуренко: «Меня мучили сомнения. Во-первых, мою инициативу воспримут как «контррасследование», направленное на подрыв авторитета миротворцев. Система субординации в армии и, в частности, в миротворческом кон-

тингенте ООН, не позволяет предпринимать самостоятельные действия. Военному человеку не положено влезать в те сферы, на которые он не уполномочен. Я думал о том, что мне вряд ли разрешат продолжить службу, не говоря о том, что могли просто “убрать”. Во-вторых, как россиянина, меня могли обвинить в сопричастности к сербским интересам. А я в течение моей деятельности все время старался уйти от этого, стремился остаться беспристрастным. Более того, раз уж я, россиянин, волею судьбы попал на Балканы, то мне постоянно хотелось подчеркивать свою роль миротворца для мусульман, поскольку в принципе для меня на тот момент не было большой разницы, какой люди религии, если они страдают.

Были еще две причины для моих сомнений. Одна из них касалась того, что мне надо было предпринимать расследование инкогнито, поскольку никто бы мне не дал “добро” на это. А тем самым я бы подвёл своих командиров. Ну, и наконец, я ясно понимал, что мне вряд ли удастся продолжить свою службу. Ведь любые независимые действия, особенно на таком уровне, влекут за собой моментальную депортацию – с хрустом, с треском. Практически могла повториться ситуация, как с генералом А.М. Перелякиным, которому за неделю до окончания ротационного периода – это скандал! – высказали недоверие, и он вынужден был уехать раньше. Это был, в общем-то, плевок в лицо россиянам, российской власти, российским миротворцам, российским военным. В итоге я сам шёл на повторение такой же ситуации»^б.

Уверенный, что речь идет о манипуляции, полковник А.В. Демуренко решил действовать. Он исследовал место взрыва, изучил материалы предварительного расследования. Никого не обвиняя и не пытаясь выстраивать какие-то версии, российский офицер просто стремился развенчать те лживые слухи, которые касались только минометного обстрела рынка сербской стороной. Его целью было проверить ту официальную линию расследования, которая была обнародована.

В итоге фактами, документами, фотографиями А.В. Демуренко опроверг то, что утверждало официальное расследование, доказав, что ни на той огневой позиции, ни на других огневых позициях этого быть не могло. Он дал развернутое интервью со схемой, слайдами и доказательствами американ-

скому информационному агентству «Ассошиэйтед пресс», – американскому – для того, чтобы обеспечить объективность.

Полковник вспоминает: «После появления данных моего расследования в средствах массовой информации командование UNPROFOR⁷ приняло решение в 24 часа депортировать меня из Сараева. Генерал Руперт Смит ударил кулаком по столу: “Выгнать!“, хотя за две недели до этого выдал мне блестящую характеристику. Однако вскоре решение о моем отчислении было отменено, и все сделали вид, что это мое частное дело. Мусульманское правительство достойно вышло из сложившейся ситуации и не предъявило мне никаких претензий. На бытовом уровне было иначе – мне были звонки и снайперы раза два били по мне, по машине, один раз по телефону сказали: ты умрешь... Звонил мне и американский посол и запретил въезд в США. Но интересно, что никакой реакции не было с российской стороны. Официальная российская дипломатия встретила мое заявление молчанием. Мне не совсем понятно было – ведь я выступил в интересах государства, а реакции никакой, даже посол в Хорватии не позвонил»⁸.

Следует подчеркнуть, что в «голубых касках» это была первая попытка восстановить истину и попытаться объективно разобраться в сложной ситуации. Но был еще один важный момент – впервые за все время войны и присутствия миротворцев на территории бывшей Югославии сербы услышали с экранов телевизоров что-то сказанное не против них. Следует также отметить и то, что снятие обвинений с сербской стороны предотвратило в дальнейшем преследования сербских военных Гаагским трибуналом по обвинению за преступление, которого они не совершали.

В миротворческих миссиях ООН и ОБСЕ на территории бывшей Югославии в 1995–2001 гг. участвовал российский офицер полковник внутренней службы Сергей Степанович Новиков. В настоящее время он является начальником факультета Владимирского Юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат исторических наук, доцент. В середине октября 1995 г. С.С. Новиков был назначен полицейским наблюдателем на станции Дарувар (Хорватия). Командиром станции был египетский полковник полиции Мохаммед Мусса. Полицейских наблюдателей

было около двадцати: из Нигерии, Польши, Украины, Португалии, Норвегии, Дании, Египта и других стран. В основном миротворцы каждый день выполняли рутинную полицейскую работу, но некоторые ее аспекты заслуживают внимания. В своих воспоминаниях С.С. Новиков описывает новую функцию СИВПОЛа⁹ – распределение гуманитарной помощи. И здесь также миротворцам не удавалось действовать согласно четким и формальным инструкциям. Списки нуждающихся составлялись хорватским отделением Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК) и, естественно, в этих списках почти на 100% были только хорватские семьи и за редким исключением венгры и чехи. Сербь в них отсутствовали.

С.С. Новиков вспоминает: «Мы ездили в основном в паре с датчанами Питером Хельвегом и Хенриком Расмуссеном и, когда приезжали по указанному адресу и видели, что во дворе гуляют десятки кур, гусей и индеек, а во дворе стоят трактора или машины, то мы обоюднo решали передать эту помощь (в основном это было подсолнечное масло, крупа и сахар) действительно нуждающимся (не обращая внимание на национальность). Так мы делали неоднократно, и впоследствии эта информация дошла до хорватов, и они попросили вмешаться в этот вопрос (хотя гуманитарная помощь поступала от международного сообщества) командира сектора Запад финского полицейского комиссара Ханну Ювоннена. Все его за глаза называли Хански. Это был настоящий хороший полицейский, с чувством сострадания к обездоленным и чувством справедливости. Несмотря на давление с хорватской стороны, он одобрил наши действия, но после этого хорваты фактически взяли в свои руки распределение гуманитарной помощи»¹⁰.

Отношение к сотрудникам ООН из Российской Федерации на хорватской территории было настороженным и часто открыто недружелюбным. С.С. Новиков постепенно стал осваивать на практике сербскохорватский язык, старался разговаривать с местными полицейскими, с переводчиками на их родном языке. «В магазинах также говорил на местном языке, но когда заходил туда в нашей милицейской форме, с эмблемой России, то я чувствовал, то, что чувствовали русские в советской Прибалтике – продавцы просто меня не замечали

и отворачивались. С тех пор я посещал магазинчики и лавки только в гражданской одежде»¹¹ – пишет в своих воспоминаниях Новиков С.С.

Патрулируя территорию, полицейские иногда попадали в интересные места. Как-то в районе Равна-Горы около села Каменско они добрались до сербской православной церкви, которая была так удачно расположена в низине между двумя сопками, что туда не было никакой дороги. Сербь, выжившие после майской операции хорватских войск «Блеск»¹², жили там автономно и были крайне удивлены приезду неожиданных гостей, и просили никому о них не говорить. В памяти нашего миротворца остался теплый прием хорватских ребятишек и их учителей в начальной школе села Биело, куда он привез гуманитарную помощь и провел урок об опасности мин в окрестностях. В этой школе обучалось шесть ребятишек, пострадавших от мин (кто без руки, кто без ноги). Детишки подарили полицейским свои рисунки, спели песни, и сфотографировались на память.

О том, насколько может быть опасна служба международных полицейских рассказал подполковник милиции, преподаватель учебного центра УВД Калининградской области Вячеслав Александрович Воробьев. С 1 августа 1992 г. по настоящее время он проходит службу в составе российского контингента полицейских миротворческих сил в Югославии. Прошел ступени от командира международной полицейской станции (аналог районного отдела милиции) до специального помощника заместителя комиссара (командира) международных полицейских сил ООН – командира российского полицейского контингента в Косове. Свои воспоминания В.А. Воробьев так и назвал «Легко ли быть миротворцем?». 19 сентября 1995 г. он считает своим вторым днем рождения и самым страшным в жизни.

Это произошло через несколько недель после приезда В.А. Воробьева в миссию во второй раз. В то время, хорваты в ходе военной операции уже захватили Сербскую Краину и находились в состоянии военного противостояния с сербами на территории соседней Боснии. Вместе с несколькими коллегами он приехал в населенный пункт Костайница проинспектировать ооновскую полицейскую станцию.

Миротворец вспоминает: «В течение первой половины дня мы благополучно завершили свою работу на станции и были приглашены на обед в расположение датского военного батальона. Обед был действительно хорош, но перед десертом на территории батальона стали неожиданно разрываться мины и артиллерийские снаряды.

В тот день я в первый раз в жизни увидел, что такое паника. Солдаты запихнули нас в какое-то укрытие, сооруженное из металлических листов с наваленными на них мешками с песком. В укрытии нас оказалось человек десять полицейских, в том числе одна гражданская женщина – переводчица. Рядом со мной в укрытии находился еще один россиянин, профессор из Краснодарского юридического института, подполковник милиции А. Мельников. Ужас этого дня мы пережили с ним вместе до самого конца, работали вместе потом еще в трех миротворческих миссиях на Балканах, но никогда ни в общих компаниях, ни в ходе личных встреч не обсуждали пережитой в тот день в Костайнице бомбежки. Память протестовала против возвращения в то пекло...

Вой снарядов и грохот разрывов сливались в беспрестанный грохот, а мы ничего не могли понять – почему, откуда и за что нас убивают? Где-то рядом раздавались хлесткие удары ответных выстрелов из танков и артиллерийских орудий. Наше убежище постоянно вздрагивало и, было впечатление, что оно вот-вот рассыплется. Первое время казалось, что это какая-то фантазмагория, сон и, что это происходит не на самом деле и не с нами. А когда через час пришло холодное понимание того, что это все реальность и, может быть, последние наши ощущения на этом свете, – в душу медленно вполз животный ужас. Звук каждого приближающегося снаряда вдавливал в землю, и, казалось, сжимал каждого в маленький комочек. Было невероятно обидно умереть вот так глупо и, как нам казалось, по какому-то недоразумению. Верилось, что все это ошибка и, этот ужас вот-вот должен закончиться. Но это продолжалось час за часом, и постепенно чувство страха дополнилось неудержимой дрожью и состоянием, близким к истерике. Честно признаюсь, очень хотелось жить.

И потом наступило полное безразличие и оупение. Ни вой падающих снарядов, на грохот разрывов не вызывали больше

никакой реакции, было абсолютно все равно. Сознание смирилось с неизбежным...»¹³.

Через пару месяцев миссию в Хорватии закрыли, и В.А. Воробьев попал в Сараево, в Боснию, где шла широкомасштабная гражданская война. И все началось сначала: «бессонные ночи, выстрелы снайперов, криминальный беспредел, страдания людей, бессмысленный поиск правых и виноватых».

Насколько сложно было договориться с каждой из враждующих сторон, найти те самые слова и поступки, которые убеждали и делали возможным продолжение сотрудничества на местах и переговорного процесса в целом. Об этом подробно рассказал Виктор Иванович Тарусин, подполковник запаса, работавший военным наблюдателем ООН в Боснии и Хорватии в период с сентября 1994 по март 1996 г. Он был начальником отдела военной информации штаба военных наблюдателей в Загребе, занимался сбором и анализом военной информации, поступающей из всех Секторов Миссии военных наблюдателей.

По словам миротворца, Босния была самой горячей точкой, хорватские сектора в районах самопровозглашенной Республики Сербская Краина – умеренно активными, а Сектор Дубровник – чем-то вроде военно-дипломатического «курорта». Македонскую же миссию вообще тогда называли «холодильником» для военных наблюдателей – там практически ничего не происходило, но и вознаграждение в виде суточных там были в два раза меньше чем в Боснии. Ротации проводились штабом военных наблюдателей, располагавшимся в Загребе. Как правило, с учетом всех этих особенностей, наблюдатели ротировались по принципу – из горячего сектора – в спокойный и наоборот.

Свою службу в Миссии В.И. Тарусин начал в сентябре 1994 г. в секторе Бихач (Западная Босния), бывшим на тот момент «тихим медвежьим углом». Но уже через месяц он превратился в горячую точку, оказавшись блокированным от внешнего мира с юга и востока боснийскими сербами, с запада краинскими сербами, а с севера войсками мусульманского лидера Фикрета Абдича. Так что, с октября 1994 по март 1995 г. Бихач не сходил с новостных лент мировых агентств, как один из наиболее активных очагов балканской войны. Для воен-

ных наблюдателей эти месяцы стали серьезным испытанием на прочность и мужество. Как говорится, «там было место для подвигов».

Весной 1995 г. В.И. Тарусин был направлен в сектор «Дубровник», который момента его основания 20 октября 1992 г. (резолюция 779 совета безопасности ООН) и до 1 февраля 1996 г., был полностью автономным (Резолюция 1038 Совета Безопасности ООН о создании независимой Миссии военных наблюдателей ООН на Превлаке). Кроме военных наблюдателей там не было никого из других компонентов миссии ООН, ни вооруженного контингента, ни гражданской администрации. Кроме того, группы военных наблюдателей дислоцировались по обе стороны демаркационной линии (не линии фронта, как в Боснии, но и не границы, поскольку она была не согласована сторонами), а это подразумевало ежедневное общение с представителями обеих противоборствующих сторон.

На фоне остальных миротворческих секторов «Дубровник» оставался весьма спокойным районом. Но это не означало отсутствие активности. Обе стороны, не прекращая, вели работы по укреплению своих позиций в непосредственной близости от демаркационной линии, а порой, в нарушение мандата ООН, и в пределах демилитаризованной зоны.

Режим демилитаризации района предполагал создание «Голубой» зоны – территории полностью свободной от любого вооружения в нее входил собственно полуостров и 3-х километровая полоса с обеих сторон, и «Желтой» зоны – в которой допускалось наличие полицейских формирований с легким (короткоствольным) оружием. В обязанности военных наблюдателей входило наблюдение за соблюдением этих режимных ограничений и оповещение штаба военных наблюдателей о нарушениях¹⁴.

По данным миротворцев, особую активность в середине 1995 г. проявляла хорватская сторона. В пределах желтой зоны было развернуто масштабное строительство оборонительных сооружений долговременного характера. Доты росли, как грибы после дождя. При этом наряду с небольшими модульными конструкциями, строились и тяжелые укрепленные позиции, явно предназначенные для размещения артиллерии. Сербская сторона неоднократно направляла представителям ООН

протесты на подобную активность, но эти протесты, транслировавшиеся штабом военных наблюдателей ООН хорватской стороне, никакого воздействия не имели. В марте 1995 г. военные наблюдатели сектора попытались остановить строительство ряда долговременных объектов военного назначения в пределах демилитаризованной зоны. Однако, мандат миссии, а также ограниченность сил и средств (отсутствие тяжелой техники и вооруженного компонента) не позволил этого сделать.

Сербская сторона в ответ на повышенную активность соседей также предприняла ряд мер, которые долгое время оставались для наблюдателей неизвестными, поскольку Сербия применяли режим запрета на передвижение наблюдателей в тех районах, где велось какое-либо военное строительство.

В.И. Тарусин вспоминает: «В штабе Миссии в Загребе мне, назначенному заместителем старшего военного наблюдателя сектора Дубровник, была поставлена задача восстановления отношений с хорватской стороной. Действовавший тогда Старший военный наблюдатель майор Эйнар Стромблад (Швеция) испортил отношения с Дубровником в результате нескольких заявлений, опубликованных в черногорской прессе. В результате Хорватская сторона практически объявила его персоной Нон-Грата. А Эйнар в ответ перенес штаб сектора из Дубровника на территорию Военной базы на п-ове Превлака, бывшего собственно объектом конфликта между Хорватией и Черногорией (Сербией)»¹⁵.

Российскому офицеру удалось наладить отношения не только с хорватской стороной, но и с черногорцами. Исторически сложившаяся симпатия между русским и черногорским народами проявлялась и в годы югославского кризиса. В.И. Тарусин пишет: «В Герцег-Нови я чувствовал себя, конечно же, больше по-домашнему, чем в Дубровнике. Достаточно привести такой пример, стоило в Герцег-Нови зайти в какой-нибудь ресторанчик с живой музыкой, как сразу же при виде русского офицера начинала звучать русская музыка»¹⁶.

Часто большую роль играл личностный фактор. Так, у В.И. Тарусина возникла идея окончательно восстановить отношения с Хорватами – он решил привести в Дубровник свою семью. «Ход оказался весьма правильным. Сработал он как мера доверия, хотя имел несколько негативные последствия

на противоположной стороне, но там все уладилось быстро – бытовые условия в Дубровнике, безусловно, были лучше, чем в Герцег-Нови»¹⁷ – вспоминает он.

Были случаи, когда стороны конфликта использовали миротворцев в своих целях. В 1995 г. участились случаи захвата представителей «голубых касок» в заложники. В такой непростой ситуации российские военные не оставались безучастными свидетелями и демонстрировали свои лучшие качества. Один такой случай описал В.И. Тарусин. В мае 1995 г. резко обострились отношения Сербов с ООН. В ответ на несколько авиационных налетов сербской авиации на позиции в мусульман и хорватов в Боснии, авиация НАТО нанесла несколько ответных ударов. Планировался массированный удар по сербскому аэродрому в Удбине. В ответ сербы захватили в заложники около 150 миротворцев, в том числе и военных наблюдателей ООН. Несколько недель продолжалась война нервов, с угрозами и применением физического насилия против захваченных миротворцев. Так Павел Тетеревский, капитан ВДВ ВС РФ вместе с еще одним наблюдателем даже приковывался наручниками к мачте в торце ВПП аэродрома Удбина и использовался в качестве живого щита против возможного натовского налета. Эти кадры облетели все телевизионные новостные каналы в те дни.

В.И. Тарусин вспоминает: «Так или иначе, кризис разрешился мирно и без жертв. Все мы переживали за судьбы наших коллег и старались как-то помочь им с реабилитацией. В этот момент в секторе Дубровник планировалась весьма чувствительная ротация – 9 человек. Я написал рапорт генералу Банума с просьбой направить по ротации в сектор бывших заложников. Инициатива была поддержана штабом и уже через неделю ко мне стали собираться только что освобожденные из плена офицеры. Приехали отдохнуть и друзья, Павел Тетеревский и Валерий Рубцов – правда, всего на неделю провести плановый отпуск у моря.

Приняв пополнение, в соответствии с установленной в секторе традицией, мы провели вечер знакомств, когда каждый из вновь прибывших рассказывал о себе. А тут еще и масса вопросов о последних испытаниях – не каждый день тебя берут в заложники!

Среди новичков были шведы, норвежцы, датчанин, кенийец, ганиец, бразилец, поляк. Больше все в плену пострадали шведы, им досталось и морально и физически, не сладко пришлось и кенийцу с бразильцем. Когда очередь рассказать о злключениях в плену дошла до польского полковника, он наотрез отказался говорить на тему плена. Позже, один на один, он мне пожаловался, ну что я могу рассказать после шведов – я за двадцать дней поправился на десять килограмм – ничего плохого не могу сказать о тех, кто меня охранял в собственном доме, разве, что на улицу не выпускали. Так это скорее в целях моей же безопасности. Такие же истории я слышал от соотечественников, попавших в аналогичные ситуации»¹⁸. Свидетельства очевидцев еще раз подтверждают тот факт, что не все было так однозначно и просто в деятельности миротворцев и событиями, связанными с ними, как сообщали официальные источники. Поэтому так важны воспоминания непосредственных участников событий.

Часто как на Балканах, так и в самой России можно услышать упреки в адрес россиян в том, что «бросили, предали, совсем не помогали в самые тяжелые кризисные годы». Однако эти замечания несправедливы в отношении миротворцев, которые по долгу своей службы и внутренним моральным убеждениям делали все, что могли и даже больше того, на что имели право в рамках своих профессиональных обязанностей. В данной статье приведены свидетельства лишь за один год миротворческой деятельности ряда российских офицеров. Рамки кризиса намного шире, а число миротворцев, которые внесли свой вклад в процесс мирного урегулирования современного балканского кризиса, безусловно, намного больше. Их воспоминания являются бесценными историческими источниками, проливающими свет на события новейшей истории на территории бывшей Югославии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наши миротворцы на Балканах / Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: 2007. 360 с.

² Силы Организации Объединенных Наций по охране // <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/past/yugoslav.htm>

³ СООНО – Силы Организации Объединенных Наций по охране.

⁴ Силы Организации Объединенных Наций по охране ...

⁵ *Демуренко А.В.* Меня мучили сомнения // Наши миротворцы на Балканах / Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 2007. С. 61–62.

⁶ Там же. С. 63.

⁷ UNPROFOR – United Nation Protection Force(нарус. СООНО – Силы Организации Объединенных Наций по охране).

⁸ *Демуренко А.В.* Меня мучили сомнения ... С.65.

⁹ СИБПОЛ – UN Civilian Police (гражданская полиция ООН)

¹⁰ *Новиков С. С.* Воспоминания о миссиях ООН на территории бывшей Югославии // Балканский кризис: говорят участники. На правах рукописи.

¹¹ Там же.

¹² Молния – на хорватском языке «Vljesak».

¹³ *Воробьев В.А.* Легко ли быть миротворцем? // Наши миротворцы на Балканах... С. 145–146.

¹⁴ Мандат Миссии наблюдателей на Превлакском полуострове <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/past/unmop/unmopmandat.htm>

¹⁵ *Тарусин В.И.* Военно-дипломатический курорт: Дубровник – Превлака – Герцег-Нови – Москва (1995–1996) // Балканский кризис: говорят участники. На правах рукописи.

¹⁶ Там же

¹⁷ Там же

¹⁸ Там же

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Аникеев Анатолий Семенович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
2. **Белаяц Миле** – доктор исторических наук, директор Института новейшей истории Сербии (Белград)
3. **Вишняков Ярослав Валерианович** – доктор исторических наук, профессор Кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (Университет) МИД РФ.
4. **Гибианский Леонид Янович** – старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
5. **Гуськова Елена Юрьевна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН
6. **Денда Далибор** – магистр, научный сотрудник Отделения военной истории Института стратегических исследований (Белград)
7. **Едемский Андрей Борисович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
8. **Каширин Василий Борисович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
9. **Кимура Каори** – кандидат исторических наук (Будапешт)
10. **Кузьмичева Людмила Васильевна** – кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
11. **Лобачева Юлия Владимировна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
12. **Милорадович Горан** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института современной истории (Белград).
13. **Никифоров Константин Владимирович** – доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН.

14. **Новосельцев Борис Сергеевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
15. **Ристович Милан** – доктор исторических наук, профессор, заведующий Кафедрой новой и новейшей истории Европы Философского факультета Университета в Белграде.
16. **Руднева Ирина Владимировна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
17. **Силкин Александр Александрович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
18. **Тимофеев Алексей Юрьевич** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград), доцент Кафедры новой и новейшей истории Европы Философского факультета Университета в Белграде.
19. **Шемякин Андрей Леонидович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Научное издание

Сборник статей

ВМЕСТЕ В СТОЛЕТИИ КОНФЛИКТОВ.
РОССИЯ И СЕРБИЯ В XX ВЕКЕ

Художественный редактор *Л.Г. Ордынская*
Отв. редактор *К.В. Никифоров*
Верстка *Л.Х. Матвеевой*

Подписано в печать 29.06.2016 г.
Формат 60 90/16.
Усл. печ. л. 25. Тираж 500 экз.

Институт славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Тел.: +7 (495) 938-17-80; факс + 7 (495) 938-00-96.

ISBN 978-5-7576-0370-4



9 785757 603704